

К.М.БАЙПАКОВ

К.М.ВАЙРАКОВ

Исламская
археологическая
архитектура
и археология
Казахстана

Islamic
archaeological
architecture
and archaeology
of Kazakhstan

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

КАЗАХСТАНСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

К.М. БАЙПАКОВ

**ИСЛАМСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
АРХИТЕКТУРА
И АРХЕОЛОГИЯ КАЗАХСТАНА**

Алматы-Самарканд, 2012

Научная редакция: академик НАН РК Б.Е. Кумеков
к.и.н. Ш.Р. Пидаев

Рецензенты: д.и.н. В.Д. Горячева
к.и.н. Д.А. Воякин

Байпаков К.М. Исламская археологическая архитектура и археология Казахстана. Алматы-Самарканд, 2012. – 284 с., 108 илл.

Предлагаемая книга содержит проанализированные и обобщенные материалы по мусульманским памятникам археологической архитектуры и археологии Казахстана, которые появляются здесь вместе с утверждением ислама, мусульманской идеологии в обществе и государстве, в умах и душах людей.

В работе приводится историческая справка о походах арабов, саманидов в Южный Казахстан и Жетысу, о распространении ислама.

Книга богато иллюстрирована чертежами, черно-белыми и цветными фотографиями, аэрофото-снимками.

Книга рассчитана на археологов, историков и историков архитектуры, на религиоведов, на преподавателей и студентов ВУЗов, учителей и всех, кто интересуется историей и культурным наследием Казахстана.

Автор несет ответственность за выбор и предоставление фактов и мнений, содержащихся в этом издании и не выражающих идеи ЮНЕСКО. Обозначения и материалы, представленные в книге, не заключают в себе мнения ЮНЕСКО относительно легального статуса какой-либо страны, территории, города или зоны влияния, границ.

ISBN 978-9943-11-084-7 (МИЦАИ)

© Байпаков К.М., 2012
© МИЦАИ, 2012

Содержание

Введение	4
Глава I. Арабы в Южном Казахстане и Жетысу, распространение ислама на территории Казахстана	7
Глава II. Общественные постройки исламской архитектуры	13
1. Мечети и минареты	13
2. Ханака	29
3. Медресе	31
Глава III. Мусульманские бани	37
Глава IV. Мемориальная архитектура	57
1. Мавзолеи	57
2. Некрополи	86
Глава V. Художественные и ремесленные изделия	89
1. Изделия из металла	89
2. Керамика и стекло	91
3. Нумизматика	96
4. Эпиграфика	102
Заключение	105
Түйін	206
Литература	208
Иллюстрации	218

Введение

Памятники зодчества – источник богатейшей информации о жизни общества, создавшего их. Они дают яркое представление о политической обстановке, идеологии, развитии научно-производственного потенциала, об эстетических нормах эпохи, о культурных контактах народов и распространении культурных эталонов, об уровне строительного дела.

Общая история зодчества, эволюция архитектурно-художественного образа, закономерности развития архитектуры, – все эти проблемы являются предметом исследований, успех которых определяется результатами, получаемыми при изучении памятников архитектурной археологии или археологической архитектуры.

В Средней Азии изучение архитектуры качественно изменилось лишь в послереволюционное время – во второй половине 20-30-х гг., благодаря раскопкам архитектурных памятников, осуществленным В.Л.Вяткиным и М.Е.Массоном.

Позднее, в 1945 г. на I Всесоюзном археологическом совещании в Москве было верно отмечено, что «подлинная и полная история древнерусской национальной архитектуры может быть лишь результатом археологического раскрытия ее памятников и их *реконструкции*»¹. Этот тезис идентичен истории в изучении архитектуры Средней Азии, где работали такие известные историки архитектуры, как М.С.Булатов, В.Л.Воронина, В.Л.Лавров, В.А.Нильсен, В.И.Пилявский, Г.А.Пугаченкова, С.Г.Хмельницкий, Л.Л.Гуревич, которые приняли не только дефиницию «археологическая архитектура», но и разработали методику ее изучения применительно к Средней Азии².

Итак, как определенное направление исследований археологическая архитектура существует достаточно давно и играет немаловажную роль в археологической практике. Сам термин вошел в широкое употребление. Наиболее привычно для слуха – «археолого-архитектурное изучение памятников зодчества», – однако, такой вид исследований предполагает обычно решение практических задач консервации, имеет узкую направленность и является, по сути, лишь одним из аспектов собственно археологической архитектуры. Последняя, конечно, многое дает для датировок археологической стратиграфии изучаемого объекта, но задачи ее шире: изучение смены строений по археологическим остаткам ставит целью не только определение относительной и абсолютной хронологии, но и решение ряда других историко-архитектурных проблем.

Архитектурные находки сопровождают большинство археологических раскопок, начиная с памятников эпохи неолита, увеличиваясь в последующие периоды. Архитектура предстает как особый вид созидательной деятельности человека, соединяю-

щей качества материальной и духовной культуры: «пользу, прочность и красоту» – по выражению Витрувия. Археология помогает в той или иной мере выявить многообразные свойства архитектуры, в зависимости от содержимого архитектурных остатков и насыщенности находками культурных слоев.

Ведущий принцип самого метода археологической архитектуры – это изучение архитектурных остатков как развивающегося во времени организма: истории их возникновения, последующих переделок, гибели или запустения. Следы архитектурного творчества запечатлены как в самих архитектурных остатках, так и в культурных напластованиях, заполняющих покинутые строения.

Заключительным и важным разделом архитектурно-археологического исследования является реконструкция – описательная или графическая. Археологическая архитектура располагает методами примерного, а иногда и достаточно точного определения первоначальных высотных отметок здания по его остаткам и даже архитектурным деталям. Общий комплекс археологических наблюдений, расчетов и привлечения близких аналогий вооружает исследователя суммой реальных данных и возникающих на этой основе умозаключений, которые позволяют воспроизвести объемно-пространственную композицию здания и его интерьеров, дать зримое представление о красоте архитектуры древних эпох.

Изучение археологической архитектуры особенно актуально для Казахстана, где до наших дней сохранилось крайне мало построек эпохи средневековья. В их числе – мавзолеи Айша-биби, Бабаджи-хатун, два мавзолея Сырлытам на Сырдарье, мавзолеей и ханака Ахмеда Яссави, мавзолеей Рабии Султан-Бегим в Туркестане, мавзолеей Джоши-хана и Алаша-хана в Сары-Арке. Из монументальных зданий, связанных с гражданским зодчеством, широко известен Акыртас вблизи Тараза.

Тем не менее, об археологической архитектуре Казахстана до недавнего времени почти не было работ, имена перечисленных выше исследователей связаны с работами в Узбекистане, где сложилась и успешно работает школа историков архитектуры, в Таджикистане и Туркменистане. В Казахстане же исследования, ориентированные на археологическую архитектуру, почти не велись. Археологи при раскопках архитектурных объектов ставили перед собой более общие задачи, связанные с изучением того или иного памятника, либо как объекта археологии (стратиграфия, хронология, типология), либо, как феномена, важного для выявления уровня культуры, экономики и социального строя древних обществ.

Поэтому именно археологическая архитектура может дать материал, необходимый для изучения процессов развития архитектуры Казахстана в древности и средневековье. Обращение к ней, широкие исследования памятников с точки зрения решения проблем древней архитектуры, о которых сказано выше, стало причиной появления целого ряда работ, в которых опубликованы материалы по новым памятникам, их интерпретации³.

Начиная с конца XX в. и особенно в первые десятилетия нового столетия развернулись широкие поиски и исследования памятников археологической архитектуры периода средних веков и особенно тех, которые появились вместе с распространением ислама и формированием мусульманской городской культуры⁴.

Изучение памятников археологической архитектуры позволяет глубже и зачастую по-новому решать вопросы исламизации Казахстана, развития архитектуры и влияния исламских ценностей на характер общественных построек, процессов развития культовой и мемориальной архитектуры на связь зодчества Казахстана с архитектурой

мусульманского мира, архитектурой Великого Шелкового пути: взаимодействию отдельных стран и регионов и выделению архитектурных школ.

Рассмотрение остатков архитектуры в качестве источников по истории архитектуры и искусства, технологии самого строительства: использование различных конструктивных приемов, строительных материалов, а также общественных отношений, открывает новые возможности для анализа и обобщений в археологической архитектуре. По сути дела, постройки можно считать бытовым и социальным заказом, реализуемым через домостроительную технику и направленным на вычленение из природной среды конкретного объекта, удобного для жизни.

Действительно, такой важнейший фактор как уровень строительной техники определяется и экономическим потенциалом общества и природной средой, создающей определенные условия для размещения жилища и поставляющей исходный материал. «Однако главным при строительстве является социальный заказ, реализуемый через архитектурное решение с учетом экологического фактора и в соответствии с экономическим потенциалом, реализуемым через строительную технику.

И в архитектурном решении, и в строительной технике может сказаться культурный традиционализм, этническая специфика»⁵. И, конечно, идеологический религиозный аспект.

Но не только архитектура и археологическая архитектура определяют особенности средневекового города в Казахстане, его мусульманский характер и доисламский традиционализм, но и археологические, нумизматические, эпиграфические материалы, объем которых постоянно увеличивается, также как и новое в их анализе, систематизации и интерпретации.

Таким образом, комплекс материалов, полученных в результате исследований в сфере археологической архитектуры и археологических изысканий, нумизматике и эпиграфике, сведения письменных источников лег в основу предлагаемой работы. Она является первой такой сводкой и содержит некоторые итоги и перспективы интерпретации, полученных материалов и доступных сведений, опубликованных в работах исследователей.

Материалы скомпонованы в хронологической последовательности от VIII к XII в. и вплоть до XVII–XIX вв.

Книга иллюстрирована чертежами, схемами, черно-белыми и цветными фотографиями, аэрофото, которые принадлежат О.В.Белялову, О.В.Кузнецовой, Д.А.Воякину, С.Ш.Акылбеку. Автор выражает им свою признательность.

Глава I

Арабы в Южном Казахстане и Жетысу, распространение ислама на территории Казахстана

Завоевание арабами Средней Азии и части Южного Казахстана и Жетысу растянулось на столетия, поскольку арабам пришлось столкнуться с упорным сопротивлением Согда, а затем с коалицией Согда, Чача, Ферганы и Тюркского каганата⁶.

В 714 г. полководец арабов Кутейба захватывает Чач (Ташкент) и совершает поход на Испиджаб-Сайрам, находившийся неподалеку от современного Шымкента.

При наместнике Хорасана Насре ибн Сейяре, совершившем походы в Чач, Фергану и Фараб (738-739 гг.), сопротивление местных владетелей было сломлено, но борьба населения продолжалась. И еще долгое время Средняя Азия и юг Казахстана считались одними из самых ненадежных окраин Халифата.

В 751 г. арабы дошли до Таласа, на берегах которого совместно с карлуками разбили китайскую армию⁷.

Вопрос о времени первых арабских походов в Мавераннахр и на юг Казахстана является дискуссионным.

В свое время В.В.Бартольд, касаясь завоеваний арабов, различал завоевания арабов с целью расширения границ Халифата и походы арабов, нацеленные на отпор тюркским отрядам и китайским войскам. Он писал, что арабы дальше Амударьи не наступали и что «ислам на границе с тюрками перешел от наступления к обороне»⁸. Он также высказал идею о принципиальных отличиях в характере исламизации оседлых оазисов и городов Средней Азии и тюрков, их кочевой части. Исламизация последних, по его мнению, носила ненасильственный, мирный характер. Он также считал, что тюрки были сразу более усердными почитателями ислама, чем оседлое население⁹. Тюрки-мусульмане впоследствии содействовали успешному расширению границ мусульманского мира¹⁰.

Безусловно, останавливало походы арабов в тюркские владения и реальное представление арабов о военном искусстве тюрков, тем более они не смогли достичь каких-либо значительных успехов в столкновениях с ними вплоть до правления хорасанского наместника Кутейбы б. Муслима.

Вот как писал о тюрках историк XIII в. Ибн ал-Ибри: «Что касается тюрков, это многочисленный народ, главное их преимущество заключается в военном искусстве и изготовлении орудий войны. Они искуснее всех в верховой езде и самые ловкие в нанесении колющих и рубящих ударов и стрельбе». Из уст в уста передавалось предостережение, будто бы оставленное пророком Мухаммедом: «Не трогайте тюрков, пока они не трогают вас» и «Тюрки будут первыми, кто сможет отобрать у моего народа его владение»¹¹.

Одновременно с арабскими завоеваниями в регионе распространялся ислам, особенно интенсивно после движения Абу Муслима, которое привело к свержению Омейядов и уравниванию в правах арабской и среднеазиатской знати. Ислам постепенно превращался из религии завоевателей, принятой завоеванными ради «живота своя» и освобождения от налогов, в верование по убеждению, в собственную религию. Именно об этом факте, как наиболее ярком, писали средневековые авторы: «И отошла вера магов от дихканов, и они приняли ислам во время Абу Муслима, и была эта перемена веры похожа на начало новой религии».

Процесс распространения ислама и мусульманской культуры привел к установлению значительного единства ее от Багдада до Сырдарьи и Семиречья. Этому способствовал и Великий Шелковый путь. Многочисленные торговые поездки, странствия ученых «в поисках знаний» расширяли кругозор людей и способствовали переносу ремесла, науки и искусства»¹².

В.В.Бартольд подчеркивал связь религиозного миссионерства с международной торговлей. Данный тезис доказывается на примерах из различных периодов мусульманской истории. Признание того, что караванные пути были и путями религий, а Великий Шелковый путь, является исключительным и ценным в контексте исследования исламизации тюрков средневековья. Тезис о связи торговли и миссионерства использовался В.В.Бартольдом и для критики мнения только о насильственном обращении в ислам многих народов. Говоря об успехах ислама у волжских булгар, ученый пишет, что они были «связаны с успехами мусульманской торговли, а не успехами мусульманского оружия»¹³.

Исламизация продолжалась и с выделением из Халифата самостоятельного государства Саманидов с центром в Бухаре.

Археологические раскопки городищ на юге Казахстана в Отрарском и Туркестанском оазисах дали материалы, которые позволяют отнести начало арабских завоеваний к VIII в.

В Ташкентском оазисе в Шаше археологами отмечены следы пожаров на городище Мингурюк, Кугаиттеге и Ханабад, которые датируются первой третью VIII в.

Разгромы и опустошения городов, по мнению М.И.Филанович, были связаны с арабскими походами на Чач, но при этом она отмечает, что Чач не был покорен и управлялся своими правителями¹⁴. Распространение ислама здесь шло медленно и населением Чача по-прежнему исповедовался зороастризм, о чем свидетельствуют домашние святилища¹⁵.

Пожары в слое VIII в. на цитадели Мингурюка Ю.Ф.Буряков связывает с борьбой населения против арабского и китайского нашествий¹⁶.

В то же время Е.А.Смагулов пишет об арабской области Шаша и Тарбанде, управляемой местным правителем¹⁷.

В Туркестанском оазисе (область Шавгар) при раскопках верхнего строительного горизонта цитадели городища Сидак, представленного дворцово-храмовым комплексом, были зафиксированы следы пожара¹⁸. Он произошел, по мнению Е.А.Смагулова, в первой половине VIII в., ближе к середине VIII в. Медная монета, на которой базируется его положение, найдена в слое пожара и принадлежит чекану Хусрова – удельного хорезмийского правителя области Кедер (низовья Амударьи). По мнению Е.А.Смагулова,

можно считать, что пожар, уничтоживший храм на Сидаке во второй четверти VIII в., может быть связан с походом арабов. С арабскими завоеваниями Фараба Е.А. Смагулов связывает и пожар, зафиксированный при раскопках городища Куйруктобе в Отрарском оазисе¹⁹. К этому же времени Е.А. Смагулов относит пожар еще на одном городище Отрарского оазиса – Мардан-Куике, и соотносит его с действиями арабских войск²⁰.

М.Кожя привлекает письменные источники – родословную казахских ходжей «Насиб-Наме» для выяснения времени начального этапа исламизации Южного Казахстана²¹. Он датирует походы арабов на юг Казахстана и захват ими городов серединой VIII в. При этом он ссылается на следы пожаров на городищах Куйруктобе и Мардан-Куик в Отрарском оазисе, на прекращение жизни на городищах левого берега Байркум, Шаушукум и Актобе.

Завоевание городища Баба-Ата арабами М.Кожя относит ко второй половине VIII в. В округе Сайрама запустили 9 из 13 городищ и поселений. Арабы дошли до Приаралья: до Барчинкенда (Барчкента) и Дженда. Он считает, опираясь на данные родословных и археологические материалы, что исламизация Южного Казахстана началась в VIII в. и сопровождалась большими разрушениями, строительством крепостей и мечетей, каналов и стен вокруг городов²².

Однако, в вопросе хронологии пожаров на городищах Куйруктобе, Мардан-Куик, связи их с арабскими завоеваниями – не все так однозначно. Дата пожара на цитадели Куйруктобе может быть более уверенно связана с началом IX в., благодаря описанным в письменных источниках событиям. Конкретно, это сведения ат-Табари, взятые им из сочинения Абу-л-Вахида Мухаммеда аль-Азраки «Хроника города Мекки», в комментариях к надписям трофеев ал-Мамуна, короне и трону, хранившихся в сокровищнице Каабы. Ал-Азраки сообщает о том, что ал-Мамун (наместник Хорасана в 809-818 гг.), перед началом войны с Халифом ал-Амином жаловался своему везиру аль-Фадлу ибн Сахлю на сложную ситуацию в Хорасане и Мавераннахре: «приходится бороться (против ал-Амина) после разорения и мятежа... после отказа джабгу повиноваться, уверток хакана, владетеля Тибета..., когда царь Отрарбенда отказался платить подать, которую он обычно платил». Имеется и продолжение этого повествования, связанное с карательным походом: «из области Тарбад (ал-Фадл) послал то, что потребовал с Фараба и Шавгара. И он постарался овладеть областью Отрар; он убил начальника пограничной местности и взял в плен сыновей Карлукского джабгу с его женами»²³.

С этим походом, видимо, и следует связать пожар в цитадели Куйруктобе, датировав его соответственно началом IX в. (первые два десятилетия)²⁴.

Но позже, «в 859 г. был еще и поход на Шавгар и совершил его саманид Нух б. Асад. Во время его похода было убито несколько тысяч человек»²⁵.

Миновать Фараб и Отрарский оазис Нух Асад никак не мог. Мог ли пожар на цитадели Куйруктобе произойти в это время? Исключать этот факт нельзя.

Поэтому, датировать точно и однозначно пожар в цитадели Куйруктобе невозможно, и вот почему. Во-первых, комплекс керамики из слоя пожара датируется VII – началом IX в.²⁶

Не дают точной даты и монеты, которые чеканились в Отрарском оазисе, начиная с VIII в., но имели хождение до X в.²⁷ Поэтому, предложенная Е.А. Смагуловым дата пожара серединой VIII в. не может быть принята как безоговорочная. Но вероятность походов арабов на Отрар и на Среднюю Азию в первой половине VIII в. не исключается. Тем более, что у того же аль-Азраки говорится о дани, которую платил царь Отрарбенда, то есть он был подчинен арабам еще до карательного похода ал-Фадла ибн Сахля.

В.В.Бартольд так же пишет, ссылаясь на ат-Табари, что в годы наместничества в Хорасане Насра б. Сайяра (738-748 гг.), бывшего в свое время сподвижником Кутейбы, было восстановлено арабское владычество в бассейне Сырдарьи²⁸. Что касается высказанного мнения М.Кожии о том, что в VIII в. Сауран стал «центром борьбы за веру», то оно сомнительно, так же как и подчинение арабами Барчкента и Дженда, которые в указываемый период под этими именами еще не существовали. Конечно, невероятно, чтобы арабы строили каналы и длинные стены вокруг захваченных в VIII в. городов.

Необходимо также отметить и то, что сведения «Насиб-Наме» зачастую противоречат данным других источников по истории исламизации Средней Азии, и требуют критического анализа, что было отмечено В.В.Бартольдом²⁹.

И, однако, походы арабов, если они и были в VIII в., не привели к завоеванию средней Сырдарьи, Семиречья и Ферганы, как выше отмечалось. Эти области не входили в состав Халифата и лишь после подавления восстания Муканны в Средней Азии эти регионы были втянуты в экономическую и культурную жизнь арабского халифата. Через VIII в., по мнению О.Г.Большакова, проходит граница, разделяющая два больших периода истории Средней Азии. Он пишет: «Вторжение арабов, принесших с собой новую религию и язык, включение мелких княжеств в систему единого государства, установление новых культурных экономических связей привело к существенному изменению всего облика духовной и материальной культуры»³⁰.

Лишь в конце VIII в., в основном завершается исламизация Средней Азии, а местная знать становится вровень с арабской. В Багдаде возникли целые кварталы, заселенные воинами из Хорезма, Согда, Ферганы, тюркских владений в Семиречье и на Сырдарье: «Начавшись в узком кругу культуры феодальной верхушки, процесс унификации захватывал все более широкие и широкие сферы... Многочисленные торговые поездки, странствия ученых в «поисках знаний» расширяли кругозор людей и способствовали переносу достижений ремесла, науки и искусства. Средством общения, обеспечившим сближение, служил арабский язык, но уже как фактор культуры, науки и религии»³¹.

Б.Г.Гафуров отмечал, что «мусульманская культура – результат синтеза творческих достижений многих народов, в том числе и среднеазиатских... И так, с точки зрения исторической перспективы, включение Средней Азии в халифат способствовало, в конечном счете, широкому развитию контактов между различными народами, на основе которых и произошел всеобъемлющий культурный синтез в Средней Азии и на всем Ближнем Востоке в IX–X вв.»³².

Этот процесс получил название «мусульманский ренессанс»³³.

По мнению академика Н.И.Конрада, «Возрождение» – есть процесс, характерный не только для Европы, но представляющий собой «проявление общей закономерности исторического процесса» обязательно наступающего в определенный момент исторического развития народов «с длительной, непрерывно развивающейся и продолжающейся и в наше время исторической жизнью и культурой»³⁴.

Безусловно, процессы, связанные с инновациями мусульманского периода, имели место и в Казахстане, так же как и имел здесь место и мусульманский ренессанс. Юг Казахстана и Жетысу, хотя и не были завоеваны арабами³⁵, но общая историческая ситуация в среднеазиатско-казахстанском регионе определяла их экономическое и культурное развитие в едином русле.

Это событие имело большое значение, поскольку победа арабов определила мусульманский вектор в развитии Средней Азии и Казахстана.

В 751 г. Зияд б. Салих разбил китайское войско под началом Гао Сянь-Чжи в Ахлахской битве неподалеку от Тараза³⁶.

Источники, повествующие о событиях конца VIII – IX в., свидетельствуют об исламизации населения Южного Казахстана и Семиречья. В 840 г. саманид Нух ибн Асад подчинил себе Испиджаб³⁷. В 859 г., как выше отмечалось, его брат Ахмед ибн Асад совершил поход на Шавгар³⁸.

Карлуки, захватившие с 766 г. политическое господство в Семиречье и на юге Казахстана, подверглись наибольшему влиянию мусульманской культуры. Есть мнение о том, что они приняли ислам еще при халифе Махди (775-785 гг.). Однако, видимо, это относится лишь к какой-то части их, так как в 893 г. Исмаил ибн Ахмад взял Тараз и «обратил главную церковь этого города в мечеть»³⁹.

В.В.Бартольд очертил в своих трудах хронологию вовлечения тюрков в орбиту новой религии. Согласно ей, знакомство тюрков с исламом начинается в VII–VIII вв., а в эпоху Саманидов произошло по-настоящему успешное обращение тюрков в ислам.

Массовую же исламизацию тюрков ученый связывал с 960 г., когда, по сообщениям Ибн аль-Асира, имел место факт массового принятия ислама тюркскими кочевниками, численность которых определена в 200 тыс. шатров, но точное местопребывание этих племен и этническая атрибуция точно не известны. Анализируя данный факт, В.В.Бартольд предположил, что произошло это событие скорее в Караханидском каганате в Семиречье (Жетысу). В начале X в. ислам принял родоначальник династии караханидов Сатук, а его сын Богра-хан Харун б. Муса в 960 г. объявил ислам государственной религией⁴⁰.

В первую очередь мусульманство распространялось в городах. В письменных источниках сохранились указания на процесс исламизации горожан. Так, Ибн Хордадбех сообщает об отрядах мусульман в главном городе округа Фараб, Кедере⁴¹. Ибн Хаукаль пишет про город Сюткент, находившийся на левом берегу Сырдарьи, на границе с Шашем: «...в нем есть мечеть и в нем собираются тюрки из разных племен гузов и карлуков, которые уже приняли ислам»⁴². Главный город Южного Казахстана был «местом войны за веру»⁴³. Макдиси, перечисляя крупные города округа Испиджаб в качестве их обязательного компонента застройки, называет мечеть⁴⁴.

Постепенно новая религия распространяется и в среде кочевников, тот же Ибн Хаукаль сообщает о тюрках-мусульманах, кочевавших между Фарабом, Кенжидой и Шашем⁴⁵.

Что касается личностей, имен, то вероятно причастность к данным событиям некоего ученого – иранца из Бухары Абу-л Хасана Мухаммеда б. Суфьян ад-Келимати, перешедшего на службу к караханидскому хану и умершего при его дворе раньше 960 г. «Из других представителей ислама, действовавших среди тюрков, был Абу-л Хасан Са'ид б. Хатим ал-Усбаникат, который «ушел в страну тюрков» раньше 990 г.». Также В.В.Бартольдом обращается внимание на причастность к исламизации тюрков Караханидского каганата бежавшего к тюркам Кашгара саманидского царевича Наср б. Нуха в первой половине X в. Он оценивал исламизацию караханидских тюрков как прогрессивный для их истории факт, который в числе других определил и характер их завоевания Мавераннахра – достаточно мирный и неразрушительный⁴⁶.

Вместе с тем ученый оценивал период владычества Караханидов в истории Среднеазиатского междуречья (после блестящей Саманидской эпохи) в одних местах как частичный регресс, а в других – полагал, что смена династий и тюркизация мало отразились на культурной жизни региона и «перерыва в культурном развитии не было». В.В.Бартольд одним из первых обратил внимание на легенды о Сатуке Богра хане и вы-

двинул свои версии об исламизации Караханидского государства. Интересна оценка им поэмы Юсуфа Баласагуни «Кутатгу Билик», которая, по его словам, всецело «проникнута духом ислама» и свидетельствует об исламизированности караханидской культуры.

Для сегодняшнего дня имеют ценность его выводы об исторических предпосылках исламизации. Это признание мировых и в целом этических религий более высокой ступенью религиозного и умственного развития человечества, истоком полноценных цивилизаций; установление факта духовного упадка многих религий, превосходства молодого ислама; о торговых путях и мусульманском образовании как важном факторе духовной пропаганды; о характере и особенностях мировых процессов, исламизации тюрок, роли суфийских орденов.

В.В.Бартольд считал, что в XIII в., в послемонгольское время продолжались исламизация и одновременно тюркизация Туркестана. Временем окончательного утверждения ислама среди тюрок Центральной Азии В.В.Бартольд считал эпоху Золотой Орды – XIV в. «Таким образом, можно сказать, что благодаря монгольской империи победа ислама была решена окончательно, уже в XIV в. ислам был государственной религией на всем пространстве, завоеванном монголами, от Южной России до границ Монголии и Китая»⁴⁷.

Сохранилось много чудесных историй о победе ислама. Так, в рассказе о принятии ислама Узбек-ханом отмечается, что одно только присутствие рядом с ним мусульманина обрекло на неудачу чудотворную силу приближенных к нему языческих колдунов. Для подтверждения чудесной неуязвимости мусульманина было предложено одному из языческих колдунов и святому Баба-Тукласу (Баба-Тукты-Шашты-Азиз) войти в раскаленную печь (танур). Неверного колдуна пламя поглотило тотчас, а Баба-Туклас будто бы невредимым вышел из танура. Как увидели все это люди с ханом во главе, так вцепились тут же в подола шейхов и «стали [все] мусульманами»⁴⁸.

Распространение ислама в Казахстане в значительной степени связано с суфизмом (мусульманским мистицизмом). Близость некоторых идей и элементов обрядности суфизма местным доисламским верованиям и культам позволила суфизму завоевать популярность у широких слоев населения.

Из значительных суфийских орденов, возникших на среднеазиатской почве, наиболее известными были три – йасавийа, кубравийа, накшбандийа. Широка известность ордена йасавийа (султанийа) – одного из ответвлений конгрегации накшбандийа, связанного с именем Ходжа Ахмеда Ясави (XII в.), считающегося основателем тюркской традиции мусульманского мистицизма. Ареал кубравийа достигал Закаспия. Одной из самых влиятельных являлся могущественный орден ходжагон-накшбандийа, представителем которой был Ходжа Исхак Вали (XVI в.), прославившийся миссионерской деятельностью среди казахов, киргизов и калмаков (джунгар). С белыми повязками поперек высоких черных папах (белый цвет – орденский цвет) дервиши ордена накшбандийа разъезжали по кочевьям казахов, киргизов, туркмен, проникая на Мангыстау, в бассейн Эмбы, Урала и Волги, в Кызылкумскую пустыню.

«Мусульманскими были и все государственные образования последующего времени, ханства Крымское, Казанское и Астраханское в Южной России, ханства казачье, узбекское и другие в Средней Азии. На Волге и Яике ислам утвердился так прочно, что впоследствии мог распространяться в нынешних киргизских (или казачьих) степях не только с юга, но и с севера»⁴⁹.

Красной нитью через все произведения В.В.Бартольда проходит идея о важной роли раннего ислама как религии и цивилизации в истории Центральной Азии, равно как и других регионов Востока.

Глава II

Общественные постройки исламской архитектуры: мечети, минареты, ханака, медресе

С утверждением ислама произошли изменения в духовной и материальной культуре.

Меняется облик средневекового города и примыкающей к нему территории. Доминантами застройки становятся мечети с минаретами: квартальные, соборные, праздничные (загородные); медресе; ханака; мавзолеи; мусульманские некрополи с мавзолеями.

Мечети и минареты

Ислам, как религиозное учение, мировоззрение и образ жизни на юге Казахстана и в Семиречье победил во второй половине VIII–IX в. Мечети стали повсеместной и важной деталью городской застройки. Строительство мечети было и гарантией посмертного блаженства. Об этом в XV в. со ссылкой на известного хадис, напоминает летописец походов Тимура Гийасаддин Али: «Кто построил мечеть для Аллаха, хотя бы как гнездо птицы ката, для того создает Аллах дом в раю»⁵⁰.

С точки зрения функций среднеазиатские мечети типологически распределяются на несколько групп.

Пятничные («джума») мечети, также называемые соборными и кафедральными. Это общегородские мечети для массовых пятничных богослужений. Городу полагалась одна пятничная мечеть. Обычная, но не обязательная деталь мечетей – минарет-башня, строившийся рядом с внешней оградой или встроенный в один из углов мечети. Квартальные мечети, были религиозными и общественными центрами жилых кварталов в городах и селениях. Праздничные мечети назывались «намазга», «мусалла» (место молитвы) «идгах айт» (место праздника). Богослужения в них совершались в праздники Курбан-Байрам или Фитр. На богослужения в дни этих важнейших исламских праздников собиралось население города и окрестных селений, поэтому место для мечети-намазга выбиралось за городом или на его окраине, а сама мечеть представляла собой небольшую постройку, огороженную площадью с михрабом, ориентированным на кыблу. Иногда михраб находился в стене двора.

Поминальные мечети строились при почитаемых могилах или у кладбищ. При этом соблюдалось положение шариата, всегда строго исполнявшегося в Средней Азии и Казахстане, согласно которому запрещается молиться на могиле или в помещении с могилой. Почитаемому надгробию предназначалось «приветствие», а не молитва, и важная разница между этими действиями подчеркивалась тем, что приветствующий оборачивался спиной к михрабу поминальной мечети – молился же лицом к михрабу.

Обычно поминальная мечеть воздвигалась рядом с почитаемым погребением, которое по исламскому обычаю и закону совершалось под открытым небом; бывало и наоборот – уважаемого человека хоронили перед порогом мечети, которая тем самым принимала на себя еще и функции поминальной. В XI–XII вв. над такими почитаемыми могилами стали воздвигать надгробные помещения, примыкающие к мечети и соединенные с ней, положившие начало двухкамерным мавзолеям, которые состоят из собственно мавзолея – «гурханы» и поминальной мечети – «зиаратханы», помещения для молитвы. Впоследствии оба помещения возводились одновременно. В XI–XII вв. сложение этого типа зданий только начиналось⁵¹.

Мечеть Акыртаса. В недостроенном дворцовом сооружении из камня, расположенном в 40 км восточнее г. Тараза, один из четырех блоков (северо-западный) имеет незастроенный участок размерами 27×27,75 м. Исследования, проведенные на Акыртасе в 1996 г., позволили считать незавершенную постройку мечетью. Это предположение подтверждается наличием нижней части михраба в западной стене, тремя тамбурными проходами в южной стене и наличием на «полу» нескольких обработанных каменных блоков – баз для колонн, на которые должна была опираться крыша постройки. Таким образом, эта мечеть планировалась как «столпная» или «многоколонная». Это один из ранних типов мечетей. Время сооружения дворца Акыртас – вторая половина VIII в.⁵²

Мечеть Баласагуна (городище Бурана)⁵³. В комплексе холмов северо-западного шахристана городища Бурана открыта мечеть. Это однокамерная прямоугольная в плане постройка из жженого кирпича с выделенным порталом с восточной стороны. Размер ее по внешнему периметру стен – 16,3×14 м; кирпичные стены сохранились на 2-метровую высоту, они имели трапециевидные внутренние ниши на осях.

Установлено, что комплекс пережил четыре строительных периода. Мечеть была построена на рубеже X–XI вв. Портал украшали резные кирпичики в сочетании с фигурной кладкой кирпича и резного ганча. Во второй строительный период, на рубеже XI–XII вв. в его оформлении вводится архитектурная терракота, аналогичная памятникам Мавераннахра этого периода.

Третий и четвертый периоды в жизни здания связаны с ремонтами, мощением двора вокруг, пристройкой усыпальниц. В результате в монгольское время мечеть становится как бы утопленной в культурный слой и превращается в мазар. В северном углу ее устанавливается надгробие, под ним – захоронения, преимущественно детей. По-видимому, какая-то внешняя опасность, возможно захват Баласагуна монголами, заставила мусульманскую суфийскую общину города занести в мечеть-мавзолей местные «святые» – кайраки с арабскими текстами эпитафий, лежавшие на могилах обширного гуристана, образовавшегося к этому времени вокруг минарета и мавзолеев⁵⁴.

Минарет Баласагуна (городище Бурана). Мечеть, в комплексе которой он находится, не сохранилась. Подземная часть минарета представляет собой платформу,

сложенную из камня и жженого кирпича. Платформа находится в котловане глубиной 5,6 м и размером 12,3×12,3 м. На восьмигранный цоколь был поставлен цилиндрический ствол, сохранившийся на высоту 22 м. Верхняя часть его не сохранилась. Вход в минарет расположен на высоте 5 м и осуществлялся, видимо, по лестнице с крыши мечети.

Минарет сложен из жженого кирпича, декорирован поясами фигурных резных кирпичей.

Буранинский минарет был сооружен в X в.⁵⁵

Минарет городища Актобе был обнаружен в 50 м западнее центральных развалин.

В ходе раскопок минарета расчищены фундамент башни (стилобат) и остатки цокольной (верхней) части. Сооружение полностью сложено из жженных кирпичей, аккуратно подогнанных друг к другу, швы заполнены глиняным раствором.

Площадь четырехугольного фундамента башни составляет 8,65×8,5 м. Стены минарета были сложены из жженных кирпичей, а для внутренней части башни использованы кирпичи разных размеров (22×11×4,5 см; 31-32×13,5-14×5 см). В верхних слоях раскопа среди развалин обнаружены обломки специальных кирпичей и кирпичей с узорами.

Сам минарет, видимо, был восьмигранным, диаметр его цоколя составляет 7,85 м. Сохранившаяся высота постройки вместе с углубленным в землю стилобатом – 3,6 м.

Минарет был сооружен в XI–XII вв.⁵⁶

Мечеть в Таразе находится вблизи мавзолея Карахана. Раскопки установили, что мечеть в плане квадратная со сторонами по внешнему обводу 20×20 м и внутренним залом размером 14,6×14,15 м. Внутри мечети 4 ряда сохранившихся каменных баз под колонны по 4 в каждом ряду. Поперечный шаг между осями равен 2,75 м, в продольном направлении – 3,5 м. Между каменными основаниями, расположенными напротив входа, шаг колонн составляет 3,8 м. Каменные основания разной формы и размеров, но по высоте они почти одинаковые – 0,4-0,45 м.

Мечеть ориентирована по сторонам света.

Стены мечети сооружены из пахсовых блоков и сырцового кирпича техникой комбинированной кладки. Толщина сохранившихся стен разная: северной (фасадной) – 3,1 м, восточной – 2,5 м, западной – 1,8 м и южной стены – 2 м. Сырцовый кирпич двух видов: прямоугольный (45×22,5×9 см) и квадратный (26×26×10 см). Внутренние вертикальные поверхности стен обкладывались прямоугольными сырцовыми кирпичами. Такая конструкция была выявлена в северной, южной и восточной стенах. Что касается западной стены, то она была подвержена капитальной перестройке. Основание стены сохранилось на высоту до 0,5 м. Большая часть стены заложена плитняком в последний период существования мечети. В западной стене у основания расчищена ниша михраба.

К стенам изнутри пристроены кирпичные выступы в виде угловых двойных пилонов, расположенных внутри помещений на равном расстоянии от углов. В плане они симметрично расположены относительно противоположных сторон. Обожженный кирпич имел размеры 26×13×4,5 см.

Пристенные опоры в виде пилонов, полуколонн предназначены уменьшить зависимость перекрытия от состояния каменных или глиняных стен, создать не связанный со стенами устойчивый каркас. Можно предположить, что они выполняли функцию дополнительной опоры для поддержания кровли. Северная стена является фасадной.

Вход расположен не по центру, а смещен к северо-западу. Ширина входа 1,77 м. Вход выделен двумя выступающими пилонами, он шел со стороны вымощенной каменными плитами улицы шириной 2 м.

Во входном проеме по обе стороны выявлены следы конструкции в виде углублений для закладки деталей дверей.

Таразская мечеть датируется IX–XII в.⁵⁷

Мечеть на городище Орнек (город Кульшуб). Этот памятник находится в 40 км восточнее г. Тараза, на трассе Великого Шелкового пути. Раскоп, заложенный в центральной части городища, частично вскрыл прямоугольную в плане постройку размером 40×20 м. Основания стен выложены из каменных булыжников. Сами стены шириной около 1 м были глинобитными. Вход в мечеть находился в северо-восточной стене и оформлен двумя выступами стены длиной 3,5 м, образующими тамбур. Напротив входа находилась михрабная стена. На отдельных расчищенных участках пола обнаружено 14 каменных базовых колонн. Три базы были вытесаны из каменных глыб, две украшены резным орнаментом, другие – крупные необработанные валуны. Первая база размерами 0,5×0,5×1 м имеет слегка закругленную нижнюю часть и украшена на одной стороне резным орнаментом. Двойной линией изображена фигура в виде ножки вазы, на которой показан лист с двумя завитками, отходящими от черешка. Вторая база – трапециевидная размером у основания 1,1×1,25 м и 0,75×1 м вверху, высотой 1,2 м. В верхней части имеется уступ высотой 10 см. С двух ребер блока сняты фаски. На двух гранях вырезаны изображения антропоморфных существ. Третья база в виде двухступенчатого блока имеет размеры нижней ступени 1,3×1,2×1 м, верхней ступени – 0,85×0,9×0,4 м. Остальные 11 баз – массивные каменные глыбы, уплощенные сверху, размерами в пределах 0,8×0,8 м. Колонны выстраивались правильными рядами на расстоянии 3–3,5 м друг от друга. На общей площади постройки могло быть 55 или 66 баз колонн – 11 по длине и 5 или 6 по ширине. Судя по планировке, это было прямоугольное сооружение с плоским перекрытием, которое опиралось на большое число колонн. Мечеть датирована X–XII вв.⁵⁸

Мечеть городища Куйрыктобе (город Кедер). Город Кедер отождествляется с городищем Куйрыктобе в Отрарском оазисе⁵⁹. Это одно из крупных городищ, на территории которого с 1971 г. проводит раскопки Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция. В центре города на территории шахристана была открыта мечеть, о которой писал Макдиси: «Кедер был новым городом; устройство в нем минбара (соборной мечети) вызвало междуусобные войны»⁶⁰.

Сохранность мечети плохая, ее стены, сложенные из жженого кирпича, после запустения города в послемонгольское время разбирали на кирпичи для сооружения многочисленных погребальных склепов вблизи мечети. Это была прямоугольная постройка размерами 36,5×20,5 м по внешнему обводу стен, вытянута по линии юго-запад – северо-восток.

В функционировании мечети отмечено два периода. Ранняя постройка, относящаяся к концу IX – началу X в., была перестроена в X в. и функционировала до XII в., после чего разрушилась и превратилась в кладбище. Кирпич для склепов выбирался из стен мечети, поэтому сохранность ее плохая, но основные параметры мечети восстанавливаются. Стены сложены техникой комбинированной кладки из жженого и сырцового кирпича.

Куйрыктобинская мечеть относится к типу столпных или колонных построек. Подобная мечеть была открыта на Сапол-тепа в Узбекистане, которая датирована XII в.

Из поздних построек этого типа близки джума-мечети XVIII в. в Хиве и Хазараспе, мечети начала XX в. в Ургенче⁶¹.

Мечеть городища Антоновское (город Каялык). Город Каялык, бывший в XI–XII вв. столицей Карлукского владения в составе государства Караханидов, а затем крупным городом Чагатаидского улуса, отождествляется с городищем Антоновка, расположенным на восточной окраине села Антоновка (Антоновское), сейчас Койлык⁶².

Раскопки на городище были начаты в 1964 г., а в 1998 г. возобновились в широких масштабах и продолжаются до сих пор. Раскопками была открыта застройка городища, исследованы дома богатых горожан и согдийский квартал, буддийский храм; постройки, связанные исследователями с манихейскими храмами; мечеть, ханака, мавзолеи и баня.

Мечеть находилась в центре городища. До раскопок в его топографии на этом месте выделялось прямоугольное в плане сооружение в виде площадки размером 35×30 м, обнесенной оплывшим валом высотой до 2 м и шириной 6–8 м. После раскопок была выделена постройка размером 32,6×26,7 м по внутреннему обводу, вытянутая с юго-запада на северо-восток. Вход шириной 1,9 м устроен в центре северо-восточной стены, на противоположной стороне расположен михраб.

Мечеть относится к «столпным» архитектурным постройкам с плоским перекрытием, предположительно деревянно-камышитовым, на что указывают остатки деревянных конструкций, найденных при расчистке пола мечети. Конструктивная опорная система – смешанная, представлена несущими колоннами и сырцовый кладкой внешних стен.

Внутреннее пространство разделено восемью рядами 52 каменных баз колонн, составляющие девять нефов. Шаг колонн – расстояние между осями баз колонн 3,5–3,7 м. Основания колонн сложены из галечника среднего размера и заглублены на 10–15 см относительно уровня пола. На галечное основание был положен ряд фрагментов жженого кирпича. Уровень кладки жженого кирпича соответствовал уровню пола. По всей видимости, жженым кирпичом были обложены основания не сохранившихся деревянных колонн. Пол мечети глиняный, толщина обмазки желтоватого цвета с вкраплениями на общем сером лессовом фоне достигает 10 см. На полу обмазка белого цвета толщиной 0,5–0,3 см. Под полом зафиксирован грунт со щебнистыми включениями – стабилизирующая подушка.

Михрабная ниша сложена из жженого кирпича размером 27×27×4 см, с использованием деревянных бревен диаметром 15 см. Это прямоугольной формы конструкция, шириной 3,09 м и глубиной 0,9 м, выразительным архитектурным решением которой являются два прямоугольных боковых уступа. Глубина первого уступа составляет 0,16 м, второго – 0,41 м. Центральная часть ниши (третий уступ) сохранилась лишь фрагментарно, а потому можно лишь предположить наличие рядов уменьшающихся арок, формирующих верхнюю часть ниши, либо арочное перекрытие с геометрически правильными уступами-расширениями. Зафиксированная высота кладки основания михраба 0,7 м.

Перед михрабом расположена прямоугольная площадка размером 10×6 м, обрамленная выкладкой из обломков жженого кирпича, уложенного в один слой. Выкладка покоится на каменном основании. Возможно, что не сохранившаяся деревянная балюстрада была устроена по периметру площадки, отделяя основное пространство мечети михрабом. В центре площадки поставлены два основания колонн, венчающие центральный пятый неф. Назначение этой площадки очевидно – сакральная часть со-

оружения. Так, в интерьере многих мечетей различных типов четко выделяется михрабный зал.

Вблизи михраба обнаружен завал из горелых бревен, который, возможно, является остатками минбара – кафедры проповедника. Здесь же найдены ажурные бронзовые пластины – вероятно, накладки переплета книги (Корана?).

Стены мечети сложены из сырцового кирпича размером 34-36×14×8-9 см на глиняном растворе, толщина стен 1,3-2,6 м, высотой до 2 м. Швы между кирпичами достигают 0,8-4 см. Кирпичная кладка прослеживается на всю ширину стены. Местами сохранились следы штукатурки коричневого цвета и побелки. Вследствие пожара цвет штукатурки местами приобрел красно-оранжевый оттенок. Толщина штукатурки достигает 1,5 см. В толще стен в северо-восточной и северо-западной частях сооружения обнаружены каны и печь, расположенная у входа.

Зачистка вертикальной поверхности части юго-западной стены показала высоту кладки в 13 рядов кирпича-сырца (1,38 м), покоящегося на основании, сложенном из рваного камня твердой породы синева-серого цвета. Высота основания достигает 18 см. На уровне основания, как показали шурфы, заложенные с внешней стороны, прослеживается строительный завал из сырцового кирпича. На уровне 30-40 см от начала горизонтальной кладки каменного фундамента в теле стены зафиксированы два ряда жженого кирпича. Двойной ряд жженого кирпича вполне можно трактовать как гидроизоляцию, предотвращавшую капиллярный подсос влаги сырцовой кладкой стены.

Интересной особенностью мечети является устройство внутри ее стен канов – системы обогрева помещения, по проводящим каналам которой в холодные месяцы циркулировали дым и горячий воздух.

Минарет обнаружен не был, но особенности рельефа показывают его возможное местонахождение в восточной части на незначительном удалении от внешних стен мечети.

С южной стороны к стенам мечети примыкают подпрямоугольные выкладки, сложенные из окатанных валунов. Размеры их варьируют в среднем от 1,5 до 2 м. Это мусульманские погребения.

Из наиболее интересных находок на мечети следует отметить резную горелую доску с фрагментом надписи, выполненной геометризованным куфи. Текст, вследствие его фрагментарности, не может быть прочитан. Доска, состоящая из двух фрагментов общей длиной около 1 м и шириной 15-18 см, найдена у восточной стены в северо-восточном углу.

Наиболее близка к Каялыкской мечеть золотоордынского времени, раскопанная на Водянском городище в низовьях Волги⁶³.

Размеры мечети, свидетельствуют о том, что она была соборной, то есть главной в столичном городе и, не исключено, во всем государстве карлукских джабгу⁶⁴. Датируется мечеть второй половиной XIII – XIV в.

Соборная мечеть Отрара конца XIV – начала XV в. расположена в юго-восточной части центрального бугра. Постройка обнаружена на южном участке раскопа IV в юго-восточной части городища. Стена дома XVII в. скрывала гребень кирпичной кладки. Шурфами была выявлена разрушенная квадратная колонна со стороной 1,3 м, сложенная из квадратного жженого кирпича на ганчевом растворе с пазами на углах для вставок-гульдаста. Вскоре были обнаружены остатки других колонн, поставленных в определенном порядке. Стало ясно, что в толще культурного слоя находится монументальное сооружение из жженого кирпича.

В результате нескольких сезонов раскопок были открыты остатки соборной мечети. Строительная площадка под нее тщательно сnivelирована, полы имели отметки 4,47-4,48 м в южной части постройки; 4,39-4,44 м – в западной; 4,43 м – в восточной. Пол мечети представлял собой плотную обмазку без следов гумуса. Кое-где встречались лунки явно временных очагов, которые появились уже после того, как постройка перестала функционировать. Для датировки мечети важны материалы перекрывающего слоя.

Это жилые постройки, планировка которых исказила первоначальное сооружение. Открытое пространство мечети со столбами было перегороджено стенами, а сами столбы включены в конструкцию стен. Характерно, что на полах отсутствует слой завала, следовательно, в момент перепланировки здание еще хорошо сохранилось. В пользу такого предположения свидетельствует отсутствие под стенами жилых помещений мусорных прослоек, кладка стен в основном из кирпича-сырца и кое-где из жженого, преимущественно битого. Заполнение суф в помещениях рыхлое, включающее кирпичную крошку, куски алебаstra, лесс.

Жилые помещения функционировали продолжительное время. Повсюду фиксируется два уровня полов, сопровождавшиеся надстройкой стен. Иногда старые стены срубали и ставили новые, менялось функциональное значение помещений. У южной кромки участка на месте тупика появляется сквозная улица, направленная к крепостной стене. Не раз подновлялись суфы, тандыры и дымоходы, менялся интерьер. Однако, в целом характер застройки двух строительных горизонтов одинаковый: жилой массив с обычными для позднесредневекового Отрара типами домов, в составе которых непременно есть комната с обширной суфой, в которую встроена печь-тандыр с дымоходом.

Дома формировались в жилые кварталы, центром которых были внутриквартальные улочки.

В кладке стен домов использовался целый кирпич из разбираемой мечети. В центре помещений появляются кирпичные и каменные опоры столбов – характерный признак плоских перекрытий. Над последним полом жилого горизонта обнаружен мощный завал из жженого кирпича. В этот период постройка мечети окончательно разрушается. Стены и рухнувшие перекрытия брошенного жилья растаскивают на кирпичи, и лишь мощные опорные столбы некогда крытых галерей мечети, сцементированные ганчевым раствором, были включены в кладку поздних стен.

Хронология жилого горизонта устанавливается более определенно по сравнению со временем постройки мечети, прежде всего благодаря обилию медных монет, найденных в кладе помещения и лежащими одиночно.

Клад шейбанидских монет и одиночные находки этого же чекана позволяют датировать третий горизонт второй половиной XVI в.

Керамический комплекс из жилых построек горизонта III в целом аналогичен керамике Отрара XVI в. из других объектов, и находит прямые параллели в синхронных среднеазиатских коллекциях.

Устройство новых стен на полах мечети для образования жилых помещений последовало за прекращением функционирования монументальной постройки. Высказанные соображения позволяют отнести это событие к началу XV–XVI в., а датой постройки мечети считать конец XIV – начало XV в., о чем свидетельствуют монеты с полов мечети, датированные концом XIV – началом XV в.

Мечеть размером 60×22 м вытянута по линии восток – запад. Вход в центре северного фасада оформлен в виде выступающего за линию стены портала с прямоугольными в плане пилонами размером 2,7×1,35 м. Пролет между опорами портала около 6 м.

Западный пилон сохранился на высоту до 1,7 м, восточный почти полностью разобран на кирпичи. На углах портала были поставлены цилиндрические в основании минареты диаметром 2 м. Внутри минаретов имелись винтовые лестницы, на которые попадали с внутренней стороны портала через входной проем шириной 1 м. Сохранились первые четыре ступеньки лестницы на западной стороне портала.

Фронтальная композиция здания включает четыре сквозные галереи, образованные тридцатью квадратными столбами размером 1,35×1,35 м, поставленными в три ряда. Проем между опорами перекрытия равнялся 3,7 м.

На оси входа находились два зала. Опоры перекрытий практически полностью разобраны. Сохранился столб прямоугольного сечения размером 3,3×1,65 м на западной стороне первого от входа зала. Частично сохранились два передних столба главного зала с михрабной нишей. Можно полагать, что столбы имели сложное сечение. Задние опоры выглядят как квадратные пилоны по обеим сторонам михраба.

В михрабной стене здания имеется дверной проем с высоким порогом, который открывался в сторону улицы и жилой застройки у крепостной стены города с южной стороны. Стены мечети толщиной 1,35 м, углы главного фасада оформлены в виде пилястр. Двор мечети размером 40×22 м расположен между фасадной стеной мечети и постройкой в северной части комплекса по внутреннему абрису стен. Общие размеры мечети с двором и северной постройкой составляют 72×22 м.

Пол во дворе мечети, судя по сохранившимся участкам и наличию крошек от ганчевого раствора, был выложен квадратным обожженным кирпичом размером 25×25×5 см. Из такого же кирпича возведены стены построек.

Постройка в северной части комплекса представляет собой архитектурный пассаж, составленный из центрального коридора, шириной 3,47 м, по обе стороны которого расположены помещения. Помещения южной части незначительны по размеру 3,41×1,42 м. Возможно, это айваны, внутреннее пространство которых отделено от коридора стеночкой (порогом) в один кирпич, в то время как ширина несущих стен составляет 1,13, а внутренних – 0,78 м. Полностью раскопано пять помещений, шестое – частично.

Помещения, расположенные с северной стороны коридора, являются зеркальным отражением южной линии помещений-айванов, устроенных параллельно. Полностью раскопано пять комнат, одна – частично. Конструктивно помещения этой линии делятся на две части. Первая – это выходящая в коридор тамбурная ниша-айван размером 3,5×1,4 м с устроенным в северо-западной части входом шириной 1,1 м, ведущим во вторую часть помещения. Задняя, северная, стена помещения, которая в то же время, возможно, является внешней стеной всего комплекса, не изучена, и длину помещений установить не представляется возможным. Ширина помещений – 3,7 м, стены сложены из жженого и сырцового кирпича. Фиксируется второй строительный период, в ходе которого некоторые помещения были достроены и в них сооружены суфы. Шестая комната отличается размерами от исследованных пяти. Детали и дополнительные особенности сооружения изучить не представляется возможным – этому препятствуют поздние наслоения.

Несущие стены айванов южной оси и тамбуров-айванов северной оси, возможно, имели своим завершением сводчатые перекрытия, которые соединяясь со сводами коридора, образовывали конструкцию, именуемую, крестовым сводом.

При раскопках на территории двора мечети был обнаружен монетный клад. Клад медный, состоит из 172 экземпляров, интересен тем, что укладывается в конкретный

хронологический отрезок времени конца XV – начала XVI в. Обычно клады, обнаруженные на Отраре и в округе Туркестана (Отрарский и Карачикский клады), имеют монеты от начала XVI до начала XVIII веков и состоят из разнообразных типов городов Ясы – Туркестана, Сайрама, Ташкента. Монеты среднеазиатских городов весьма редки и единичны. Пока на территории Отрарского оазиса исследуемый клад является единственным, находки подобных кладов широко известны в центральном Мавераннахре.

Как уже отмечалось, участок под мечеть был тщательно нивелирован. Основания столбов заглублены на 15-20 см в сплошной котлован, заполненный ленточной пахсой, в которую добавлены угольки в качестве изолятора от почвенных солей. Общая толщина лессового фундамента 1,1 м⁶⁵. Это традиционный способ предотвращения осадки монументальных построек, широко применявшийся в средневековой архитектуре Средней Азии и Казахстана⁶⁶.

Несущие конструкции – стены, столбы, пилоны портала сложены из жженого квадратного кирпича хорошего качества, со стороной 25-28 см, целого или половинок. Кирпичи уложены строго регулярно – вперевязку – на ганчевом растворе. Кое-где на стенах сохранился тонкий первоначальный слой ганчевой штукатурки.

Интересным был архитектурный декор мечети, в котором, судя по находкам в жилых помещениях перекрывающего слоя, важную роль играли керамические облицовки: цветные глазурованные кирпичи и изразцы синего и голубого цветов, полихромные майолики в виде квадратных и прямоугольных плиток. Обнаружены плитки с резным геометрическим орнаментом. Основная масса глазурованной облицовки найдена в помещениях на месте зала и стены с михрабной нишей. Найдены фрагменты керамических решеток на окнах – панджара.

Отрарская соборная мечеть относится к постройкам столпно-купольного типа, хорошо известным в средневековой архитектуре Средней Азии⁶⁷. Столбовые конструкции сближают отрарскую мечеть с куйрук-тобинской, хотя последняя построена значительно раньше, в X в., и являет собой ранний этап в развитии типологии столбовых мечетей⁶⁸.

Важно показать причину или причины разрушения мечети, поскольку перестройка участка с мечетью в жилой квартал не была рядовым событием в жизни города. Духовные учреждения, «святые места» (мечети, медресе, мазары) веками сохраняли неприкосновенность имущества и доходов с него, жалованных вакуфными грамотами. Известна, например, вакуфная грамота Тимура мавзолю Ходжи Ахмеда Ясави и некоторым другим мазарам в Туркестане. Последующие правители города подтверждали, как это было принято, вакфы мазара⁶⁹. Несомненно, в жизни Отрара произошли какие-то важные перемены, связанные со сменой власти.

После общегородского пожара здание использовалось как временное укрытие, судя по остаткам кострищ и гумуса, а затем было перестроено под жилье. Видимо, не только смена политической власти в городе стала причиной быстрой перестройки мечети, поскольку подчинение города Тимуридам продолжалось до середины XV в., хотя сразу же после смерти Тимура Отрар был захвачен Нур ад-Дином, который удерживал его 4 года. И лишь к середине XVI в. сырдарьинские города были подчинены Абулхайр-ханом⁷⁰.

Состав горожан не менялся, но мечеть была разрушена и растащена на кирпичи. Видимо, главной причиной стала незавершенность ее строительства. Мечеть так и осталась стройкой, и в ней никогда не проводились молебны, она не была освящена и поэтому ее постигла такая судьба⁷¹.

Соборная мечеть Отрара XVI–XVII вв. Материалы раскопок Отрара дают яркое представление о жизни города в XVI–XVIII вв.

В XVI в. заново отстраиваются заброшенные участки шахристана. К этому же времени относится постройка монументальной мечети из жженого кирпича, располагавшейся в южной части центрального бугра. Сооружение столпно-купольного типа построено на фундаменте, заглубленном на 0,4 м. Общая длина мечети остается неизвестной. Ширина мечети 15,5 м. Здание мечети состояло из центрального зала и примыкавших к ней двух крыльев. Вход в михрабный зал выделен порталом, который вместе с фундаментом сохранился на высоту 1,5 м. Размеры центрального зала 7×7 м. В центре зала оставались фрагменты рухнувшего купола. Разрушение произошло из-за оседания правого портала. Выявлены следы ремонта, при котором просевшие стены утолщались. Стены михраба и предмихрабной ниши покрыты тонкой ганчевой штукатуркой.

Мечеть Отрара XVII в. являлась соборной, с обширной площадью перед мечетью. Сохранность руин мечети хорошая. Сооружение построено из жженого кирпича размером 25×25×5 см. Отслоилась штукатурка со стен михраба и предмихрабной ниши. Проводилась неоднократная консервация объекта: в 2002–2004 гг. – в рамках проекта ЮНЕСКО-Казахстан-Япония «Сохранение и реставрация древнего Отрара», в 2005 г. – дополнительные консервационные мероприятия⁷².

Квартальная мечеть Отрара. При раскопках юго-восточного участка городища Отрартобе по уровню XVI–XVIII вв. на стыке восточной и южной частей раскопа IV расчищено большое здание площадью 200 кв. м, состоящее из шести помещений. Здание явно нежилое, скорее всего, это остатки мечети. Фасадом оно открывается на площадь, куда с юго-западной, северной и западной сторон выходят три улицы. Последняя улица ведет на главную дорогу города, связывающую городские ворота.

Здание выстроено из высококачественного сырцового кирпича, неоднократно штукатурилось. Судя по фрагментам, в отделке здания применялся фигурный резной кирпич, полы были вымощены жженым кирпичом. Местонахождение михраба установить не удалось. По-видимому, он находился в южной стене помещения 198, причем в том месте, где яма верхнего горизонта прорезала стену. Комнаты мечети имели разное назначение: зал для прихожан (помещение 198), кухня для приготовления ритуальной пищи (208), комната для омовения (210), комнаты служителей культа (223 и 224)⁷³.

Несмотря на то, что участок перепланировался под помещения верхнего строительного горизонта, жженный кирпич из постройки почти весь выбран, стены и полы нарушены поздними ямами, с западной стороны к комплексу примыкает грабительская воронка, планировка здания восстанавливается полностью. По уровням полов и некоторым изменениям в планировке выделяются два периода в существовании здания.

Первоначально комплекс состоял из зала (*помещение 198*) размером 10,1×8,5 м и примыкающей к нему с восточной стороны двухрядной анфилады из трех и двух помещений. В здание входили через дверной проем в центральной части западной стены зала. Противоположная восточная стена оформлена неглубокими нишами на высоте 0,9 м от пола. Сохранившиеся участки стен прекрасно оштукатурены в несколько приемов, пол также неоднократно обмазывался и плотно утрамбовывался. Перекрытия покоились на четырех колоннах, симметрично установленных в центральной части зала.

Дверной проем шириной 0,78 м ближе к юго-восточному углу в восточной стене вел в *помещение 210* размером 4,25×3,0 м. Пол здесь выложен жженым кирпичом,

в углах устроены ташнау. В качестве водосливных колодцев использованы специальные сосуды в виде цилиндра диаметром 20 см, высотой 1,3 м с раздутым туловом (0,46 м). Это помещение проходное: с северной стороны в нем есть проход в смежные помещения 208 и 209, а с восточной – в помещения 223 и 224.

Помещение 208 размером 2×1,55 м. В северной стене устроен очаг каминного типа шириной 0,28 м, углублен в стену на 0,45 м. Стенки очага сильно обгорели. Топка, расположенная на высоте 0,4 м от пола, забита белой золой и несгоревшими остатками хвороста. Под полом проложен водосток. Он начинается в 0,45 м от южной стены, тянется вдоль западной, затем под прямым углом поворачивает на запад, проходит под стеной и далее проложен вдоль северной стены зала. Где кончается водосток, обнаружить не удалось, прослежен на длину 6,75 м. Канал водостока сложен из жженого кирпича.

В *помещении 209* (3,3×2,25 м) пол выложен сырцовым кирпичом, у восточной стены на полу лежали деревянные плахи длиной 1,1 м, предположительно, остатки перекрытий.

Полы помещений 223 и 224 в последний период функционирования здания были вымощены жженым кирпичом, который почти весь выбран. Размеры помещений не установлены.

К первоначальному полу в помещении 224 имеют отношение две ямы, в которых, судя по остаткам в заполнении, хранилось зерно. В яме у северной стены помещения найден клад медных монет (170 экз.), который хранился в мешочке. В восточной стене зала ближе к северо-восточному углу на уровне верхнего пола был прорублен новый проход в помещение 209, возобновлен водосток, подняты полы в остальных помещениях.

Соборная мечеть на регистане Саурана. Изучение микротопографии внутри крепостных стен Саурана показало, что городская площадь располагалась в 80 м к югу от северных ворот, откуда начинается вымощенная каменными плитами центральная улица шириною до 3 м. Разведочные раскопки подтвердили наличие на площади руин фундаментальных общественных сооружений из обожженного кирпича, перекрытых слоем завалов⁷⁴. Как показали раскопки, здание соборной мечети на центральной площади Саурана было сильно разрушено в ходе выемки качественного кирпича с целью его вторичного использования.

Было установлено, что постройка имеет два основных периода существования. Причем, во второй период здание перестало функционировать по прямому назначению. На полах «михрабной части мечети» отмечались следы временных очагов, кострищ.

Поскольку была вскрыта лишь юго-западная треть всего комплекса, было высказано предположение, что мечеть имела замкнуто-дворовую планировку. Двор имел размеры 15,3×17,8 м, и на него были обращены все помещения, расположенные по периметру.

Юго-западную сторону двора образовывало основное здание мечети, или михрабная часть, обращенная во двор входным арочным порталом. Постройка имела пяти-нефную двухрядную композицию с арочно-купольным перекрытием⁷⁵.

Широкий портал с выделенным пештаком обращен в закрытый двор. В центре двора на основной оси расположен колодец, а далее – айван шириной 16 м и глубиной 6 м, открытый во двор.

Эта композиционная ось симметрии перпендикулярна оси, проходящей через центр основного входного с площади портала, который устроен в юго-восточной фа-

садной стене с некоторым смещением от оси прямоугольника двора. Входной портал ассиметричен по отношению ко всей постройке. Такой необычный план комплекса был, очевидно, продиктован местоположением мечети: она замыкала северо-западную сторону прямоугольной площади, и при этом было необходимо по традиции ориентировать михраб, а значит одну из главных осей композиции плана на юго-запад. От входного с площади портала сохранилось лишь основание правого пилона. Его ширина 1,8 м, он выступает за линию фасадной стены на 2,2 м. Сохранилась также часть входного порога-данданы в виде поставленных на ребро кирпичей. Длина сохранившегося участка данданы 2,15 м. За этим порогом на расстоянии 4,05 м также частично сохранился участок данданы внутреннего или дверного порога.

Левый пилон оказался полностью разобранным, но ширина входного айвана может быть реконструирована. Зафиксированы отдельные кирпичи самого нижнего слоя кладки пилона.

Наружные стены комплекса мечети образуют прямоугольник размером 31×33,5 м. Стены подверглись наибольшему разрушению. По сохранившимся кое-где фрагментам кладки определяется толщина стены, равная 1,4 м. Наибольшую сохранность в 9-10 слоев кладки имеет участок юго-восточной фасадной стены справа от входного портала. Это участок стены большого углового помещения (5,2×5,6 м), которое функционировало и во второй период. После того как мечеть перестала служить по прямому назначению, на ее значительной части была устроена и продолжительное время функционировала керамическая мастерская. Возможно, какие-то части здания мечети уже были разрушены. В этот период в угловом помещении была построена большая круглая двухъярусная печь для обжига керамики. Сохранилась часть поверхности пода с регулярными отверстиями-продухами обжиговой камеры, опирающейся на купол нижней огневой камеры. Устье печи обращено в угловое помещение, которое, очевидно, служило и жилым помещением, или, возможно, мастерской.

У наружного угла фасадной стены мечети справа, в 5,25 м от входного портала, выявлено основание Г-образной пристройки. Кладка ее двух стен сохранилась на высоту девяти слоев. Образующие прямой угол стены толщиной 0,85 м и образуемая ими пристройка выступают за линию фасадной стены на 2,05 м. В месте примыкания стены пристройки к фасадной стене мечети последняя разобрана до основания и при этом видно, что пристройка сделана без перевязки с кладкой фасадной стены. Вероятно, эта пристройка занимала угол площади, образованный фасадной стеной мечети и юго-западной стеной бокового фасада большого общественного сооружения, входной портал которого обращен к portalу медресе в северо-восточной части площади. Это здание реконструируется как фундаментальное сооружение замкнуто-дворовой планировки с порталным входом, ориентированным на отрезок центральной улицы на одной оси с расположенным напротив медресе.

Если северный угол площади занимало основание небольшой, не вполне понятной по назначению пристройки, то у другого конца фасадной стены мечети расчищены остатки довольно значительной по размерам тахаратханы. Это была отдельная постройка с сырцовыми стенами, западной стороной примыкавшая к фасадной стене мечети. Уровень вымощенных обожженным кирпичом полов залегает на 0,5 м и 0,7 м выше уровня основания стен мечети, что говорит о более позднем времени сооружения тахаратханы. Вход в нее был со стороны портала мечети. Пока расчищено большое (5×6,2 м) общее помещение с фигурной выкладкой пола. В центре устроен по-

плотительный колодец, устье которого перекрыто специальной керамической плитой размером 75×75 см с прочерченными диагоналями (средняя часть плиты со сливным отверстием не сохранилась). За общим помещением были устроены в ряд вдоль узкого коридора маленькие индивидуальные комнатки размерами 2,2×2,4 м с вымощенным кирпичом полом и поглотительными колодцами в центре.

Во вскрытой раскопками соборной мечети планировка оказалась достаточно оригинальной, сохранность конструкций вполне позволяет реконструировать архитектурный облик этого интересного здания.

Несмотря на значительные разрушения и утраты, полностью восстанавливается планировка комплекса мечети. Полученные материалы и наблюдения позволяют в дальнейшем осуществить консервацию с элементами реконструкции выявленных архитектурных деталей или же всего архитектурного облика здания⁷⁶.

Айт Мечеть Саурана находится в 50 м юго-восточнее северного въезда в город Сауран за городской стеной. Мечеть состоит из небольшого здания, открытого в сторону двора, окруженного пахсовой стеной. Размеры двора 50×50 м. Площадь здания с купольным перекрытием 11,5×12,5 м. В кыбловой западной стороне расположен михраб. Портал здания обращен к северо-западу. Ширина всего портала 12,5 м, к нему примыкал айван глубиной 2,75 м. С двух сторон айвана расположены пилоны с винтовыми лестницами, которые вели на крышу мечети. Остальные два айвана находятся с двух сторон купольного зала. Размеры айванов одинаковы: ширина 3,8 м, глубина 2 м. Пороги всех трех айванов выложены данданой – кирпичами, поставленными на ребро. Полы всех помещений и айванов первоначально были вымощены жжеными кирпичами, которые со временем были разобраны. Стены мечети выстроены из кирпича-сырца с футляром из жженого кирпича. Размеры кирпичей 26×26×5, 25×25×5, 24,5×24,5×4,5 см. Михраб расположен в середине кыбловой стены купольного зала. Ширина пятигранного михраба 1,4 м, глубина 0,7 м, высота сохранившейся части кладки 0,6 м. Справа от михраба находится минбар размером 1×1,4 м, высотой 0,5 м. Сохранился самый нижний ряд ступеньки минбара. После того как мечеть перестала существовать, купольный зал был со всех сторон перекрыт сырцовыми стенками толщиной в один кирпич и использовался как жилое помещение, расположенное с наружной стороны за стеной с михрабом.

Находки – керамика, металлические изделия датируются XV–XVI вв. Мечеть была построена в XVI в.⁷⁷ Результаты раскопок показали, что исследуемый объект является праздничной мечетью, где проводили молитву во время айтов и другие культовые мероприятия. На территории Казахстана мечеть такого типа исследована впервые.

Мечеть Джанкента. Город «Джанкент», он же, «Янгикент», он же «Ал-Карья ал-хадиса ал-Мадина ал джазида», он же «Дих и-нау», что означает «Новый город» находится в Приаралье в дельте Сырдарьи в 15 км западнее г. Казалинска. Ему соответствует городище Джанкет⁷⁸. Остатки мечети находятся на территории городища Мын-тобе, которое является остатками передислоцированного в XIII в. городища Джанкент, существовавшего на этом месте в XIII–XV вв. Оно расположено примерно в 2 км северо-западнее городища Джанкент, представляет собой отдельные земляные холмы.

Примерная площадь городища составляет 300×400 м. На его территории фиксируются отдельные небольшие земляные возвышения диаметром до 12 м, высотой до 1 м. Юго-западнее городища располагаются несколько холмов, являющихся, видимо, остатками отдельных усадеб.

Подъемный материал представлен коллекцией фрагментов керамических сосудов, голубых плиток, костей животных, медными монетами XIV–XVII вв.

Некрополь городища расположен в 700 м юго-восточнее городища, в настоящее время его постройки располагаются под жилыми домами.

Остатки мечети были обнаружены при рытье канала. В северо-восточной части раскопа выявлены северная и западная стены мечети. Хорошо сохранился угол между стенами. Постройка прямоугольная в плане, ориентирована углами по сторонам света. Размеры сооружения составляют 13×16,9 м.

Хорошо сохранившаяся северная стена постройки сложена из горизонтально положенных обожженных кирпичей. Разрушена же лишь восточная часть северной стены.

Внешний край стены выложен из одного ряда положенных прямоугольных кирпичей, размерами 26×12×6 см, середина стены и внутренний ее край сложен из квадратного кирпича размером 24×24×5 см. Толщина стены составляет 1,4 м, высота сохранившейся части – 0,72 м.

Восточная стена вскрыта частично, фрагментарно сохранился лишь внутренний край стены в один ряд кирпичей. На расстоянии 4 м от северной стены на глубине 0,78 м расчищены остатки сооружения в виде сложенных из обожженных кирпичей полукруглых форм со скошенными краями.

Юго-восточный угол мавзолея фиксируется в виде развала кирпичей. В центральной части постройки расчищена восточная часть конструкции в виде уложенных плотно друг к другу квадратных кирпичей под наклоном вниз.

Почти по всей площади раскопа на разных уровнях найдены обломки жженого кирпича, глазурованных плиток, фрагменты керамики, кости животных. Керамика станковая, изготовлена из мелкозернистого песка. Черепки красного и серого цветов. Основной орнаментальной зоной у гончарной керамики являются венчик и плечики сосудов. Орнамент – прямые резные и волнистые линии на плечиках сосудов и венчики с валиками, украшенные защипами. Встречаются фрагменты с голубой и зеленой поливой.

Среди облицовочных плиток, покрытых голубой глазурью, встречены фрагменты плиток прямоугольной, трапециевидной, квадратной формы с рельефным растительным, эпиграфическим и резным геометрическим орнаментом.

Предварительная датировка постройки XIV–XV вв.

Вначале постройку определили как мавзолей⁷⁹, однако, это скорее была мечеть. Об этом свидетельствует большое количество облицовочных плит с надписями, покрытых голубой поливой.

Мечеть Хызыр Пайгамбара в с. Сайрам. Сайрам-Испиджаб – крупнейший город средневекового Южного Казахстана отождествляется с городищем в с. Сайрам, на территории которого сохранились остатки средневекового городища.

Испиджаб был одним из центров распространения ислама, о чем свидетельствуют письменные источники, называя город «славной пограничной крепостью и местом войны за веру»⁸⁰.

Уже первые исследователи Сайрама заметили, что для него характерно «необыкновенное обилие святых мест – мазаров, составляющих гордость жителей и описанных в особых рисолях».

М.Е.Массон назвал наиболее почитаемые святыни Сайрама: мавзолей Ибрагим-Ата, Карашаш-Ана, Абдель-Азизи-Баб, Мирали-Баб, Хаджи-Талига, а также мечеть

пророка Хызыра, которая в 1866 г. лежала в развалинах. В начале XX в. на этом месте было выстроено новое здание. От старой мечети остались чилля-хана и каменная колонна, которую М.Е.Массон датировал X–XI вв.⁸¹ В настоящее время исчезло и новое здание, поэтому с целью изучения мечети, которая в основе может быть ранней, были проведены археологические раскопки.

Полевые работы 2007 г. выявили планировочную структуру сооружения, возможность реконструкции памятника и получение керамических комплексов, определяющих период его бытования⁸².

В северной части была вскрыта почти квадратная в плане постройка, стены которой были возведены из жженого кирпича размерами 23×23×4,5 и 25×25×4,5 см.

Помещение № 1 – самое южное в комплексе. Оно, видимо, было квадратным в плане – 9,6×9,45 м. Сохранились основания всех стен. Южная стена сложена из небольших плит сланца. Внутри помещения было расчищено два уровня пола. Оба относительно ровные, имеющие небольшой уклон в южную сторону. Внутри помещения было расчищено 8 баз колонн. Две из них изготовлены из каменных монолитов, остальные сложены из тонких сланцевых плиток и жженных кирпичей. Первый ряд с юга образуют три базы колонн. Второй ряд отстоит от первого на расстоянии почти 2 м. Третий ряд также вытянут по линии восток – запад и отстоит от среднего ряда и от северной стены на одинаковом расстоянии – 2,55 м.

В северо-восточной части помещения был устроен вход – спуск в подземное помещение чилля-хану, вытянутое по линии восток – запад.

Согласно описанию побывавшего в ней в 1866 году А.К.Гейнса, «сперва идут прямые ступени, далее идет винтовая лестница, приводящая к узкому отверстию в глиняной почве, в которое нужно пролезать, посплав вперед ноги. Таким манером добираешься до пещеры в несколько шагов шириною. На полу ее брошены циновки для молитв благочестивых пилигримов. Здесь спасался в созерцании величия Аллаха Хызыр, не выходя на свет Божий шестьдесят лет, а потом, прожив еще очень многие годы, взят живой на небо»⁸³.

Помещение № 2 подквадратное в плане размером 9,25×8,25 м. Сохранились три стены: южная, смежная с помещением № 1, восточная и северная стены. Западная стена разобрана и практически не сохранилась. Тем не менее, совершенно очевидно, что западная стена была общей для помещений № 1 и 2 и являлась внешней стеной мечети. Внутри помещения было выявлено несколько уровней полов. С двумя верхними связаны четыре базы колонн в центре помещения.

Видимо, михрабная ниша находилась в западной стене. Предположительно, вход в помещение находился в центре восточной стены. В юго-западном углу почти на 0,3 м ниже уровня пола с колоннами обнаружен кусок деревянной балки длиной 0,55 м и шириной 0,12 м. Возможно, это остатки одной из балок плоского перекрытия более раннего периода существования мечети.

С северо-востока к помещению № 2 примыкало прямоугольное в плане двухступенчатое возвышение, в центре которого находился холмик из глины и кирпичного завала. В процессе расчистки были выявлены следы погребений.

Таким образом, совершенно очевидно, что это дахма, в данном случае двухступенчатая платформа – возвышение, воздвигнутое для погребений почитаемых суфийских шейхов или настоятеля мечети. Она была пристроена к основному зданию мечети позже. На втором этапе площадь раскопа была расширена в южном направлении и на восток и составила 24×31 м. В ходе работ здесь были выявлены

следы двух строительных горизонтов. Вдоль южной стены помещения № 1, на глубине 0,85-0,9 м от дневной поверхности была расчищена еще одна линия стены, точнее, ее каменный фундамент. Вероятно это остатки фундамента более ранней внешней стены мечети, о разрушении которой и ее ремонте-перестройке сообщает М.Е.Массон⁸⁴.

Расширение раскопа на восток выявило, что пространство в центре не имело построек и представляло собой двор. В этой части была расчищена вымощенная жжеными кирпичами и обломками дорожка, ведущая в подземную комнату чилля-хану в центре восточного фаса мечети.

В южной части двора расчищены остатки двух небольших помещений № 4 и № 5, примыкавших к юго-восточному углу летней мечети.

Раскопки на восточном участке позволили проследить южную стену двора мечети на длину 20,5 м. Дальше стена не сохранилась, но, скорее всего, она поворачивала на север, где посередине восточной стены находился центральный вход. У юго-восточного угла в 3-х метрах от стены на одном из поздних этапов существования мечети был возведен минарет.

Минарет мечети находился на левой стороне не сохранившегося портала. Минарет сложен из кирпича на глиняном растворе и представляет собой один из типов башенных сооружений. Первоначальная высота его достигала 10,5 м. Высота сохранившейся части около 5 м, диаметр в основании – 2,9 м. Круглая башня минарета, сужающаяся кверху, была увенчана утраченным ныне фонарем-ротондой. Верхняя часть башни расчленена горизонтальными поясками фигурной кладки. Видны следы нижнего, 3-го пояска, некогда заполненного вязью арабского письма. Внутренняя винтовая лестница выполнена из кирпича, опирается на деревянные балки и кирпичный столб в центре минарета⁸⁵.

Найденный археологический материал в основном происходит из верхнего строительного горизонта из помещений самой мечети – это глазурованные сосуды типа кесе, пиалы, блюда, тарелки, которые можно отнести к концу XIX и началу XX в. В коллекции керамики есть отдельные фрагменты, датируемые XVII–XVIII вв.

Таким образом, работы в мечети Хызыр в Сайраме выявили планировку сооружения. Несмотря на то, что мечеть сильно разрушена, установлено, что она состояла из большого прямоугольного двора со входом с восточной стороны. На продольной оси располагался вход в мечеть – квадратное здание с примыкавшим к нему с юга айваном.

Видимо, в Сайраме в мечети Хызыр помещение № 2 с четырехколонным залом было мечетью-ханакой с плоским перекрытием. Примыкавший с юга айван – помещение № 1, использовалось как летняя мечеть. В центре западной стены был устроен михраб, украшенный изразцами. Отсюда же происходит полуколонна, покрытая глазурью голубого цвета, в верхней части которой имеются остатки прорезной решетки. Перекрытие айвана было плоским и опиралось на деревянные и одну каменную колонны на каменных или кирпичных базах.

Мечеть городища Джанкала была обнаружена в 2009 г. во время полевого маршрута экспедиции научной организации «Археологическая экспертиза», возглавляемой Д.А.Воякиным.

Остатки мечети находятся за пределами стены шахристана в восточной части городища. Размеры постройки из сырцового кирпича 9,7×9,7 м. В юго-западной стене ее находился михраб. Датируется мечеть XIV в.⁸⁶

Ханака

Ханака по своему функциональному назначению (от иранского «хана» – дом) была странноприимным домом для суфиев – членов дервишских орденов. Здесь они могли жить, молиться и совершать мистические радения. В XI в. ханака воздвигались как монументальные здания. У ханака кроме главного назначения были еще и некоторые другие: это были гостиницы, где кроме дервишей останавливались паломники и путники; они служили временными резиденциями для путешествующих правителей; место, где читались лекции по богословию. Если в ханака был похоронен основатель ордена и почитаемый член суфийского братства или известное светское лицо, обитель получала функции мазара – места поклонения и паломничества.

Все ханака – компактные здания с более или менее центрическим устройством, иногда равнофасадные, чаще – с главным фасадом, который выделен более крупным порталом-пештаком. Ядро и обязательная главная часть ханака – большой зал для дервишских радений⁸⁷.

Каялыкская ханака. От сооружения остались лишь основания стен с зафиксированным рядом жженого кирпича размером 27×27×4 см. Западная часть сооружения уничтожена проселочной дорогой и речкой. Исследованиями установлено наличие одиннадцати помещений. Общий размер сооружения 19,7×19,7 м.

Хорошо сохранившаяся в плане восточная половина сооружения, а также два помещения западной части дают возможность сделать графическую реконструкцию основного объема. Здание имело центрическую организацию внутреннего пространства, где крестообразный зал с четырех сторон окружали открытые помещения размерами 5×6 м. В четырех углах прямоугольника внутреннего пространства сооружения были расположены по три помещения: квадратной формы угловое (5×5,5 м) и два прямоугольных (3,5×5,5 м), примыкающих к квадратному с двух сторон.

Двор был перекрыт кровлей, о чем свидетельствуют четыре массивных кубической формы камня – основания колонн, на которых держалось перекрытие.

Под полом некоторых помещений зафиксированы погребения. Этот факт наводит на мысль о сооружении ханаки после постройки мавзолеев и возникновении на месте пространства вблизи мавзолеев кладбища. Таким образом, первоначально был сооружен большой западный мавзолей, впоследствии к которому с восточной стороны был пристроен еще один мавзолей. Затем пространство к западу стало использоваться для совершения погребений. В третий период на этом месте была сооружена ханака, а территория к северу от мавзолеев использовалась для строительства комплекса жилых и хозяйственных построек, возможно, связанных с комплексом мавзолеев и ханаки. Это несколько помещений, среди которых выделяется жилое помещение с тандыром и загон для скота к западу от него. Помещение загона сверху было перекрыто слоем битого кирпича толщиной 0,5 м, относящегося к зданию из жженого кирпича, оставшегося за пределами раскопа с северо-западной стороны. Назначение других помещений, равно как и параметры, не удалось выяснить из-за плохой сохранности конструкций. Замечены следы перестроек, во время которых планировка домов претерпевала изменения.

Участок данной застройки имел четкие границы с остатками мавзолея, вплотную примыкая к завалу кирпичей. Под завалами были расчищены остатки задней стены мавзолея, сохранившейся в длину на 3,7 м, толщиной 0,82 м⁸⁸.

Ханака Саурана расположена севернее центральных развалин. Здесь до сих пор возвышаются остатки разрушенной временем сырцово-глиняной постройки. Она состояла из

семи помещений. План постройки «читается» достаточно четко. Наружные стены всех помещений постройки, за исключением южных стен помещений № 2 и 7, обвалились. Их первоначальная толщина составляла 1,2 м. Причем, наружная стена помещений № 3 и 5 выступала за общую линию фасада на 1,2-1,3 м.

Постройка ориентирована сторонами по странам света. Главный вход в комплекс находится в центре южной стены в глубине (арочного?) айвана, который имеет ширину 4,3 м и глубину 2,8 м (помещение № 1). Через него попадали в центральное квадратное помещение (№ 8) размером 6,1х6,1 м. Оно служило связующим, через которое можно было попасть во все помещения комплекса. Объем помещения увеличен за счет четырех широких (4 м) ниш разной глубины. В центре ниш устроены дверные проемы, через которые попадали в помещения восточной (№ 6, 7) и западной (№ 2, 3, 4) части, а также в северное помещение № 5. В боковой стене западной, самой глубокой, ниши на высоте 1,30 м от пола устроена неглубокая ниша высотой 0,6 м.

В юго-западном углу постройки находится помещение № 2. Оно квадратное в плане, размером 3,1х3,1 м. В него можно было попасть также и через дверной проем прямо из входного айвана. Северо-западный угол постройки занимает аналогичное квадратное помещение № 4, в восточной стене которого прослеживаются три ниши шириной 0,8 м и высотой 0,6 м. Из этого углового помещения был также отдельный выход шириной 1,1 м во двор, окружавший архитектурный комплекс. Между угловыми квадратными помещениями № 2 и № 4 расположено помещение № 3 (2,5х4,2 м). Все три западных помещения (№ 2, 3, 4) связаны между собой проходами, а угловые имеют еще и отдельные выходы наружу: помещение № 2 – во входной айван, помещение № 4 – во двор.

Северное помещение дверным проемом соединяется только с центральным вестибюлем – помещением № 8 (3,5х4,3 м).

В восточной части расположены два смежных помещения № 6 и 7. Из центрального вестибюля дверь вела в помещение № 7 размером 3,5х9,7 м. Справа от входа (южная треть помещения) располагалась широкая (около 3,5 м) суфа, в которой устроен тандыр. Устье его диаметром 0,55 м выходит на уровень поверхности суфы, высота которой 0,45 м. Над суфой на высоте 1,1 м в южной стене устроены две ниши высотой 0,6 м.

В северной стене помещения № 7 устроен проход, через который попадали в угловое квадратное помещение № 6 (3,5х2,2 м).

Два угловых помещения (№ 2, 4) и вестибюль (№ 8), очевидно, были перекрыты куполами. Кое-где в углах этих помещений на высоте около 2 м заметны следы арочных парусов. Особенно четко они прослеживаются в помещении № 4. Прямоугольные в плане помещения (№ 3, 5, 6, 7), вероятно, имели плоские балочные перекрытия.

В разломах обвалившихся стен на высоте около 2,5 м видны круглые продольные полости от истлевших балок, некогда вмонтированных в кладку стен. Очевидно, это сейсмопояс – антисейсмическая мера, часто используемая в строительной технике Средней Азии и на юге Казахстана.

Планировка усадьбы, нехарактерная для жилых комплексов региона, и в то же время наличие просторного кухонного помещения с тандыром (№ 7) говорят о необычном функциональном назначении данной постройки. Монументальный внешний вид, высокий арочный входной айван, купола, над которыми возвышался, вероятно, большой купол над центральным вестибюлем, дают основание видеть в данном сооружении ханаку⁸⁹.

Медресе

Медресе Саурана. В письменных источниках сообщается о строительстве медресе в городах Южного Казахстана. Так, о хане Ерзене – сыне Сасы-Буки, а это первые десятилетия XIV в., в «Анониме Искандера» сказано: «он был царем крайне умным, праведным, превосходным, богобоязненным. Большую часть медресе, ханака, мечетей и прочих благотворительных учреждений, которые находятся в Отраре, Сауране, Дженде и Барчкенде, устроил он»⁹⁰.

Интересные сведения о медресе Саурана оставил автор XVI в. Зайнабдин Васифи. Во время его пребывания в Сауране в 1514-1515 гг. он сделал интересные записи о сауранском медресе с его двумя качающимися минаретами. Он пишет: «На плечах (кейф) его айвана поставлены два высоких минарета необычайной высоты и крайнего благородства, так что один из поэтов этого медресе уподобил тот айван Захаку со змеями. У гульдасты тех минаретов прикреплена цепь, а под куполами куба каждого минарета пристроено бревно (чуб) так, что когда кто-либо с силой приводит бревно в движение, цепь колеблется, и тому, кто находится на противоположном минарете, представляется, что минарет рухнет, и это одно из чудес мира». Там же говорится, что по случаю назначения главой (мударисом) медресе на торжественное собрание было приглашено более пятидесяти студентов из числа постоянно проживавших в медресе⁹¹.

Следует отметить, что остатки двух высоких минаретов сохранялись еще во второй половине XIX в. Они были описаны и зарисованы П.И.Пашино и А.К.Чейнсом. Сохранилась также фотография минарета, выполненная фотографом М.К.Приоровым в 1866 г.⁹²

Археологические поиски визуально выявили в центре городища Сауран вокруг скопления обломков жженных кирпичей остатки медресе. Раскопки позволили восстановить планировку здания, остатки двух минаретов у входа, постройки, которые, безусловно, являются остатками медресе, описанного Васифи.

Медресе расположено на центральной площади – регистане. Построено напротив другого монументального сооружения, предположительно, тоже медресе, и они вместе с раскопанной на западной стороне площади мечети образуют архитектурный комплекс. Под строительство медресе был снесен жилой квартал, остатки которого были обнаружены в шурфах⁹³.

Медресе представляет собой здание симметричной дворовой композиции, в плане представляющее прямоугольник размером 31,5×28 м. Главный вход, выделенный двумя минаретами, ориентирован на северо-запад. Расчистка завалов у входа в медресе выявила основание первого минарета. Были расчищены четыре верхних ряда основания минарета, выступающие над цоколем. Цоколь образован 11 рядами кладки кирпича. Высота его 1 м, диаметр основания – 3,3 м. Нижняя часть минарета выступает за фасадную стену. Другая часть интегрирована с фасадной стеной и порталом сплошной кладкой вперевязку. Тулово минарета до уровня крыши, вероятно, было цельным, а далее полым с винтовой лестницей. В северо-восточном вестибюле на северной грани в стене сохранились ступеньки, ведущие на крышу, а оттуда внутрь минарета.

На месте второго минарета была расчищена прямоугольная конструкция сплошной кладки из обожженного кирпича размером 23-25×23-25×5-6 см на глиняном растворе с большой примесью золы (кыр). Этот массив кирпичной кладки имеет прямоугольный план размером 3,5×2,75 м. Его основание залегает на глубине почти 2 м от

уровня порога, и на глубину 3 м от уровня полов постройки, сохранилось в высоту на 1,75 м.

Для устройства фундамента был вырыт котлован, прорезавший нижележащий культурный слой. Нижний ряд составляют кирпичи, поставленные на ребро, сгруппированные в основном по четыре и выложенные в шахматном порядке. Между кирпичами скрепляющего раствора нет, лишь произведена заливка жидкой смесью воды и золы. Затем следует кладка из шести рядов жженого кирпича на растворе со значительным содержанием золы. Далее еще один ряд кирпичей, положенных на ребро. И наконец, пять рядов кладки плашмя. Золистый раствор, примененный в кладке фундамента и заливка золой, вероятно, использованы как гидроизолирующий материал. Можно предположить, что два ряда кирпичей, поставленных на ребро без раствора, выполняли функцию сейсмопояса.

Перед фасадной стеной медресе по обе стороны от входной лестницы имеются площадки, оконтуренные стенкой из двух рядов жженого кирпича. Площадки размером 12×7 м приподняты на высоту 1 м, заполнены строительным мусором, поверхность сверху выложена целыми и битыми кирпичами.

Площадка перед входом выложена каменными плитами. К входу вела трехступенчатая лестница шириной 3,3 м и длиной 4,5 м. Поверхность широких ступеней была выложена крупноформатными (45×45×7 см) обожженными плитами. Края ступеней были оформлены рядом поставленных на ребро кирпичей. Ширина входной ниши (айвана) 2,5 м, глубина 2,25 м. Над нишей – арка, покоившаяся на выдвинутых пилонах, расширенных за счет вплотную пристроенных минаретов. Далее через дверной проем шириной 1,9 м попадали во входной вестибюль размером 5,8×2,9 м. Входная дверь была устроена в нише глубиной 0,25–0,30 м и шириной 3,3 м. В углах у входа были устроены широкие суфы размером 1,3×1,7 м. Вестибюль был с двумя восьмигранными помещениями. Через левое восьмигранное помещение попадали в дарсхану и во двор. На северной грани расчищено основание внутрискрипной лестницы, ведущей на крышу, где был вход на минарет. Правое помещение имело проходы во двор и, скорее всего, в мечеть, которая, к сожалению, разрушена полностью.

Прямоугольный двор размером 18×15 м был выложен кирпичами, которые хорошо сохранились между двумя рядами данданы (ряд кирпичей, поставленных на ребро) полосой шириной в 2 м. Выкладка центральной части двора была разобрана и сохранилась локальными участками. Первый ряд данданы окаймляет двор по линии торцов пилонов, второй – устроен с отступом 2,5 м и ограничивает площадь размером 11,7×8,5 м. Во дворе выявлены два айвана, расположенные противоположно друг другу и открытые в сторону двора. Входы в айваны расположены на продольной оси здания. Площадь заднего юго-восточного айвана 5,4×5,4 м. Возможно, он был перекрыт стрельчатым сводом, от него сохранился фрагмент рухнувшего свода. Толщина несущих стен составила 1,55–1,56 м. Кладка стен и свода комбинированная. В теле стены и рухнувшего свода в основном применен сырцовый кирпич. Три ряда сырцовых кирпичей чередовались с одним рядом жженого кирпича. От северо-западной стены сохранилась лишь торцовая часть длиной 2,18 м, высотой 0,55 м (8 рядов кладки). Пол, вымощенный жженым кирпичом, выбран. Его остатки сохранились вдоль северо-восточной стены одним рядом, а в задней части сохранилось два кирпича, позволяющих восстановить рисунок вымостки ромбиками. Дандана перед айваном сильно разрушена. Перед юго-западной стеной айвана расчищены остатки суфы размером 2,5×2,4 м, устроенной, как и все айванские суфы, позднее при обустройстве.

Северо-западную часть двора занимал завал, образовавшийся при разрушении переднего северо-западного айвана. Первоначальный размер айвана был равен $5,4 \times 2,3$ м, затем торцы были наращены до 3,5 м. Свод айвана также рухнул.

При расчистке помещений было установлено, что разрушению их предшествовало запустение, когда образовался толстый наносной слой, после чего они обживались повторно. Во всех помещениях перед входом устроены заглубленные относительно пола площадки с ташнау. В нескольких помещениях, сохранившихся более или менее удовлетворительно, выявлены ниши в стенах. Полы в помещениях вымощены как целым, так и кусками жженого кирпича. Во время функционирования медресе помещения обустроивались. В частности, установлено, что в помещениях были устроены печки для отопления с канами в суфах, выведенных к углу помещений, в результате чего первоначальный уровень суф в помещениях несколько повысился. Топка печей в помещениях находится в углах площадки, поэтому в этих местах борта площадок разбирались. Каны проведены с использованием кирпичей, поставленных на ребро, перекрытых целыми кирпичами. Каны имеют ширину 22 см, внутренняя полость 12 см. Также позднее в помещениях появились курильницы для сжигания травы адраспан, «отгоняющей злых духов», в виде углублений в полу, устроенные из четырех вертикально поставленных квадратных жженных кирпичей размером 25×25 см, глубиной 20 см. Такие курильницы обнаружены в трех помещениях. При обустройстве в айванах перед помещениями появились суфы, приблизительные размеры которых $1,4 \times 0,9$ м. Перекрытия в помещениях, вероятно, были сводчатыми. Завалы в основном располагаются в центре помещений, в четырех из них обнаружены дугообразные фрагменты кладок сводов и трапециевидные в сечении ганчевые плитки, которыми оформлялись перекрытия. Стены были оштукатурены ганчевым раствором, многочисленные фрагменты которых встречаются в завалах. Найдены глазурованные плитки с растительным и эпиграфическим орнаментом и шлифованные плитки, применявшиеся при облицовке фасадов.

Помещение 18 является угловым и самым большим. Его расположение и размер $6,25 \times 5,15$ м позволяют интерпретировать как дарсхана (гигиеническое помещение). Перед входом устроено ташнау размером $1,6 \times 1,95$ м, кирпич в центре со сливным отверстием заглублен на 5 см относительно уровня ташнау. Первоначально помещение было сквозным, в северо-восточной стене имело выход на улицу. Проход шириной 1,2 м, находившийся в 2 м от восточного угла помещения, впоследствии был заложен. Пол помещения выложен жженым кирпичом. Помещение разрушилось одним из первых из-за оседания внешней стены, ближе к северному углу. Перекрытие рухнуло непосредственно на пол.

Помещение 17 имеет размеры $3,35 \times 3,05$ м. Северо-западная стена сохранилась на высоту 0,88 м (13 рядов) от уровня пола, северо-восточная – 0,98 м (14 рядов). Перед входом устроено ташнау размером $1,05 \times 1,05$ м. Слева от входа в стене устроена ниша шириной 0,66 м, глубиной 0,4 м. Пол в помещении выложен из целых кирпичей. Порог перед входом приподнят на высоту одного кирпича относительно пола айвана. На полу находился надувной слой грунта толщиной 0,4 м. На айване перед помещением позднее были устроены суфы по бокам прохода.

В помещении 16 размером $3,35 \times 2,80$ м сохранился западный угол, стены остальной части разобраны. Перед входом устроена площадка с ташнау размером $1,05 \times 0,8$ м. Посередине помещения на полу находилась курильница размером 25×25 см, глубиной 20 см. Перед входом с правой стороны сохранились борта айванной суфы. Из находок,

обнаруженных в помещении, следует отметить подставку для пера и крышку чернильницы из бронзы.

Помещение 15 находится к северо-западу от помещения 14. Стены помещения разобраны. Сохранился восточный угол и левая (южная) сторона дверного проема. Направление стен можно установить по вымосткам пола в помещениях. В завале обнаружен фрагмент дугообразной кладки перекрытия помещения из четырех кирпичей. Под завалом расчищен надувной слой лесса толщиной 0,3 м, перед входом устроена площадка ташнау (0,9×1,03 м), вымощенная жженым кирпичом, ограниченная бортиком и порогом. Бортики ташнау высотой 0,14 м сложены из половинок квадратного кирпича, поставленных на ребро. Восточный угол бортика разобран при устройстве печки, затем восстановлен битыми кирпичами. Топка печки находится у восточного угла площадки.

Помещение 14 прямоугольное в плане (3,6×2,85 м). Параметры помещения восстановлены по отдельным фрагментам стен. В центре помещения расчищен фрагмент свода и ганчевые обкладки. Перед входом обнаружена площадка с ташнау. У северного угла площадки находится курильница из четырех кирпичей, поставленных на ребро. Размер ее 30×35 см, глубина 28 см. У восточного угла площадки ташнау в юго-восточном бортике расчищена топка (20×18 см) печки.

Помещение 13 соседствует с коридором и находится к северо-западу от него. Помещение плохой сохранности, но по остаткам стен восстанавливается его размер – 3,75×2,9 м. Входная часть полностью разрушена. Сохранилась площадка с ташнау перед входом. Позже часть левого (северо-западного) борта ташнау была разобрана и в северном углу площадки устроена топка печи. Устье топки размером 18×16 см заложено кирпичом. От топки под полом был проведен кан в западный угол помещения. Пол помещения выложен обломками кирпичей.

Помещение 11 – узкий коридор (3,85×1,35 м), через который попадали со двора в помещения 6, 7 и туалет 12. Северо-западная стена глухая, середина ее разобрана полностью. Пол коридора вымощен кирпичами.

Помещение 6 является угловым. Вход в помещение смещен от центра к западному углу. Перед входом находилось ташнау с кирпичом со сливом в виде восьмиконечной звезды. Борта ташнау сложены из кирпичей, поставленных плашмя. На северо-восточной стороне борта топка печки. В восточном углу помещения расчищена хумча, донная часть которой срезана.

Помещение 7 соседствует с помещением 6. Вход в помещение находится в северо-западной стене. Перед входом имеется площадка с ташнау. Пол выложен жжеными кирпичами и их обломками, которые сохранились по бокам ташнау и в задней части.

Помещение 9 примыкает к айвану с юго-запада. В центре помещения расчищен завал из жженных кирпичей и штукатурки. В завале найдены фрагменты кладки свода. Стена с входом полностью разобрана, но маркируется поворотом стены. Перед входом площадка ташнау с бортиками. На полу найдены две медные монеты. В северном углу помещения под полом найден клад из одной серебряной и шести медных монет. Клад находился под выкладкой пола.

Помещение 19 примыкает к заднему айвану с юго-запада. Стены помещения с трех сторон разобраны до основания. Сохранился участок северо-западной стены с проходом. На этой стене у западного угла помещения устроена ниша шириной 0,7 м, глубиной 0,4 м. Выкладка пола из фрагментов жженого кирпича сохранилась вдоль задней стены и у ташнау.

Помещение 20 размером 2,9×1,9 м. Вход в помещение и пол выложены жжеными кирпичами.

Помещение 2 располагается в южном углу здания. Размеры помещения 2,8×3,6 м. Сохранность помещения плохая. Проход в помещение устроен в северо-западной стене. Перед проходом в помещение находится площадка с ташнау. В южном углу устроен закром с закругленной стенкой, также относящийся к периоду вторичного обживания, так как сложен на наносном слое толщиной 20 см. На сохранившейся вымостке пола у юго-западной стены на месте тандыра округлое прокаленное пятно.

Помещение 22 выполняло функцию коридора, через него попадали со двора в помещения 20, 23 и через проход во внешней стене медресе выходили на боковую улицу. В коридоре у входа со стороны двора устроена суфа размером 0,57×1,10 м.

Помещение 24 примыкает к коридору с северо-запада. Размеры помещения 2,9×2,9 м. Проход шириной 1 м устроен в северо-восточной стене. Перед входом суфа размером 1,1×0,85 м, от нее остался один ряд кирпичей. Перед проходом в помещение устроена площадка ташнау размером 0,8×0,75 м. С северо-западной стороны площадки ташнау в суфе сохранились остатки тандыра диаметром 0,55 м, высотой 0,25 м. При расчистке в тандыре найдено поливное блюдо. У западного угла площадки находится очаг-санда, вмазанный в суфу.

Помещение 25 примыкает с северо-запада к помещению 24 (2,95×2,86 м). Прослежены три уровня пола в помещении. Перед входом расположена площадка ташнау. У северо-западного угла площадки с ташнау полуразрушенный очаг-санда с золой и древесными угольками.

Помещение 26 имеет размер 3×2,83 м. Сохранились его юго-восточная и часть юго-западной стены. Перед входом традиционное ташнау. У западного угла устроен очаг из жженого кирпича.

Помещение 27 соседнее с помещением 26, примыкает к нему с северо-запада. Стены помещения полностью разобраны. Входная часть разрушена, сохранилась площадка с ташнау, залегающая несколько глубже. В западном углу площадки находилась топка печи. По уровню этого пола расчищен очаг-санда пятиугольной формы размером 0,31×0,36 м, глубиной 0,33 м. Дно очага обмазано глиной. В очаге находилась зола.

Помещение 28 плохой сохранности, размером 3,15×2,87 м. Стены полностью разобраны. Выявлены остатки площадки с ташнау, очага-сандала и кан от печи.

Находки. В помещении 1 на полу площадки с ташнау были найдены фрагменты глазурованной и неполивной посуды. Глазурованная посуда представлена тремя экземплярами блюд на дисковидном поддоне, несколькими фрагментами чаш и тарелок. Роспись внутренней поверхности блюд произведена по белому фону. На венчиках стилизованные орнаменты растительного характера, под ним спиралевидные ободки и косые насечки. Чаши и тарелки покрыты глазурью и росписью с обеих сторон. Неполивная керамика представлена фрагментами хумов, кувшинов, горшков. Среди находок верхнего строительного горизонта следует отметить несколько монет, завернутых в тряпочку, найденных на полу вместе с керамикой. Монеты диаметром 0,5 см окислены. Отдельно от них найдена еще одна медная монета.

При раскопках помещений медресе были найдены фрагменты арок и перекрытий, штукатурка со стен без следов раскраски. Поверхность штукатурки из некоторых помещений была покрыта сажей. В завалах найдены многочисленные декоративные кирпичики без поливы различных форм (шестиугольные, ромбические, прямоуголь-

ные), которые были обнаружены как в отдельности, так и в соединении с раствором. Глазурованные плитки представлены шестиугольными, пятиугольными, трапециевидными, прямоугольными формами. Изразцы орнаментированы узорами растительного, геометрического и эпитафического характера. Встречен один фрагмент декора, где орнамент передан рельефно, покрыт голубой глазурью. В помещении 9 в завале в центре найдены фрагменты куббы сферической формы, один из которых покрыт голубой глазурью, другой без поливы.

В помещениях были обнаружены чернильницы, подставки для пера. Подставка четырехгранная, сужается к верху. Высота 7,5 см, основание 4×4 см, верхняя часть 2,3×2,3 см. Внутри она полая, диаметр устья 1,3 см. Снаружи покрыта синей глазурью, на которую коричневыми линиями нанесен ромбический орнамент. Сверху у устья застыла чернильная капля. Нижняя часть сломана.

Крышка чернильницы четырехгранная, с закругленными углами. Сверху, в центре, имеется отверстие диаметром 1,8 см. Сбоку сделана треугольная щель, возможно, для пера. На поверхности два ряда рельефных косых черточек, разделенные линией, образуют елочку. Поверхность покрыта коричневой глазурью.

В помещении 17 найдены фрагменты чернильницы в виде сосуда с округлым туловом и узкой горловиной. На горловине есть круглое отверстие для пера. Во дворе, перед помещением 17 найдена еще одна чернильница цилиндрической формы высотой 5 см, диаметром 3,5 см, Толщина стенок 0,3 см, с отогнутым наружу венчиком. Покрыта светло-голубой глазурью. Цилиндр был установлен на подставку, но в настоящее время из-за утраты подставки дно чернильницы отсутствует.

Интерес представляет фрагмент донной части кесе с надписью чернилами. Надпись гласит «Мулла Кд...», из которого можно предположить, что имя владельца кесе «Кудрат» или «Кадыр».

Нумизматический материал представлен двумя десятками монет, найденных в заполнениях помещений. Можно выделить шесть монет, одна из которых серебряная, обнаруженных в одной ямке под выстилкой пола помещения 9. Монеты в основном медные, плохой сохранности. Формы монет округлые, эллипсоидные с усеченными концами. Серебряная монета датируется XVI в.⁹⁴

Керамический материал, относящийся ко времени запустения медресе, был найден в заполнении заглубленных площадок перед входами в помещения. Керамика представлена в основном глазурованной посудой – блюдами и чашами. Найдено несколько фрагментов тагора. Интересно импортное блюдо из помещения 12, предположительно бухарского производства. Посуда из слоя расписана стилизованным растительным и геометрическим орнаментом. Встречается сочетание двух видов узоров. Роспись нанесена по белому и голубому фону с обеих сторон. Глазурь не покрывает только поддоны. Поддоны дисковидные, слегка вогнутые, с кольцевым желобком. Керамика данного типа датируется XVI–XVII вв.⁹⁵

Глава III

Мусульманские бани

Как известно, в восточном городе баня занимала видное место в ряду общественных сооружений. После мечети она была самым посещаемым местом. «...Баня на Кавказе, как и на всем Востоке, предмет особой заботы и градоправителя, и цеховых организаций, и отдельного богача, устроившего баню для себя и для своих друзей. Потому что баня служит не только для омовения, но и для укрепления сил, поднятия упавшего настроения, для отдыха, для встречи и дружеской беседы с приятелями, для встречи и разговора о купле и продаже, о торговой сделке и для показа мастерства в шахматы или нардах»⁹⁶. Бани являлись также своеобразными лечебными заведениями. Врач IX–X вв. Закария ар-Рази, описывая влияние бани на организм человека, рекомендовал украшать бани хорошей живописью, которая исцеляет от меланхолии и облегчает груз забот⁹⁷.

О популярности бани в быту населения свидетельствуют многочисленные ее характеристики, описания банных эпизодов, перечни своеобразных правил посещения бань⁹⁸.

Баню нередко использовали и в лечебных целях – таковы, например, бани Эрзерума, Бруссы и Тбилиси, возведенные над лечебными источниками⁹⁹. Трактат XI в., принадлежавший перу ибн Сины, содержит широкую информацию о том, какие целебные отвары и настои должны применяться в бане¹⁰⁰.

Популярность этих заведений среди городского населения была действительно огромной. Джелал Эссад писал: «Бани также необходимы мусульманину как и мечети...»¹⁰¹. Известно, например, что в Багдаде в первой половине X в. насчитывалось 10 тысяч бань¹⁰². В ходе раскопок на Афрасиабе на небольшой территории при дворце цитадели было открыто пять бань, что в свою очередь дает возможность предположительно вывести общее число банных комплексов, которых, возможно, было не менее шестидесяти¹⁰³. Быстрое распространение бань в средневековых городах определено двумя факторами: культовыми и бытовыми узаконениями ислама (вспомним постройки «тахоратхана» при больших мечетях с отопливаемыми полами, купольными и сводчатыми перекрытиями, используемые для ритуальных омовений «тахорат»), а также широким распространением жженого кирпича.

Вопрос о времени сложения крестовидного типа бань не решается однозначно. В.Л.Воронина полагает, что бани из жженого кирпича с крестовидной планировкой,

со строго последовательной системой соединения помещений и градацией их температурного режима возникали в Средней Азии в XIV в., после того, как регион оправился после разрухи, вызванной монгольским нашествием¹⁰⁴. Однако, археологические материалы свидетельствуют об их более раннем появлении – в конце XI–XII в. Во второй половине XIII в. и позднее, вплоть до XIX в., строились бани, продолжавшие архитектурно-планировочные традиции, сложившиеся в предшествующее время¹⁰⁵. Бани казахстанских городов известны по материалам раскопок и одна сохранилась в Туркестане почти до наших дней и функционировала до середины XX в.

Бани были двух типов – общественные и частные. Первые строились правителями и богатыми людьми и отдавались в пользование горожанам как богоугодные пожертвования, либо для получения прибыли. Возможно, наряду с мужскими, были бани и женские. Частные бани строили при богатых домах и дворцах, они предназначались для правителей или владельцев богатых домов, их семей, гостей, прислуги. Они были небольшими.

Бани сооружались из жженого кирпича, помещения их перекрывались куполами. В них устраивались ванны для мытья, стены иногда украшались водостойкими фресками. Температура в бане поддерживалась системой отопления, называемой гипокауст. Она предусматривает наличие подпольного пространства, где циркулировал горячий воздух. Он обогревал пол, который опирался на кирпичные столбики или стенки.

Температура регулировалась при помощи вертикальных каналов в стенах. Вода подогревалась в котлах, вмазанных в топку, и зачерпывалась оттуда ковшом, либо разносилась специальными людьми. Сточная вода выводилась системой кубуров.

Бани углублялись в землю, их ставили в специально выкопанных котлованах, на поверхность выступали купола – так в бане сохранялось тепло¹⁰⁶.

Первая баня Тараза исследована Семиреченской археологической экспедицией, руководимой А.Н.Бернштамом в 1938 г.

Баня в плане близка к квадрату (14×13,3 м) и ориентирована почти точно по сторонам света. Топка с источником горячей воды помещалась в юго-восточном углу, а входная группа помещений в противоположной, северо-западной части здания и состояла из квадратного вестибюля и фланкирующих его симметричных коридоров. Есть основание считать, что вестибюль был перекрыт не куполом, а сводом четырехметрового пролета, и что боковые массивы стен с коридорами играли роль контрфорсов, принимавших усилие распора свода.

Три небольшие комнаты вдоль южной стороны – две квадратные, и вестибюль с широким входом на западной стороне образовывали изолированное «отделение» бани, – может быть, для почетных посетителей.

Другая группа помещений была организована по двум перпендикулярным осям. На оси север-юг располагались большой вестибюль и следующая за ним квадратная (вероятно, купольная) комната размером 3,2×3,2 м с нишами по всем сторонам. За вестибюлем находилась купольная комната, к востоку от нее – комната таких же размеров, и тоже, вероятно, купольная, но без ниш, связана с предыдущей комнатой осевым проходом. Замыкает эту цепочку помещений на востоке небольшая размером 2,1×2,1 м и тоже, возможно, купольная комната, примыкающая с севера к топке. Это, судя по ее расположению, горячая моечная. Большое помещение в северо-восточном углу, находящееся на общей (поперечной) оси с северным вестибюлем и боковыми коридорами, служило, видимо, массажной или теплой моечной.

В одном помещении сохранилась кирпичная выстилка пола, в другом найдена кирпичная «ванна» – резервуар размером 175×47 см.

Вход в баню сделан в северной стене. Он вел в небольшую комнатку с полками для сидения. Стены ее были украшены фресковой росписью. Эта комната соединялась с помещениями, в которых находились ванны. В стенах помещений с ваннами были устроены ниши, также заполненные фресковой росписью. Она наносилась на поверхность штукатурки, устойчивой против воды.

Орнамент росписи по стенам геометрический и состоит из восьмиугольных желтых звезд, оконтуренных черной линией и связанных между собою красными крестами.

Другими элементами росписи являются восьмигранники из комбинаций четырехугольников серого цвета, окаймленных красными и желтыми шестигранниками. В многочисленных фрагментах штукатурки, упавшей с потолка, обнаружены росписи и краски несколько иного характера. Здесь можно наблюдать растительные сюжеты в виде вытянутых листьев и стебля. Преобладают голубые, синие и оранжевые тона красок.

В завале строительного мусора найдены следы лепных украшений в виде резных терракотовых цветов, видимо, тюльпанов, опущенных лепестками книзу.

Отапливалась баня нагретым воздухом, циркулирующим в каналах, проложенных под полом и полками.

Возле одной из ванн археологи нашли стопку монет (дирхемов) из низкопробного серебра, которые позволили точно датировать постройку и существование бани XI в.¹⁰⁷

Вторая баня Тараза была обнаружена при рытье котлована под постройку на базарной площади Тараза, находившейся на месте цитадели городища.

Баня была частично раскопана, вскрыты топка и четыре помещения, два из которых раскопаны полностью. Сохранились топка, цистерны для горячей воды, система отопления – жаронаправляющие стоки, колодцы и щели для вывода дыма и жара, устроенные в стенах два колодца и две линии кубуров для отвода сточных вод. Керамика позволила датировать эту баню XI–XII вв.

Баня Актобе сохранилась частично. Размеры ее 10×7 м. Стены бани возведены из обожженного кирпича размером 37×25×4,5–5 см и 25×25×4,5 см. Северная стена толщиной 0,8 м, восточная – 0,9 м, южная – 0,75 м. Их сохранившаяся высота 0,7–1,25 м.

У северной стены находилась печь, на которой сохранилось место, где стоял котел. Сохранились фрагменты подпольной отопительной системы – столбики из жженого кирпича, между которыми циркулировал горячий воздух.

Вдоль восточной стены проложена канализационная труба, по которой уходили наружу сточные воды. Баня датируется X–XIII вв.¹⁰⁸

Баня Екпенды расположена рядом с городищем у с. Екпенды в 25 км южнее г. Шымкента, в месте слияния горных рек Бургулюк и Донгустау. К сожалению, баня полностью не раскопана.

Вскрыта ее восточная часть, где находилось помещение для мытья и часть центрального зала с остатками гипокауста – подпольной системы обогрева. Судя по керамике, она функционировала в XI–XII вв.¹⁰⁹

Отрарская баня (северная) XI–XII вв. находилась с северо-западной стороны городища, недалеко от ворот Дарваза и Суфи¹¹⁰.

До раскопок это был вытянутый овальной формы бугор высотой около 4 м. На нем с конца XV в. размещалось кладбище: склепы с захоронениями располагались в несколько ярусов, причем, самые поздние – под дерновым слоем, более ранние – на глубине до 2,5 м. Склепы были сложены из серого и желтого сырцового кирпича, а также

сооруженные из жженого кирпича и его обломков, взятых из постройки бани. Стены бани, полы разбирались и в более позднее время, тогда кирпичи использовались при строительстве домов XVI–XVIII вв.

Вход в баню находился в юго-западной фасадной стене, через него посетитель попадал в помещение 1 площадью 6,8 кв.м, от которого до нас дошла кладка в северном углу и фрагменты северной стены. От центрального зала площадью 12,6 кв.м, выполнявшего роль парной и массажного отделения, есть остатки кладки стен, открытые только в северо-восточном углу, остальные стены реконструированы по отпечаткам кирпичей. Два помещения центрального зала площадью по 7,8 кв.м, видимо, выполняли роль массажных и парных. В помещении 4 кирпичная кладка сохранилась в западной стене участками (далее до угла она прослеживается по остаткам кирпича) и у северо-восточного угла. Контур помещения 7 определили по отпечаткам кирпичей и кладке, сохранившейся на узком участке северной стены.

Помещения 5, 8 и 6, имевшие равную площадь, предназначенные, скорее всего, для мытья, сообщались с соседними посредством относительно узких проходов, что помогало поддерживать определенный температурный режим. В помещении 5 площадью 7,1 кв.м кладка сохранилась на отрезке западной стены, примыкающей к юго-западному углу, и в восточной стене, связанной углом с участком южной стены. Остальные участки стен восстановлены по отпечаткам кирпичей. В помещении 8 площадью 6,7 кв.м сохранилась кладка южной стены, а также кладка узкого (ширина 0,35 м) входа в юго-западном углу помещения. Сохранившееся лучше других помещение 6 площадью 5 кв.м имело лишь участки до основания разрушенных стен, примыкавших к северо-восточному углу. Проход в северной стене у северо-западного угла соединял помещения 6 и 7.

Помещение 2 условной площадью 14 кв.м, видимо, предназначалось для отдыха и восстановлено в плане по кладке южной стены, сохранившейся на длину около 2,5 м. Уцелела на такую же длину кладка восточной стены, и далее, на коротком участке, ее удалось проследить по отпечаткам. По отпечаткам же реконструирована западная стена.

Помещения 8а и 9 являлись в комплексе подсобными, и в них находились резервуары с водой для мытья, которые не сохранились. План удалось восстановить по отдельным участкам кладки стен: у внутренней стены между помещениями 8 и 8а, в углах и в районе топки в восточной стене, в юго-западном углу помещения 9. От стены, разделяющей помещения 8а и 8, прослеживался лишь метровый участок с отпечатками кирпичей.

Помещения примыкали к зданию бани с северной стороны. Стены их выложены также из жженого кирпича, однако судить об их назначении по имеющимся фрагментам конструкций затруднительно. Отметим лишь, что от северной стены бани под прямым углом отходят два участка кладки: один – длиной 2,4 м в районе северо-восточного угла помещения 1, другой – длиной 0,2 м – от северо-восточного угла. Направление сохранившегося 11-ти метрового участка стены почти совпадает с северной стеной бани.

Банный комплекс включал еще ряд сооружений. В него входило помещение 13 (2,3×6,9 м), располагавшееся у юго-восточного угла. Длинная стена следовала направлению восточной стены бани. Именно здесь в северной половине обнаружен колодец диаметром 0,85 м.

С баней связано также сооружение из сырцового кирпича, примыкавшее к ней с юга, ориентированное с запада на восток (с некоторым отклонением к северу). Длин-

ная стена сооружения под острым углом сближалась с южной стеной бани, а в районе помещения 9 – они почти смыкались. Сохранность основной части сооружения относительно хорошая, наиболее разрушены угловые участки кладки (за исключением юго-восточного угла).

В помещение 10 (в плане оно трапециевидное, длина стен – 4,3; 9,8; 8,7 м) вели два входа – в южной и западной стенах, которые оба находились в его юго-западном углу. Пространство от западного входа до северо-западного угла было занято суфой. Справа от южного входа до самого угла также находилась суфа, верх ее выложен жженым квадратным и прямоугольным кирпичом, западная часть разрушена. В северо-восточном углу помещения 10 находился бассейн глубиной 0,92 м, с дном и стенами, вымощенными кусками шлака, взятыми из топки гончарной печи. Западнее бассейна на участке, ограниченном суфами, бассейном и северной стеной, находилась (округлая в плане) тумба диаметром 14,5 м.

Сохранность стен помещения, имеющего площадь 25,1 кв.м, хорошая, причем южная стена возвышается на 0,9 м, северная – на 0,8 м. Наиболее разрушенная внутренняя – восточная стена – сохранилась на высоту 0,07-0,1, западная – на 0,27 м.

Проход в восточной стене помещения 10 связывал его с помещением 11 площадью 16,7 кв. м. Южная и северная стены возвышаются на 0,65-0,66 м, высота восточной – до 0,41 м. У восточного угла стояли два хума, врытых у восточной стены, и тандыр диаметром 0,45 м, примыкавший к южной. В юго-западном углу почти на равном расстоянии от стен (0,85 и 0,9 м) открыта тагора, помещавшаяся на возвышении в 0,13 м. У северной стены находился колодец диаметром 0,75 м, стенки которого выложены жженым кирпичом. Вода из колодца могла подаваться в помещения 5 и 6, находившиеся от него на одинаковом расстоянии.

Наконец, третье помещение 12 описываемого сооружения (в плане прямоугольное площадью 5,5 кв.м) имело вход в юго-западном углу. У северной стены на расстоянии 0,85 м от северо-восточного угла обнаружены два врытые в пол хума. Вполне вероятно, что эта расположенная рядом с баней постройка являлась своеобразной прачечной.

Можно предположить, что воду из колодца в помещении 13 по желобу сливали в резервуар, находившийся у западной стены помещения 8а и 9. Отсюда ее брали, видимо, через окошки из помещений 6, 7 и 8. Возможно, в помещения 5 и 6 вода подавалась из южного колодца.

Грязную воду выводили по системе кубуров, участок которой открыт в помещении 9, а по линии кубуров вода выводилась в ров.

Топка бани была вынесена за пределы постройки и представляла собой печь округлой формы, выложенную жженым кирпичом. Этим же материалом выложено дно огневой камеры, имевшей диаметр 1,5 м при высоте 0,55 м. Топочное отверстие шириной 0,36 м находилось в восточной части. К нему примыкала круглая площадка диаметром 4 м, уровень которой заглублен относительно уровня топочной камеры на 1 м. В западной части печи брал начало магистральный канал жаропровода, сложенный из жженого кирпича, и проходил через все здание с востока на запад. По мере удаления от топки он становился уже: так, в самом начале ширина его равнялась 0,6 м, через отрезок 1,9-0,4 м, а крайний западный участок – всего 0,2 м. Сохранился восточный участок канала длиной 3,65 м, остальные 2,5 м реконструировали по отпечаткам кирпичей.

Участки ответвлений от жаропровода не сохранились, без сомнения часть помещений обогревалась при помощи подпольной системы каналов, а остальные – свободной циркуляцией воздуха под полом, который в этих помещениях опирался на «столбики»

из жженого кирпича. От подпольной же системы обогрева остались лишь отдельные «столбики» и фрагменты желобов под помещениями 1, 8а, 9. В помещениях 3 и 8 в расположении столбиков просматривается устройство для свободной циркуляции горячего воздуха.

При раскопках бани найдена керамика, в том числе и поливная (чаши, блюда, чираги), которая относится к XI–XII вв. Своеобразна обнаруженная на полу помещения 12 бронзовая подставка для светильника, выполненная в форме шестигранника, прямоугольные грани которого сверху и снизу скреплялись припаем с прямоугольными пластинами. Грани-пластины украшены прорезным орнаментом в виде крестообразной сетки.

Монеты, как и керамика, подтверждают датировку бани: она датируется XI–XII вв.

Баня Отрара (южная) XI–XII вв. располагалась на территории южного рабада. Как оказалось, она находилась под баней XIII–XV вв. Поскольку основная часть бани уходит под комплекс более поздней постройки, раскопана лишь ее юго-восточная часть, включающая топку и систему цистерн для горячей воды.

Нагревательная емкость размером 2×3×0,8 м представляла собой цистерну, соединенную каналом диаметром 0,5 см с меньшей емкостью (0,6×0,6×0,8 м). Сохранилась керамическая пробка, которой перекрывалось сообщение емкостей. В центр дна нагревательной цистерны было вмазано устье железного котла: его дно и стенки были в свою очередь вмурованы в топку. Таким образом, котел служил своеобразным «греющим элементом»: горячая вода затем переливалась в ванну, откуда ее черпали и использовали для мытья. Дно и стенки цистерны и ванны были сложены из квадратного жженого кирпича и обмазаны несколькими слоями водонепроницаемого раствора (кыра) толщиной до 5 см.

В собранной здесь керамике преобладают тазики (тагора) с прямыми стенками и налипными ручками. Найдено свыше трех десятков целых и фрагментов сфероконусов, служивших для перевозки и хранения лечебных ртутных препаратов. Интересна бронзовая подставка под светильник. Фигурное кольцо покоится на трех ножках, выполненных в виде звериных лап. Такие подставки известны в материалах X–XII вв. из Средней Азии. При раскопках этой бани обнаружены караханидские монеты XI–XII вв., которые при сопоставлении с комплексом других монет позволяют датировать баню XI–XII вв.

Раскопки показали, что на развалинах этой бани в более позднее время в XIII в. был построен новый банный комплекс.

Баня Отрара XIII–XIV вв. В микрорельефе пригородной части отчетливо выделялись многочисленные бугры. В направлении одного из них шло ответвление подземного тоннеля с проложенными в нем водопроводными трубами. Забор водопровода находился напротив южного склона бугра¹¹¹. Здесь же располагались две ямы, из которых местные жители брали жженный кирпич. Верхние слои сооружения на глубину до 1,5 м были нарушены мусульманскими захоронениями. Северо-восточная ориентировка, вытянутое положение погребенных, отсутствие вещей, выложенные из сырцового кирпича склепы-сагана, размер кирпича позволяют считать, что раскапываемый участок рабада начал использоваться под кладбище уже в XVI в. Погребения нарушили культурный слой, поэтому невозможно точно датировать остатки строительных конструкций и получить о них целостное представление.

Ближе к юго-восточному углу раскопа на глубине 0,7 м расчищены топочные камеры двух гончарных печей. В их заполнении собрано небольшое количество керамики. Среди фрагментов поливной керамики преобладают чаши, покрытые желтой, светло-коричневой, темно-коричневой и зеленой глазуриями. Неполивная керамика

представлена узкогорлыми кувшинами, тазиками-тагора, горшками. Обнаружено также несколько фрагментов архитектурного декора: это изразцы, покрытые голубой глазурью, и резная терракота с голубой поливой. Поднято несколько медных монет плохой сохранности.

В этом же раскопе на глубине 1,5 м от дневной поверхности вскрыты остатки бани, состоявшей из нескольких помещений, топки, серии резервуаров для воды и системы подпольного отопления. К сожалению, баня почти вся разобрана. Ее начали разрушать, видимо, уже в XVI в., выбирая жженный кирпич, который затем использовался в жилых и хозяйственных постройках XVI–XVIII вв. На центральном бугре городища во всех домах был использован жженный кирпич из более ранних построек.

Несмотря на то, что от бани сохранилась лишь система отопления, куски стен, фрагменты вымостки полов, общая планировка ее выявляется достаточно четко по уровню нижнего (второго) строительного горизонта.

Это монументальное сооружение, крестообразное в плане. Размер по наружному обводу стен составляет 17×15,5 м. Вход находился в юго-восточной стене со стороны южных ворот Отрара. На расстоянии 5 м от него в восточном направлении шла дорожка из прямоугольных жженных кирпичей (22×11×4 см), уложенных рисунком в виде плетения.

Справа от входа находился комплекс самой бани, слева – двор и 10 помещений¹¹².

Помещение 1 (13,1 кв.м) служило раздевалкой: здесь оставляли нательную одежду и получали набедренную повязку – люнги. В Средней Азии такие помещения называли люнги-хана¹¹³.

Центральный восьмигранный зал бани, как и везде в восточных банях, служил паровой и массажной, обычно в центре его, в нишах у стен устраивали суфы для массажа. В отрарской бане наличие суф можно лишь предполагать. Площадь зала около 22 кв.м.

Помещения 4 и 8, площадью 7,2 кв.м каждое, служили беньюарами.

Из центрального зала открываются входы в помещения 5, 6, 7 для мытья. Температура в моечных была различной: более жаркие назывались иссык-хана (горячие), менее жаркие – саук-хана (холодные). Градация температур в помещениях является особенностью восточных бань. Ибн Сина писал о банях: «Первая комната охлаждает и увлажняет, вторая согревает и увлажняет, третья согревает и высушивает»¹¹⁴. Количество и размещение помещений для мытья варьирует: например, одно горячее и два прохладных помещения, или наоборот; случается, что горячая комната находится в центре, а холодные – по краям, или же две горячих рядом, а холодная с краю, но, как правило, моечных комнат три¹¹⁵. В отрарской бане горячих помещений было два – 5 и 6 (площадь каждого 7,2 кв.м). Они располагались рядом: одно в западном углу, другое – по центру, тогда как прохладное находилось в восточном углу.

В пользу такого утверждения свидетельствует их расположение относительно топки – наиболее «горячего места» в системе отопления бани. Помещения 5 и 6 находились над той частью отопительной системы, куда жар поступал сразу же из топки, а затем уже под полы других помещений.

В помещении 7 площадью 15 кв.м участок пола в северном углу выложен глазурованными кирпичами размерами 26×26×5 и 26×14×5 см. На голубом фоне вымостки по диагонали сделан свастикообразный белый узор. Площадь вымостки 1,2 кв.м.

Помещения для мытья посредством проемов сообщались с помещением 10 площадью 20 кв.м, где находились котел для горячей воды, две цистерны для холодной воды и четыре небольших резервуара.

Топка была вынесена за пределы помещения и находилась сразу же за стеной у восточного угла. Она представляет собой коническую яму глубиной 1,17 м, диаметром вверху 0,8 м, внизу – 1,3 м. Устье размером 0,7×0,7 м расположено на уровне основания. Сверху топка, видимо, закрывалась глиняной крышкой.

От топки идет жаропровод. Вначале он обогревал железный котел, от которого сохранились куски боковин и гнездо диаметром 0,85 м, сложенное из жженных кирпичей. Котел был вмазан в основание цистерны, которая не сохранилась. Рядом с цистерной для горячей воды находились две цистерны для холодной воды. Они расположены по центру помещения и представляют собой разделенный стеной резервуар размером 2,7×2 м по внешнему обводу.

Стены цистерны и перегородка сложены из жженого кирпича (28×28×5 см), поставленного на ребро, скреплены и обмазаны водонепроницаемым раствором – кыром. Толщина стены в четыре кирпича, сохранившаяся высота – 0,3 м. Если предположить, что высота стен цистерны была 0,9 м (при большей высоте было бы неудобно набирать воду из цистерны), то общий объем холодной воды в бане составлял более 6 кубометров.

Четыре резервуара для воды находились у стены в северном углу. Собственно, это был один резервуар, разделенный на отсеки длиной 0,5 м, шириной 0,4 м и высотой до 0,3 м каждый. Стенки резервуара сложены из жженого кирпича размером 28×28×5 см и обмазаны со всех сторон кыром. Определить назначение резервуаров позволяет их явное сходство с резервуарами афрасиабской бани IX в. и нисийской бани XII в.¹¹⁶ Аналогичные резервуары отмечены и в средневековых банях Херсонеса¹¹⁷. Г.А.Пугаченкова предполагает, что подобные резервуары содержали щелок и ароматические настои. Это вполне вероятно, если учесть, что Ибн Сина, описывая воздействие бани на организм, называет несколько употребляемых при купании растворов. Некоторые из них получали путем кипячения растений, золы, серы. Применяли также железистые, соляные, кварцевые и купоросные растворы, отвары из шиповника, ягод, лавра.

Помещение 9 площадью 20 кв. м служило для гигиенических процедур. Здесь в кабинках посетители выполняли необходимые процедуры, связанные с депиляцией.

В восточных банях, как правило, предусматривалось место для совершения намаза. Иногда для этой цели использовалась одна из лоджий центрального зала, ориентированная на юго-запад. В ней обычно устраивался михраб¹¹⁸. В отрарской бане роль молитвенного зала выполняло, скорее всего, помещение 2 площадью 10,8 кв.м, сообщавшееся с центральным залом. Пол его выложен голубыми изразцами различного формата, на кыре. Изразцовая вымостка сохранилась лишь в северной части комнаты. В центре находился круг диаметром 0,8 м, заглубленный на 5-6 см. Края его выложены голубыми изразцами. К отверстию в середине круга подведена керамическая труба диаметром 10 см, которая сообщалась с подпольной системой отопления. Следовательно, комната для намаза обогревалась сухим горячим воздухом.

Система отопления, водоснабжения и канализации в отрарской бане такова: вода в баню поступала по водопроводу из гончарных труб, проложенному в подземном туннеле. Остатки нескольких водопроводных линий зафиксированы в самом туннеле и в месте водозабора на дне водохранилища. Водопровод действовал в X–XV вв. В цистерны вода, видимо, подавалась ответвлениями от водопровода. Нагревалась вода с помощью котла, вмазанного в днище цистерны. Котел, заполненный водой, являлся основным «греющим элементом». Вода не растекалась в комнаты по системе труб, ее подавали через специальные проемы в стене, которая отделяет моечные от помещений с цистернами.

Сточная вода по желобкам стекала в каналы в стенах и далее в поглощающие колодцы. Один из таких желобов был открыт в стене помещения 9. Он обложен жженым кирпичом и соединен с арыком, по которому стекала вода в поглощающий колодец диаметром 1 м. Последний, расчищенный на глубину 2 м, заполнен рыхлой, комковатой землей зеленоватого цвета. Отрарская баня отапливалась находившейся за ее пределами одной топкой, закрытой навесом.

Под полом бани была проложена система жаропроводящих каналов. От топки один канал проходил под полом и через отверстие диаметром 20 см подводил жар к системе жаропроводов помещения 5. Здесь жар системой каналов направлялся по трем магистральным направлениям, которые разделялись под прямым углом в центре подполья. Одно шло к помещениям 4 и 2, другое – к помещениям 6 и 7.

Первый канал имеет ширину 0,5 м, второй – 0,4 м. Каналы, прямоугольные в сечении, формировались из жженого кирпича, положенного плашмя в одну строчку несколькими рядами. Таким образом, толщина направляющих барьеров зависела от формата кирпича.

Магистральные каналы имели двускатное перекрытие из двух положенных с наклоном кирпичей. Сохранился отрезок такого канала длиной 0,5 м.

Жаропровод соединял помещение 5 с центральным залом. Сюда же поступал основной жар из подполья помещения 4, причем система направляющих барьеров устроена так, что жар отсюда направлялся в центр по шести каналам. В подполье помещения 4 стояли 8 барьеров, по два в четыре порядка. Кирпичные барьеры, расположенные у внешнего края, имели длину 0,5 и 1,7 м.

Из подполья помещения 4 жар поступал в помещение 2 по дымогарным трубам, одна из которых подходила к центру помещения. В подполье помещения 6 жар поступал из канала, идущего из подполья помещения 5. Шесть барьеров, поставленных по три в два порядка, создавали систему из семи каналов. Короткие барьеры имели длину 0,5 м, длинные – 1,3 м.

Помещение 7 обогревалось жаром, который шел по магистральному каналу через подполье помещения 6. Жар здесь свободно циркулировал между столбиками. Всего столбиков 24, каждый из них образован стопкой кирпичей, в основе которой находился один кирпич.

При помощи свободной циркуляции жара между столбиками обогревался и центральный зал. Есть здесь и направляющие барьеры, длиной 0,5 м. Из шести барьеров, два находятся в центре подполья.

Помещение 9, видимо, как и помещение 2, обогревалось при посредстве дымогарных труб.

Температура в бане регулировалась путем открытия или закрытия вертикальных дымоходов, сделанных в толще наружных стен. В отрарской бане обнаружено три дымохода в серединах северо-западной и юго-восточной стен.

Архитектурный облик отрарской бани может быть восстановлен лишь при сопоставлении плана и остатков ее конструкций с другими средневековыми восточными банями.

Снаружи, скорее всего, находилась группа из 9 куполов, среди которых возвышался купол центрального зала, придавая всей постройке характерный вид. Видимо, они перекрывали все помещения, кроме одного, где находились резервуары для воды. Причем центральные помещения и срединный зал перекрывались, по всей вероятности, кольцевыми куполами, а угловые – куполами «балхи».

Полы были выложены из плит жженого кирпича размером 40×40×10 см. В центральном зале они, видимо, были глазурованными. Судя по остаткам вымостки, голубой и бело-голубой глазурями были покрыты полы в помещениях 2 и 7.

В существовании бани отчетливо выделяются два строительных периода. Вначале она имела размер 13,5×16,5 м, а все помещения, кроме центрального, были одинаковыми по площади – 7,2 кв.м.

Второй период характеризуется некоторыми перестройками. Внешняя юго-восточная стена бани была отодвинута на 2 м, а юго-западная – на 1,5 м. Соответственно увеличились площади помещений 1, 2, 7 и 9 – до 13, 10, 8, 15 и 20 кв.м. Пол в помещении 2 выкладывают глазурованным кирпичом поверх обычной кирпичной вымостки из квадратных плит размером 40×40×10 см.

Подполье помещения 7 было изолировано от отопительной системы, магистральный жаропроводящий канал, по которому шло тепло, наглухо заложен жжеными кирпичами. Соответственно, видимо, изменилось и назначение комнат для мытья. Если первоначально помещения 5 и 6 служили горячими моечными, а 7 – «холодной», то теперь помещение 5 осталось горячей моечной, а 6 стало «холодной». Расширенная комната 7, вероятно, стала местом отдыха. Пол ее выкладывают полихромными поливными плитами, образующими геометрический узор. Изменения произошли в интерьере помещения 9: в центре его располагаются открытый бассейн и площадка для мытья ног, а вдоль стен – суфы.

Такая планировка, нарушенная выборкой кирпича и поздними захоронениями, сохранилась к моменту раскопок.

Керамический материал бани сильно перемешан и не может быть подразделен на хронологические комплексы, связанные с двумя строительными горизонтами. Неполивная керамика представлена обломками хумов, тагора, кувшинов, кружек. Керамика станковой работы отличается стандартизацией типов посуды и орнаментации.

Поливная керамика представлена чашами типа кесе, блюдами, чирагами. Есть посуда, покрытая прозрачной поливой поверх белого ангоба и росписями красного и черного цветов. Для большой группы керамики характерны красная, желтая и зеленая поливы. Керамика с желтой поливой поверх светлого ангоба расписана зеленым и коричневым, темно-коричневым и коричневым цветом. Мотивы орнамента геометрические, построения его меридиональные и лучевые от центра чаши.

Распространена керамика, покрытая темно-зеленой поливой и подглазурной росписью. Снаружи до середины тулова чаши расписаны коричневыми аркадами. Встречена посуда, у которой одна сторона покрыта зеленой, а другая – желтой поливой.

Большая группа керамики покрыта прозрачной поливой поверх темно-красного и коричневого ангоба. Орнамент растительный, геометрический или сочетающий те и другие элементы. Такая керамика характерна для XIII–XIV вв.¹¹⁹

Другая группа характеризуется голубой или синей поливой, росписью черной краской. Росписи растительного или геометрического плана. Такая керамика была распространена в Отраре в XIV – начале XV в.

Привлекает внимание блюдо, покрытое с обеих сторон темно-синей поливой и подглазурной росписью. Оно имеет пологие стенки и отогнутую под прямым углом крайнюю, кольцевую поддон. Диаметр блюда 27 см. На внутренней стороне имеется орнамент, выполненный темно-фиолетовой краской. В центре изображена восьмилепестковая розетка, от которой отходят восемь радиальных линий. Каждый из восьми секторов заполнен мелкими растительными побегами и крупными цветами, обрамленными за-

штрихованными треугольниками и полосами. Вся композиция замкнута в круг, образованный двойной линией. Затем идут две полосы, на одной из которых сделана надпись, а другая, крайняя, содержит орнамент из стилизованных арабских букв в резерве.

Надпись выполнена почерком талик ранней разновидности. Отмечено влияние почерка сульс, широко распространенного во второй половине XIV – начале XV в. К этому времени по ряду признаков почерка можно отнести изготовление блюда. Текст на блюде переводится так:

По желанию твоему да исполнятся все твои дела
Да будет бог хранителем твоего престола

.....
Вечер наступил. Ты мой возлюбленный в мире...

Ввиду того, что утрачено более половины блюда, трудно сказать, какой из бейтов (двустийший) был первым. По стилю стихи представляют собой фольклорную благожелательную надпись (I бейт) и любовную лирику (II бейт), возможно, в суфийском плане, отождествляющем возлюбленного с богом. Язык очень живой, разговорный, но утрированно архаизированный, что характерно для фольклора. Обращает на себя внимание малое количество арабских заимствований, что, возможно, говорит о более древнем происхождении стихов¹²⁰. При раскопках бани найдены 22 медные монеты, все плохой сохранности. Две монеты определить не удалось, остальные распределяются так: к XIII–XIV вв. относятся 13 монет, две из них, возможно, принадлежат чекану Сыгнака XIV в., остальные чеканены в Отраре во второй половине XIII–XIV в., в Бухаре, Алмалыке в XIII–XIV вв. Чекан двух монет может быть отнесен к XIV–XV вв., чекан четырех – к XVI–XVIII вв. Одна монета предположительно датирована XII в.

Таким образом, керамический и нумизматический материал позволяет отнести время постройки и функционирования бани ко второй половине XIII–XIV в. Видимо, в начале XV в. баня была разрушена, на ее месте появляются постройки и гончарные печи. В XVI–XVIII вв. этот участок города был занят кладбищем.

Каялыкская баня до раскопок представляла собой прямоугольный в плане бугор площадью свыше 900 кв.м, высотой до 2-2,3 м. Кладка стен из жженого кирпича была обнаружена на уровне 50 см от современной дневной поверхности. В ходе проведения дальнейших исследований была открыта баня типа «хаммам».

В плане баня прямоугольной формы размером 11,36×8,9 м, состоящая из восьми помещений, располагающихся вокруг центрального зала, а также входа в виде тамбура в восточной части. Четыре помещения широкими проходами соединены с центральным залом, образуя крестообразную планировку. Три помещения соединены с центральным залом узкими проходами, прорезанными в его углах. Северная внешняя часть сооружения, «Г»-образно ограниченная с южной и западной сторон стенами постройки, по всей видимости, была занята айваном. Находки на его территории хумов с отверстием в нижней части, возможно, могут быть свидетельством употребления вина, а сам дворик-айван представляется местом отдыха после банных процедур. Три оси конструкции создают ощущение уравновешенности. На средней оси размещены центральный зал и две моечные комнаты. В северной моечной устроена ванна. Восточная ось состоит из трех помещений: тамбуровидного входа, помещения для мытья ног, в котором находилась глубокая емкость-ванночка, и купальни с изящной ванночкой, отделенной невысоким бортиком и арочным проемом. Три помещения выстроены по восточной оси: две мыльни с ваннами, и техническое помещение с округлой цистер-

ной для подогрева воды. Западная часть северо-западной стены технического помещения, отделяющая мыльню от комнаты с емкостью, сильно разрушена, что косвенно свидетельствует о возможном наличии проема-окна, через которое черпали воду.

Первое помещение бани – центральный вход, который находился в восточной части сооружения. Он представляет собой тамбуровидный коридор, размером 2,24×0,8 м, вытянутый вдоль юго-востока стены помещения № 1. Коридор начинается ступенькой из одного ряда кирпичей размером 26-26,5×26-26,5×4,5 см, положенных в три слоя. Высота ступеньки – 15 см. Из коридора через проход шириной 0,9 м можно было попасть в помещение № 1 размером 2,8×2,1 м с устроенной в северной части небольшой, но довольно глубокой (0,4 м) ванной (1×0,5 м). Это было гигиеническое помещение. Из него узкий проход 0,56 м в западном углу вел в центральный зал № 5 размером 3,3×3,7 м. Из центрального зала входы открываются во все помещения комплекса.

Северный угол зала сохранил нижнюю часть арки – конструктивный элемент для вывода купола в центральном зале. Основания арки опираются на тело отрезков стен, маркирующих входы в помещения 5 и 7. Участок кладки пола, расположенный под аркой, оформлен в виде ступеньки высотой 5 см в один кирпич. Обычно тропы в качестве подкупольной конструкции не употреблялись в строительстве бань в связи с тем, что блокировали сооружение в стенах высоких и просторных ниш, в которых располагались суфы¹²¹.

В массажное помещение № 2 (2,19×2,13 м) вел широкий вход (1,41 м); в «техническое» помещение № 3 (2,8×2,7 м), где находилась цистерна для нагрева воды, вел узкий проход, шириной 0,5 м; в помещение № 6 можно было попасть через широкий 1,44 м проход. В купальне № 6 находилась ванна размером 2,06×0,5 м и глубиной 0,3-0,4 м. В купальне № 4 (2,73×1,75 м), куда из центрального зала вел проход шириной 1,33 м, находилась ванна размером 1,75×0,7 м и глубиной 0,3-0,45 м. Две мыльни № 7 и 8 с ваннами больших размеров находились в северо-западной стороне от центрального зала. Размеры комнаты № 7 3,5×2,2 м, № 8 – 3,69×2,75 м.

Помещения бани перекрывались обычно двумя способами – куполами и сводами типа «балхи». Значимость и подчиненность помещений подчеркивалась возведением над их пространством куполов, опиравшихся, как правило, на ложносферические паруса «багали» или систему щитовидных парусов «гаджак». Купол главного зала хаммам Каялыка, который имел прямоугольную в плане форму, опирался, по всей видимости, на систему ложносферических парусов «багали», позволяющей перейти к куполу от любой конфигурации зала. Паруса ложились на арочные проемы входов. В целях максимального сохранения тепла возводились невысокие репчатые купола.

Более скромными по формам «балхскими» сводами, возводившимися от четырех углов к середине, без кружал, перекрывались менее значимые помещения, в частности, технические. Узкие проходы чаще всего перекрывались полуциркульной аркой или небольшим сводом.

Раздевалки, которая является обязательным элементом хаммам, обнаружено не было.

Основной функцией узкого входного коридора, по всей вероятности, была теплоизоляция. На данный момент неизвестно, являлся ли он отапливаемой частью бани.

Пять помещений имеют разного размера ванные сооружения, устроенные в их северной части. Два помещения интерпретируются как «жаркие», два – «прохладные» и одно – гигиеническое. Одно помещение по своему функциональному назначению является «техническим», два, не имеющие ваннных сооружений, – массажные.

Первая комната комплекса, предположительно, предназначалась для раздевания и предварительной гигиены. Это помещение с умеренной температурой имело глубокую, но небольших размеров ванну, использовавшуюся для первоначального омовения ног и тела. Подобные помещения назывались «первая и вторая комната для мытья ног»¹²².

Эта комната предшествовала входу в центральный зал, включающему в себя функции паровой и массажной.

Аналогичные функции несло и смежное с центральным залом помещение №2.

В «техническом» помещении №3 находилась емкость для подогрева воды, из которой купальщики могли черпать нагретую воду и разносить ее в необходимое им место.

Две купальни №4 и 6 имели средних размеров ванны, а купальни №7 и 8, – крупные: это комнаты для мытья. В такого рода помещениях температура имела градации: они делились на холодные, в которых температура была умеренной, и горячие¹²³. В данном случае представляется возможным интерпретировать помещение №8 как горячее, поскольку топка располагается с внешней (западной) стороны этого помещения, а узкий проход в купальню свидетельствует о дополнительной мере, направленной на поддержание высокой температуры.

Как отмечено выше, в пяти помещениях банного комплекса из восьми существующих, были расположены ванны – емкости прямоугольной формы, используемые для омовений.

Стенки всех ванн изнутри были обмазаны толстым слоем (до 1,5 см) водостойкого кыра, белого цвета. Способ приготовления кыра весьма прост. Так, например, В.И.Воронина приводит интересный рецепт, сообщенный ей старым ташкентским мастером: «Смешивается отборная известь и зола болотного камыша кийок, причем последней приходится 1/4 или 1/3 по объему. Зола кийока получали обычно у горшечников или у кожевников, которые пользовались ею в своем производстве. Смесь должна быть хорошо измельчена и промешана, для чего ее очень долго взбивают палками. Затем смесь кладут в котел, замешивают с водой и добавляют туда для вязкости пух от шишек болотного камыша – тузгох. Кладутся, кроме того, яйца: 20-30 штук на котел. Рекомендуется добавлять в раствор еще виноградную патоку шинни (полведра, ведро). Процесс оштукатуривания продолжается несколько дней: кыр, отвердевая, трескается; по мере появления трещин, его опрыскивают смесью воды с патокой (вплоть до насыщения) и затирают гладким камнем – прием, соответствующий железнению цементованных поверхностей»¹²⁴.

Можно предположить, что фасадная часть каждой ванны имела изящный арочный проем. Это заключение основано на том факте, что ваннные конструкции помещений №4, 7, 8 сохранили основания и «пяточки» арок, которые с большой долей уверенности, учитывая их форму, можно назвать круглыми. Фасадная часть ванн, расположенных в помещениях №1, 6 разрушена, и на данный момент лишь гипотетически можно говорить о существовании арочных проемов в этих местах. Стенками ванн являлись несущие стены сооружения.

Примечателен тот факт, что внутренняя стена ванны в помещении №1 в нижней части дополнительно «укреплена» тремя крупными кирпичами размером 39-40×39-40×4,5-5 см, поставленными вертикально, поверх которых был положен слой кыра.

Каждая из описанных емкостей имела «бортик» – стеночку, «сложенную в кирпич», определяющую границу ванны. Необходимо сразу отметить, что эти стенки не были соединены (перевязаны) с основными несущими стенами всего сооружения,

а просто примыкали к ним. Смыкающий шов был замазан глинистым раствором – тем же, который использовался для строительства всей бани. Бортики ванн в помещениях № 1, 4, 6, 7 сделаны из нескольких рядов кирпичей (сохранились конструкции до 7 рядов), сложенных вперевязку толщиной в полкирпича (13,5-14×26-28×4-5 см). Ванна в помещении № 8 маркировалась бортиком, сложенным вперевязку в один кирпич толщиной (26-26,5×26-26,5×4,5 см). Бортики ванн конструкций в купальнях № 4, 7, 8 располагались с обеих сторон и оканчивались основаниями арок, представлявшими из себя кладку в один ряд кирпичей, положенных плашмя. Таким образом, арочные проемы имели ширину 26-26,5 см. Пяточки арочных проемов начинаются с 0,4 м от уровня пола бани. Конструктивные особенности арочного элемента емкостей помещений № 1 и 6 заключаются в том, что они имеют меньшую ширину – 13-13,5 см, т.к. сложены из кирпича, аналогичного по размерам бортику ванн.

Центральная внутренняя часть всех ванн, покрытая слоем кыра, сильно разрушена, а ванна в помещении № 6 сохранила следы полости округлой формы. Возникает предположение о существовании сливных устройств в этих конструкциях.

По объему ванн емкостей, можно разделить их на три группы.

Ванны крупных размеров (2,1×2,25 м, глубиной 0,45 м) две, находились в помещениях № 7 и 8. Две ванны средних размеров: 2,06×0,5 м, глубиной 0,4 м находилась в помещении № 6; 1,75×0,7 м, глубиной 0,45 – в помещении № 4. Одна маленькая ванна размером 1,0×0,5 м, глубиной 0,45 м была расчищена в помещении № 1. Следует отметить, что уровень дна ванны находился на 0,2 м ниже уровня пола бани, вымощенного плиткой.

Массаж составлял ванную процедуру¹²⁵. «Способ мытья, – пишут источники, – чрезвычайно странен: вас раскладывают во весь рост, трут волосяными щетками, скребут, колотят, ломают, и все это необыкновенно освежает тело»¹²⁶.

Подпольная система отопления гиппокаустик – самая яркая черта и римских терм, и восточных хаммам. В римских банях горячий воздух из топки свободно циркулировал между столбиками, на которых был возведен пол, в хаммам же он обычно проводился жаровыми каналами. В стенах бани жаровых каналов не делали.

Грабительская траншея разрушила стену и пол между помещениями № 7 и 8, в результате чего была получена возможность, не разбирая напольной плитки, изучить устройство системы отопления вышеуказанных помещений.

Основой, на которой возводилась вся система отопления бани, был лессовый стерильный слой белесого оттенка, что явилось, по всей вероятности, результатом высокой температуры. Следующий уровень, выполнявший роль фундамента в местах возведения баз-столбиков, – это камни (валуны и галечник), утопленные в лессовые отложения. Столбики прямоугольной формы, высотой около 0,45 м, сложенные из обожженного кирпича, являлись, в свою очередь, основой для возведения жаропроводящих каналов. Каналы сделаны из трех плиток, две из которых вертикально поставлены одна параллельно другой, третья положена горизонтально на них. Каналы расположены в два уровня – в шахматном порядке. Ширина каналов достигала 0,3 - 0,4 м. Следующим уровнем был ряд кирпичей, на который был положен слой суглинка с добавлениями извести и пепла (?), мощностью до 7 см, подстилавший напольную плитку. Слой выполнял теплоизоляционные функции. Близкое расположение жаропроводящих каналов по отношению к полу – возможное свидетельство определения этой купальни, как горячего помещения.

В помещении № 8, нижним уровнем также являлся лессовый слой белесого оттенка, что свидетельствует о высокой температуре. Вторым уровнем-фундаментом невы-

соких баз-столбиков являлись камни (валуны и галечник). Третий уровень – столбики подпрямоугольной формы, высотой 0,23-0,25 м. Эти базы из трех рядов кирпичей, положенных вперевязку, имели разную ширину – там, где использовалась кладка в два кирпича, ширина достигала 0,55-0,58 м, а где была использована система кладки в один кирпич – 0,26 м. На базах-столбиках покоилась система жаропроводящих каналов. Каналы в разрезе имели подтреугольную форму. Сделаны они из двух плиток, положенных под наклоном в упор одна к другой. Между каналами прослеживается система горизонтальной кирпичной кладки, возвышающаяся и над каналами на высоту в 1 ряд (4-4,5 см). Следующий уровень – плотный слой прокаленного суглинка белого цвета мощностью 0,15 м, подстилающий слой серого суглинка с примесью золы, толщиной 0,06 м, видимо, выполняющий функции тепло- и теплоизоляции. Слой белого кыра (3 см), в который были вмазаны напольные плитки, дополнительно предохранял гипокаустик от попадания воды. Такая сложная система устройства, а также удаленность жаропроводящих каналов (около 50 см) от уровня пола, свидетельствуют о непосредственной близости топочной камеры. Эти меры приняты для того, чтобы предохранить ступни ног человека, находящегося в купальне, от ожога. Вместе с тем, узкий проход, ведущий в это помещение, и близость расположения топки – несомненный факт в пользу того, что это самое горячее помещение всего банного комплекса.

В связи с тем, что раскопанный комплекс был исследован не до конца вопрос о месторасположении топки остается открытым, хотя можно предположить, что обнаруженный проем шириной 0,98 м во внешней стене помещения №8 является разрушенным топочным жерлом. В пользу такого Предположение основывается на том, что проем находился ниже уровня пола бани, выложенного плиткой. Сооружение печного устья для обогрева подполья описывает Витрувий: «Подполья под горячей баней делаются так: прежде всего их пол выкладывается полуторафутными черепицами наклонно к подпольной печи так чтобы, если бросить на него шар, он не мог бы остановиться внутри, но сам собою скатывался назад к печному устью, тогда жар будет легче распространяться по подполью»¹²⁷. Описывая бани Армении, О.Х.Халпахчян указывает, что пол топочного помещения занижался в сравнении с общим уровнем пола¹²⁸. Эти сведения подтверждают, что технически сама топка устраивалась ниже гипокаустика, что как раз характерно для описываемой ситуации. Во-вторых, вблизи проема обнаружено большое скопление золы – свидетельство использования топлива для обогрева бани. Не совсем понятно устройство емкости для подогрева воды в противоположном конце комплекса (помещение №3). Топка в банных комплексах в других регионах располагалась непосредственно под цистерной для подогрева воды.

Отапливались бани местным топливом: кизяком, хворостом, соломой, реже дровами. Чистка жаропроводящих каналов была делом довольно сложным: для выемки сажи и освещения проходов иногда вынимались плиты пола, такая операция проводилась два-три раза в год.

Для детального выяснения конструктивных особенностей стен, наличия или отсутствия фундамента, уточнения уровня дневной поверхности вдоль внешней Ю-З стены был заложен разведывательный шурф №2, достигший материкового (стерильного) слоя.

Именно этот шурф показал, что для строительства бани был выкопан котлован, в который затем без всякого фундамента были впущены стены. Так, на плоскости Ю-З стены с внешней стороны визуальнo четко читается несколько уровней кирпичной кладки, начиная с нижнего, положенного без фундамента на лессовые отложения и заканчивая последним (всего в высоту 142-143 см).

Семь рядов кирпичей (1-7) ярко бурого цвета; три ряда (8-10) со следами сильной коррозии; два ряда (11-12) также ярко бурого цвета.

Очевидно, что двенадцать рядов кирпичной кладки (ярко-бурого цвета) маркируют уровень банной конструкции, до которого кирпичная кладка была «впущена» в вырытый котлован. Кирпич сохранил свой естественный цвет в связи с тем, что солнечные лучи не имели прямого воздействия на его поверхность. В то время как остальные восемь рядов кирпичной кладки находились над уровнем дневной поверхности и боковинки их выцвели. Три ряда плитки (8-10) имеют следы сильной коррозии – явного свидетельства воздействия влаги. Уровень пола хамам, вымощенного плиткой, совпадает с уровнем дневной поверхности (наружная сторона стен), который маркируется двумя рядами кирпичей (11-12) ярко бордового цвета.

Дымоходов для вытяжки зафиксировано не было. Хотя наличие последних предполагается.

Освещение и вентиляция осуществлялись через отверстия в сводах и куполах. В редких случаях окна помещались в стенах. Проемы в куполах защищались колпаками из обожженной глины с прорезями либо стеклами. Несколько фрагментов прозрачного оконного стекла были найдены на полу шестого помещения.

Помещение №3 было «техническим», что объясняется нахождением в нем большой емкости для подогрева воды (диаметр емкости ~ 1,27 м, толщина стенок 0,12-0,14 м). Это резервуар округлой формы, сложен из половинок и обломков кирпичей, положенных вперевязку в один ряд на скрепляющем глиняном растворе, поверх которого был нанесен толстый слой «кыра». Толщина стенок 0,14 м, толщина обмазки – 1 см. В нижней части резервуар несколько шире (диаметр ~ 145 см), чем в верхней (диаметр ~ 1,25-1,27 м), высота южной наиболее хорошо сохранившейся стенки цистерны 0,84 м. Дно емкости не имело отверстия, столь характерного для подобного вида сооружений. Обычно, в дно цистерны вмазывался чугунный казан, который способствовал ускорению нагрева воды. В данном случае удалось проследить четыре слоя, составлявших основу емкости. Нижний уровень – это слой темно-серого цвета с обломками кирпича со следами прокала. На него положен слой крупного кирпича (39-40×39-40×4,5-5 см), тщательно обмазанного белой глиной, толщина обмазки 4,7 см. В глину вмазаны фрагменты кирпичей, тщательно подогнанные один к другому, на которых можно проследить остатки кыра.

Таким образом, подогрев воды, залитой в цистерну, полностью связан с температурными колебаниями, происходящими в гиппокаустике. Дополнительной топки, находящейся вблизи цистерны с внешней стороны, не выявлено, хотя наличие ее наряду с другой, расположенной в западной части сооружения, возможно.

Вероятно, система подачи нагретой воды проста – ее черпали в емкости и разносили по купальням.

Многочисленными находками в раскопе были керамические звенья системы снабжения водой (кубуры).

Несколько керамических водопроводных труб обнаружено в разных частях раскопа в сырцовых завалах и в хозяйственных ямах. Отдельная часть сетки водопровода из 6 звеньев не имела отношения к центральному сооружению. По-видимому, этот фрагмент водопровода относился к более позднему по отношению к бане хронологическому горизонту.

В юго-восточной внешней стене основной постройки, в 1,76 м к востоку от южного угла, на глубине 0,43-0,45 м от верхнего уровня стен была обнаружена керамичес-

кая труба диаметром 9 см, толщина стенок 1 см, входящая во внешнюю стену узкой частью раструба. Снаружи осталось 10 см широкой части раструба этого звена. Следует отметить, что с внутренней стороны стены помещения № 3, идентифицированного как техническое, нет следов выхода этой трубы.

С другой стороны в помещении № 1, в месте стыковки внешней стены и внутренней, делящей помещения № 1 и № 4, виден выход вертикально поставленной керамической трубы диаметром 10 см (толщина стенок 0,9 мм), – широкой частью раструба уходящей в кирпичную кладку стены. При расчистке ее полости было обнаружено второе звено, состыкованное с верхним, так же вертикально поставленное. Можно предположить, что сетка водопровода находилась внутри кирпичных стен. Следов копоти на внутренних поверхностях кубуров зафиксировано не было, поэтому они не были определены как вытяжные внутрстенные устройства.

Источником воды, расположенном на предгорном участке близлежащего сая, был и ныне существующий ключ со слегка солоноватой водой. Очевидно, что давления, создаваемого естественным перепадом высот, было абсолютно достаточно для того, чтобы вода, самотеком идущая по магистральной линии городского водопровода, частным отводам, врезанным в эту линию, попадала в трубу, встроенную во внешнюю стену банной постройки и затем по сетке, устроенной внутри стен, достигала вертикально поставленных труб, поднявшись по которым, она сверху изливалась в глубокую ванну помещения № 1 бани.

Основа системы слива воды из помещений базировалась на понижении уровня полов в помещениях хамам. Визуально прослеживается низкий уровень пола центрального зала № 5 по отношению к другим комнатам. Таким образом, абсолютно очевидно, что из помещений № 1, 2, 3, 4, 6 и с меньшей долей вероятности № 7, 8, вода, выплескиваемая на пол, стекала в помещение № 5. При такой системе слива не требовалось большого количества дополнительных сооружений в виде стоков, канальчиков, сливных труб. Были обнаружены лишь два дополнительных канала для сливов, продолбленных в плитке помещений № 3 и № 5.

В помещении № 3 (техническом), которое постоянно было связано с большим количеством воды, в качестве дополнительных мер, направленных против застоя воды, в некоторых участках пола стороны вдоль южной стены в напольной плитке устроен арычок для стока в направлении центрального зала. Следует отметить, что плитки пола этого помещения положены в три уровня: первый (самый высокий) имеет ширину – 0,86 м, второй (уровень которого понижается соответственно на один ряд плиток – 4-4,5 см) – 1,08 м и, наконец, последний позволял воде стекать в центральное помещение.

В южной стороне помещения, перпендикулярно стенке резервуара, вертикально поставлен кирпич, обмазанный кыром, вероятно еще одна мера по удалению сточных вод из помещения.

Вдоль юго-восточной стороны центрального зала, вблизи прохода в помещение № 2 был пробит арычок со сливом в центре, по которому вода попадала внутрь гипокаустика, после чего выводилась за пределы сооружения. Место сброса воды зависело от топографии местности.

Дополнительно в проходе между помещениями № 1 и № 5 устроено сливное отверстие округлой формы диаметром 20 см. Оно пробито в центре напольной плитки. Основной функцией отверстия – отвод большого количества воды через систему гипокаустика за пределы бани. Эта мера принята, возможно, с учетом того, что помещение

№ 1 связано с подачей воды по сетке кубуров для всего банного комплекса и объема слива, устроенного в глубокой ванне, просто могло не хватать.

Как уже упоминалось, каждая ванночка имела слив, размеры и устройство которых на данный момент не установлены. Все это наталкивает на мысль о существовании мощной единой системы отвода воды, созданной внутри или ниже уровня гипocaustика.

Полы купальных залов делались наклонными со стоком к сливному отверстию.

В ходе проведения раскопок было выявлено несколько вариантов размеров жженого кирпича.

Таблица

Кирпич	Размер плитки (приводится в см)		
	Длина	Ширина	Высота
Крупных размеров	39-40	39-40	4,5-5 см
Крупных размеров (А)	31	31	4
Средних размеров	26-26,5	26-26,5	4,5
Мелкие	24-24,5	24-24,5	3,5-4
Половинки кирпича	13,5-14	28-28,5	4-4,5
Фигурные кирпичи: с затертыми краями (округлые) – ромбовидный			

Все кирпичи имеют продольные линии (следы от пальцев), сделанные по сырой глине – действие, направленное на укрепление кладки.

При предварительном изучении кладки внешних стен сразу визуальнo выделяются два способа кладки: в два кирпича вперевязку, кладка в «полтора кирпича» «вперевязку». Для вымостки полов использовались кирпичи крупных размеров.

Все внутренние стены были покрыты слоем кыра толщиной ~ 1 см.

Внешние стороны стен не сохранили следов обмазки.

В основу исследования стратиграфической ситуации была взята центральная стратиграфическая бровка на всем ее протяжении. Для детального рассмотрения всех слоев и прослоек использовался шурф № 1, глубиной 3,1 м до материка. Таким образом, появилась возможность полностью проследить уровни от верхнего (дернового) до материкового.

На основе керамики, а также аналогичных по устройству банных комплексов, исследованных на обширной территории Евразии, можно с большой долей уверенности отнести баню Каялыка к XIII–XIV вв.¹²⁹

Баня городища Жайык располагалась почти в центре городища. Она сильно разрушена выемкой кирпича для вторичного использования. Удалось лишь частично вскрыть планировку ее цокольной части.

Здание бани было полуподземным сооружением, цокольная часть которого находилась на материке на глубине 1,2-1,3 м. По-видимому, для строительства бани был предварительно вырыт котлован, и в нем выложено основание бани, устроена отопительная система в виде жаропроводящих каналов под полом основных помещений. При этом пол опирался на кирпичные столбики, расположенные в шахматном порядке. Наружные стены толщиной в 1 м пристраивались вплотную к стенкам котлована.

Южная наружная стена бани разобрана полностью. Сохранился лишь небольшой фрагмент кладки основания шириной в 2 ряда кирпичей. Западная стена разобрана до основания, на полу прослеживаются лишь ее следы. Северная наружная стена, в кото-

рой был, видимо, вход, как и вся северо-восточная часть комплекса, осталась пока за границами раскопа.

Баня имеет крестовидную планировку. Центральное помещение ее имело восьмиугольный план, вписанный в квадрат со стороной 4 м.

Площадь центрального зала увеличивали беньюары – ниши с суфами для массажа. Из зала вели проходы в помещения, предназначенные для мытья. Они, вероятно, имели разную температуру нагрева – «прохладные» и «горячие». Моечные были снабжены тазами и котлами. Некоторые из них были прикреплены алебастровым раствором к суфам (на многих фрагментах керамических сосудов этого вида присутствуют явные следы алебастра). Холодная вода в помещения подавалась по трубопроводу, видимо, проложенному в стенах. В завале обнаружено множество обломков керамических труб-кубуров с характерными «манжетами» на одном конце. Они служили для стыковки труб, место соединения обмазывалось алебастровым раствором. Конец трубы, выведшийся в помещение, закрывался специальной керамической «заглушкой» с небольшим отверстием в центре. «Заклушка» также закреплялась на конце трубы алебастровым раствором. Через нее, видимо, регулировалась подача воды в моечные помещения¹³⁰. Обнаружены три такие «заклушки». В поволжских центрах Золотой Орды такие находки названы «пробками»¹³¹.

На территории Золотой Орды археологами исследованы остатки более 20 городских бань. Отмечено, что в строительстве банных сооружений в Поволжье присутствуют две строительные традиции, проявляющиеся в двух типах планировки: «римско-византийская», связанная с линейной планировкой, и «восточная», представленная крестообразной планировкой¹³². Ряд характерных признаков, отмеченных при раскопках бани на городище Жайык, позволяет отнести ее к баням-хаммам восточного типа.

Площадь бани городища Жайык предварительно определяется в 110-120 кв.м. Центральный зал имел восьмиугольную планировку. С востока и запада к нему примыкали помещения для мытья. Обогревалась баня подпольной отопительной системой. Жаропроводящие каналы были устроены под полами и суфами всех внутренних помещений. Цокольная часть всей постройки была, как минимум на 1,4 м, заглублена в землю. Вода в моечные помещения (и в баню) подавалась посредством разветвленной системы керамических трубопроводов. В синхронных банях Булгара, значительно лучше сохранившихся, вода посредством керамического водопровода, проложенного внутри стен, подавалась практически во все помещения, причем холодная и подогретая. В помещениях под выходами труб из стены стояли небольшие каменные емкости¹³³.

Следует отметить, что этот тип бань почти без изменения дожил в Средней Азии до наших дней. Аналогичная по планировке баня функционировала еще в прошлом веке в Шахрисябзе (Узбекистан) и на территории культового комплекса ходжа Ахмеда Ясави в Туркестане.

Баня городища Сарайчик. Этот крупный город находится на берегу р. Урал. Сохранилась часть городища, другая смыта рекой. В ходе раскопок была расчищена сохранившаяся юго-восточная часть бани. Полученные при раскопках материалы позволяют выделить функционально различаемые части: моечное отделение, состоящее из двух помещений, и предбанник.

Сарайчиковская баня представляла собой вытянутое прямоугольное в плане здание, состоящее из трех расположенных в ряд вдоль длинной оси помещений: предбанника с частичным отоплением, мыльни, состоящей из двух помещений, имеющих разную температуру нагрева с подпольным отоплением, и топочного отделения. Вода

в баню могла подаваться из реки Жайык (Урал) или ее протока Сорочинки посредством водоподъемных устройств типа чигиры или же из ближайшего колодца. Горячая вода из нагреваемой емкости в топочном отделении подавалась в моечные помещения по трубопроводу, видимо, проложенному в стенах. Судя по аналогиям, помещения моечного отделения имели сводчатые перекрытия, а предбанник – плоское перекрытие.

Моечное отделение представлено остатками двух помещений: 1 и 2. В этих помещениях сохранилась система подпольного отопления, заглубленного на 0,6 м относительного уровня основания стен. Стена моечного отделения сохранилась в длину на 5,9 м.

Помещение 1. Лучшей сохранности юго-восточная стена, большая ее часть сырцовая. Из обожженного кирпича в два ряда сложена часть стены, выходящая внутрь помещения.

Сохранился небольшой участок юго-западной стены толщиной 0,64 м, возведенной из обожженного кирпича размером 24×24×5-6 см. Кладка вперевязку с юго-восточной стеной, что говорит об их одновременном возведении.

В южном углу помещения 1 сохранилось два столбика из кирпичей от обогревательной системы бани. Ближайший к южному углу столбик сохранился на высоту в 3 слоя кирпича, второй – в два слоя кирпича на глиняном растворе. Кирпич размером 24×24×4,5 см. Высота столбиков 17-20 см, расстояние между ними – 18-20 см.

Помещение 2 примыкает с северо-востока к помещению 1. Лучше всего сохранилась юго-восточная стена: длина сохранившейся части 2,8 м, высота – 1,34 м. Она сохранилась на высоту 134 см. Стена сложена из крупноформатного сырцового кирпича размером 34×34×4 см и из обожженного кирпича размером 24×24×5-6 см.

Помещение 3 – предбанник. От него сохранились северо-восточная и юго-восточная стена длиной 10 м. В помещении зафиксированы остатки суфы с обогревательной системой типа канов. Суфа и обогревательные каналы сложены из сырцового кирпича размером 41-42×20-21×6-7 см. Расчистка показала, что в суфе было проложено три канала, ширина каналов 20-31 см, глубина 15 см. Дно каналов постепенно повышается к северо-востоку.

При зачистке помещения были выявлены сохранившиеся фрагменты строительных конструкций бани. Так, был найден фрагмент пола размером 38×56 см. В этом блоке кирпичи скреплены влагостойким раствором, затем следует слой кыра толщиной 2,5-3 см, последующий слой состоял из кирпича мелкого размера и обломков. Верхний слой пола был покрыт слоем кыра толщиной 5 см., общая толщина пола – 19-20 см. Расчищен также фрагмент стенки-перегородки, в которую была вмазана вертикально керамическая труба.

При раскопках бани выявлены детали архитектурного декора – плитка из кашина с голубой поливой и подглазурной росписью голубого цвета в виде геометрической фигуры из треугольников и розетки, украшенные позолотой.

В заполнении помещения найдены десятки монет XIV в. Среди находок следует отметить фрагмент поливной керамики с подглазурной росписью кобальтовой краской. Появление такой керамики относится к концу XIV в.

За стеной предбанника на уровне выше поверхности основания стены был найден клад из 84 монет. Слипшиеся стопки монет имели отпечаток материи, возможно, от мешочка, в котором хранился клад. Верхняя дата клада определяется самой поздней монетой Абдаллах-хана (1360-1370 гг.) Таким образом, время сооружения и функционирования бани относится к первой половине XIV в.¹³⁴

Глава IV

Мемориальная архитектура: мавзолеи и некрополи

Мавзолеи

Ранний ислам, как известно, запрещал возведение надгробных зданий, видя в них греховное обожествление человека, но запрет был нарушен уже в IX в. строительством в Самаре мавзолея над прахом халифа аль-Мунтасира. С тех пор возводились династические семейные усыпальницы-мавзолеи знатым людям, надгробные здания над прахом вероучителей, получившие название «мазар» и статус святынь.

Мавзолеи-мазары принято считать культовыми сооружениями, а погребенных в них людей – исламскими святыми.

В системе построек X–XVIII вв. мавзолеи составляют значительную часть. Это объясняется популярностью суфизма в Казахстане с его культом могил и традиций уважительного, молитвенного отношения к погребениям людей, признанных мудрыми и праведными.

Большинство мавзолеев X – начала XIII в. – купольные, чаще всего квадратные, многогранные или крестовидные в плане. Квадратное пространство здания обычно расширено осевыми нишами, купол на них опирается на тромпы. В двойных купольных оболочках, появившихся в XI в., верхняя иногда получала форму граненого, конического или рифленого шатра.

Для мавзолеев за доминирующий признак классификации можно принять количество, расположение и устройство входов. В этом случае классификация выглядит так:

Центрические здания типа «чортак» с четырьмя осевыми входами, равнозначными фасадами и пространством. Вариантом этого типа можно считать купольные залы с двумя входами на общей оси.

Фасадные мавзолеи – это здания с главным входным фасадом, оформленным как портал, декорированным богаче других фасадов и иногда возвышающимся над ними подобно порталу-пештаку. Возможны и боковые входы. Эти мавзолеи рассчитаны на подход и восприятие с одной главной стороны. Иногда главный фасад отличает от других какая-либо одна, но важная особенность, например, фриз с надписью.

Портальные мавзолеи, главный фасад которых оформлен порталом-пештаком с пилонами, выступающими из плоскости фасада (в этом их отличие от зданий предыдущего типа), и высотой большей, чем высота других фасадов. Мавзолеи двух последних типов отличаются от аналогичных мечетей отсутствием михраба и ориентацией, как правило, по сторонам света.

В особую группу могут быть выделены мавзолеи с многогранным планом, обычно с сильно развитым порталом. По этому признаку такие мавзолеи входят в группу порталных.

Некоторые мавзолеи не отвечают ни одной из перечисленных категорий, – это по большей части многокамерные здания, так задуманные, или получившие «нетиповой» облик вследствие достроек и перестроек, соединения гурханы с зиаратханой и другими помещениями. Первые опыты построек такого рода датируются XI–XII вв.

Погребения в большинстве мавзолеев этого времени устроены в грунте под полом. Но уже в некоторых усыпальницах если не в XI, то в XII в. имеются склепы – небольшие, перекрытые сводом, с лазом-дромосом со стороны входа. Ранние склепы не связаны конструктивно со стенами мавзолеев, но очень точно расположены относительно лежащего над ними помещения – доказательство одновременности строительства¹³⁵.

Каялыкские мавзолеи. О значительном распространении мусульманской культуры в городе Северо-восточного Жетысу уже в домонгольский период говорит обнаружение двух мавзолеев, расположенных вблизи восточных ворот города. Материалы, собранные в ходе исследования этих сооружений еще раз дают возможность рассмотреть внедрение в жизнь горожан мусульманской культуры.

Каялыкские мавзолеи относятся к купольным с выделенным входным главным фасадом, декорированным богаче других фасадов и иногда возвышающимся над ними подобно порталу-пештаку. Эти мавзолеи рассчитаны на подход с одной главной стороны¹³⁶. Возведение богатых мавзолеев в традициях мусульманской архитектуры – явное свидетельство ситуации, в которой исламу не удалось искоренить местные обычаи или законы и поэтому делалась попытка придать им исламскую окраску, освятить их законами ислама¹³⁷.

Размер внутреннего пространства западного мавзолея – 9,3×8,9 м. Вероятно, фасад имел форму арочной ниши в прямоугольной раме. Портал западного мавзолея был шире южного фасада. С двух сторон портала сохранились граненые трехчетвертные колонны. Восточный мавзолей был пристроен к западному, причем восточная стена западного мавзолея стала общей, объединяющей эти два сооружения. Портал восточного мавзолея на 3,7 метра отступает в северном направлении, при этом внутреннее пространство восточного мавзолея – 5,8×5,8 м. Такое углубление фасада ярко подчеркивает его подчиненность западному мавзолею. Конструктивно портал мавзолея идентичен порталу западного мавзолея.

Перед мавзолеями зафиксирован завал кирпичей от рухнувшей фасадной стены. Здесь найдены фрагменты облицовочных плит, украшенных геометрическим и растительным орнаментом. Многочисленны фрагменты с надписями арабской вязью насх и куфи, со сложным переплетением строгих ломаных линий и растительных мотивов. Встречаются фрагменты резьбы по ганчу.

На плитах размерами 54×34-45×5,5 см глубокой (до 2 см) резьбой показано сложное переплетение арабского шрифта и фонового орнамента – пальметок, цветов и стеблей. В верхней и нижней частях плит вырезана широкая четырехсантиметровая

полоса, превращающая соединенные между собой плиты в единую ленту или рамку, декорировавшую вход. Второй тип плит размером 56×39-40×5 см украшен геометрическим орнаментом, где ломаные линии образуют замысловатую композицию крестообразных фигур. Глубина резьбы также достигает 2 см. В нижних частях плит встречаются мотивы геометризированного растительного орнамента. Сохранились фрагменты с неглубоким рельефом до 1 см резьбы по ганчу с растительным и геометрическим орнаментом. Вероятнее всего это детали интерьера мавзолея.

Богатейшее декорирование фасадной части мавзолеев Узгенского мемориального комплекса XI–XII вв. можно назвать в качестве одной из наиболее близких аналогий¹³⁸.

В первом мавзолее вскрыты два погребения. Они были устроены в северной части мавзолея по центру, перпендикулярно северной стене. Места захоронения обозначены двумя параллельными стенками толщиной в один кирпич, сложенными из жженого кирпича размером 27×27×5 см.

Погребения, обнаруженные в мавзолеех, совершены на глубине 0,6-0,7 м в могильных ямах размерами 0,92×2,1 м, обложенных по периметру жженым кирпичом. Погребения в деревянных гробах перекрыты бревнами. Костяки уложены по мусульманскому обряду – на спине, голова повернута в сторону кыблы.

Первое погребение зафиксировано на глубине 0,65 м между стенками-перегородками. Могильная яма по периметру обложена жженым кирпичом. Северо-западная сторона на 22 см шире юго-восточной. Глубина ямы 0,62 м, стены сложены из 9 рядов кладки. Направление по линии юго-юго-восток на северо-северо-запад. Пол могильной ямы выложен жженым кирпичом размером 25×25×5,5 см.

Погребение было перекрыто бревнами, которые обвалились в яму. Захоронение совершено в деревянном гробу по мусульманскому обряду. Костяк лежал на спине, лицевая часть головы повернута в сторону кыблы. Череп пробит упавшим бревном. Руки были сложены на животе. Правая нога вытянута прямо, левая чуть согнута в колене. В верхней части костяка сохранились остатки савана. От гроба сохранились железные крепления, деревянные доски совершенно истлели.

Второе погребение совершено с восточной стороны от первого и по уровню дневной поверхности отделено от него стенкой-перегородкой. Могильная яма обозначалась темно-серым пятном, окаймленным по периметру желто-коричневым грунтом с галечными конкрециями.

На глубине 40 см от основания стенки-перегородки под окатанной галькой обнаружено перекрытие из 14 бревен. Перекрытие обвалилось в могильную яму. На северном конце, у изголовья был расчищен завал из битых жженных кирпичей, здесь же найден фрагмент резного штука с геометрическим орнаментом, фрагменты венчика железного котла и поливной чаши (снаружи зеленая, изнутри желтая глазурь).

Бревна перекрытия овальные в сечении, диаметром от 10 до 20 см, положены поперек ямы. Крайние бревна оказались на стенках могильной ямы и сохранили первоначальное положение.

После удаления перекрытия обнаружен склеп размером 2,05×0,67-0,92 м из сырцовых кирпичей (28×16×7 см, 35×19×7 см). Склеп расширен в сторону изголовья. Глубина могильной ямы 0,7 м (8 рядов кладки). В склепе обнаружено парное захоронение в деревянных гробах. Справа, к востоку, лежал костяк взрослого человека. Слева от него – детское захоронение. Гробища истлели, сохранились верхние части крышки гроба, железные крепления и кольца. Крепления представляют собой пластинчатые скобы и уголки с ажурными концами.

В ходе раскопок одного из захоронений восточного мавзолея зафиксирован погребальный инвентарь: золотые перстни с подквадратной площадкой и растительной орнаментикой; золотая серьга, украшенная миниатюрным расширением в виде куба со срезанными вершинами. Нашейное украшение с золотыми полыми подвесками в виде вытянутой сферы, оформленной в местах пайки пояском двойного витого каннелюра, мелкими золотыми сферическими подвесками, бирюзовыми и жемчужными бусинами.

Многочисленные мемориальные постройки, аналогичные раскопаным Каялыкским мавзолеям, имеют широкий хронологический и территориальный ареал.

Мавзолеи Каялыка, как, например и многочисленные золотоордынские мавзолеи, имеют одну общую особенность – захоронения либо совершены с отклонениями от мусульманского обряда (погребенный находился в гробу), либо сопровождалась разнообразным погребальным инвентарем¹³⁹. Захоронения в мавзолеях принадлежали представителям высшего сословия.

Мавзолей городища Орнек. За пределами центрального укрепления городища Орнек, в юго-западной части при вскрытии холма высотой 1,5 м и диаметром 30 м были выявлены две одновременные постройки. Верхняя из них представляла собой остатки мавзолея со стенами, ориентированными по сторонам света. Стены сложены из сырцового кирпича размером 21×20×9 см. Сохранившаяся высота стен 0,7-0,8 м, толщина – до 0,8 м. Размеры постройки по внешнему обводу стен 7,5×7,5 м. Пол мавзолея вымощен прямоугольным жженым кирпичом (24×12×4 см).

Мавзолей использовался под коллективные захоронения, совершаемые в склепах из сырцового кирпича. На полу его находились остатки деревянного перекрытия. У южной стены найдены обломки деревянных обугленных досок. Один из обломков размерами 55×12,5×2,5 см украшен растительным орнаментом. Датируется мавзолей XI–XII вв.¹⁴⁰

Мавзолей Отрара XIII–XIV вв. расположен западнее центральных развалин в 1 км, где находилась группа из нескольких бугров.

Один из них имел вид возвышенности овальной формы (18×20 м), вытянутой с востока на запад, высотой 1,5 м. Западная часть бугра была разрушена при проведении оросительного канала. В разрезе виднелись кирпичи из обожженной глины. Расчистка выявила остатки западной стены длиной 7 м, толщиной 0,8 м. Кладка сохранилась в северном конце на высоту 40 см, в южном – 5 см.

В дальнейшем были раскопаны остатки стены и северо-восточный угол здания. Стены не имели фундамента, их основание находилось на глубине 1,5 м от вершины бугра. Сложены они из кирпича квадратной формы, желтого и красного обжига. Размеры кирпича 25×25×5, 26×26×5, 27×27×5 см. Чаще всего использовался кирпич 27×27×5 см, реже всего – 25×25×5 см. Кирпич клали плашмя, скрепляли раствором из жидкой глины желтого цвета. Сохранившаяся высота стен от 5 (один кирпич) до 96 см, толщина 80 см (3 кирпича). Наибольшую высоту имел северо-восточный угол – 61-96 см. Различная высота стен объясняется тем, что еще в древности они были разобраны на кирпичи для вторичного использования.

Расчистка показала, что стены являются остатками здания квадратной в плане формы (длина южной и северной стен – 10,7 м, западной и восточной – 10,4 м), ориентированного по сторонам света с небольшим отклонением (15°) к востоку. Здание но-

сило культовый характер. Отсутствуют хозяйственные сооружения (очаги, тандыры), незначительны находки керамики, в основном поливной. Здесь располагался мазар.

Раскопки дали интересный материал о мусульманских захоронениях в склепах. Склепы сложены из сырцового кирпича размером в основном 20×40×8 см, изредка 19×39×8 см. Скрепляющим раствором служила жидкая глина. Толщина стенок склепа – один кирпич, сохранившаяся высота – 25 см. Кирпичи клали плашмя. Склепы имели прямоугольную форму, у некоторых боковые стены слегка выгнуты и сужены к головной и ножной частям. Длина склепов от 1,5 до 2,2 м, в зависимости от роста погребенного. Ширина варьируется от 0,8 до 1 м. Ориентированы они по линии юг-север с незначительным отклонением к западу.

Характер перекрытия склепов из-за разрушенности проследить не удалось. Установлено, что кирпичи в боковых стенах клали строго вертикально, без напуска внутрь.

Склепы располагались одиночно и рядами, иногда параллельными, соприкасаясь короткими стенками. Сооружены они на глубине от 0,3 до 1,7 м от вершины бугра, некоторые на уровне основания стены, вдоль нее.

Обряд погребения везде одинаков. Погребения произведены на пахсовой площадке толщиной 20 см. Все захоронения одиночные, за исключением одного, где погребены женщина и ребенок. Умершие лежали в вытянутом положении на спине. Руки согнуты в локтях, кисти рук находятся на лобке. У одного погребенного кисти положены на грудь, у двух – кисть левой руки лежала на лобке, кисть правой – на груди. Все погребенные головами ориентированы на север, некоторые повернуты лицом на запад. Вещи отсутствуют.

Всего раскопано 20 захоронений. Они располагались вокруг здания и в квадрате стен. Очевидно, кладбище было устроено на месте разрушившегося мазара, которое считалось священным.

Фрагменты поливной керамики характеризуются красным ангобом и поливой зеленой и красного цветов. Встречается керамика, покрытая синей глазурью. Датируется мавзолей XIII–XIV вв.¹⁴¹

Мавзолей Арыстан-баба воздвигнут над погребением известного тюркского шейха, который был учителем Ходжа Ахмеда Яссави в отроческие годы. Имя Арыстан баба неоднократно упоминается в хикметах Ходжа Ахмеда.

После смерти Арыстан баба был похоронен неподалеку от Отрара, рядом с городищем Куйрыктобе, отождествленным со столичным городом округа Отрар-Фараб в X–XI вв., Кедером. Следует подчеркнуть, что в Кедере в X в. была построена мечеть, возможно, одна из первых в этом регионе¹⁴².

Вблизи Куйрыктобе обнаружен один из самых ранних мусульманских некрополей¹⁴³.

История мавзолея связана с его, видимо, полным разрушением, затем восстановлением при Тимуре в конце XIV – начала XV в., разрушением от землетрясения в 1860 г. и сооружением нового мавзолея, а затем в 1909 г. было построено сооружение, которое состоит из мавзолея и мечети¹⁴⁴.

Мавзолей многокамерный и состоит из собственно мавзолея – усыпальницы Арыстанбаба, пристроенной гурханы с захоронениями его учеников и последователей, айвана и мечети. Над усыпальницами возвышаются два купола. Центром композиции является портал, стрельчатая арка которого опирается на расширяющиеся к низу пило-

ны. Мечеть имеет столпную конфигурацию. Шесть деревянных колонн поддерживают перекрытия. Две колонны датируются концом XIV–XV в.¹⁴⁵

В ходе консервационных работ на мавзолее в 2004 г. в помещении гурханы была произведена разборка пола, и при этом на глубине 12 см был обнаружен угол помещения, сложенный из жженого кирпича. Размеры обнаруженного кирпича аналогичны размерам кирпичей мечети Кедера. Размеры его 18×9×3,5 см и 19,5×15,5×5,5 см. В траншее была установлена сохранившаяся высота северной стены: 49 см (10 рядов кладки), длиной 2,96 м.

Были вскрыты и остатки других конструкций из жженого кирпича. Исследователи установили, что в истории мавзолея четко выделяется первоначальная постройка XII в. и постройка конца XIV в., включившая в себя постройку XII в.¹⁴⁶

Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави находится в центре города Туркестана.

Первая постройка мавзолея над могилой Ходжи Ахмеда Ясави, как выяснилось, относится к более раннему времени.

С декоративным обликом этой ранней постройки исследователи связывают несколько фрагментов терракотовых резных плит, найденных в разные годы при реставрации, а само здание считается полностью разрушенным в конце XIV века при строительстве по велению эмира Тимура на этом месте грандиозного комплекса ханаки.

От него сохранились, как принято считать, обнаруженные при зондаже стен XIV века в районе гурханы отдельные участки ранних стен, облицованные парными кирпичиками со вставками – «бантиками» и фрагменты резных терракотовых плиток. На основании подобных весьма фрагментарных данных можно было предположить, что мавзолей над прахом святого был сооружен сразу после его погребения в 1166 году, декоративное оформление его соответствовало стилю своего времени, а «сравнительно мелкий рисунок орнаментов говорил о том, что размеры мавзолея были невелики».

С.Г.Хмельницкий полагал, что «мавзолей XII века над могилой ходжи Ахмеда Ясави представлял собой, вероятно, квадратное помещение со сторонами длиной 7,5 м и неглубокими осевыми нишами на всех сторонах, которые были прорезаны входами, – здание должно было быть центрическим, типа чортака».

Есть все основания считать, что первый мавзолей ходжи Ахмеда Ясави в Туркестане был отнюдь не заурядной скромной постройкой, а стоял в одном ряду с самыми элитными и совершенными по декоративным свойствам памятниками своей эпохи¹⁴⁷.

Исследователи считают, что мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави – многофункциональный комплекс, который правильнее считать ханакой. Здесь имеется джамаатхана – зал для собраний и зикров, гурхана – помещение с погребением Ходжа Ахмеда Ясави; мечеть; большой и малый аксарай – помещения для совещаний и богословия диспутов, kitab-хана – помещения библиотеки и переписки бумаг, размеры постройки 60×50 м, высота – 15 м.

Купола и арки портала поднимаются до отметки 38 м.

Осевое расположение основных помещений на фасаде выявлено мощными объемами арки главного портала, куполами джамаатханы и усыпальницы. Архитектура фасадов проста и почти лишена элементов пластики. Большие гладкие плоскости стен, изредка прорезаны оконными и дверными проемами.

У основания с трех сторон мавзолей опоясывает панель из плит желтого песчаника, над которой – полутораметровая полоса поливных изразцов. Все стены выше панели, барабаны и купола покрыты голубыми, синими, белыми изразцами в виде

крупных узоров на желто-синем фоне кирпичей. Величественный портал остался без украшений.

Двери с резьбой и следами инкрустации из кости открывают вход в центральное и самое большое помещение размером 18,5×18,5 м. В центре зала стоит огромный бронзовый котел, который по преданию, отливался недалеко от селения Карнак, в 25 км к северо-западу от Туркестана. Когда-то в него наливалась подслащенная вода, раздававшаяся по окончании пятничной молитвы.

За центральным залом – казанлыком, находится усыпальница Ходжа Ахмеда, надгробие которого сложено из гладких плит светло-зеленого серпентинита. Также скромно и само помещение: белые стены снизу одеты голубой изразцовой панелью с синими угловыми полуколонками.

В мавзолее много других помещений – мечеть и худжры для паломников. Некоторые из них вскоре после постройки были превращены в склепы. Намогильные камни XV–XIX вв. называют имена погребенных.

В архитектурно-художественной отделке памятника средневековые мастера применили все виды прикладного искусства: это резьба по дереву, алебастру, кости, камню и металлу; поливные изразцы, окрашенные в синий, голубой, белый цвета; кирпичную кладку, образующую сложный орнаментальный узор.

Тексты из Корана занимают места на подкупольных фризах, в обрамлении михраба и выполнены канонизированным почерком. Ковровые заполнения стен со стилизацией букв содержат часто повторяемые богословские сентенции. Особо декорирован ребристый купол усыпальницы, сплошь украшенный глазурованными полихромными плитками.

Туркестанский памятник в связи с незаконченностью строительства и, в частности, с незавершенностью портала позволяет выявить технологические особенности средневекового строительства. Здесь сохранились древние деревянные строительные леса, приспособленные для поднятия грузов. Обожженная кирпичная кладка позволяет понять принцип возведения большепролетных арок. В помещениях порталной части сохранились следы временных лестниц строительного периода, гнезда в стенах для крепления кружал куполов, гипсовые шаблоны арок.

Уже современники по достоинству оценили постройку. «Мавзолей Ахмеда Ясави, – писал Рузбехан, – одна из самых монументальных построек во всем мире. В архитектуре мавзолея проявлено человеческое искусство до поразительности и восхищения».

Мавзолей Есим-хана. Главный фасад мавзолея обращен на восток и оформлен порталом. Основания стен сложены из жженого кирпича размером 25×15×5 см. Остатки стен с нишами свидетельствуют о купольном перекрытии мавзолея.

Мавзолей был облицован глазурованными плитками, покрытыми голубой, сине-желтой и зеленой глазурью.

В юго-восточной стене находился вход в склеп, имевший крестообразную планировку. Стрельчатые арки поддерживали плоский свод высотой 3 м. Пол был вымощен жженым кирпичом. Постройка мавзолея, скорее всего, относится к XVII в.¹⁴⁸

Подземный мавзолей Туркестана. В 1951-1957 гг. специальная научно-реставрационная производственная мастерская Государственного строительного управления Узбекской ССР занималась реставрацией мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави. Руководитель

этой работы Т.Карумидзе в 1954 г. обнаружила основание мавзолея, расположенного в 10 м от северо-западной стены Большой Аксарай.

В 1997 г. Туркестанская археологическая экспедиция продолжила исследования. В ходе работ было расчищено подземное квадратное в плане сооружение. Длина его стен разная: северо-западной – 3,97 м, юго-восточной – 4,1 м, юго-западной – 4,12 м, северо-восточной – 4,09 м. Размер кирпичей – 28×28×5 см; 26×26×5 см; 29×29×6 см. В юго-западной стене имелся вход, к нему примыкал коридор-дромос. Толщина его стен 0,4-0,5 м, высота 1,34 м – 15 рядов кирпичной кладки. Внутренний размер сооружения – 3,1×3,08×3,14×3,13 м, ширина прохода – 1,2 м.

Сооружение перекрыто куполом высотой 2,54 м.

Мавзолей Кок-Кесене полностью разрушен, но сохранились фотографии и описания. Мавзолей в плане квадратный, под полом был устроен склеп. Вход выделен стройным порталом со стрельчатой аркой. Главный объем представлял квадратную призму, переходный восьмигранник, шестнадцатигранный барабан и конический шатер. Мавзолей снаружи был облицован цветными глазурованными кирпичами, образующими геометрический узор, и многоцветными мозаиками, внутри под куполом проходила арабская надпись.

Композиция мавзолея Кок-Кесене, его пропорции, шатровый купол восходят к традициям хорезмской архитектуры XIV в., самым ярким образцом которой является так называемый мавзолей Тюрябек-ханым в Куня-Ургенче. Судя по стилю и исторической ситуации, Кок-Кесене возведен около середины XV в. и связан с захоронением одного из видных узбекских ханов, может быть, Абулхайра¹⁴⁹.

Мавзолей Кердери I находится на дне высохшей части Аральского моря.

До раскопок памятник представлял собой вытянутый овальный в плане бугор размерами 42×30 м и высотой около 2,3 м, ориентированный длинной осью по линии север-юг.

Центральную часть его образуют развалины прямоугольной постройки, основания стен которой толщиной 1,45-1,65 м сложены из каменных плит. Размеры постройки 8×24 м. Постройка разделена двумя поперечными стенами на три помещения. Вокруг фундамента и на его поверхности лежали обломки и целые обожженные кирпичи (25×25×5 см). Среди кирпичного завала найдено несколько фрагментов глазурованных и неглазурованных декоративных плит с резным и штампованным орнаментом.

Портал был возведен из обожженного кирпича и декорирован поясами глазурованных и неглазурованных плит с резным орнаментом. К центральному поминальному помещению – зийаратхане, где совершались обряды поклонения, с юга и севера примыкали два прямоугольных помещения меньших размеров (6,6×6,5 м и 7,4×7 м).

В южном помещении пол был частично выложен обожженным квадратным кирпичом. Северное помещение было гурханой – местом захоронения. Здесь под полом была расчищена купольная часть подземного погребального склепа. Центральная часть купола обвалилась, но он хорошо сохранился в углах. Купол относится к типу «балхи».

Из находок наиболее интересны фрагменты глазурованных терракотовых плит с резным орнаментом. Сравнительный анализ этих фрагментов декоративных плит показывает, что данный орнаментальный стиль и технология присущи среднеазиатским (Хорезм), а если шире – золотоордынским памятникам XIV в.

Датируется мавзолеем серединой XIV в.¹⁵⁰

Мавзолей Кердери II. Поселение, условно названное Арал-Асар, находится в 65,2 км от современного поселка Каратерен, расположенного в 370 км к северо-западу от Кызылорды. Этот поселок еще недавно стоял на берегу Арала, но сейчас море ушло от него на 320 км.

Общая площадь поселения Арал-Асар составляет 6 га. На поверхности в большом количестве найдены хозяйственные предметы: мельничные жернова, керамические сосуды и их обломки, фрагменты железных и бронзовых изделий.

Строительные конструкции сейчас плохо различимы на поверхности. Они размыты и сглажены водами Арала.

Жители средневекового населенного пункта занимались земледелием, выращивали зерно. Найдено 14 жерновов и расположенных рядом помещений для хранения муки – хумданов. Было развито мукомольное производство.

Собранная поливная керамика бирюзового, темно-синего и черного цветов свидетельствует о жизни городища в конце XIV в.

В шурфе на глубине 0,3 м обнаружена поверхность, выложенная обломками жженого кирпича. В центре этой кладки находился большой сосуд – хум, более чем на три четверти зарытый в землю, а жженым кирпичом была обложена верхняя его часть так, что были скрыты плечики сосуда.

Городище «однослойное» и существовало короткое время, возможно, несколько десятилетий. Раскопки на городище, проведенные осенью 2005 г., подтвердили кратковременность жизни в этом населенном пункте. Были найдены две серебряные монеты, чеканенные в Золотой Орде и датированные серединой XIV в. Первая – джучиды XIV в., чекан Джанибек хана (1341-1357) в Сарае ал-Джадиде (?), год утрачен. Вторая – джучиды XIV в. чекана Науруз-бека. Он правил в 760-761 г.х./1358-1361 г.г., чекан Сарая ал-Джадиде, год утрачен.

С южной и юго-восточной стороны поселение ограничивается некрополем размером 110×400 м. Территория ее определяется концентрацией жженого кирпича.

Руины центрального мавзолея локализируются на некрополе, расположенном рядом с поселением Арал-Асар. До раскопок это был оплывший холм высотой 1,6 м. Хорошо сохранилась обнажившаяся каменная кладка фундамента внешней северной стены мавзолея. Он сложен из плит в три ряда шириной 2,2 м.

Мазар, находящийся в западном секторе на удалении 130 м от центрального мавзолея, имеет четкие границы, свидетельствующие о его прямоугольной форме. Размер холма 14,7×11 м, высота 0,2-0,3 м – по форме и расположению идентичен центральному сооружению комплекса. Поверхность усыпана фрагментами и целыми жжеными кирпичами, на многих из них в центре прослеживается глубокая линия, прорезанная через всю плоскость.

Второй мазар находится в 25 метрах к востоку от центрального мавзолея, его размер 6×5 м.

В ходе работ выяснилось, что центральный мавзолей ориентирован углами по сторонам света и имеет в плане форму прямоугольника. Стены мавзолея были выложены жженым кирпичом 25×25×5 см. Юго-западная стена сохранилась на высоту в шесть рядов кирпичей.

Внутреннее пространство мавзолея представлено помещением гурханы со сторонами 5,5×5,5 м. Вход в мавзолей находится в западной части сооружения, оформлен порталной нишей шириной 2 м, прямоугольное обрамление и свод которой был украшен поливными кирпичами с растительным и геометрическим орнаментом и араб-

скими надписями. Найденные здесь же фрагменты декоративных округлых кирпичей позволяют предположить, что архиво́лы арки опирались на трехчетвертные колонны, встроенные в углы ниши.

По всей видимости, внутренние стены гурханы были украшены четырьмя осевыми нишами глубиной около 1 м, в юго-восточной нише устроен вход, а в северо-западной, более глубокой, находилось основное погребение мавзолея. Пол помещения выложен прямоугольными жжеными плитами размером 44×27×6,5 см.

В мавзолее было выявлено семь погребений типа сагана. Исключение составляет *погребение № 1*, расположенное в северо-западной осевой нише. Захоронение было разграблено уже в наши дни. Решение конструкций этого погребения видится интересным и не типичным для этого времени. Оно выложено камнями в виде цисты и перекрывалось тремя массивными плитами. Останки человека в погребении не сохранились.

В восточном углу центрального зала было вскрыто и расчищено погребение. Склеп представляет конструкцию из восьми горизонтальных рядов кирпичей общей высотой 0,46-0,5 м. Ширина по внешней линии кладки кирпича – 1,49 м, длина по внешней линии верхней кладки – 2,95 м. Склеп длинной стороной ориентирован по направлению северо-запад – юго-восток. Внутри погребальной камеры находился гроб. Сверху он был перекрыт двумя досками. Погребенный был захоронен по обряду труположения на спине, головой на северо-запад, руки вытянуты вдоль туловища.

Во время зачистки захоронения у левого плеча была найдена золотая серьга с окончанием в виде головки хищника и небольшой подвеской с камнем. Такая же серьга зафиксирована в районе костей стопы. Сережки изготовлены в виде стилизованной головы дракона, кусающего свой хвост, в дополнение к украшению подвешен камень.

К южной стене мавзолея примыкали два погребения № 18 и № 19.

Погребение № 18 (детское). Размеры сделаны по внешней кладке кирпича: длина – 104 см, ширина – 105 см. Кладка «ёлочкой», состоит из 8 рядов кирпичей

Под перекрытием находилась крышка деревянного гробика длиной 72 см, шириной – 21-25 см, толщина крышки гробика и стенок – 1,5-2 см. При выборке заполнения гробика на глубине 5 см от крышки обнаружен череп младенца. Расчистка показала, что скелет лежал вытянуто на спине, ориентирован головой север.

Погребение № 19 (детское). Центральная закладка полости погребения длиной 1,55 м и шириной 1 м вертикально поставленным кирпичом «в елочку» произведена в три линии: две параллельные, состыкованные углами. Третья – верхняя, установлена в ромбовидный паз, образованный первыми двумя линиями кирпича.

Крышка гроба в районе головы (северная сторона) провалилась под тяжестью земли относительно стенок на 5-7 см. Размеры гроба: длина – 1,16 м, ширина «в головах» – 0,37 м, высота – 0,28 м; ширина «в ногах» – 0,27 м, высота – 0,18 м. Длина скелета – 0,87 м. Скелет лежит вытянуто на спине, ориентирован по линии север – юг, поворота черепа на юго-запад не отмечено.

Погребение № 20 находится в юго-западной части центрального зала.

Погребение состоит из внешнего прямоугольника, внутреннего и сверху сагана завершается одним рядом кирпичей, ширина которого равняется длине 2-х цельных кирпичей и одной четверти. Размеры саганы: длина – 2,3 м, ширина – 1,4 м. Погребенный находился в гробу. Крышка гроба двускатная: из двух досок, скрепленных в центре деревянным шипом. Северная торцевая стенка (в головах) двускатная, пятиугольная. Размеры гроба: длина – 1,84 м, ширина северного торца (в головах) – 0,6 м,

высота (по коньку) – 0,3 м, ширина южного торца (в ногах) – 0,24 м, высота по краям у боковых стенок – 0,2 м.

Скелет длиной 1,4 м лежит вытянуто на спине, череп лицевой частью слегка повернут на юго-запад. Левая рука лежит поперек туловища, кисть справа от позвоночника. Правая рука вдоль туловища, ноги вытянуты. Череп имеет следы прижизненных рубящих ударов.

Погребение № 21 находится в северо-западной части центрального зала мавзолея. С северной стороны примыкает захоронение № 22; с западной – захоронение № 20. Сагана состоит из внешнего и внутреннего прямоугольника, сложенного из жженого кирпича стандартного размера. Верх саганы выложен кирпичом в один ряд шириной на длину 2-х кирпичей. Размеры: длина – 2 м, ширина – 1,38 м. Гроб находился ниже нижнего ряда кирпичной кладки. Размеры могильной ямы: по линии север-юг – 2,05 м, запад-восток – 1,4 м. Гроб размером: длина север-юг – 2 м; ширина «в головах» – 0,67 м, «в ногах» – 0,35 м. Дно собрано из четырех плашек шириной 10-15 см, толщиной 2 см. Высота гроба «в головах» – 0,3 м, «в ногах» – 0,25 м. Скелет длиной 1,67 м лежит вытянуто на спине, головой слегка повернут на север, руки согнуты в локтях.

В погребении 21 на глубине 0,3 м от кладки обнаружены следы камышовой подстилки, а под ней перекрытие из жердей (толщиной 7-10 см), лежащих поперек могилы. После снятия перекрытия произведена зачистка.

Погребение № 22. Надмогильное сооружение находится возле северного угла мавзолея, состоит из внешнего и внутреннего прямоугольника, сверху заложено одним рядом жженого кирпича. Размеры саганы: длина – 2,37 м; ширина – 1 м. Размеры могильной ямы 1,95×0,82 м.

Погребение совершено в гробу размером: длина 1,87 м, ширина «в головах» – 62 см, «в ногах» – 38 см; высота одинаковая – 24 см. Крышка гроба собрана из четырех досок шириной 12-15 см, дно – из трех досок шириной 17 см, толщина досок 2 см. Скелет длиной 1,74 м лежал вытянуто на спине, череп лицевой стороной слегка повернут на юго-запад, левая рука вытянута вдоль тела, правая – согнута в локте и кистью лежит на животе (фаланги пальцев в области таза). Разделительная стенка погребений 21 и 22 – общая, погребения совершены одновременно.

В северной части портала мавзолея были произведены зачистки на площади 2,5×5 м. В ходе работ была выявлена рухнувшая в западном направлении порталная арка, законсервированная в таком положении двадцатисантиметровым слоем фрагментов кирпича фасадной и северной стен мавзолея, смытой морем в южную сторону. Арка представляет собой дугообразную кладку из кирпича стандартного размера (25×25×4,5 см) в один ряд, перемежающихся слоями раствора серого цвета. Внутренняя сторона арки (южная) была украшена вставками из кирпичиков (9,5×5×2,5 см), покрытых глазурью синего цвета. Фиксируется 41 кирпич, положенный в один ряд горизонтально, формирующий внешнюю сторону арки. Предположительно, под первыми «подпяточными» кирпичами фиксируется деревянная плаха размером 18×7 см. Орнаментации могли идти поясками в «шахматном» порядке. На данной линии кладки глазурованные кирпичики, отмеченные выше, прослеживаются после 23 ряда кладки (счет от «подпяточного» кирпича), и выше, через два совмещенных ряда повторяются дважды. С внутренней стороны кладки фиксируется два ряда кирпича, положенного вертикально, толщина раствора в этой кладке достигает 2 см. К двум вертикальным рядам кирпича вплотную примыкает горизонтальная кладка нескольких кирпичей, положенных, видимо, «вперевязку».

В южном углу центрального помещения мавзолея под полом был обнаружен клад железных изделий.

Постройка мавзолея относится к середине XIV в., к этому же времени можно отнести и захоронения в нем¹⁵¹.

Мавзолей Абат-Байтак расположен в 12 км к югу от пос. Талдысай Хобдинского района Актюбинской области на вершине водораздела рек Большая Хобда и ее левого притока р. Карасу в урочище Бескопа. Впервые мавзолей упоминается в известном труде П.Рычкова «Топография Оренбургская», где сказано, что в 1750 г. инженер Ригельман у впадения р. Карасу в Большую Хобду нашел и срисовал «немалые каменные строения, наподобие пирамид сделанные, которые у киргизов называются астаны, и сказывают, якобы тут погребены знатные люди, из которых, однако, называют они Байтан. Они же объявили ему, Ригельману, что тут в старину город бывал...»¹⁵². Как значительный памятник архитектуры позднего средневековья он упоминается в работе известного оренбургского краеведа дореволюционной поры А.И.Кастанье, посвященной мемориальным памятникам казахской степи. Им впервые были опубликованы фотографии памятника¹⁵³. Вероятно, первые обмеры мавзолея были произведены инженером Г.Герасимовым в 1947 г. Он обмерял уже полуразрушенный мавзолей. По его данным нижний объем памятника представлен как восьмерик¹⁵⁴. Этому способствовало разрушение южной части памятника («портальной»), что привело к неоднозначной трактовке его архитектурно-планировочного облика последующими исследователями¹⁵⁵. М.Мендикулов полагал, что данный мавзолей относится к «центрически-шатровому типу надгробных сооружений, имеет квадратный план (8,13×8,25 м) по наружному контуру стен»¹⁵⁶. Как однокамерную портално-купольную постройку (9,25×9,8 м) реконструировал план мавзолея и С.И.Аджигалиев, которому принадлежит наиболее полное историко-архитектурное исследование мавзолея¹⁵⁷.

В начале 60-х годов архитектором-реставратором А.Итеновым был разработан план консервации (с элементами реконструкции) мавзолея. Как теперь становится ясно, разработка плана мавзолея была осуществлена без должного учета первоначальной планировки постройки: не были проведены достаточные археологические исследования оснований средневековых стен. М.Мендикулов датировал Абат-Байтак первой четвертью XIII в., сделав предположение о возможности его постройки в период тесных контактов кыпчаков с Хорезмом. Однако С.И.Аджигалиев по архитектурно-стилевым признакам, а также на основе анализа сопровождающей памятник легенды отнес его постройку к рубежу XIV–XV в.¹⁵⁸ Отметим, что однотипный мавзолей Кесе-не в Южном Зауралье вполне аргументировано датируется XIV в.¹⁵⁹

Археологические раскопки в 2004 г. были проведены на двух основных участках: внутри помещения гурханы (по всей площади) и на участке помещения зиаратханы, которая была некогда разрушена¹⁶⁰. На этих участках за многие века существования памятника накопился слой строительного мусора и пыли толщиной от 0,7 до 1,1 м.

На участке зиаратханы в результате археологических работ выявлен первоначальный пол помещения, вымощенный обожженным кирпичом. Он залегал на глубине 1,1 м от уровня современной дневной поверхности. Кирпичная вымостка четко зафиксирована в западной и восточной частях помещения. Ширина зиаратханы по линии север – юг равна 2 м.

Поскольку часть помещения, расположенная вдоль центральной оси, на которой располагался вход в мавзолей, была разрушена, то установить ширину дверного про-

ема не представляется возможным. Но есть основание полагать, что дверной проем был устроен в нише глубиной 0,5 м и шириной не менее 5 м. Четко зафиксирован западный угол этой ниши.

Также невозможно определить ширину дверного проема, соединявшего зиаратхану и гурхану, поскольку разделяющая их стена основательно разобрана.

Следы первоначальной восточной и части южной стены зиаратханы были перекрыты позднейшей «реставрационной» кладкой современным кирпичом на цементном растворе. Поэтому удалось лишь зафиксировать основание (1-2 ряда кирпича) внутренней грани южной стены в восточном и западном углах помещения. Четко выявлены северо-западный и северо-восточный углы по уровню первоначального пола.

В гурхане так же как и на месте зиаратханы, за многие века накопился толстый (0,7-0,9 м) слой мусора и строительных обломков. Площадь гурханы 5,2×5,2 м. Расчистка велась по всей площади помещения. На глубине 0,7-0,9 м выявлены остатки вымостки пола помещения квадратным обожженным кирпичом. Но в результате многочисленных перекопов (устройство погребений) эта вымостка сохранилась лишь на отдельных участках.

После расчистки всей площади помещения были выявлены могильные ямы нескольких погребений. Ямы были заполнены грунтом и обломками обожженного кирпича. Стало ясно, что надмогильные сооружения (сагана) во всех случаях разрушены и могилы некогда подверглись вскрытию. Были расчищены три могильные ямы погребений.

Погребение 1 расположено в центре северной половины помещения гурханы. Стенки могильной ямы обложены обожженным кирпичом половинного формата (24×12×5 см) на алебастровом растворе. Дно погребального ящика также выложено квадратным обожженным кирпичом. Ширина могильного ящика – 0,8 м, длина – 2,25 м. Глубина дна от уровня первоначального пола – 1,5 м. Высота кладки стенок из обожженного кирпича в 12 рядов. Выше кладка северной и южной стенок идет с напуском, образуя сводчатое перекрытие ящика. В перекрытии имеется грабительская дыра. В заполнении могильной ямы встречены обломки и целые обожженные кирпичи, кости человеческого скелета, фрагменты истлевшей древесины.

На дне могильного ящика расчищен скелет погребенного. *In situ* сохранилась верхняя часть грудной клетки и предплечья, лежавшие под слоем истлевших деревянных досок. Судя по стертости зубной эмали, погребенный был зрелого возраста, размеры костей скелета свидетельствуют о внушительном телосложении. На дне ямы среди древесного тлена расчищены железные детали от крепления досок гроба (пластины, скобы, уголки). Среди этих деталей обнаружена железная булава с ребристой головкой и круглой втулкой для рукояти. Ее общая высота – 19,5 см, диаметр втулки – 2,6 см. Г.А.Федоров-Давыдов считал этот вид оружия не свойственным кочевникам¹⁶¹. Но позже «булавы-шестоперы» он упоминает в арсенале вооружения воинов-горожан, отмечая при этом, что это вооружение особо не отличалось от вооружения «степняков»¹⁶². В данном случае, возможно, эта булава служила скипетром.

Монументальность погребальной постройки, размещение погребения в центре гурханы, находка булавы говорят о высоком социальном ранге погребенного, для которого, следует полагать, и был построен такой мавзолей.

Погребение 2 расположено южнее погребения 1. Это простая могильная яма (2,1×0,8 м, глубиной 1,6 м), заполненная землей, обломками обожженного кирпича. Среди них найдено несколько обожженных длинных облицовочных кирпичиков.

Погребение 3 находится южнее погребения 1 (в полуметре) на одном уровне с погребением 2. Могильная яма выложена обожженным кирпичом в 10 рядов на алебастровом растворе. Длина образовавшегося ящика – 2,05 м, ширина – 0,8 м, глубина – 1,5 м. На дне ящика расчищен непотревоженный женский скелет длиной 1,45 м. Скелет вытянут на спине, ориентирован головой на запад, кисть левой руки находится в области лобка, правая рука вытянута вдоль туловища. На месте одежды найдены пучки золотой нити, которой была прошита ткань одежды или погребального савана, которым была обернута погребенная.

«Мавзолей батыра Абата» послужил основой формирования казахского некрополя XVII – начала XX в., состоящего из сырцового мавзолея и ансамбля из более 200 надгробных стел – кулпытасов¹⁶³.

Однотипный с Абат-Байтаком мавзолей Кесене находится на юге Челябинской области у пос. Варна. Среди местных жителей он известен как «Башня Тамерлана»¹⁶⁴. Он привлек внимание таких известных исследователей и краеведов, как П.И.Рычков, П.С.Паллас, А.И.Кастанье. В 1889 г. Э.А.Петри провел раскопки и обнаружил остатки трех погребений. На покойниках были остатки шелковой одежды. Кроме того, в погребениях был найден фрагмент деревянной палицы (шокпар), окрашенной в малиновый цвет, а также серьга и перстень, что позволило отнести Кесене к XIII–XIV вв.

Сопоставление этих двух памятников – мавзолеев Абат-Байтак и Кесене показывает, что они аналогичны не только по внешнему архитектурному облику и строению, но и почти совпадают по основным параметрам. Так, оба мавзолея в основании имеют прямоугольник.

Близкими по планировочному и объемно-архитектурному решению мавзолею Абат-Байтака, вероятно, были и мавзолеи, открытые и исследованные Уральской археологической экспедицией Института археологии им. А.Х.Маргулана на некрополе городища Жайик в окрестностях г. Уральска. Особенно так называемый «Малый мавзолей». Датируются они временем жизни расположенного рядом городища, т.е. концом XII – первой половиной XIV в.¹⁶⁵

Снаружи мавзолеи выглядели как прямоугольные объемы [размерами 9×12 м у малого (размеры почти точно совпадают с размерами и пропорциями мавзолеев Абат-Байтак и Кесене) и 12,85×19,5 м у большого мавзолея], увенчанные каждый, предположительно, двумя куполами. Южные фасады были оформлены в виде порталов.

Строительство этих мавзолеев можно с достаточной уверенностью отнести ко времени кратковременного, но интенсивного развития золотоордынской городской культуры. Этот период приходится на время хана Узбека (1313-1339 гг.), когда ислам официально становится в Золотой Орде государственной религией. Как известно, в его восшествии на престол активную роль сыграла «хорезмийская партия», которую возглавлял могущественный наместник Хорезма Кутлук-Тимур. Именно с этого времени повсюду на территориях, входивших в состав Золотой Орды, ощущается интенсивное влияние ислама, ставшее следствием неограниченной пропаганды миссионеров.

Мавзолей Кобланды. Развалины мавзолея Кобланды батыра расположены на северной окраине аула Жиренкопа Хобдинского района Актюбинской области на левом берегу реки Улы Хобда.

Место, где расположен мавзолей, является наиболее возвышенным участком побережья реки. Это единственное место, которое не затопливается в период весеннего половодья.

В результате археологических раскопок в 2004-2005 гг. были выявлены контуры мавзолея: прямоугольный в плане размером 11,6×8,5 м.

Западный угол – самая сохранившаяся часть остатков мавзолея. Сохранилась кладка в пять рядов кирпичей. Выделяются два размера кирпича: квадратный 25×25×5 см, который служил основным строительным материалом, и прямоугольный – 12×25×5 см.

Южный угол обозначен сохранившейся кладкой кирпича высотой в два ряда. Четко прослеживается внешняя часть северного угла. Сохранившаяся высота четыре ряда кирпича и раствор – 25 см.

Внутри мавзолея были вскрыты средневековые погребения.

Погребение № 1 разрушено, вытянуто по линии северо-запад – юго-восток (-37°). Длина могильной ямы – 2,67 м, ширина – 1,35 м, глубина – 1,8 м. При расчистке могильной ямы были обнаружены один целый кирпич и обломки. Из находок – фрагмент железного изделия в виде крючка.

Погребение № 2 расположено у юго-восточной стены мавзолея, в 1,6 м от первого погребения. Оно ориентировано по линии северо-запад – юго-восток. На дне могильной ямы, у изголовья и нижней части, поперек могильной ямы устроены подставки под гроб из двух сырцовых кирпичей (26×26×5 см). Погребение было совершено в деревянном гробу, от него остались деревянный тлен и фрагменты досок, а также железные гвозди, скреплявшие доски гроба.

Умерший был погребен головой на северо-запад, и повернут лицом на юго-запад. По предварительному определению антрополога А.О.Исмагуловой, принимавшей участие в раскопках, скелет из погребения № 2 принадлежит девушке 16-18 лет. В районе затылочной части были найдены бусы, бисер, изделия из коралла, кулон в виде металлической пластины.

Погребение № 2А было расположено над погребением № 2. Его дно находилось на глубине 40 см от уровня пола мавзолея. В погребении найдены обломки берцовой кости ребенка.

Погребение № 3 грабленное. Могильная яма трапециевидной в плане формы: длина 2 м, ширина у изголовья – 0,75 м, у ног – 0,45 м, глубина 1,2 м. В ходе расчистки в заполнении были найдены кости черепа, фаланги пальцев, обломки ребер. Погребение было совершено в гробу, сделанном из тонких досок. Сохранилась часть гроба вдоль юго-западной стенки могильной ямы – это истлевшие доски. Скелет погребенного лежал вытянуто на спине, у него отсутствовали череп, ключица и несколько ребер с левой стороны, кости левой руки, полностью не было тазовых костей и крестца. В данном погребении не было обнаружено гвоздей, скреплявших доски гроба.

Археологическими раскопками установлено, что мавзолей Кобланды состоял из двух частей: гурханы, где расположены погребения, и зиаратханы. Гурхана занимала одну треть внутренней площадки мавзолея, погребения находились в противоположной от входа стороне. Все четыре погребения оказались разновременными, кроме того погребения № 1 и № 3 совершены в грунтовой могильной яме, остальные – № 2 и № 2А – в склепах из сырцового кирпича.

Исследование погребений позволяет сделать следующие выводы: мавзолей сооружен в мусульманском стиле. В погребальном обряде наряду с исламским, имели место доисламские степные обряды, о чем свидетельствуют погребения в деревянных гробах и вещи, найденные в погребениях.

Датируются погребения XIII–XIV вв.¹⁶⁶

Малый Мавзолей городища Жайык. В 2 км к северо-западу от городища Жайык находится некрополь. Он расположен на Свистун-горе, которая в этом месте имеет вид широкого плато с холмами. Всего таких холмов 5. На их поверхности были найдены обломки обожженного кирпича.

Раскопки одного из таких холмов вскрыли остатки двухкамерного мавзолея, сложенного из обожженного квадратного кирпича и облицованного полихромными глазурованными плитками.

Стены и даже частично полы подверглись некогда основательной разборке и разрушению. Вымостка полов сохранилась лишь на половине площади каждого из двух помещений. Очевидно, что, как и остальные постройки из обожженного кирпича, мавзолей разбирался для повторного использования строительных материалов: кирпича и облицовочных плиток.

Постройка сооружена без фундамента. Роль его выполняют три слоя кладки жженым кирпичом ниже уровня древней дневной поверхности. Кладка стен производилась из кирпича на растворе «черной» материковой глины. Размер кирпича 25-26×25-26×5 см, использовался и кирпич вдвое меньшего формата.

Снаружи мавзолей выглядел как прямоугольник размером 9×12 м, увенчанный двумя куполами. Мавзолей длинной стороной ориентирован с юго-запада на северо-восток. Юго-западная стена была оформлена в виде портала, ее толщина 2,25 м, толщина остальных стен постройки – 1,75 м.

Через вход в центре порталной ниши попадали в помещение № 1 (5,5×3,5 м), являвшееся зиаратханой. Слева и справа от входа вдоль восточной и западной стен располагались суфы шириной 1,25 м и высотой около 0,4 м. Края суф выложены квадратным кирпичом, а внутреннее пространство забито черной материковой землей. Возможно, их ширина и одновременно объем всего помещения увеличивались за счет ниш, расположенных за суфами в восточной и западной стенах. Пол помещения размером 2,75×3,5 м выложен квадратным жженым кирпичом, уложенным на подсыпку из желтоватой глины и скрепленным известковым раствором.

Проход в центре северо-западной стены (следы его не прослеживаются) вел в гурхану (помещение № 2 размером 5,5×5,5 м), которое и было собственно усыпальницей. Средняя часть пола помещения вымощена шестиугольным обожженным кирпичом. Размер кирпича 27 см от угла до угла. Эта вымостка обрамлена квадратными кирпичами. Вдоль южной, западной и восточной стен уложен один ряд квадратных кирпичей, а вдоль северной – четыре. Возможно, с этой стороны была устроена суфа шириной 1,25 м. На полу помещения № 2 жженный кирпич уложен в два слоя. В разрезе видно, что на материке лежит слой желтой глины толщиной 5-7 см, на котором слой черной материковой земли толщиной 7-10 см. На него уложен один ряд квадратного обожженного кирпича, а нем ряд шестигранных кирпичей.

Единственное погребение в гурхане расположено почти в центре перед суфой у северной стены. Могильная яма размером 2,55×1,15 м, глубиной 1,6 м ориентирована длинной осью восток – запад. Кирпичная вымостка пола отсутствует, а в заполнении могильной ямы встречено множество глазурованных плиток и кирпичиков. Стены до дна могильной ямы обложены кирпичом. В кладке присутствуют и кирпичики половинного формата. По качеству кирпичи в могильной яме отличаются от кирпичей в кладке стен и выстилке полов. Погребальная камера имеет внутренние размеры 2,0×0,7 м.

Погребение полностью разграблено. Выбрана большая часть кирпичей из кладки могильного склепа. Скелет потревожен, обнаружены лишь череп, некоторые длинные

кости конечностей, часть тазовых костей. Череп и несколько костей лежали в северо-западном углу могильной ямы, на остатках стенки ящика. В припольном слое склепа обнаружены железное кресало, гвозди (16 шт.), бронзовые бубенчики (2 шт.), небольшой железный нож, конусовидная железная поделка, возможно, колокольчик.

Выявленные детали плана позволяют интерпретировать данное архитектурное сооружение как фасадно-купольный двухкамерный мавзолей.

Подобный тип мавзолеев в Центральной Азии сложился ко второй половине XIV в., к концу творческий поиск архитекторов в этом направлении зодчества достиг своей кульминации¹⁶⁷.

Для золотоордынского мемориального зодчества более характерны однокамерные мавзолеи. Обряд погребения – трупоположение головой на северо-запад, в одежде, с личными вещами, в деревянном гробу на дне могильной ямы в кирпичном склепе – соответствует погребальной обрядности кочевников, недавно принявших ислам¹⁶⁸.

Большой Мавзолей городища Жайык. Единственным холмом на Свистун-горе, не подвергавшемся распашке, является наиболее высокий холм, на котором когда-то был установлен тригопункт.

Археологическими раскопками под двухметровой толщиной строительного мусора, образующего холм, вскрыты архитектурные остатки «Большого мавзолея»

До раскопок холм имел овальную в плане форму, вытянутую по направлению север – юг. Размеры холма: 50×37 м, высота над окружающей поверхностью – 2,5 м. У северного края холма к востоку и западу расположены симметрично две круглые в плане впадины диаметром 10-15 м и глубиной 1,2-1,8 м.

Также не полностью вскрытым остался расположенный с южной стороны и хорошо читаемый в микрорельефе обширный, некогда огражденный прямоугольный в плане двор размером примерно 50×25-27 м.

Расчищена только восточная часть стены двора длиной 17,3 м, толщиной 1,9 м. Основание стены сложено из квадратного обожженного кирпича (22×22×6 см) высотой в два ряда, верхняя часть стены выложена сырцовыми кирпичами размером 22×22×6 см и 40×20×7 см. Края стены выложены обожженными кирпичами, а внутренняя часть сложена сырцовыми. Внутренняя площадь двора мавзолея вымощена квадратными жжеными кирпичами. Примерное расстояние между расчищенной восточной и западной стеной 24 м.

После снятия первого штыка обнаружены две массивные сырцовые стены – восточная и западная. Они ориентированы с юга на север, т.е. вдоль длинной оси холма, параллельны и отстоят друг от друга на 7 м. Толщина их около 2,5 м. Сырцовым кирпичом (40×25×9-10 см, 30×25×8 см) в два ряда выложены лишь края стен, а внутреннее пространство забито строительным мусором (обломки сырцовых и жженных кирпичей).

С южной стороны на глубине 2,45 м под плотным завалом битого кирпича и земли по направлению запад-восток выявлена кладка квадратным обожженным кирпичом. Ширина кладки 2,5 м, длина с востока на запад – 16,5 м. На отдельных участках сохранилось разное количество слоев кирпича – от 1 до 6. Наружные ряды кладки состоят из аккуратно уложенных вперевязку целых и половинок квадратных кирпичей, а внутреннее пространство заполнено обломками кирпича. От уровня третьего слоя кладки, в южную и юго-западную стороны от этой стены, зачищена вымостка пола квадратным жженым кирпичом, уходящая под сырцовые параллельные стены (контр-

форсы) и южную бровку раскопа. О том, что это вымостка двора, говорит сильная стертость поверхности кирпичей, которые к тому же почти все растрескались. Такая же вымостка расчищена и с западной стороны постройки, и к западу от западной сырцово-сырцовых стен.

Вдоль южной наружной стороны, на западном и восточном участках, в эту кладку на уровне 4-5 слоя кирпичей вмонтированы деревянные брусья толщиной 15-18 см. Они проложены в кладке справа и слева от прохода, который определяется, скорее, угадывается, по сильной потертости поверхности кирпича. Проход имел ширину примерно 3,8-4 м. Возможно, это ширина не собственно дверного проема, а ниши, в середине которой была дверь, ведущая в первое помещение мавзолея. В итоге был вскрыт главный (южный) фасад здания с приставленными к нему двумя параллельными сырцовыми контрфорсами, выявлен и зачищен частично уровень прилегающего с юга и запада обширного огражденного двора.

Помещение № 1 (4,4×4,4 м) расположено за порталом, из которого в помещение вел дверной проем. Справа и слева от входа были устроены две глубокие во всю ширину помещения суфы (глубина 2,2 м, высота 0,45-0,5 м), увеличивающие вдвое его объем. Края суф обложены квадратным обожженным кирпичом. В заполнении суфы – черно-серый материковый грунт и строительный мусор. Если предположить, что суфы были перекрыты арками, то площадь помещения № 1 удваивается и приобретает форму вытянутого прямоугольника размером 8,8×4,4 м, а над центральной квадратной частью помещения, возможно, было купольное перекрытие. Вся среднюю часть помещения № 1 занимает центральная суфа в виде подпрямоугольной платформы (2,75×2,2 м). Ее сохранившаяся высота 0,34 м (пять слоев обожженного кирпича в кладке краев платформы). Края платформы выложены 2-3-мя рядами квадратного кирпича, внутри заполнение – материковым грунтом и кирпичным ломом. Пол помещения с двух сторон платформы выложен голубыми глазурованными шестиугольными плитками. Ширина этой выкладки с северо-восточной стороны 0,8 м, с юго-восточной – 0,3 м. Голубые плитки вымостки сильно потертые, растрескались, местами глазурь утрачена. Остальная площадь пола вымощена обычным квадратным обожженным кирпичом размером 23-24×23-24×5 см, применявшимся и в кладке стен всего здания. Наружные, «лицевые», стороны стен выкладывались кирпичами половинного формата (11,5-12,5×24-25×5 см), а в кладке тела стен встречаются кирпичи формата 20×25×5 см, 21×25×5 см.

Из особенностей постройки нужно отметить, что восточная стена здания несколько толще западной: 2-2,1 м и 1,95 м соответственно.

Стена толщиной 2,05 м отделяет помещение № 1 от квадратного *помещения № 2*¹⁶⁹. Как выяснилось, это основное помещение мавзолея – «гурхана» (8,8×8,8 м). Оно разрушено до основания так, что выбраны даже кирпичи вымостки пола. О том, что вымостка здесь была, свидетельствуют ее следы: сохранившиеся небольшие участки выстилки квадратным кирпичом и полоса вдоль южной стены из обломков голубых глазурованных плиток.

Перед дверным проемом в помещение № 2 в 1 м от внутренней линии южной стены обнаружена выложенная из обожженного кирпича на известковом растворе «тумба» размером 0,65×0,65 м, высотой 0,5 м. Эту «тумбу» можно было бы принять за основание деревянной колонны, тем более, что находится она точно на центральной оси мавзолея. Однако местоположение прямо перед входом и отсутствие следов аналогичной и парной ей тумбы у северной стены заставляют пока воздержаться от такой интерпретации.

В помещении были расчищены шесть взрослых и пять детских погребений. Все погребения ориентированы головой на запад. Наблюдается четкое зонирование в расположении погребений: четыре детских погребения размещены слева от входа у западной стены, четыре взрослых у восточной стены и два по центру помещения под платформой-мастабой. Лишь одно детское погребение оказалось у восточной стены гурханы, в ее северо-восточном углу.

В центре северной половины помещения №2, в 1,9-2 м от северной стены сохранились следы прямоугольной платформы-мастабы размером 3,0×2,8 м. Высоту теперь определить невозможно, но, вероятно, она была около 0,5 м, подобно платформе в помещении №1. Края ее были выложены в один ряд обожженным кирпичом на ганчевом (известковом) растворе. Мастаба была основательно разрушена и разобрана. Относительно хорошо сохранились следы юго-восточного и юго-западного углов. Над другими погребениями гурханы, видимо, из-за основательного разрушения (выбрана даже вымостка пола) следы обычных в таких случаях надмогильных сооружений не отмечены. Два погребения (№1 и 5), находившиеся под этой платформой, также разрушены и ограблены. Очевидно, они являются центральными и, вероятно, самыми ранними погребениями всего комплекса.

Вдоль восточной стены гурханы расположены в ряд четыре взрослых погребения – №2, 3, 6, 7.

Как отмечалось выше, детские погребения №4, 8, 9, 10 расположены в ряд вдоль западной стены, лишь детское погребение №11 оказалось в северо-восточном углу гурханы.

Погребение №1 совершено в прямоугольном кирпичном склепе размером 2,1×0,76 м на глубине 0,86 м от уровня пола. Высота сохранившейся кладки стенок склепа 0,66 м. Пол склепа выложен квадратными и прямоугольными обожженными кирпичами. Перекрывался склеп квадратными и прямоугольными кирпичами. Погребение разграблено и разрушено, костяк находился в соседнем параллельно расположенном погребении №5. При расчистке в заполнении могильной ямы были найдены фрагменты квадратного жженого кирпича и изразцов, а также мелкие фрагменты раскрашенной алебастровой штукатурки, фрагменты плиток с росписью золотом. На дне склепа у западной и восточной стенок обнаружены фрагменты железных гвоздей и скобы от деревянного гроба, две фаланги пальцев рук. Гвозди размером от 10 до 13 см длиной подобны обнаруженным в погребении «Малого мавзолея»¹⁷⁰.

Погребение №2 расположено справа от входа в помещение, ближе к восточной стене. Размер могильной ямы 2,35×1,2 м, глубина 1,15 м. Вдоль длинных (северной и южной) стенок сделаны заплечики шириной 20 см, необходимые, видимо, для укладки деревянного или кирпичного (в виде свода) перекрытия. Следы перекрытия не зафиксированы. В погребальной щели шириной 0,8 м обнаружены фрагменты деревянного гроба. Расчищен потревоженный костяк погребенного, положенного на спину, головой на запад. В заполнении могильной ямы встречены фрагменты изразцов. Погребальный инвентарь отсутствует.

Погребение №3 расположено рядом, параллельно погребению №2. При расчистке на глубине 0,45 м обнаружен завал из квадратных обожженных кирпичей, видимо, от рухнувшего перекрытия склепа. Погребение совершено в прямоугольной грунтовой яме размером 2,4×1,34 м на глубине 1,1 м. Могильная яма вдоль длинных сторон имеет заплечики высотой 35 см, шириной до 24 см. На заплечиках сохранилась кладка из квадратного обожженными кирпича: шесть рядов в высоту на южной стенке и не-

полных три ряда на северной. Погребение ограблено, положение костей погребенного нарушено. Погребальный инвентарь не сохранился. При расчистке могильной ямы обнаружены кусочки ткани от одежды, обломки глазурованных изразцов. Вдоль северной стенки, рядом с черепом, сохранился фрагмент доски от деревянного гроба, обломки железных гвоздей и фрагмента крепления в виде пластины.

Погребение № 4 расположено слева от входа в помещение, ближе к западной стене. Могильная яма сверху, на уровне пола гурханы, выложена квадратными жжеными кирпичами. После снятия слоя кирпичей четко обозначено могильное пятно размером 1,4×0,85 м. В северной стенке могильной ямы на глубине 0,75 м сооружен подбой размером 1,28×0,5×0,35 м. Погребение совершено в гробу. Костяк плохой сохранности, ориентирован головой на запад. Подбой перекрыт сырцовыми кирпичами (15 шт.) размером 40-42×24-26×7-9 см, поставленными на ребро. Погребальный инвентарь отсутствует.

Погребение № 5 находится параллельно погребению № 1. Погребение совершено в грунтовой яме (2,35×1,2 м) с заплечиками на глубине 1 м от уровня пола. Пол и нижняя часть стенок могилы не обложены кирпичом. Выше с помощью квадратных обожженных кирпичей, выложенных на заплечиках, стенкам могил придана трапециевидная форма (видимо, по форме гроба): длина 1,9 м, ширина западной стенки 0,75 м, восточной – 0,56 м, высота – четыре ряда кирпичей. Судя по остаткам, погребение перекрывалось ложным сводом из квадратных и прямоугольных кирпичей.

Погребение потревожено, в склепе находилось два костяка (второй, возможно, попал из соседнего погребения № 1). Из погребального инвентаря обнаружены фрагменты железных пластин, пять гвоздей, куски дерева. В заполнении ямы были найдены трапециевидные глазурованные плитки, видимо, от рухнувшего перекрытия склепа.

Погребение № 6 расположено параллельно погребению № 3. Погребение совершено в могильной яме с заплечиками вдоль всех четырех сторон. На заплечиках из плиток с бирюзовой поливой различных форм выложены стенки склепа трапециевидной формы. Размер склепа: длина 2,27 м, ширина западной стенки 1 м, восточной 80 см. Борты погребальной щели также обложены поставленными на ребро глазурованными голубыми плитками. В склепе находился деревянный гроб длиной 1,8 м, высотой 0,3 м, ширина в изголовье – 0,54 м, в ногах – 0,25 м. Вследствие ограбления разрушена северная часть конструкции перекрытия, возведенное ложным сводом голубыми плитками, затем выложено квадратными обожженными кирпичами. Кости ребер, позвонки, части таза обнаружены в северо-восточном углу склепа на глубине 0,2 м от перекрытия. Из погребального инвентаря сохранились железные гвозди (2 экз., длина 8,5 см) от гроба, фрагменты кожи обуви погребенного. При сооружении склепа применялись плитки трапециевидной (12×10×3 см) и прямоугольной формы (22-22,5×20-22,5×3-4 см).

Погребение № 7. Внутри могильной ямы размером 2,25×1,1 м и глубиной 0,8 м с заплечиками нет никаких конструкций. Деревянный гроб длиной 2 м и шириной 0,55 - 0,4 м установлен прямо на дно ямы. Скелет длиной 1,7 м лежит внутри гроба вытянуто на спине, череп лицом вверх. Кисти рук расположены на тазовых костях, голени ног перекрещены. У висков черепа обнаружены две золотые проволочные сережки в виде простых колечек.

Погребение № 8 находится параллельно погребению № 4. Погребение совершено в грунтовой яме размером 1,1×0,6 м. Нижняя часть стенок в три ряда выложена

обожженным кирпичом, образуя склеп. Перекрытие разрушено при ограблении. На глубине 0,53 м обнаружены фрагменты деревянного гроба с детским костяком плохой сохранности. При расчистке выявлены фрагменты плиток с геометрическим и растительным орнаментом. Погребальный инвентарь отсутствует.

Погребение № 9 находится параллельно погребению № 8. Погребение совершено в грунтовой яме размером 1,1×0,55 м на глубине 0,51 м. Дно и стенки могильной ямы на высоту 0,3 м выложены обожженным кирпичом. Детский костяк был уложен в деревянный гроб, от которого сохранился лишь древесный тлен. У изголовья погребенного находился обожженный кирпич лекальной формы, поставленный на ребро. Склеп, скорее всего, был перекрыт обожженными кирпичами квадратной формы. В заполнении встречены фрагменты орнаментированных плиток размером 16,5×11,5×2 см с росписью золотом. Плитки трапециевидной формы с бирюзовой поливой. Погребальный инвентарь отсутствует.

Погребение № 10 расположено рядом параллельно погребению № 9. Погребение совершено в грунтовой яме размером 1,4×0,8 м (внешние размеры) на глубине 0,5 м. Дно и стенки могильной ямы на высоту 0,25 м обложены обожженным кирпичом. Кости скелета плохой сохранности. В заполнении могильной ямы встречены фрагменты глазурованных плиток с геометрическим и растительным орнаментом, монокромные плитки трапециевидной формы с бирюзовой поливой.

Погребение № 11 расположено в северо-восточном углу гурханы рядом с погребением № 7. При расчистке на глубине 0,2 м у северной стенки обнаружены два обожженных кирпича треугольной формы. Погребение совершено в грунтовой яме размером 1,3×0,7 м на глубине 0,8 м, с заплечиками шириной 0,1 м вдоль длинных сторон. Погребенный лежал в деревянном гробу. Кости скелета плохой сохранности. Рядом обнаружены куски истлевших досок, фрагменты железных гвоздей. В заполнении могильной ямы встречены плитка трапециевидной формы с бирюзовой поливой, фрагменты раскрашенной штукатурки.

Таким образом, расчистка остатков строительных конструкций под «холмом с тригопунктом» показала, что здесь в XIV в. был построен двухкамерный фасадный мавзолей продольно-осевой планировки. Плохая сохранность строительных конструкций вследствие преднамеренного разрушения в целях вторичного использования строительных материалов¹⁷¹ не позволяет полностью и в деталях реконструировать былой архитектурный облик здания. Данные археологических раскопок позволяют сделать реконструкцию. Основной объем постройки представлен прямоугольным параллелепипедом размером 12,85×19,5 м. Над ним возвышались два разновеликих купола, скорее всего, шатровые, установленные на соответствующие барабаны и переходные конструкции. Купола были покрыты глазурованными плитками голубого цвета. Главный (южный) фасад здания был оформлен в виде монументального портала с широкой (около 4 м) центральной входной сводчатой нишей. Портал, вероятно, возвышался над стенами остальных фасадов. Западный и восточный края портала выступают на 2 м за линии боковых фасадов, увеличивая тем самым общую ширину фасада до 17 м. Над этими выступами по краям главного фасада, возможно, возвышались башенки. Главный фасад и входная ниша были облицованы глазурованными плитками, образующими орнаментальные пояса с растительными и геометрическими мотивами, выполненными в бело-голубой и сине-бирюзовой цветовой гамме. Вероятно, основной декоративный П-образный пояс, охватывавший входную арочную нишу, содержал посвятельную надпись крупными белыми буквами на синем фоне.

На боковых фасадах, вероятно, доминировал теплый охристо-красный цвет кирпичной кладки. Перед главным фасадом мавзолея располагался прямоугольный, вымощенный квадратным обожженным кирпичом и огороженный сырцовой стеной, двор. Площадь двора пока полностью не расчищена, но, надо полагать, что здесь тоже находились погребения.

В интерьере привлекает внимание высокая декоративная панель, набранная из глазурованных синих плиток с верхним бордюром с росписью золотом по верхнему краю на кобальтово-синем фоне. Выше тщательно оштукатуренные стены были расписаны полихромной росписью по белому фону.

Первое помещение выполняло функцию «зийарат-ханы» или «тилау-ханы» в Хорезме¹⁷², в котором посетители читают священные поминальные суры Корана, обращаются к Аллаху. Помещение, скорее всего, было перекрыто куполом на высоком цилиндрическом (или граненом) барабане.

Главное помещение мавзолея, где совершались погребения, «гурхана» расположено за «зийарат-ханой». На главной оси гурханы находилась платформа-мастаба (надгробие), под которой покоились два основных погребения мавзолея. Очевидно, мавзолей служил семейной (родовой) усыпальницей. Правая, восточная, сторона гурханы была отведена в основном для погребений взрослых представителей клана, левая – для детских. Всего здесь обнаружено и расчищено 11 погребений. Есть основания полагать, что все погребения совершены в период функционирования мавзолея как семейной усыпальницы представителей социально-политической элиты прижайыкской части Золотой Орды.

Мавзолей своими выразительными архитектурными формами доминировал на некрополе, расположенном на вершине Свистун-горы, которая, в свою очередь, возвышалась над поймой р. Жайык и той частью русла, где находились броды-переправы в районе нынешних Меловых горок. Мавзолей функционировал достаточно продолжительное время: успели стереться и местами растрескаться вымостки полов. Под давлением перегруженных конструкций, особенно на южном главном фасаде, углы здания дали осадку и стены стали растрескиваться. Были предприняты меры для укрепления конструкций здания: в основания стен вмонтированы толстые деревянные балки, способствовавшие более равномерному распределению нагрузки; южная фасадная стена, наиболее нагруженная, была поддержана двумя мощными сырцовыми контрфорсами.

По своему архитектурному типу данный мавзолей можно отнести к фасадным двухкамерным мавзолеям продольно-осевой планировки, поскольку основание, выдвинутое сколько-нибудь за фасадную линию портала-пештака, не зафиксировано¹⁷³. Этот тип мемориальных построек ранее не был отмечен в Поволжском и Северо-Кавказском регионах Золотой Орды.

Находки в гурхане «Большого мавзолея» достаточно полно отражают разнообразие типов погребальных сооружений городских некрополей золотоордынской эпохи в евразийских степях¹⁷⁴. Классификация и анализ погребений на некрополях золотоордынских городов (Поволжье, Северный Кавказ, Крым) были в свое время предприняты Л.Т.Яблонским. Учитывая солидную источниковедческую базу исследования (более 500 погребений) и то, что за последующие десятилетия она существенно не расширилась, что могло бы привести к пересмотру итогов классификации, можно считать данную разработку актуальной и по сей день¹⁷⁵. Л.Т.Яблонский, используя достаточно апробированную методику статистической обработки массового материала

Г.А.Федорова-Давыдова, выявил 18 устойчивых типов погребального обряда. Не касаясь оснований (признаков), по которым проведена классификация, и использованной терминологии, считаем необходимым отметить, что новый материал некрополя городища Жайык может внести коррективы в некоторые основные выводы.

К сожалению, степень сохранности погребений внутри «Большого мавзолея» не позволяет запечатлеть такие существенные элементы погребальных сооружений, как наличие или отсутствие и форма «надмогильников» (четко зафиксирована лишь разрушенная мастаба над центральными погребениями № 1 и 5) и в большинстве случаев форма перекрытия погребений. Из четко фиксируемых признаков помимо общей западной ориентировки погребений можно отметить наличие трех основных видов форм могильных ям: 1) простая прямоугольная; 2) с заплечиками; 3) с подбоем. Варианты внутри могильных сооружений также разнообразны. На дне *простой ямы* обычно сооружался склеп из обожженных кирпичей трапециевидной в плане формы (погребения № 1, 5, 3, 8, 9, 10).

Мавзолей Аулиеколь. Традиционные зимние пастбища и стоянки-кыстау казахов северо-восточного Казахстана располагались в долине Иртыша и на левобережье в горах Калмак-Кырган, Кызылтау, Каркаралы и Баянтау. Крупнейшие летние пастбищажайляу находились в долинах рек Оленты и Шидерты.

Низовья рек Шидерты и Оленты, где в летний период концентрировалась большая часть кочевого населения, в народе назывались Жайильма. Южная часть этого региона в районе Аккольской системы озер наиболее богата пастбищами и источниками пресной воды Акколь Жайильма¹⁷⁶. В таком контексте расположение исследуемого памятника вблизи озера Аулиеколь, в центре Акколь Жайильмы, представляется не случайным, а обусловленным хозяйственной деятельностью средневекового населения, жившего в близких к современным природно-климатическим условиям.

Следует отметить, что кроме Аулиеколя в районе традиционных летних кочевий имеются и другие памятники XIV–XV вв.: в долине р. Селеты были обследованы остатки мавзолеев и городищ в урочищах Мортык, Байнияз, Кызылоба, а также на правобережье р. Шидерты, в урочище Жантай¹⁷⁷.

Степная аристократия уже приняла ислам, который в Улусе Джучи, как известно, обрел статус государственной религии в XIV в.

Тогда же широко распространяется и традиция возведения мавзолеев-кумбезов из жженого кирпича на могилах особо выдающихся и почитаемых религиозных и государственных деятелей¹⁷⁸.

Государственные центры средневекового населения степной зоны, в отличие от южных районов Казахстана, зачастую не имели мощных крепостных сооружений и многих других атрибутов классического центрально-азиатского города. Они были приспособлены к особенностям хозяйственной деятельности, которая в северных равнинных степях ограничивалась в основном летним периодом. В качестве примера степной средневековой ставки-орды и мавзолеев рядом можно указать на средневековое поселение, отождествляемое с известным по письменным источникам городом Орда-Базар¹⁷⁹.

Исследованный объект расположен юго-восточнее п. Каражар, в урочище Караоба, представляющем собой мысовидный останец, омываемый с запада р. Оленты, с юга озером Аулиеколь. На вершине останца в центре старинного кладбища рода Канжигалы расположены руины нескольких кирпичных сооружений в виде бугров,

насыщенных битым жженым кирпичом, обломками глазурованных плиток, кусками известкового раствора. На самых крупных объектах видны следы давних ограблений и любительских раскопок в виде траншей и ям, поросших травой.

На одном из бугров диаметром 30 м, высотой 1,48 м в центральной части кладбища заложен раскоп площадью 750 кв.м. Были выявлены остатки сооружения из жженого и сырцового кирпича, которое в плане имеет прямоугольную форму размером 19×12 м и ориентировано входной частью в южную сторону. Сохранившиеся основания стен толщиной в 1 м сложены из 3-х рядов квадратного сырцового кирпича форматом 25×25×6 см на глиняном растворе, и облицованы снаружи в один ряд жженым кирпичом размером 25×25×5 см.

При расчистке руин сооружения найдены фрагменты керамики, облицовки, а также большое количество фрагментов и целых образцов декоративной плитки, некогда украшавшей стены здания, кости животных и рыбы.

Вход в сооружение располагался с южной стороны. В центральной ее части в проходе расчищены два ряда ступеней из жженого кирпича. При расчистке юго-западного угла с левой стороны от входа, внутри здания найдено скопление лошадиных черепов, ориентированных мордой в южном направлении. В центре сооружения находилось помещение в плане восьмигранной формы размером 6,5×6,5 м. Стены его, выложенные из жженого кирпича, сохранились на высоту 0,8-1 м, толщина стен 1,25 м. Пустое пространство между помещением и основной внешней сырцовой стеной здания древними строителями было забутовано глиной, кусками битого сырцового кирпича, а также в значительном количестве обломками бракованного жженого кирпича и шлаком из кирпичеобжигательных печей.

С севера к первому помещению примыкало помещение 2 (2,75×2,75 м) из жженого кирпича. Разделяющая оба помещения кирпичная стена сохранилась на высоту 0,4 м, при этом следов дверного проема не обнаружено. При разборке завалов внутри помещения обнаружены захоронения, совершенные на уровне пола и в грунтовой яме.

Погребение 1. На уровне пола обнаружено погребение в деревянном гробу из широких строганных досок. Покойник был уложен вытянуто на спине и ориентирован головой на запад. Кости скелета находились в анатомическом порядке, за исключением черепа, который, возможно, был перемещен в более позднее время при разборке сооружения, так как участок кирпичной стены рядом с изголовьем оказался разобран до основания. В ходе расчистки слева от правой ноги ниже колена обнаружен круглый деревянный предмет со сквозным отверстием в середине, похожий на крупную бусину.

Погребение 2 расположено в центральной части помещения, совершено на уровне пола в гробу из строганных досок, ориентировано по оси запад – восток. Погребение располагалось над более ранней грунтовой могилой и в результате проседания грунта оказалось расположено немного ниже относительно изголовья.

Погребенный был положен на спину, в вытянутом положении, головой на запад. Кости нижних конечностей оказались потревожены и перемещены к тазу. Часть ребер и кости рук также находились не в анатомическом порядке. В ходе расчистки на костях погребенного обнаружены остатки одежды в виде фрагментов кожи и материи красного и зеленого цвета. Слева от таза найден небольшой железный нож с выделенным черенком.

Погребение 3 обнаружено рядом с северной стеной помещения 2. Совершено в грунтовой могиле, ориентированной в направлении запад – восток, при этом юго-

западный сектор могилы оказался перекрыт погребением 2, очевидно являющимся более поздним по отношению к погребению 3.

При расчистке погребения обнаружены остатки надмогильного перекрытия в виде поперечно уложенных деревянных досок шириной 10 см. На глубине 0,9 м выявлены внутримогильные перекрытия в виде наката из длинных березовых бревен и поперечно уложенных тонких бревнышек. Под перекрытием расчищены остатки деревянного дощатого гроба, в котором находился скелет, лежащий на спине, головой ориентирован на северо-запад.

При расчистке заполнения слева от черепа найдена бусина из сердолика, а под черепом обнаружены остатки ткани, расшитой золотыми нитями. Ниже колена правой ноги, с внутренней стороны, обнаружено две глазчатых бусины, в районе щиколоток – фрагмент тонкой ткани зеленого цвета.

Погребения в помещении №2 совершены по мусульманской традиции с элементами доисламских погребальных ритуалов, что вполне характерно для захоронений XIV–XVI вв. Черты ислама просматриваются в западной ориентировке, наличии деревянных гробов, почти полного отсутствия погребального инвентаря, отсутствии следов жертвенной пищи и погребальной тризны, культа огня и других признаков. Пережитки традиционных верований фиксируются в положении головы умершего, наличии остатков одежды, украшений, бытовых предметов в виде ножа. Проявления элементов доисламских верований демонстрирует жертвенник из лошадиных голов и изображение рыбы на декоративном кирпиче. Об исключительно важной роли лошади в культах местного населения можно судить по захоронениям предшествующего кимако-кыпчакского периода.

В этот период у кочевников Прииртышья существует культ рыбы, свидетельством которого являются находки изображений рыб в погребениях конца I – начала II тысячелетия. Изображение рыбы на кирпиче из Аулиеколя вполне может являться реминисценцией этого древнего культа, поскольку рыболовство по-прежнему присутствует в хозяйственной деятельности.

Керамика, найденная на поверхности и в раскопах, широко встречается на памятниках золотоордынского времени и представлена фрагментами красноглиняной посуды, изготавливавшейся ручной лепкой и на гончарном круге. Орнаментация посуды состоит из горизонтальных волнистых и прямых линий, прочерченных по сырой глине. Среди керамических находок вызывают интерес обломки сосудов-чигирей, применявшихся в водоподъемных устройствах, фрагменты кувшиновидных сосудов и хумов.

В одном из погребений рядом с мавзолеем найдена серебряная монета Узбекхана, чеканенная в 1323 г. в г. Булгар ал-Махрус.

Пока не обнаружены остатки поселения и жилищ на нем, но судя по керамике и остаткам чигирных водоподъемников – оно было. Что же касается мавзолея, то он датируется XIV в., но хоронить в нем продолжали и в XV–XVI вв.

Таким образом, исходя из имеющихся данных, можно предполагать, что территория Аккольской Жайильмы, являвшаяся в эпоху Золотой Орды одним из культурно-политических центров кочевников на северо-востоке Сары-Арки, сохраняла свое значение и в казахско-ногайлинское время¹⁸⁰.

Мавзолеи городища Бозок

Городище Бозок расположено на южной окраине г. Астаны, среди болот левой пойменной долины р. Ишим. Площадь памятника 30 га. Раскопки памятника ведутся с 1999 г.

К настоящему времени накопился материал, который датирует появление городища Бозок в древнетюркскую эпоху. Памятник существовал в течение длительного периода от VII–VIII, возможно, по XVI–XVII вв. В истории городища можно выделить три периода: 1) VII–VIII–IX вв.; 2) X–XIII вв.; 3) XIV–XVI–XVII вв.

На территории городища Бозок исследовано пять мавзолеев. Три из них из жженого кирпича, два – из сырцового.

Два мавзолея (№ 1, 2) открыты в центральной части памятника.

Мавзолей № 1 ориентирован сторонами по странам света. Размеры 6,6×6,6 м. Стены сложены квадратными кирпичами в три ряда. Ширина стен 0,88 м. Кирпичи имеют размеры 25×26,5×5,5 см, 26×26,5×6 см. Пол мавзолея выстлан квадратным жженым кирпичом. Под кирпичами пола сделана глиняная заливка толщиной 5–7 см. Вдоль южной и западной частей раскопа мавзолея обнаружены целые и фрагментированные кирпичи с резным орнаментом и фрагменты керамического навершия мавзолея – куббы.

Орнамент на прямоугольных облицовочных кирпичах размером 30×30×15 см, представлен двумя видами рисунков, выполненных глубокой резьбой. Резной кирпич имеет «ключ» к сборке на плоскости – половинку восьмилучевой звездочки, образующей полную фигуру при правильном расположении кирпичей. Другой мотив орнамента отмечен на фрагментах прямоугольных кирпичей размерами: 21×16×5 см и 16×15×5 см. На одном из них представлено пять рядов однонаправленных треугольников (в виде гирлянд), на другом три ряда.

Внутри мавзолея расчищены две могильные ямы с останками трех погребений. Могильные ямы ориентированы по линии запад-восток. Судя по стратиграфии, мавзолей предназначался для могильной ямы № 9, позднее уничтоженной погребением № 10. Могильная яма № 9 содержала погребение взрослого человека. При расчистке ее найдены три железных наконечника стрел.

Здесь же обнаружено одно железное кольцо, возможно, от удила.

Сверху могила была перекрыта кирпичами пола. По истечении какого-то времени, могила была вскрыта в юго-западной части, кости скелета человека поломаны, некоторые несут следы огня, часть костей выброшена.

Рядом обнаружено погребение, размерами 1,3×0,3 м. Тело покойника было ориентировано головой на запад, лицом на юг (№ 10). В изголовье найдены три бараньих астрагала. В заполнении кроме раздробленных костей человека, найдены фрагменты керамического навершия мавзолея – куббы, покрытого темно-зеленой и ярко-синей плотной глазурью.

Могильная яма № 11 находится в 20 см южнее погребения № 10. Эта могила самая поздняя в мавзолее. Для ее сооружения были вскрыты или прорублены кирпичи пола. Могила трапециевидной формы размерами 2,5×0,7×0,8 м. На дне расчищено погребение старика головой на запад, лицом на юг. Перекрытие было устроено из двух кирпичей поставленных наклонно и кирпича между ними – горизонтально.

Скопление резных кирпичей с южной стороны мавзолея позволяет предположить, что вход находился в южной стенке.

Дату мавзолея определяют железные наконечники стрел. Два плоских черешковых наконечника типа срезня имеют ромбовидную форму пера. Один наконечник четырехгранный черешковый имеет ланцетовидную форму пера. Наконечники этого типа датируются XIII–XIV вв.

Мавзолей № 2 расположен в 6 метрах западнее мавзолея № 1, от него сохранилась часть стен мавзолея.

Ширина стен 0,8 м. У западной стенки сохранилась кладка в один кирпич, у северо-западного угла зафиксированы четыре слоя кирпичей на глиняном растворе.

Мавзолей квадратный, размерами 5×5 м, ориентирован углами по странам света. В центре мавзолея находилась могила подтреугольной формы, ориентирована по линии восток-запад. В завале фрагменты сырцовых и обожженных кирпичей, остатки деревянных перекрытий. В заполнении найден фрагмент керамического навершия мавзолея с зеленой глазурью. В яме размерами 2,25×0,8×1,0 м, была погребена женщина, вытянута на спине, головой на северо-запад, лицом обращена вверх.

Мавзолей № 3 расположен в 80 м южнее. До раскопок имел вид холма размерами 21×16 м, высотой 1 м. Внешние размеры мавзолея 9×8,5 м. внутренние 7×6,5 м. Стены мавзолея возведены из жженого кирпича на растворе из черного илистого грунта, без фундамента. Ширина сохранившихся стен от 1,02 до 1,06 м. Они сложены в четыре кирпича в перевязку. Кирпич квадратный, стандарта 24×25×5 см, 26×25×5,5 см, 25,5×26×6 см.

Вход шириной 0,8 м зафиксирован в юго-западной стенке. В центре мавзолея находится могильная яма (№ 5), у южного угла – три могильные ямы (№ 6-8). Центральная могила разграблена.

Центральная яма подпрямоугольной формы, ориентирована по линии юго-восток – северо-запад. Кладка кирпичей обрамляет могильную яму. В заполнении ямы, перемешанный грунт и большое количество фрагментов штукатурки. На некоторых из них сохранились следы растительного узора, выполненные синей, красной, светло-зеленой и желтой краской.

Погребальная камера имела вид склепа из сырцового кирпича. Пол склепа был выстлан сырцовыми кирпичами толщиной 5 см. Глубина могильной ямы 1,3 м. В западном углу сложены кости неполного скелета человека: кости предплечья, лопатки и несколько ребер.

У южного угла мавзолея расчищены три могильные ямы, расположенные в ряд. Одна (№ 6) содержала погребение ребенка. Могила № 7 оказалась кенотафом.

Могила № 8 устроена прямо на входе в мавзолей. Размеры ямы 2,0×0,74×0,9 м. В заполнении встречаются фрагменты кирпичей. На дне под длинной северной стеной погребение человека головой на северо-запад.

Интерес представляют фрагменты алебастровой штукатурки, найденной в заполнении и в завале центрального погребения № 5. Рядом с ямой найдены мелкие фрагменты поливных пиал, украшенных растительным орнаментом, нанесенным коричневой и зеленой глазурью и фрагменты керамического навершия мавзолея с зеленой поливой.

Мавзолей № 4 расположен на западном валу городища. Это был холм овальной формы размерами 15×10 м. высотой 0,5 м. Раскопана северная половина холма, обнаружены 4 могильные ямы.

Яма № 1 ориентирована по линии запад-восток. Дно ямы находится в 1,4 м от верха. Размеры ямы 2,25×1,0 м, глубиной 1,4 м. Дно выстлано продольно лежащими досками. На них из разноформатных кирпичей сделана обкладка стен. В кладке высотой 0,5 м насчитывается 6 слоев кирпичей. Нижний ряд продольных стенок составлен из кирпичей 38×25×8 см. выше идут кирпичи размерами 36×2,5×6 см. Торцовые стенки погребальной камеры построены из кирпичей размерами 25×20×15 см. Кирпичи

скреплены желтым глиняным раствором. Сверху кирпичная кладка имела перекрытие из кирпичей, положенных в «елочку». Часть их обрушилась и сместилась. На дне погребальной камеры расчищен скелет человека, вытянутый на спине, руки вдоль туловища, головой на запад, лицом на юг.

Яма 4 расположена западнее, ориентирована длинной осью по линии север – юг. Сверху яма на уровне пола мавзолея была перекрыта горизонтальной кладкой сырцовых кирпичей. Часть их обвалилась внутрь заполнения. На дне (1,4 м) яма имеет размеры 2,0×0,7 м. В центре ее на тонкой деревянной подстилке расчищен скелет человека головой на север, руки вытянуты вдоль туловища. Погребение сопровождается ритуальной пищей. У северо-восточного угла положен череп лошади, мордой на север. У правого предплечья найден фрагмент нижней челюсти. Сверху на костях стопы и голени лежит череп лошади без нижней челюсти. Таким образом, погребение № 4 ориентировано головой на север и сопровождалось двумя черепами лошадей.

Мавзолей № 5 расположен на юго-западном углу вала южного квартала. До раскопок имел вид кургана диаметром 15 м, высотой 1 м.

Мавзолей квадратный в плане, «портальная» стена его сориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Стены мавзолея сложены из кирпича на светло глиняном растворе. Размеры кирпичей: 40-48×24-26 см; 38-44×22-28 см.

Длина и толщина стен неодинаковая: северная: 6,65×1,2 м; западная 6,2×1,2 м; восточная 6,1×1,1 м; южная 6,6×0,9 м. Внутренние размеры мавзолея 4,5×4,3 м. Пол мавзолея покрыт толстым известковым слоем. Вход шириной 0,8 м находится в середине южной стенки.

Мавзолеи городища Бозок относятся к типу однокамерных квадратных в плане. Стены поставлены без фундамента, толщина стен 0,8-1,2 м. Мавзолеи построены из жженого и сырцового кирпича. Вход с южной стороны. Можно утверждать, что перекрытия мавзолеев из жженого кирпича были увенчаны керамическими навершиями – куббами, покрытыми темно-зеленой и ярко-синей глазурью. Куббы по форме были двухступенчатые, шарообразные.

Наиболее нарядным, судя по находкам резных кирпичей, был мавзолей № 1. Его дата (конец XIII – первая половина XIV в.) устанавливается по находкам железных плоских наконечников стрел. Он выделяется тщательностью строительства, украшен резными кирпичами. Возможно, изначально этот мавзолей имел портал с двумя полуколоннами. Об этом свидетельствуют находки лекальных кирпичей с закругленной стороной.

К XIII–XIV вв. следует отнести мавзолей № 3. Можно предположить, что городище стало местом кладбища под культово-мемориальный комплекс в XIII в и захоронение здесь продолжалось в течение всего XIV в.¹⁸¹.

Мавзолей Жаныбек-Шалкар находится в Акмолинской области на сопке, примыкающей к озеру Жаныбек-Шалкар

Общие размеры сооружений по осям составляют 14,5×14,0 м. В центре расположено основание мавзолея 12,2×7,5 м. Мавзолей двухкамерный, ориентирован по линии северо-восток – юго-запад. Основная часть его имеет прямоугольную форму размером 9,2×7,5 м, к северо-восточной торцовой стене примыкает небольшая прямоугольная камера размером 4,5×3,0 м.

Вход в мавзолей расположен с юго-западной стороны. Он «утоплен» внутрь крыльев портала, которые являются продолжением длинных продольных стен, высту-

пающих на два метра от юго-западной торцевой стены мавзолея. Ширина стен портала 2 м. С двух сторон они обрамляют площадку размером 3,5×2,0 перед входом. Пол входной площадки выстлан пятиугольными кирпичами. В центре порталного объема был вход в мавзолей. Ширина входа 0,8 м, он намечен ступенчатым переходом от фигурных к квадратным кирпичам пола мавзолея.

Относительно хорошо сохранилась кирпичная кладка пола мавзолея и северный угол стены, где кирпичи лежат в три слоя. Остальные стены фиксируются по отпечаткам кирпичей.

Судя по ним, стены мавзолея были толщиной 0,9-1,2 м и выложены из четырех кирпичей формата 24-26×24-27×5 см. Следы кирпичей в виде светлой полосы шириной 0,9 м тянутся вдоль длинной северной стенки. Отпечатки кирпичей в виде небольших участков видны и вдоль южной стенки, которая упала наружу и остатки ее в виде груды битых плиток и кусков ганча фиксируются в 3 м от мавзолея. На уровне 0,6 м, по всей длине ее поверхности, расчищены фрагменты глазурованной плитки декора мавзолея, сочетающей элементы растительного орнамента и арабские буквы. Ширина слоя залегания плитки не превышает 0,5 м. Битый кирпич закрывает внешнюю ограду и очертания могильной ямы № 4, которые проступили после полной расчистки до материка.

Малая камера мавзолея (4,5×3,0 м) имеет стены шириной 1,2 м. Внутреннее пространство устлано таким же пятиугольным кирпичом, как и площадка перед входом. Фигурный кирпич сохранился в отпечатках.

За пределами мавзолея с восточной стороны обнаружены четыре могильные ямы, обозначенные №№ 2-5. Могильная яма № 2 расположена у юго-восточного угла мавзолея. Сверху имеет наброс из жженого и глазурованного кирпича. Яма ориентирована по линии северо-запад – юго-восток, размеры 1,75×0,5-0,75 м. Яма № 3 (1,75×0,5 м) расположена в северо-восточном секторе, примыкает к западной стенке внешней ограды. Ориентирована по линии север-северо-запад – юг-юго-восток. Могильные ямы № 4, № 5 ориентированы по линии северо-запад – юго-восток. Забутованы фрагментами жженого кирпича, цельными глазурованными плитками и смешанными осколками. Яма № 4 (1,15×0,6 м) Появилась под южной стенкой мавзолея, под грудой битых кирпичей. Яма № 5 размерами 1,2×0,3 м зафиксирована в северо-восточном секторе за пределами внешней ограды.

Мавзолей относится к типу портално-купольных. Фасад мавзолея был декорирован глазурованными плитками, орнаментированными сочетанием разнообразного растительного и геометрического узора. Топография скопления некоторых видов плитки дает основание предположить их расположение в декоре мавзолея. Над порталной нишей могла располагаться полоса глазурованной зеленой плитки с эпиграфическим орнаментом.

Выше полосы располагались плитки со ступенчатым геометрическим орнаментом. Крылья портала были выложены прямоугольной глазурованной плиткой, украшенной парой восьмиконечных звезд с розетками, а также глазурованной плиткой с простым геометрическим узором в виде прочерченных тонких линий. Верхняя часть длинных стен мавзолея декорирована плиткой, имеющей резной узор в виде ряда прямоугольников. Внутренняя часть крыльев портала по углам сооружения украшена глазурованными плитками с растительным орнаментом¹⁸².

Предложена графическая реконструкция мавзолея.

Некрополи

Погребения и некрополи являются важнейшим археологическим источником, используемым при исследованиях древней и средневековой истории. Исследование некрополей представляется важным при изучении религиозных представлений. На них оказывают влияние два важнейших фактора – этнические особенности и общественные отношения. В свою очередь через религию происходит формирование традиций погребальных ритуалов, от которых сохраняются такие вещественные явления как способ захоронения, могильное и надмогильное устройство, сопровождающий инвентарь.

Эти явления характерны для формирования погребальной практики и в обществе, принявшем ислам.

Яркие изменения в погребальной практике отчетливо прослеживаются в Казахстане в IX–XII вв. и позже, в связи с принятием ислама горожанами, оседлым населением, скотоводами и кочевниками.

К сожалению, степень изученности некрополей эпохи ислама в Казахстане недостаточна. Специальные планомерные исследования в этом направлении почти не проводились, что, безусловно, является пробелом в казахстанской археологии.

Некрополь городища Баба-Ата – могильник, который находится в 0,8 км южнее цитадели городища, насчитывал 19 курганов с лессовыми насыпями, расположенными бессистемно, рядом друг с другом. Было вскрыто два кургана (№ 5, № 12).

В кургане № 12 диаметром 14 м, высотой 0,6 м сразу же под дерновым слоем обнаружена залитая слоем 8-10 см жидкой глины площадка размером 5,7×5,8 м, ориентированная углами по сторонам света. Под слоем глины находилась оградка, толщина стен которой 0,8-1 м, в северо-восточной стене был устроен проем шириной 0,5 м. Внутри оградки на глубине 0,95 м на слое толщиной 0,2 м битой глины находились четыре прямоугольных склепа, расположенные параллельно северо-западной стене. Два из них сложены из кирпича-сырца, а два – из битой глины.

Первый склеп длиной 1,25 м, шириной 0,6 м сложен из сырцового кирпича размером 40-44×20×9-10 см высотой в пять рядов кирпича без связующего раствора.

Второй склеп, находящийся на расстоянии 0,35 м от первого, длиной 1,25 м представлял собой ящик с открытыми короткими сторонами высотой 0,3 м, перекрытый положенными поперек плашмя кирпичами размером 36×18×8-9 см и 42×21×9 см.

Два следующих глинобитных ящика располагались на расстоянии 0,3 м от второго склепа, следующий – на расстоянии 0,5 м от третьего. Ящики имели размеры соответственно: длина 0,6 м, ширину – 0,63 м, высоту – 0,34 м; второй – длину и ширину 0,37 м, высоту 0,35 м.

Под слоем пахсы толщиной 0,2 м, на котором покоились ящики, на глубине 0,2 м находился нарушенный материковый грунт, под ним – в противоположном оградкам секторе располагались две овальной формы оградки, сложенные из кирпича-сырца и ориентированные с северо-запада на юго-восток. Обе оградки высотой в два кирпича, размер первой: длина 1,55 м, ширина 0,68 м; второй – длина 1,8 м, ширина юго-западной стенки 0,63 м, северо-восточной 0,82 м. Внутри них остатков захоронений не обнаружено.

В дерновом слое насыпи кургана найдено два обломка сосудов, один – тонкостенный, покрытый белым ангобом и сделанный на гончарном круге из плотного без примесей теста, второй – от хума.

Наличие над ящиками глинобитной кладки исключает возможность их ограбления до момента сооружения оградок и, очевидно, свидетельствует о том, что в них не было захоронений.

В кургане № 5 диаметром 8 м, высотой 0,2 м сразу под дерновым слоем проявились контуры прямоугольной оградки, северная стена которой сложена из битой глины, а три остальных – из камней, скрепленных глиняным раствором. На глубине 1,2 м от центра находилась выкладка, ориентированная с запада на восток, длиной 1,6 м, шириной 0,45 м, высотой 0,3 м из кирпича-сырца размером 44-45×22×9-10 см, уложенного в три ряда плашмя без раствора. Под выкладкой обнаружена могильная яма глубиной 0,3 м с подбоем в южной стенке. Дромос узкий шириной 0,45 м, длиной 1,8 м. В подбое на подстилке из мелкой гальки и щебня лежал скелет вытянуто на спине, головой на запад. Сопровождающего инвентаря при захоронении не обнаружено.

Датировать раскопанные курганы можно X–XIV вв. н.э.

В кургане № 12 присутствуют два слоя захоронений: нижний – две грунтовые ямы, обложенные кирпичом, и верхний – глинобитные сооружения, являющиеся чем-то средним между мусульманскими сагана и склепами.

В кургане № 5 обнаружено типичное мусульманское захоронение.

Большое значение для определения времени, к которому относится могильник, имеет и его расположение. Он, подобно большинству некрополей, оставленных жителями городов, находится недалеко от стен города, который прекратил жизнь в XIV – начале XV в. Следовательно, эта дата должна быть верхним рубежом для кургана № 5 и верхнего яруса кургана № 12. Нижний ярус, безусловно, более ранний, может быть отнесен, судя по аналогиям, к IX–X вв. **Кирпич размером 40-44×29×9-10 см, использованный при возведении сооружений верхнего яруса кургана № 12, характерен для построек всех основных горизонтов городища и поэтому не может быть ориентиром при датировке. Могильные ямы нижнего горизонта обложены кирпичом 36×18×10 см, встреченным в основном в нижних слоях цитадели. Очевидно, для их возведения брали кирпич разрушенных зданий, что позволяет уточнить датировку.**

Курганные насыпи, а также другого рода надмогильные сооружения, не содержащие захоронений, хорошо известны по археологическим и этнографическим материалам Казахстана и Средней Азии. Скорее всего, их следует отнести к категории кенотафов, сооружаемых в честь родичей, умерших вдали от родины. Интересно отметить, что пережитки этого обычая в несколько измененном виде сохранились среди узбеков и казахов до настоящего времени. Так, например, при посещении верующими могил так называемых «святых» Ахмеда Ясави и Арсланбаба, родственники умерших вдали от родины сооружают возле «святого» места холмики из земли и пыли. У некоторых казахских родов, проживающих сейчас в районе г. Туркестана, существует обычай устанавливать в головах покойника деревянный столб, нижний конец которого упирается в дно могильной ямы, а верхний слегка выступает над могильным холмом. Имитацией подобного сооружения являются холмики, насыпанные возле комплекса Ахмеда Ясави, с воткнутыми в «них небольшими палочками»¹⁸³.

Некрополь города Кедера (городище Куйрыктобе). Городище Куйрыктобе, расположенное в Отрарском оазисе, отождествляется с городом Кедемом, жители которого уже в X в. построили соборную мечеть, остатки которой найдены и изучены. Рядом с городищем находится мавзолей Арсланбаб, построенный в XII в., а рядом – огромное кладбище, на котором хоронили вплоть до конца XX в. Ранние погребения скрыты

под погребениями эпохи позднего средневековья и нового времени. Южнее городища в 1,5 км от цитадели было обнаружено раннее мусульманское кладбище, устроенное на отвалах выброса магистрального канала VIII–XII вв.

Раскоп I был заложен на бугре отвала, расчищено 7 погребений. Погребенные, судя по положению скелетов, были положены в вытянутом положении или на правом боку головой на северо-запад, лицом на юг-юго-запад. Руки у них согнуты в локтях или сложены на груди. Погребальный инвентарь отсутствует. В погребении № 5 южнее тазовых костей была найдена бронзовая монета саманидского чекана¹⁸⁴.

Раскоп II был заложен на плоской вершине одного из бугров. При поверхностном осмотре были обнаружены сырцовые планировки и останки погребенных.

Расчистка с последующим расширением площади раскопок выявила 12 погребений в склепах. Стенки их сооружены из сырцового кирпича. Перекрытия сделаны из нескольких кирпичей, положенных поперек боковых стен склепа, или из кирпичей, поставленных наклонно поперек боковых стен склепа.

Полностью вскрыто 5 из 12 склепов. Умершие уложены вытянуто, на правом боку или на спине. Ориентированы головой на северо-запад, лицом на юг или юго-запад. Руки согнуты в локте и сложены на груди, частичное отклонение от общей схемы замечено в погребении 4, в котором широко расставленные бедренные и берцовые кости умершего соединены в костях стопы и образуют в коленном суставе прямой угол. Погребальный инвентарь отсутствует. Дальнейшее углубление на отдельных участках раскопа показало, что большинство из вскрытых склепов располагаются на подобных погребальных конструкциях. Расчищен лишь один из четырех склепов. В нем погребенный был уложен по описанной схеме. На уровне этого погребального горизонта, ниже пола погребений 5, найдены две хумчи.

Раскоп III заложен вдоль внутреннего склона левобережного отвала древнего оросительного канала. Обнаружено 10 погребальных построек, из них расчищено 7. По конструкции, строительному материалу и обряду захоронения они ничем не отличаются от склепов из раскопа II. На западной окраине раскопа, на уровне основания строений, найдено четыре хумчи. Пятая вмазана боком на поверхности склепа. Раскоп не доведен до материка¹⁸⁵.

Таким образом, материалы из вышеназванных некрополей, а также данные, полученные при изучении захоронений в мавзолеях, ханака дают возможность считать, что мусульманский обряд захоронения среди горожан распространяется в IX–XII вв.

Известно, что для принявших ислам, устраивались свои кладбища, но первые захоронения, совершенные по исламскому обряду, были отмечены на старых городских некрополях, например, на некрополе Джамуката, функционировавшем длительное время – в VI–IX вв., находились мусульманские захоронения X в.¹⁸⁶

Глава V

Художественные и ремесленные изделия

Изделия из металла

Большую группу находок при раскопках средневековых городищ составляют изделия из металла – бронзы, серебра, золота. Это украшения: браслеты, перстни, подвески, амулеты, поясная гарнитура, конское снаряжение. Часть из них имеет арабские надписи.

Такие находки являются объектом исследований археологов и специалистов по эпиграфике. Ярким примером такой комплексной работы в казахстанской науке является статья В.Н.Настича, посвященная поясной накладке из Отрара¹⁸⁷, обнаруженной в стратиграфическом раскопе, в слое XIII–XIV вв.¹⁸⁸

Находка представляет собой массивную пластинку размером 3×4,4 см в форме прямоугольного щитка с фигурным обрезом в нижней части из сплава золотистой бронзы, покрытую патиной черного цвета.

На лицевой стороне накладки помещена надпись в две строки куфическим письмом на арабском языке. Текст надписи гласит: «от Аллаха степень». Последнее слово имеет в русском языке несколько вариантов: ранг, звание, чин. Его можно понимать и как общественное положение.

Слово степень неоднократно встречается в Коране и употребляется в том же значении в связи с Аллахом, распределяющим людей по степеням (или ступеням) в награду или в наказание за их поступки. Несомненно, что надпись на накладке связана по смыслу с указанными стихами из Корана¹⁸⁹.

Стиль куфи, которым оформлена надпись, известен по эпиграфическим памятникам Средней Азии, многие из них точно датированы.

Ближе всего к найденной накладке по стилю и особенностям почерка такие эпиграфические и нумизматические памятники конца X–XI вв.: **бронзовый фельс караханидского чекана** Согда 404/1013-1014, бронзовый монетовидный жетон XI в. из Самарканда, бронзовое литое зеркало из Унгерлисия (округ Тараза, современный Жамбылский район), датированное X–XI вв.

Датируется накладка, таким образом, концом XI – XII в.¹⁹⁰

Если поясные наборы мусульманского периода встречаются в достаточном количестве, то поясов с эпиграфическим оформлением среди них известны единицы.

По свидетельствам археологических материалов и письменных источников X–XI вв., **наборные пояса широко использовались в древний и средневековый периоды** и в раннемусульманской Средней Азии и в Казахстане.

Приведенные сведения говорят о том, что в среде тюркского воинства такие накладки были особым знаком отличия. Это подтверждает и надпись на накладке, содержание которой можно трактовать как напоминание воину о его месте и обязанностях в мусульманском обществе¹⁹¹.

Тюркские боевые пояса были широко распространены в Евразии. В мусульманскую эпоху, начиная со времени государства Саманидов, эти атрибуты воинского снаряжения развивались, приспособляясь к требованиям новой идеологии.

Потребности Арабского халифата, а позднее и других отделившихся от него мусульманских государств, в военной силе покрывались в значительной мере за счет притока тюркских рабов из Казахстана и Средней Азии. После разгрома Саманидов их владения были поделены между караханидскими и газневидскими правителями. Округ Фараб, к которому относился город Отрар, и соседний с ним Исфиджаб в 992–996 гг., к середине XI в. вошли в состав одного из восточно-караханидских уделов.

В.Н.Настич сделал очень интересное наблюдение, увидев в оформлении бляхи антропоморфность, а точнее, выполненную арабскими буквами на фоне бляхи «личину в головном уборе». И он прав, считая, что в стилизации изображения на бляхе с помощью букв арабского алфавита сохраняется домусульманская традиция. В данном случае под влиянием мусульманской догматики на культуру и искусство народов Средней Азии¹⁹², где суннитский ислам, по словам А.Н.Бернштама «вытравил всю живопись доарабского времени, дав в значительной степени волю изображению мастера только в области орнаментальных мотивов»¹⁹³.

Трудно определить точно, где изготавливались эти пояса. Однако если учесть сообщение Гардизи об их происхождении из Туркестана, то можно утверждать, что местом их производства были некоторые из ремесленных центров восточно-караханидского государства. Причем высокие технические и художественные качества исполнения поясных наборов, судя по Отрарской накладке, предполагают их производство в крупных и городских центрах. Такими центрами ал-Макдиси называет Фергану и Исфиджаб¹⁹⁴.

В настоящее время некоторые из таких центров могут быть названным с достаточной уверенностью.

Это семиреченский город Навакет (Невакет), который уверенно отождествляется с городищем Красная Речка. В ходе грабительских поисков с помощью металлоискателей, на городище была собрана и продолжает увеличиваться коллекция художественного металла в основном из верхних слоев (IX – начало XIII в.). **Часть находок поступает на «рынки древностей»**, другие отложились в коллекциях научных центров, в частных коллекциях. Изделия из таких коллекций (1100 экз.) были рассмотрены в монографии К.М.Байпакова, Г.А.Терновой, В.Д.Горячевой¹⁹⁵. Интересно, что и здесь была найдена накладка, идентичная Отрарской.

Вопрос об этической стороне работы с такими коллекциями неоднозначен, но скорее всего, прав В.И.Сарианиди, который пишет по поводу аналогичных коллекций из Афганистана следующее: «Трудно переоценить то зло, которое принесли с собой такие нелегальные раскопки, и, вместе с тем, – честь и хвала Французской археологической

миссии в Афганистане, по поручению которой М.Потье (1984 г.) перефотографировал и опубликовал в своей книге большую часть этих находок. В какой-то мере я также сумел сфотографировать некоторые находки из нелегальных раскопок (в первую очередь – печать и амулеты), и не только в Кабуле, а также в Балхе и Мазари Шерифе (1998 г.). Я счастлив и горд, что мне удалось внести, хотя и маленькую, но свою лепту и сохранить для науки хотя бы фотографии безнадежно пропавших в частных коллекциях вещей¹⁹⁶.

В коллекцию из городища Красная Речка входят сосуды, фигурки, зеркала, украшения, амулеты. Наиболее многочисленными являются детали ременной гарнитуры – наборного пояса и снаряжения коня.

Аналогичные коллекции вещей собраны и на других городищах, которые отождествляются со столичными городами Суяб, Баласагун.

Часть из вещей имеют надписи на арабском языке.

Так, начиная со времени принятия мусульманства, боевые пояса и другие атрибуты воинского снаряжения приспособлялись к требованиям новой идеологии, сохраняя при этом традиции другой идеологии.

Как выше отмечалось, большую группу из раскопок средневековых городищ Казахстана, а также случайных находок составляют бронзовые зеркала, кувшины, блюда, тарелки, ступки, муфты для соединения деревянных опор шатров. На некоторых из них сохранились надписи. Особую группу изделий из бронзы составляют светильники, наделенные, как и прежде не только функциональной, но и культовой и идеологической нагрузкой. Это могут быть короткие прорезные надписи на тулове чирагов-светильников. В группе присутствуют чираги с одним или несколькими носиками, зооморфные в виде животных, зачастую выполненных с высоким художественным вкусом¹⁹⁷.

Есть светильники сложных форм, состоящие из нескольких деталей. Интересный комплекс таких светильников находится в мавзолее Ходжа Ахмеда Ясави. В мавзолее находится также бронзовый котел – той-казан, а также дверные молотки на дверях, наконечники древка знамени.

Надписи на них прочитаны и переведены¹⁹⁸.

Керамика и стекло

В ходе археологических раскопок собрана коллекция неполивной, штампованной и глазурованной керамики с арабскими надписями.

Часть этого материала опубликована. Уникальна находка черепка глиняного сосуда с нанесенной на него надписью в 10 строк из раскопанного жилища X–XI вв. на городище Куйрыктобе¹⁹⁹. Из Отрара (квартал гончаров) из слоя XIII–XIV вв. происходит фрагмент кувшина с рельефной надписью²⁰⁰.

Е.И.Агеева опубликовала обломок глиняного блюда, на внутренней поверхности которого прочерчена до обжига надпись. Фрагмент блюда был найден в стратиграфическом раскопе на городище Чилик и датируется XIII – началом XIV в.²⁰¹

Надписи на керамике, в том числе и сделанные на обожженных сосудах, найдены на обломках, обнаруженных при раскопках городища Талгар. Они датируются XI–XIII вв.²⁰²

Керамика с надписями, датированная XIII–XIV вв. найдена в Таразе²⁰³.

Большая коллекция керамики с надписями собрана при раскопках городища Сарайчик. Это керамика неполивная, штампованная и поливная. Датируется керамика в диапазоне второй половины XIV – XV в.²⁰⁴

Арабские надписи на поливных сосудах X–XII вв. обнаружены при раскопках городищ Жетысу и Южного Казахстана. Многочисленные группы чаш разных размеров, блюд происходят из раскопок городища Талгар, Тараза, городища Отрар и городищ Отрарского оазиса²⁰⁵.

Надписи на стеклянных сосудах из средневековых городов Казахстана крайне редки. Одна из них достаточно полная, выполненная рельефом при выдувании в форму, встречена на стеклянном сосуде из Отрара²⁰⁶.

На керамику с надписями в свое время обратил внимание А.Н.Бернштам, считая, что надписи на керамике выполненные почерком куфи содержат, как правило, слова «Алла» и являются религиозными по своему характеру. Он относил надписи к эпохе Караханидов²⁰⁷.

О.Г.Большаков в диссертации о поливной керамике Средней Азии VIII–XII вв. посвятил специальную главу анализу арабских надписей на ней. Эта тема звучит и в других его работах²⁰⁸.

Вызывает споры само появление поливной керамики в Средней Азии. О.Г.Большаков убедительно доказывает, что производство керамики в среднеазиатских городах не было местным изобретением, как считают некоторые исследователи, а было заимствовано, скорее всего, из Ирака во второй половине VIII в. и до арабского завоевания ее не было²⁰⁹.

Наиболее благоприятным временем для заимствования производства поливной керамики была вторая половина VIII в. В это время в Багдаде поселилось множество выходцев из Средней Азии. В то же время в Средней Азии было немало чиновников и военных из Ирака и других западных областей.

Первой освоенной глазурью в Средней Азии была медно-свинцовая полива²¹⁰.

«Революцию в производстве поливной керамики произвело освоение прозрачной свинцовой глазури, открывшей широчайшие возможности подглазурной росписи с четким, графически ясным рисунком. Применение белого ангоба превращало поверхность глиняной посуды в идеальный фон для художника. Толчком к появлению белоангобной керамики, на наш взгляд, явилось стремление гончаров создать имитацию дорогого привозного фарфора. Во всяком случае, одна разновидность белоангобной посуды – с пятнистой желто-зеленой глазурью и гравированным подглазурным орнаментом – появилась как имитация конкретной разновидности китайской керамики. Но был ли именно этот вид белоангобной керамики предшественником всех остальных, мы сказать не можем. Вместе с манерой декорирования была заимствована новая форма столовой посуды – тарелка с широким, почти горизонтальным отворотом и плавным перегибом обратной стороны, встречавшаяся сначала только вместе с пятнистой глазуровкой поверхности»²¹¹.

Отмечается значительное сходство ее комплексов, происходящих из различных районов. Это одни и те же формы, орнаментика, цветовая гамма.

Керамика одного стиля со среднеазиатской в IX–XI вв. была распространена далеко за пределами Средней Азии: в Хорасане и по всей территории Афганистана. Таким образом, область ее распространения совпадает с территорией саманидского государства. Можно уверенно отметить, что эта керамика появляется в IX–X вв. в Казахстане (на юге и в Семиречье)²¹². В XII в. единство стиля поливной керамики сохраняется внутри Мавераннахра (включая Хорезм).

Сходство поливной керамики на обширной территории свидетельствует о тесных экономических и культурных связях и единстве вкусов потребителей (в первую оче-

редь горожан, основных потребителей поливной керамики). Одновременно возникает вопрос, какие центры задавали тон.

Одним из них в производстве художественной керамики был Самарканд.

Внешнее стилистическое исследование керамики, находимой за пределами района Самарканда, не позволяет выявить самаркандскую продукцию. Помочь в этом может только химический анализ черепка, глазури и краски. Однако, такого рода сводная работа по керамике «самаркандского типа» в городах Средней Азии не проведена. Нет сравнительного материала по керамике Афрасиаба, среднеазиатских городов и городов Казахстана (Испиджаб, Отрар, Тараз). Но внешне по черепку, качеству поливы и совершенству рисунка можно выделить посуду, привезенную из Самарканда и такую же, изготовленную в Отраре, Кеде, Таразе, Талгаре.

Керамика в силу своей хрупкости не удобный для перевозки товар. Транспортировка его может быть оправдана только при условии высоких цен. Поэтому, чем дороже и лучше керамика, тем обширнее зона ее распространения, тем больше сходства в керамике одного типа, производившейся в разных областях.

Поливная керамика дает богатый материал для суждения о некоторых существенных явлениях культуры. Так, она прекрасно иллюстрирует историю бытования арабского языка в городской среде. В IX–X вв. наиболее характерным сюжетом росписи высококачественной керамики были арабские надписи. Они представляют различные по времени и стилю почерки: от строгого простого куфи IX в., заимствованного из Корана или иных дорогих рукописей, до сложных декоративных форм цветущего куфи²¹³.

В росписи керамики художники использовали декоративные возможности арабского шрифта. Некоторые надписи цветущим куфи, превращенные, на первый взгляд, в полосу растительного орнамента, не утратили читаемости.

По содержанию все надписи можно разделить на три группы. Первая состоит из различных благопожеланий. Указанные благопожелания являются сокращением более полной исходной формы, которая не встречается на керамике Средней Азии, но известна на керамике Ближнего Востока, из чего можно сделать вывод, что они были заимствованы уже в сокращенной форме. «Барака» часто входит составным элементом в длинные благопожелательные надписи с перечислением различных благ, желаемых владельцу. Изредка встречаются пожелания, непосредственно связанные с назначением сосуда: «Пей (или «ешь») из него на здоровье».

Надписи второй группы имеют афористический характер. Например, арабские пословицы: «терпение – ключ к радости»: «верность – драгоценность», «начало ученья горько на вкус, а конец его слаще меда», «кто много говорит – много унижает себя».

Есть надписи, характерные для мусульманской этики. Наряду с призывом уповать на Аллаха попадают афоризмы о необходимости довольствоваться малым, отказываться от своих желаний.

Встречаются религиозные надписи: «Стыдливость – ветвь веры». Слово «вера» (ал-иман) встречается на ряде непрочтенных надписей, в которых распознаются отдельные слова: ал-джанна – «рай», ан-нар – «пламя»; они, несомненно, также носят религиозный характер.

Это заставляет предполагать, что некоторые сентенции, которые, как казалось, носят светский характер, могут быть хадисами, хотя и не вошедшими в канонические сборники. Такова в первую очередь сентенция «Щедрость – свойство праведников [обитателей рая]». Весьма вероятно, что афоризмы о достоинстве знания подразуме-

вают не науку вообще, не положительные знания, а науку о религии, богословие, которое в средние века было Наукой с большой буквы – ал-Илм.

Характерно, что все надписи к хадисам относятся к X–XI вв., так же как и другие надписи со словом «вера». Видимо, в этом отражение усиления влияния ортодоксальной мусульманской идеологии, которым ознаменовалось начало XI в.

В XI в. постепенно исчезает керамика с осмысленными надписями на арабском языке. Они еще существуют, но в виде копий с более ранних образцов. К концу века сохраняются только краткие благопожелания – «барака» и вошедшее в моду в этом веке «ал-йумн» (благополучие). Это объясняется вытеснением арабского языка. Новый потребитель так же как мастера, изготавлившие эту керамику, не знали арабского языка. Мода на надписи сохранилась, но копировали их без понимания смысла написанного²¹⁴.

Декор поливной керамики позволяет поставить еще один вопрос – о влиянии ислама на изобразительное искусство. С одной стороны существует твердое убеждение, что ислам запрещал изображение живых существ, с другой считается, что наиболее строго изображение живых существ изгонялось не в X в. и последующих веках, когда окончательно сформировалась мусульманская идеология, и началось решительное наступление на инакомыслие. С распадом же Халифата, который навязывал ислам покоренным народам, «мощные антихалифатские и яфетические выступления расшатали положение ислама, и живые существа вновь изображаются в искусстве»²¹⁵.

С подобными представлениями, считает О.Г.Большаков, находит отражение общая тенденция представлять религию в средние века чем-то насильно навязанным, а не естественной формой средневекового мировоззрения. Нелишне напомнить, что «средние века присоединили к теологии и превратили в ее подразделения все прочие формы идеологии: философию, политику, юриспруденцию. Вследствие этого всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать теологическую форму»²¹⁶. Это в равной мере относится и к мусульманскому Востоку. «Религия служила и орудием защиты существующего строя, и идеологией борьбы с ним. В средние века борьба велась не против религии вообще, а против конкретных ее форм, против одной формы ради другой. Атеизм был доступен лишь выдающимся умам средневековья, гениям-одиночкам, а для рядового ремесленника и крестьянина религия была единственно возможной формой мировоззрения»²¹⁷.

Запрет изображать живые существа не относится к числу важнейших положений ислама, он был сформулирован только в конце VIII в. Канонические сборники хадисов, появившиеся в IX в., содержат высказывания, запрещающие изображения, но многие богословы вплоть до X в. считали их направленными не против изображений вообще, а только против тех, которые предназначены для поклонения. Лишь в XI в. в обстановке борьбы с различными проявлениями свободомыслия – от исмаилизма до мутазилизма – утвердилось буквальное понимание этих хадисов.

В конце XI в. ведущие деятели ортодоксального ислама уже определенно выступали против изображения живых существ в общественных местах. Ал-Газали (начало XII в.) писал: «К числу осуждаемого относятся изображения, которые бывают на дверях бани или внутри бани; каждому кто входит в нее, надлежит их уничтожать, если может, а если они на высоком месте, до которого не достаёт рука, то позволительно входить только в случае крайней необходимости, лучше же пойти в другую баню. Ведь смотреть на предосудительное не дозволено. И достаточно изуродовать лица на изображениях, чтобы они стали недействительными». Однако он допускал пользование некоторыми изделиями с изображениями. Ал-Газали, в связи с правилами приема гостей, писал:

«К числу этого относится вешание занавесей, на которых имеется изображение... что же касается изображений на подушках и коврах, которые кладут для сидения, то это не предосудительно; то же касается изображений на тарелках и чашах, исключая сосуды, изготовленные в виде фигуры; так, верх некоторых курильниц бывает в виде птицы, это запрещено [харам], следует сломать ту часть, где изображение»²¹⁸.

Таким образом, даже в глазах строгого ортодокса, каким был ал-Газали в последний период жизни, употребление керамики с изображениями было допустимо при приеме гостей, когда требовалось наиболее строгое соблюдение всех правил приличия.

По мнению О.Г.Большакова, появление изображений живых существ на поливной керамике Средней Азии в X–XI вв. объясняется не возрождением домусульманских традиций, а сторонним влиянием. Показательно, что большая часть таких изображений связана с люстровой керамикой, повторявшей сюжеты росписи люстра; на другой керамике зооморфные изображения чрезвычайно редки и более схематичны, низведены до роли элементов орнамента. Роспись, иллюстрирующая литературные сюжеты, столь обычная в Иране, в Средней Азии пока не обнаружена. Причины этого явления неясны. Во всяком случае, следует отметить, что в Средней Азии запрет изображать живые существа, видимо, понимался более буквально, чем в других странах²¹⁹.

В конце XI – XII в. в росписи поливной керамики постепенно утверждается более пестрый, ковровый стиль орнаментации, который можно связать с тюркизацией Мавераннахра.

Поливная керамика XIII–первой половины XV в. характеризуется изменением технологических схем ее производства.

Середина XIII в. является рубежом различных керамических стилей. Исчезает керамика с прозрачной свинцовой поливой, положенной на белый ангоб. Распространяются красный, желтый, розовый ангобы. Полива окрашена в желтый, зеленый, розовый, голубой и синий цвета. Росписи зеленым, коричневым, красным. Орнамент – растительный, геометрический, эпиграфический. Но есть и группа керамики с надписями. Так, на Отраре при раскопках бани найдена чаша, покрытая синей поливой и подглазурной надписью, выполненной черной краской. По бордюру нанесен орнамент в виде стилизованных арабских букв, а следующая полоса содержит надпись, выполненную почерком талик ранней разновидности. Это позволяет отнести блюдо ко второй половине XIV – началу XV в. Текст надписи переводится так: «по желанию твоему да исполнятся все твои дела. Да будет бог хранителем твоего престола. Вечер наступил. Ты мой возлюбленный в мире...». По стилю это благожелательная надпись, видимо, в суфийском плане отождествляет возлюбленного с богом²²⁰.

Большое число надписей, как выше отмечалось, встречено на поливной керамике из средневекового городища Сарайчик, отождествленного с золотоордынским, а позднее ногайским и Казахским городом Сарайчик.

В связи с характеристикой надписей на керамике из Сарайчика следует привести отрывок из поэмы Юсуфа Баласагунского на стенке глиняного сосуда, которая переводится так: «Красны речи словом, а мысли речами. Красны люди ликом, а лики очами»²²¹.

Можно предположить здесь те же процессы в изменении менталитета заказчиков появлением и таких сентенций, как на юге Казахстана, но с разницей в 400 лет, когда в Золотой Орде и Сарайчике XIV в. проходил процесс активной исламизации правителей и элиты Золотой Орды.

Нумизматика

С подчинением Южного Казахстана и Жетысу саманидам, последовавшие за походами сюда арабских войск, произошли изменения в денежном обращении – переход на монеты нового типа.

Арсланидские монеты. Тухусские монеты Жетысу полностью деградировали. В середине IX в. здесь наблюдался кризис монетного дела. Новый тип монет был выпущен с легендой «Господина Арслана Бильге-кагана фан» в конце IX – начале X в.»²²². Впервые одну из разновидностей арсланидских монет, найденную на Ак-Бешимском городище (и для того времени уникальную), описала О.И.Смирнова под названием «монета неизвестного кагана». В последние годы на городищах Чуйской долины были найдены еще 4 экземпляра этого типа.

Два новых типа арсланидских монет, найденных на Краснореченском городище, опубликовал В.Н. Настич. Легенда на первом из них, выполненная согдийским курсивом, читаемая против часовой стрелки «Господина Арслана Бильге-кагана фан». Эта группа монет стала называться «арсланидской».

В.Н.Настич предположил, что династия Арсланидов могла быть своеобразным посредником между тюргешами и сменившими их в Семиречье в X в. Караханидами. Таким образом, время изготовления арсланидских монет было определено им в широких рамках от середины VIII в. до середины X в.²²³

Из генеалогии караханидских правителей известно, что деда Сатука Богра-хана, который был родоначальником установившейся в середине X в. династии Караханидов, звали «Бильга <...> Кадыр хан»; О.Прицак же называет его Бильга Кюль Кадыр ханом, а А.З.Тоган – Бильге-каганом. Джамал ал-Карши называет двух сыновей Бильга Кадыр хана – Базир Арслан-хан и Огулчак Кадыр-хан. О.Прицак считает, что после Бильга Кадыр хана оба его сына правили одновременно: Базир в качестве главы (с титулом Арслан-хан) в Баласагуне, а Огулчак в качестве соправителя в Таразе, причем последний должен быть современником саманида Исмаила б. Ахмада. Именно при нем, по мнению О.Прицака, Исмаил завоевал в 893 г. Тараз, взяв в плен его хатун и 15 000 воинов, после чего Огулчак перенес свою столицу в Кашгар и предпринял в 904 г. поход на саманидскую территорию²²⁴.

Датировка арсланидских монет концом IX – началом X в. позволяет ограничить этим же временем выпуски деградировавших тюргешских и тухусских монет. Возможно, в обращении еще оставались крупные тюргешские монеты, выпуск которых продолжался, по крайней мере, еще 150 лет²²⁵.

Протокараханидские монеты Жетысу. Монета этого типа, найденная на городище Чигиль (район Тараза), впервые была опубликована Т.Н.Сениговой²²⁶.

Позднее В.Н.Настич сообщил о пяти загадочных монетах, происходящих с городищ Талгара (Казахстан) и Бураны (Киргизия), отлитых по образцу китайских, но с куфическими арабскими надписями, расположенными «крестом» по сторонам квадратного отверстия. Верхняя часть надписи прочитана им как (малик), правая (арам?), нижняя (йнал?) и левая (чиг?). Обратная сторона монет гладкая с неширокими бортиками, окаймляющими квадратное отверстие и гурт монеты. В.Н.Настич отнес эти монеты к «протокараханидским», выпускавшимся до утверждения в чекане Караханидов монет традиционного мусульманского облика. Сравнивая палеографию надписи с легендами на мусульманских монетах, он датировал эти монеты X в.²²⁷

За последние годы было собрано еще 29 монет этого типа, из них 3 на Краснореченском городище, все остальные – на городище Бурана.

И это не случайно, ибо Бурана соответствует городу Караханидов Баласагуну, одной из столиц государства Караханидов.

«Мусульманские» монеты Южного Казахстана. Новый тип монет появляется в это же время и на юге Казахстана, сменяя анэпиграфные монеты кангаров с изображением на одной стороне шагающего льва, на другой тамг, наиболее распространенной из них была тамга в виде знака X²²⁸.

В 1975 г. при раскопках Отрара обнаружены две бронзовые саманидские монеты, чеканенные в Барабе в 310/922-23 гг., с именем Насра II ибн Ахмада (301-331/914-943 гг.). Третий экземпляр плохой сохранности найден в 1977 г.

В 1976 г. при раскопках городской стены на северо-западном ее обводе, в ретиральной яме, прорезавшей стену, датированную XII в., найдена еще одна бронзовая саманидская монета, сильно окисленная и обломанная. Несмотря на дефектность, она определяется довольно точно – это самаркандский фельс Насра I ибн Ахмада (250-279/864-892 гг.), битый в 272/885-86 или 278/891-92 гг.

Приведем описание монет.

1. Л. ст. В поле, в круговом линейном ободке – символ веры в три строки. По кругу – выпускные данные: «Во имя Аллаха чеканен этот фельс в Самарканде в году двести семьдесят втором (или восьмом)». Об. ст. В поле – вторая часть символа веры, под ней имя «Наср». По кругу, между внутренним точечным и внешним линейным ободками: «Из того, о чем повелел амир Наср б. Ахмад, да продлит Аллах его <жизнь>!».
2. Л. ст. В поле, в круговом линейном ободке – символ веры, как на предыдущей монете, над ним орнаментальный значок, напоминающий тамгу; внизу слово (имя «Али»?). По кругу – выпускные данные: «Во имя Аллаха чеканен этот фельс в Барабе в году триста десятом». Внешний ободок линейный. Об. ст. В круговом точечном ободке – вторая часть символа веры, под ней имя «Наср». По кругу: «Из того, о чем повелел амир Наср б. Ахмад, да возвеличит его Аллах!».
3. Один тип с №2, но другая пара штемпелей; круговые легенды сохранились фрагментарно. На лицевой стороне (алиф не пропущен), название монетного двора дефектно, дата почти стерта. Все сохранившиеся детали типа совпадают с аналогичными на предыдущем экземпляре²²⁹.

Находки саманидских бронзовых монет на территории Отрара и Отрарского оазиса уже были известны по публикациям²³⁰ и свидетельствуют о том, что этот район во второй половине IX – начале X в. находился в сфере экономического и политического влияния Саманидов. Однако до самого последнего времени считалось, что в этот период Отрар не имел собственной монеты. Благодаря находке и публикации Самаркандского клада 1967 г.²³¹, в составе которого обнаружены монеты Бараба 310 г. э.х., и двух аналогичных фельсов с самого городища Отрар, описанных выше, можно полагать, что к 310/922-23 г. область Фараба (Отрара)²³² входила в состав Саманидского государства на правах вассального владения, правителем которого в это время, видимо, был некто Али (если слово, означенное на монетах в поле лицевой стороны, рассматривать как имя вассала), который чеканил в Фарабе свою монету²³³.

Подчинение Отрара Саманидам, вероятно, произошло еще раньше. Известно, что правители Мавераннахра, видевшие в своих соседях-тюрьках постоянную военную угро-

зу, придавали большое значение безопасности северных и восточных границ государства. Это послужило одной из причин захвата Испиджаба Нухом ибн Асадом в 840 г. и превращения его в мощную крепость²³⁴, похода Насра I ибн Ахмада на Шавгар (район современного г. Туркестана) во второй половине IX в.²³⁵ и других политических мероприятий, которые в конечном итоге привели к включению в состав саманидских владений всей территории области Испиджаба, куда исторически входил и Фарабский округ²³⁶.

К этому теперь добавляется и факт местного производства монет, который характеризует экономическое состояние Фараба в первой четверти X в.

В исследовании вопросов развития городской культуры Казахстана не менее важен другой аспект взаимоотношений с государством Саманидов – культурно-экономический. Установление тесных хозяйственных и культурных связей между двумя регионами способствовало более активному развитию ремесла и торговли, распространению достижений науки и искусства Средней Азии и на юге Казахстана. Здесь формируется своеобразная культура, «основанная на сплаве местных традиций с достижениями других областей. На этой почве родились такие гиганты, как ал-Фараби, Ибн Сина и ал-Бируни»²³⁷.

В эпоху Караханидов окончательно складывается тип монет с мусульманским оформлением – показательны монеты Будухкета, города рядом с Испиджабом²³⁸. Вот описание.

1. Будухкет, 411/1020-21 гг.

Об.ст. Арслан-хан, Насир ад-Даула Атим-тегин, Абд ал-Малик.

2. Л.ст. Насир ад-Даула; об.ст.% Арслан-хан, Абу-л-Хасан Атим-тегин, Али.

3. [Будухкет?], 414/1023-24 гг.

Наименование монетного двора на первых двух дирхемах передано так, что отсутствие диакритических знаков допускает много вариантов чтения. Однако единственно приемлемым представляется чтение: «Будухкет – город в области Испиджаба».

Находившийся в области Испиджаба Будухкет письменные источники именуют то городом (персидская версия Истахри)²³⁹, то селением (Сам'ани)²⁴⁰. Он располагался на дороге из Испиджаба в Тараз, по Макдиси – в одном дне пути от Испиджаба, по Ибн Хордадбеху и Кудама – в восьми или девяти фарсах от него²⁴¹. Археологи отождествляли Будухкет с городищем Казатлык (IX–XI вв.)²⁴². Сейчас дается более убедительная локализация города – на месте городища Тортколь Балыкчи²⁴³.

Верхние две ступени иерархической лестницы, отображенной легендами дирхемов Будухкета 411/1020-21 г., занимают Арслан-хан Мансур б.'Али и его племянник Атим-тегин Ахмад (скорее всего, сын Мухаммада). На нижней ступени находится 'Абд ал-Малик, имя которого впервые встречается в надписях караханидских монет, почему, неясно даже, принадлежал ли он сам к числу Караханидов. Несомненно лишь, что 'Абд ал-Малик был владельцем Будухкета и, очевидно, его округи. Непосредственный сюзерен 'Абд ал-Малика, Атим-тегин Ахмад, судя по испиджабским дирхемам 410/1019-20, 411/1020-21 и 412/1021-22 г., владел всей областью Испиджаба, но его испиджабским наместником был в эти годы Наср.

На дирхеме № 3 от наименования монетного двора уцелели только первые буквы, но все слово можно уверенно восстановить как Будухкет.

На монете № 3 в качестве владельца Будухкета и вассала Атим-тегина и Арслан-хана упомянут 'Али. Среди удельных правителей начала XI в. известно несколько носителей этого имени, из которых самый знаменитый – 'Али-тегин, но он с 411/1020-21 г. владел Бухарой.

Пример Будухкета лишний раз показывает, сколь сложной была раннекараханидская удельная система.

Несмотря на временный характер будухкетского монетного двора, продукция его с внешней стороны (умелое размещение легенд, грамотность надписей, красивый, уверенный почерк) безупречна и выдает руку мастера, имевшего немалый опыт в изготовлении монетных штемпелей.

Особый интерес с точки зрения сложения мусульманских традиций в оформлении денежных знаков представляют монеты Отрар-Фараба, Бараба-Параба – одного из центров формирования и развития мусульманской культуры.

Выдающийся исследователь средневековых монет Средней Азии и Казахстана Е.А.Давидович в свое время писала, что, возможно, «караханидские монеты» чеканились в Отраре. По ее мнению, монетный двор здесь существовал еще при Караханидах, поэтому возможно, что «караханидские монеты Бараба также когда-нибудь будут обнаружены»²⁴⁴. Надежда эта вполне оправдалась: Б.Д.Кочневу удалось выявить позднекараханидский чекан Параба²⁴⁵.

Tun 1. Параб, без обозначения года (8 экз.)²⁴⁶. Об. ст., поле: Кутлуг Билга-хакан.

Tun 2. Параб, 59⁶/₇, 1199-1201, 609/1206-07 (?) г. (19 экз.)²⁴⁷. Об. ст., поле: ал Хакан ал-'Адил Шамс ад-Дунья ва-д-Дин Кутлуг Билга-хакан; круг. лег.: Хасан б. 'Абд ал-Халик... Амир ал-Му'минин.

Tun 3. Параб, 59., 60., 6003/1206-07 г. (25 экз.)²⁴⁸. Об. ст., поле: ал-Хакан ал-'Адил Шамс ад-Дунья ва-д-Дин Кутлуг Билга-хакан.

Tun 4. Параб, ..8 (?) г. х. (1 экз.)²⁴⁹ Об. ст., поле: ал-Хакан ал-'Адил Шамс ад-Дунья ва-д-Дин Кутлуг (Билг)а-хан; круг. лег.: ... Хасан б. 'Абд ал-Халик...

Из четырех описанных типов наибольшим количеством экземпляров (и штемпелей) представлены второй и третий.

Выделяются дирхемы первого типа: почерк легенд всех восьми экземпляров небрежен, буквы неровные, с утолщениями, иногда сливаются там, где не должны соединяться.

Любопытную особенность публикуемых монет составляет вынесение заключительного слова (или слов) легенд поля в дополнительную верхнюю строку. В одном случае выносится конец символа веры, в другом – окончание тронного имени халифа Насира, в третьем – конец титулатуры государя.

Своеобразную деталь составляет благопожелание, включенное в круговую легенду об. ст. дирхемов типа 3. Вообще благопожелания в подобной позиции весьма часты на саманидских монетах, некоторые из них унаследовали и изредка использовали на своих ранних монетах Караханиды. Однако в позднекараханидском чекане благопожелания до сих пор не были зафиксированы, самое же выражение «Да продлит Аллах его царствование» прежде не встречалось, насколько известно, ни на саманидских, ни на караханидских монетах и характерно уже для монет времени после монгольского завоевания (чагатаидских, тимуридских).

Надписи дирхемов первого типа не содержат никаких указаний на время их выпуска, так что при их датировке приходится исходить из даты Кермининского клада, в котором они оказались. Этот клад, насчитывающий 1992 экз., включает всего лишь три монеты второй четверти XII в., в подавляющем же большинстве состоит из дирхемов, битых в 560-х гг.х.

Ранняя из точно датированных монет клада – 560/1164-65 г., поздняя – 568/1172-73 или 569/1173-74 г. Не позднее последней должна быть и дата дирхемов Параба.

Парабские дирхемы едва ли старше основного состава клада и должны быть датированы в пределах от 560/1164-65 до 569/1173-47 г.

Для дирхемов типа 2, в большинстве не сохранивших дат, есть надежный хронологический ориентир в виде упоминания халифа Насира, правившего в 575-622/1180-1225 гг. Как будет показано далее, караханидские монеты Параба не могли выпускаться после 607/1210-11 г. Эта дата является верхней временной границей и для типов 2, 3 и 4, и для Жамбылского клада. Из конкретных дат на дирхемах второго типа частично сохранились две. Дату можно восстановить как 596/1199-1200 или 597/1200-01 г. На дирхеме того же типа, но иного варианта, была иная дата, сохранившаяся хуже, возможно, это 603/1206-07 гг.

На монете типа 4 от даты уцелело только первое слово «восемь»; если оно прочитано верно, то в целом дату можно восстановить как 588/1192 или 598/1201-02 гг.

Монеты первых трех типов определенно названы в надписях дирхемами, типологическая близость типов 3 и 4 позволяет и последний отнести к той же категории. На многих монетах из Жамбылского клада сохранились отчетливые следы серебрения, а значит, и вся рассматриваемая группа парабских монет принадлежит к числу медных посеребренных дирхемов, что составляет важнейшую особенность денежного обращения Средней Азии XII – начала XIII в.

Как показано выше, первый тип парабских дирхемов выпущен не позднее 569/1173-74 г. Возможно, он вообще фиксирует начало позднекараханидского чекана Параба. Монеты Жамбылского клада отражают дальнейшие его этапы. Хотя все они в надписях названы просто дирхемами, это, безусловно, монеты двух достоинств: типы 2 и 3 различаются оформлением, размещением и содержанием надписей, весом и размерами. Мы не имели возможности взвесить монеты клада, но диаметр больших дирхемов (тип 3) 42-46 мм, малых (тип 2) – 26-28 мм. Вероятно, те и другие относились друг к другу как 2:1, т. е. это либо двойные и одинарные дирхемы, либо одинарные и половинные.

Наличие дирхемов двух номиналов – очень важный показатель. Вполне вероятно, выпуск монет типа 1 был вызван экономическими причинами, но с таким же успехом можно допустить политические и финансовые мотивы. В случае же с двумя номиналами эти мотивы гораздо менее вероятны, точнее, не могут быть единственными: для целей политической прокламации достаточно и одного номинала, для эффективной эксплуатации монетной регалии в ряде позднекараханидских уделов хватало массового выпуска дирхемов одного достоинства. Иными словами, хотя дирхемы типов 2 и 3 несли «политическую нагрузку» и служили для казны средством извлечения доходов из права монетной чеканки, для нас главное в другом: вероятно, к рубежу XII–XIII вв. потребности внутренней торговли области Отрара возросли настолько, что не могли быть удовлетворены выпуском дирхемов одного номинала. Речь идет именно о внутренних потребностях и нуждах, поскольку в международной торговле, в которой Отрар ко времени монгольского нашествия занимал очень важное место, медные посеребренные дирхемы как знаки стоимости с принудительным курсом не могли использоваться и предназначались, прежде всего, для того удела, где были выпущены. Узколокальный характер обращения медных посеребренных дирхемов демонстрируют многие клады, в том числе и Жамбылский, который состоит из 43 парабских монет. Но особенно показательны Кермининский клад, в котором из 1992 монет лишь 27 не самаркандские, и Нарынский клад, содержащий 5 856 дирхемов, из них лишь 3 определенно не ферганского происхождения.

Дирхемы двух достоинств продолжали выпускать в Отраре и после падения власти Караханидов, при хорезмшахе Мухаммаде, который унаследовал от последних не только парабский монетный двор, но и традиционный набор из двух номиналов: ануштегинидские дирхемы Параба-Отрара следуют караханидским образцам также в отношении размера (40-44 и 26-27 мм)²⁵⁰, по всей вероятности, и веса.

Монета четвертого типа несет имя того же государя, что и дирхемы типов 2 и 3; по оформлению и размерам (27 мм) она ближе к третьему типу и потому должна быть отнесена к тому же номиналу. Некоторые типовые отличия этого дирхема следует, вероятно, объяснять не принадлежностью к особому номиналу, а иными причинами: в Жамбылском кладе нет монет этого типа, следовательно, он выпускался не одновременно с дирхемами типов 2 и 3.

Местом выпуска дирхемов типов 2 и 3 назван округ (или область) Параб. В X в. этот округ был небольшим: длиной и шириной меньше дня пути²⁵¹. Ограничивался ли позднекараханидский парабский удел теми же пределами небольшого оазиса по среднему течению Сырдарьи?

Попытаемся найти ответ на этот вопрос в самом факте обнаружения клада парабских дирхемов на территории средневекового Тараза. Как уже упоминалось, позднекараханидские медные посеребренные дирхемы имели хождение прежде всего в пределах того владения, где были выпущены. Если исходить из данной закономерности, следует предположить, что область Тараза входила в состав Парабского удела. Учитывая к тому же и отдельную находку парабского дирхема в Джамбуле, эту гипотезу можно считать наиболее правдоподобной.

Появление в Таразе парабских монет объясняется либо вхождением в его состав Отрарского удела, что представляется более вероятным, либо более тесными экономическими связями с областью по среднему течению Сырдарьи. Чекан Параба позволяет выяснить и некоторые черты политической истории округа.

Во второй половине XII – начале XIII в. караханидские владения в Средней Азии были разделены на несколько уделов, каждый управлялся собственными ханами из дома Караханидов. Крупнейший из уделов располагался в Центральном Мавераннахре со столицей в Самарканде; кроме того, по монетам известны Уздендский, Маргианский, Касанский и Бенакетский уделы. К их числу можно добавить и Парабское владение. Упомянутый на дирхемах типов 2, 3 и 4 правитель Параба Хасан б.'Абд ал-Халик, безусловно, не идентичен современным ему государям Центрального Мавераннахра Ибрагиму б. Хусейну и 'Усману б. Ибрагиму, а поскольку в монетных надписях никак не упоминает их, то, следовательно, выступает по отношению к ним вполне самостоятельным владельцем.

О последнем отрарском малике в связи с событиями XIII в. упоминают Джувейни и Насави. У первого он анонимен²⁵², второй называет его Тадж ад-Дином Билгаханом²⁵³. Бросается в глаза совпадение тюркских титулов: Билга-хакан или Билга-хан на монетах и Билга-хан у Насави. Во-вторых, Насави говорит об участии Билга-хана в битве при Андхуде, которая произошла в 601 г. х., в то время как среди дат на рассмотренных дирхемах Параба есть не только 590-е, но и 600-е гг.х. Разница лакабов (Тадж ад-Дин и Шамс ад-Дин) вовсе не должна означать, что их носили разные лица. Известен пример, когда один и тот же уздендский правитель начала XIII в. в одном и том же году фигурировал под двумя разными лакабами²⁵⁴. Таким образом, имеются достаточные основания отождествлять Кутлуг Билга-хакана монет и Билга-хана, упомянутого у Насави. Насави сообщает и небезынтересную деталь: Тадж ад-Дин

Билга-хан был двоюродным братом по отцу самаркандского султана 'Усмана. Благодаря парабским монетам становится известным не только личное мусульманское имя Билга-хана – Хасан, но и имя его отца и, следовательно, родного брата Ибрагима б. Хусайна – 'Абд ал-Халик²⁵⁵.

О том, как пресеклась эта ветвь, рассказывает тот же Насави. По его словам, Билга-хан был первым из хитаев, вассалов киданей, кто принял сторону хорезмшаха Мухаммада и явился к нему на службу²⁵⁶. При этом Тадж ад-Дин полагался на прежние свои заслуги, выразившиеся в том, что в трудное для Мухаммада время, когда тот, едва вступив на престол, вынужден был бороться против сильного гуридского султана Шихаб ад-Дина, он вместе с двоюродным братом 'Усманом пришел на помощь хорезмшаху и принял участие в битве при Андхуде, в которой погибли «многие из числа его храбрых друзей и верных воинов». Мухаммад, помня эти заслуги, вначале оказал почет Билга-хану и возвысил его. Но перед походом на Ирак (614/1217 г.) хорезмшах из предосторожности выслал в Нису самаркандского шейха ал-Ислама Джалал ад-Дина, его сына Шамс ад-Дина и его брата Аухад ад-Дина, а также Билга-хана. Климат Нисы считался очень нездоровым, особенно для тюрков, на что и рассчитывал Мухаммад. Однако Билга-хан прожил в этих условиях вполне благополучно более года и даже снискал любовь жителей Нисы. Увидев, что расчеты не оправдались, хорезмшах отправил в Нису Джахан Пахлавана Айаза с приказом умертвить оттарского малика. Голова Тадж ад-Дина была отправлена Мухаммаду в мешке, драгоценности убитого поступили в султанскую сокровищницу. Годом гибели Тадж ад-Дина Билга-хана следует считать 609-1212 г., годом же высылки из Отрара – 607/1210 г., причем правильность приведенной у Джувейни даты, вполне подтверждается монетами.

Итак, выпуск медных посеребренных дирхемов Параба начался, видимо, в 560-х гг. (не позднее 569/1173-74 г.) и продолжался, по крайней мере, до 603/1206-07 г., быть может, до 607/1210-11 г., когда Караханиды утратили власть «над областью Отрара». За это время здесь были выпущены монеты не менее четырех типов.

Чеканка этих монет вообще и наличие среди них дирхемов двух достоинств в особенности свидетельствуют о том, что внутриобластная торговля Параба во второй половине XII – начале XIII в. была весьма развита и обеспечивалась собственными средствами обращения.

Вполне возможно, в это время в «область Параба» входил Тараз.

В политическом отношении Парабский удел представлял собой самостоятельное владение, управлявшееся собственными ханами из дома Караханидов, представителями ферганской семьи²⁵⁷.

Караханидские монеты, как и более поздние – джагатаидские, джучидские, тимуридские, шейбанидские, казахские дают представление о широко распространенных монетах, чеканенных по мусульманскому типу.

Эпиграфика

Кайраки. Огромный объем информации о социальной структуре города, о культуре общества, о локализации населенных пунктов содержит эпиграфика на погребальных памятниках. Это надмогильные камни (кайраки) и надмогильные кирпичи.

К сожалению, в отличие от других стран Средней Азии исследования этих ценнейших источников в Казахстане почти не проводились. Насколько же такие работы важны, свидетельствует кандидатская диссертация и статьи В.Н.Настича, посвящен-

ные изучению памятников Кыргызстана, из средневековых кладбищ Узгенда, кайраков из Сафед-Булона и Бураны, относящиеся к XII–XV вв.

Так, анализируя сословно-профессиональные термины и лакабы (почетные прозвища) В.Н.Настич обратил внимание на высокий статус в мусульманском обществе учености и грамотности среди духовенства и ремесленников.

В эпитафиях упоминаются достоинства усопших, заслуги перед исламом, их хаджи в Мекку и Медину.

Есть свидетельства языковой принадлежности умерших. Так, в надписи на одном из кайраков говорится о женщине-турчанке, грамотной мусульманки, в родословной которой целое поколение тюрок-мусульман²⁵⁸.

Одна из глав диссертации В.Н.Настича посвящена отождествлению городища Бурана с городом Баласагуном. Важнейшим доказательством этого отождествления стали эпиграфические памятники – кайраки из городища Бурана. Текст эпиграфики на кайраке из городища Мунары (Бураны) первым привел Мухаммед Хайдар Дулати (первая половина XVI в.). Эпитафия посвящена «Имаму Мухаммеду факих ал-Баласагуни» с датой его смерти в 1311-1312 гг. Составлена она была «кузнецом Умаром ал-Баласагуни».

Следует отметить, что на городище найдены еще два кайрака с эпиграфиями на умерших жителей Баласагуна²⁵⁹.

Эти находки снимают вопрос о локализации города Баласагуна, который некоторые исследователи вопреки научным фактам отождествляют с городищем Актобе Степнинское²⁶⁰.

Намогильные кирпичи. Следует охарактеризовать найденный при раскопках некрополя Караспан на юге Казахстана намогильный кирпич с эпиграфией. Она была прочитана и проанализирована В.Н.Настичем²⁶¹.

В одном из погребений раннемусульманской эпохи археологом Б.Н.Нурмуханбетовым была обнаружена массивная керамическая плитка с арабской надписью. Плитка стояла наклонно на боку надписью вниз, прикрывая лаз в ляхад.

Обследование находки показало, что она представляет собой кирпич неправильной четырехугольной формы размерами 25-27×38-40 см.

Надпись занимает верхнюю половину плоскости кирпича и содержит неполных 5 строк, выдавленных по сырой глине застроенным инструментом. Надпись выполнена на грубом примитивном куфи с заметным влиянием стиля насх.

В первых трех строках воспроизведены канонические мусульманские инвокации – так называемые басмала и калима (символ веры) на арабском языке с искажениями и ошибками. Строки 4 и 5 содержат упоминание личности погребенной, написанное по-тюркски арабским письмом.

Перевод надписи:

- 1) Во имя Аллаха милостивого,
- 2) милосердного. Нет бога, кроме Аллаха,
- 3) Мухаммад – посланник его
- 4) Сайрамка Туз ка
- 5) тун

Тюркское чтение слова – сайрамлут/лыг ‘сайрамский (-ая), [родом] из Сайрама.

Надпись не имеет даты, однако основание для довольно точной датировки эпитафии дают многие предметные и палеографические аналогии в известных намогильных эпиграфических памятниках Средней Азии.

Во-первых, следует отметить, что намогильные кирпичи (как с надписями, так и без них) являются, по заключению М.Е.Массона, наиболее древними погребальными памятниками Средней Азии в мусульманскую эпоху²⁶². Самые ранние из них относятся к концу VIII – IX в. и прослеживаются до первой половины XIV в.

Во-вторых, преобладающее большинство известных намогильных кирпичей происходит из западной части Средней Азии – юга Туркмении, Самарканда и прилегающих областей. Центром их распространения здесь в XI–XII вв. был Мерв²⁶³, а для северной и северо-восточной областей, включая Южный Казахстан и Семиречье, сведения о таких вообще отсутствуют. На этой территории более характерны каменные намогильники – кайраки, а в более позднее время – специально обработанные блоки прямоугольных или трапециевидных очертаний с высеченными на них надписями и украшениями.

Таким образом, караспанский кирпич изготовлен для могилы женщины из Сайрама, по имени Тузкатун, умершей в первой половине XII в.

В сочинении Махмуда Кашгарского «Диван лушат ат-турк» встречается первое и единственное домонгольского времени упоминание о городе Сайраме, отождествляемое автором с Испиджабом²⁶⁴. То, что этот топоним действительно бытовал в XI–XII вв. подтверждается находкой из Караспана.

Посетительские надписи. Подземные скальные мечети Манкыстау такие как Шакпак-Ата, Шопан-Ата, Султан-Эспе, Караман-Ата, Есен-Ата, Бекен-Ата являются святынями, святыми местами и объектами посещения их паломниками. Они оставили на стенах многочисленные посетительские надписи.

Исследования этих эпиграфических памятников были начаты в мечети Шакпак-Ата и дали чрезвычайно интересный материал по истории ислама, об обществе и людях их оставивших; об этнических и культурных связях, мусульманских объединениях Западного Казахстана с объединениями мусульман всего Казахстана, Средней Азии, Поволжья, Крыма.

Надписи выполнены на арабском, фарси и тюркско-чагатайском языках. По ним можно здесь видеть посетителей из Хаджи-Тархана (Астрахань), Казани, Азербайджана, Хорезма, Бухары и Андижана. Можно выделить особые прозвища, титулатуру, присваиваемые почетные звания. Например, хаджи, батыры, тарханы и йасаулы. Среди лиц, оставивших свои записи, очень много людей высокообразованных – ахунд, а'лам, маулана, мулла, хафиз.

Нередко посетители указывали свой род – арабаджи, жары, таз, туркман-адай.

Некоторые надписи взяты в квадратные картуши. Встречаются рисунки животных – лошадей, быков, а также изображения раскрытой ладони (пятерни), которую связывают с разным семантическим толкованием и символикой, например, с ладонью Фатимы. Много датированных надписей. Самая ранняя дата, встречающаяся в надписях – 1119/1707-08 гг. Некоторые надписи отмечены датами их фиксации. Остальные относятся к XIX в. и началу XX в.

Часть надписей свидетельствует о том, что Шакпак-Ата была суфийской обителью (ханака). Есть мнение, что это место использовалось в качестве мечети, где также велось обучение в медресе.

Важно было бы сравнить полученные данные с другими письменными источниками. К сожалению, существующие рукописи не изданы и поэтому пока недоступны для исследователей. В сложившейся ситуации эпиграфические памятники остаются единственными источниками исторической информации, документами эпохи, в которую они были созданы²⁶⁵.

Заключение

В 2009 в Москве был опубликован сборник статей ««Archaeology abrahamica» (исследование в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама)» редактором-составителем которого является Л.А.Беляев.

Сборник этот, безусловно, имеет знаковое значение в процессе создания единого поля, как пишет во вступлении к сборнику Л.А.Беляев, для изучения древностей трех генетически родственных религий: (иудаизма, христианства, ислама). «Потребность в этом – пишет Л.А.Беляев, ощущается всеми, и не должно рассматриваться как чье-то изобретение. Постепенно, но упорно находит она себе место в работах по истории культуры и искусства»²⁶⁶.

Далее он пишет, что «Есть не менее важные обстоятельства, которые мешают видеть эти три культурных пространства как единое целое. Во-первых, древние и прочные границы между религиями, которые протянулись из далекого прошлого и разделяют не только конфессии, не только даже культурную и политическую (государственную) реальность, но и самое науку. Во-вторых, общей сравнительной работе препятствует неравномерность развития отдельных областей культурной истории и, особенно, археологии»²⁶⁷.

Наиболее разработано и обладает многовековой традицией с XVII в. христианская и церковная археология. Археология иудаизма сравнительно молода, (ей 50-70 лет). Прошли времена, когда актуальность археологии ислама требовалось доказывать²⁶⁸.

Начало аврамической археологии – вторая половина XX в, когда изучение религиозных древностей отвоевало себе место в кругу гуманитарных дисциплин советской науки. «Это место «образовалось» в области практических исследований, и в целом не противоречило дореволюционной традиции, но и развивало ее, ставило на более твердую почву благодаря усиленной заботе о материальном мире, столь свойственной археологии.

«В советской науке ветви религиозной археологии получали маскирующие названия: церковная археология становилась древнерусской архитектурной археологией; иконография и история иконописи – историей древнерусской живописи; археология ислама – археологией Нижнего и Среднего Поволжья или Средней Азии и Казахстана эпохи феодализма»²⁶⁹.

Изучение памятников средневековой археологии и архитектуры, археологической архитектуры в Средней Азии и Казахстане в значительной своей части было связано

с изучением памятников, относящихся к мусульманской культуре, которая утверждается здесь в VII–VIII вв., и получает бурное развитие в эпоху Мусульманского ренессанса. Как известно, ислам определял характер культуры Казахстана эпохи развитого и позднего средневековья и нового времени, вплоть до революции 1917 года и образования в 1922 г. СССР с его марксистско-ленинской идеологией и воинствующим атеизмом. И лишь после распада Советского Союза начинается возрождение религии, в том числе исламских ценностей.

Постепенно стало обычным интерпретировать многие явления материальной и духовной культуры с позиций ислама и его определяющего влияния.

Большое значение в казахстанской археологии при изучении средневековых городов стало уделяться раскопкам исламской архитектуры – мечетей, мавзолеев, медресе, ханака. Число этих памятников быстро увеличивается.

Распространились дефиниции «культурный комплекс с общемусульманскими стандартами и эталонами», «тюрко-мусульманское культурное наследие»²⁷⁰.

В 2005-2007 гг. было озвучено и стало интенсивно развиваться и новое направление в археологии Казахстана – «мусульманская археология».

Появилась первая сводка памятников средневековой исламской архитектуры Казахстана, которая показала, что число их значительно в разы превышает количество сохранившихся наземных исламских архитектурных сооружений²⁷¹.

Религиозное строительство – важнейший элемент любой цивилизации, строя себе дом и храм человек, в конечном счете, создает свой национальный характер. К кругу памятников, связанных с мусульманской культурой, относятся надгробные камни с эпитафиями – кайраки и надгробные кирпичи также с эпитафиями из Южного Казахстана и Жетысу. Поэтому так важно знать, куда уводят остатки архитектурных построек, что можно извлечь из них для понимания духовной культуры казахов и «казахского ислама», о характере которого существуют разные мнения.

Так, взгляды В.В.Бартольда были далеки от позиций советских историков и этнографов, видевших в казахах «плохих мусульман», бывших, по их мнению, вплоть до XIX в. полумусульманами и полушаманистами. Он утверждал, что в XV–XVI вв. уровень исламизации казахов был достаточно высоким²⁷². И это мнение ученого сейчас может быть подтверждено открытием в городах позднесредневекового Казахстана, городах периода Казахского ханства мечетей, медресе, ханака.

Изучение исламской археологии, безусловно, сможет помочь более фундировано решить вопросы о времени арабских завоеваний, взаимоотношениях в государствах карлуков, саманидов, караханидов, тюрок, иранцев и арабов, об исламизации тюрок, их культуре.

Однако, изучая памятники и культурное наследие Казахстана, исламской археологии, важно рассматривать историю исламского мира в контексте глобальных процессов с явлениями христианского мира, иудаизма, буддизма.

Не только мусульманская архитектура определяет сущность мусульманской археологии Казахстана, но и другие категории материальной культуры. Это некрополи, погребения, нумизматика; кайраки и надгробные кирпичи; художественный металл с арабскими надписями; керамика и стекло.

Обобщению и анализу всех вышеназванных категорий материальной культуры и посвящена предлагаемая работа.

INTERNATIONAL INSTITUTE FOR CENTRAL ASIAN STUDIES

KAZAKHSTAN ARCHAEOLOGICAL SOCIETY

K.M. BAIPAKOV

**ISLAMIC ARCHAEOLOGICAL
ARCHITECTURE
AND ARCHAEOLOGY
OF KAZAKHSTAN**

Almaty-Samarkand, 2012

Editors: Academician of NAS RK B.E. Kumekov
Dr. Sh.R. Pidayev

Reviewers: Prof. Dr. V.D. Goryacheva
Dr. D.A. Voyakin

Baipakov K.M. Islamic Archaeological Architecture and Archaeology of Kazakhstan. Almaty-Samarkand, 2012. – 284 p., 108 ill.

This book contains the analyses and generalized materials on Moslem monuments of archaeological architecture and archaeology of Kazakhstan, which appeared there together with the establishment of Islam, Moslem ideology in the society and the state, in the minds and souls of people.

In the work is given the historical information on the trips of Arabs, Samanids to the South Kazakhstan and Jetysu, on spread of Islam.

The book is illustrated richly by drafts, black and white and colorful photos, air photos.

The book is intended for archaeologists, historians and historians of architecture, religion's study researchers, for lecturers and students of High Educational Institutes, teachers and everybody interested in the history and cultural heritage of Kazakhstan.

The author bear the responsibility for the choice and representation of facts and opinions contained in this publication which do not express the views held by UNESCO. The terms and materials used in this publication do not contain the view held by UNESCO in relation to the legal status of any state, territory, and city, zone of influence or borders.

ISBN 978-9943-11-084-7 (IICAS)

© Baipakov K.M., 2012
© IICAS, 2012

Content

Preface	110
Chapter I. Arabs in South Kazakhstan and Jetysu, spread of Islam on the territory of Kazakhstan	113
Chapter II. Public Constructions of Islamic Architecture	119
1. Mosques and minarets	119
2. Khanaka	133
3. Medrese	135
Chapter III. Moslem Bath-houses	141
Chapter IV. Memorial architecture	160
1. Mausoleums	160
2. Nekropolis	186
Chapter V. Artistic and Handicraft Articles	189
1. Metal articles	189
2. Ceramic and glass	191
3. Numismatics	195
4. Epigraphy	201
Conclusion	204
Түйін	206
Literature	208
Illustrations	218

Preface

Monuments of architecture are the richest information on the life of society, which created them. They give the bright imagination on the political situation, ideology, development of scientific – production potential, on the aesthetic nomad the epoch, on the cultural contacts of people and spread of the cultural standards, on the level of building works.

The problems of general history of architecture, evolution of architectural – artistic image, appropriateness of architectural development are the subject of researches, success of which is being defined by the results received under the study of architectural archeology's monuments of archaeological architecture.

Study of architecture in Central Asia had been changed qualitatively only in the post revolution time – in the second half of the 20-30-es thanks to the excavations of architectural monuments by V.L.Vyatkin and M.E. Masson.

Later in 1945 on the I All-Union archaeological Conference in Moscow it was noted correctly, that the “real and full history of the ancient national architectural can be only the result of archaeological discovery of its monuments and their reconstruction”¹. This thesis is identical to the history in study of Central Asian architecture, where worked such famous historians of architecture, as M.S.Bulatov, V.L.Voronina, V.L.Lavrov, V.A.Nilsen, V.I.Pilyvsky, G.A.Pugachenkova, S.G.Khmelnitsky, L.L.Gurevich, who adopted not only such definition “archaeological architecture”, but they worked out the methods of its study conforming to Central Asia².

So archaeological architecture as the definite direction of researches, exists rather long time and plays the important role in archaeological practice. The term itself had been involved into wide use. The most traditional to hear is “archaeological-architecture study of monuments of architecture”, – but such kind of researches supposes usually solving of the practical problems of conservation and has the narrow direction and is by its essence only one of the aspects of archaeological-architecture itself. The last one, of course, gives a lot for dating of archeological stratigraphy of studying object, but its tasks are wider: study of the change of constructions by archeological remains has the aim not only to define the relative and absolute chronology, but solution of other historical-architectural problems.

Archaeological finding accompany the majority of archaeological excavations starting from the monuments of the Neolith Epoch increasing in following periods architecture is presented as the specific rind of the creative human activity, combining the qualities of the material and spiritual culture: “benefit, strength and beauty”, – by the words of Vitruvius.

Archaeology helps in this or another kind to reveal the various qualities of architecture in dependence of the contest of architectural remains and richness of cultural layer's findings.

The leading principal of archaeological-architecture's method itself is the study of architectural remains as the developing time body: history of its establishment, following changes, decline. The traces of architectural art are fixed in architectural remains and in cultural layers of the left constructions. The final important architectural-archaeological research is reconstruction – describing or graphical. Archaeological architecture has available methods of the approximate and sometime rather precious definition of the initial height marks of building by its remains and even architectural details'. The general complex of archaeological observations, calculations and attraction of close analogues give to the researcher the sum of real data and minds of the base, which let to reconstruct space composition of building and its interiors to give visible imagination on the beauty of ancient epoch's architecture.

Study of archaeological architecture is special actual for Kazakhstan, where remained till now extremely small amount of buildings of Middle Ages. They are – mausoleums Aisha-Bibi, Babadji-Khatun, two mausoleums Syrlytam on Syrdaria, mausoleums and Khanaka of Akhmed Yasawi, mausoleum of Rabiya Sultan-Begim in Turkestan, mausoleum of Djoshi-Khan and Alasha-Khan in Sary-Arka. Akyrtas near Taraz is widely known among the monumental building referred to the civil architecture.

Nevertheless, there were no works about archaeological architecture of Kazakhstan till recent time. The works mentioned above are connected with works in Uzbekistan, where had been formed and works successfully school of the historians of architecture, in Tajikistan and Turkmenistan. The researches in Kazakhstan directed to archaeological architecture almost were not carried out. Under excavation of architectural objects archeologists put the general tasks, connected with study of that or another monument as the object of archaeology (stratigraphy, chronology, typology), or like the phenomenon important for revealing of level of cultural economics and social systems of ancient societies.

So, namely archaeological architecture can give the materials necessary for study of the processes of Kazakhstan architecture development in ancient times and Middle Ages. Appeal to it, wide researches of monuments from the point of view of problems of ancient architecture, mentioned above, has become the reason of appearance of the whole row of works, when are published the materials about the new monuments, their interpretation³.

Starting from the end of the XX c and specially in the first tens of years of the new century had been started wide searches and researches of archaeological architecture monuments of Middle Ages and specially of that ones, which appeared together with spread of Islam and forming of Moslem town culture⁴.

Study of monuments of archaeological architecture let to solve problems of islamization of Kazakhstan, development of architecture and influence of values on to the character of public buildings, processes of development of cult and memorial architecture of the Moslem world, architecture of the Great Silk Road: interaction of the separate countries and regions and definition of architectural schools.

Considering of the remains of architecture as the source on the history of architecture and art, technology of building itself, like the use of different constructive methods open the new possibilities for analyses and generalization in archaeological architecture. By the essence building can be considered, like household and social order, realized by the house – building techniques and directed to separation out of the natural environment of the concrete object comfortable for life.

It is the real fact, that such important fact as the level of building techniques of defined both by the economical potential of the society and the natural environment, creating the definite conditions for placing of dwelling and supplying the initial material. “But the most important under construction’s the social order, realized through the architectural solution with account of ecological factor and in correspondence with economical potential, realized through the building techniques. Cultural traditions in ethnic specification can influence both on the architectural solution and the building techniques”⁵. And, of course, it is the ideological religious aspect.

But not only architecture and archaeological architecture define the peculiarities of the medieval town in Kazakhstan, its Moslem character and pre Islam traditionalism, but also archaeological, numismatic, epigraphic materials, volume of which is being increased continuously, the same as the new methods in their analyses, systematization and interpretation.

So, complex of the materials received in the results of researches in the sphere of archaeological architecture and archaeological researches, numismatic and epigraphic, evidences of written sources is the base of present work. It is the first report and it contains some results and perspectives of interpretation of received materials and available evidences published in the works of the researchers.

Materials are formed in chronological sequence from the VIII to the XII c. and till the XVII–XIX cc.

The book is illustrated by drafts, schemes, black and white and colorful photos, air photos made by O.V.Belyalov, O.V.Kuznetsova, D.A.Voyakin, and S.Sh.Akylbek. Author expresses his gratitude for all of them.

Chapter I

Arabs in South Kazakhstan and Jetysu, spread of Islam on the territory of Kazakhstan

Conquering of Central Asia and the part of the Southern Kazakhstan and Jetysu by the Arabs had been prolonged for centuries, because the Arabs met the strong resistance of Sogd and the Turkis Khanate, in coalition with Sogd, Chach and Fergana⁶.

In the year 714 leader of the Arabs Kuteiba conquered Chach (Tashkent) and made the trip to Ispidjab-Sairam, which was situated not far from modern Shymkent.

Under the governor-general of Khorasan Nasr ibn Seyar, who made trips to Chach, Fergana and Farab (738-739 yy.), the resistance of local owners had been broken down, but the fight of population was continued. And for a long time Central Asia and the South of Kazakhstan were considered, like the most unhopeful borders of Khalifat.

In 751 y. Arabs reached Talas, on the banks of which they broke the Chinese army together with Karluks⁷.

The problem on the time of the first Arab trips to Maverannahr and to the South of Kazakhstan is disputable.

V.V.Bartold at his time, touching the problem of the Arabian conquests differed the conquest of Arabs with the aim to widen the borders of Khalifat and the trips of Arabs aimed to resist the Turkis troops and the Chinese army. He wrote, that Arabs did not go far than Amudaria River and that "Islam on the border with Turks passed from the attack to defense"⁸. He also expressed the idea on the principal differences in character of islamization of settled regions and towns of Central Asia and Turks, its nomadic part. "Islamization of the last ones, by his point of view, carried not forced, but peaceful character. He also considered that from the beginning the Turks were more zealous worshippers of Islam, than the settled population"⁹. The Turks-Moslems further assisted to the success full widening of borders of the Moslem world¹⁰.

It is doubtless, that the trips of Arabs to the Turkic possessions had been stopped by the real imaginations of the Arabs about the military art of the Turks; moreover they couldn't reach any essential successes in the conflicts with them till the ruling of Khorosan's governor-general Kuteiba b. Muslim.

The historian of the XIII c. Ibn al-Ibri wrote about the Turks following: “What is concerning the Turks, it is the numerous people and their important privilege is the military art and production of weapon of war”. They are more high-skilled in riders and they are the most adroit in making thrusting and cutting stabs and in shooting “By word of mouth had been transferred the warning, left by the Muhammad prophet: Do not touch the Turks while they do not touch you” and the “Turks will be the first, who will be able to take the possession my people”¹¹.

Together with the Arabs conquests in the region had been spared Islam and especially intensively after the trips of Abu Muslim, which brought to the conquering of Omayyad’s and equalization in rights of the Arab and Central Asian nobility. Slowly Islam was being transferred from the religion of conquerors adopted by the conquered for “Their stomach”, and becoming free of taxes into the belief by their ideas into their own religion. The medieval authors wrote right about that fact: “And the belief of magicians went from dikhans and they adopted Islam in the times of Abu Muslim and that change of the new era”.

The process of spread of Islam and the Moslem culture brought to the establishment of its essential unity from Bagdad to Syrdaria and Semirechie. The Great Silk Road also promoted it. The numerous trade trips and trips of scientists “searching knowledge” widened the mental outlook of people and promoted handcraft, science and art”¹².

V.V.Bartold underlined the connection of the religious missionary work with international trade. The present thesis is proved by samples from the different periods of the Moslem history. It was accepted, that caravan routes were also the routes of religions and the Great Silk Road was the exclusive and valuable in context of the researches of Islamization of the Turks of the Middle Ages. The thesis on the connection of the trade and missionary works was used by V.V.Bartold also for the critics of the point of view about the forced adoption of Islam with Volga Bulgars, the scientist wrote, that they “were connected with the successes of the modern trade, but not by the successes of the Moslem weapon”¹³.

Islamization was being continued also with separation from Khalifat of the independent state of Samanides with center of Bulgaria.

Archaeological excavations of town in the South Kazakhstan in Otrar and Turkestan regions give the materials, which let to refer the beginning of the Arab conquests to the VIII c.

In Tashkent regions in Chach archaeologists noted the traces of fire in the sites Minguryuk, Kugaitteg and Khanabad dated by the first one third part of the VIII c.

Destroys and declines by the view of M.I.Filanovich, were connected with the Arab trips to Chach had not been resigned, but it was ruled by its own¹⁴. Spread of Islam was going there slowly and the population of Chach worshipped zoroastrism as before, what is proved the domestic sanctuaries¹⁵.

Fires in the layer of the VIII c. on citadel Minguryuk are connected with the fight of population against the Arab and Chinese invasions by Yu.F.Buryakov¹⁶.

At the same time E.A.Smagulov writes about the Arab region of Shash and Tarband, managed by local ruler¹⁷.

The traces of fire were fixed in Turkestan region (Shavgar region) under excavation of upper building horizon of citadel of Sidak town, presented by palace – temple complex¹⁸. By the view of E.A.Smagulov, the fire happened in the first half of the VIII c., close to the middle of the VIII c. The copper coin, on which is based its position was found in the layer of fire and it belongs to the coinage of Khusrov – regional Khoresmian ruler of Keder region

(low parts of Amudaria River). By the point of view of S.A. Smagulov it can be considered, that the fire, which destroyed the temple on Sidak in the second quarter of the VIII c., can be connected with the trips of the Arabs. E.A. Smagulov connects the fire fixed under excavations of Kuiruktobe town in Otrar region also with the Arab conquests of Farab¹⁹. E.A. Smagulov refers the fire on one more town of the Otrar regions – Mardan-Kuik to the same time and connects it with actions of the Arab troops²⁰.

M. Kozha attracts the written sources like genealogy of the Kazakh Khodja “Nasib-Name” for clarification of the time of the initial stage of Islamization of the South Kazakhstan²¹. He is dating the trips of the Arabs to the South of Kazakhstan and the conquest by them of town by the middle of the VIII c. He is making references to the traces of fires on the sites Kuiruktobe and Mardan-Kuik in the Otrar region, on the stop of like in the towns of the left bank of Bairkum, Shaushukum and Aktobe.

The conquest of town Baba-Ata by the Arabs is dated by M. Kozha by the second half of the VIII c. In the region of Sairam 9 of 13 town and settlements had been desolated. The Arabs reached the Aral region: up to Barchikend (Barchinket) and Djend. He considers, that Islamization of the South Kazakhstan was started in the VIII c. and that it was accompanied by the great destroys, building of fortresses and mosques, channels and walls around the town on the base of data of genealogy and archaeological²².

Not everything is so simple in the problems of chronology of fires on the sites Kuiruktobe, Mardan-Kuik, their connection with the Arab conquests. The date of fire on citadel Kuiruktobe can be connected surely with early IX c., thanks to the events described in the written sources. Concretely they are evidences of al-Tabari taken by them from the works of Abu-l-Whid Muhammad Azraki “Chronicle of Mekka town”, in the comments to the inscription of trophies of al-Malik crown and throne kept in the treasure of Kaaba. Al-Azraki informs that al-Mamuna (governor-general of Khorosan in 809-818 yy.) before the start of war with Khalif al-Amin told to his vizier al-Fadle ibn Sahl about difficult situation in Khorosan and Maverannahr “we have to fight (against al-Amin) after decline and revolt... after the refusal of djabgy to obey, wiles of khakan, owner of Tibet..., when the Tsar of Otrarbend refused to pay the tax, which was paid usually by him”. There is also continuation of this story, connected with the punitive trip: “from the region Tarbad (al-Fadl) sent that thing, which was demanded from Farab and Shavgar. And he tried to possess the region of Otrar; he ruled like the chief of bordering region and took the sons of the Karluk djabgy with his wives prisoners”²³.

Apparently, it is necessary to connect the fire in citadel of Kuiruktobe with this trip, dating it consequently by early IX c. (the first two tens of years)²⁴.

But later, “in 859 y. there was one more trip to Shavgar and it was done by the Samanidian Nuh b. Asad. During his trip several thousands of people of killed”²⁵.

Nuh Asad could not any way to pass Farab and Otrar oasis. The fire on citadel Kuiruktobe take place at that time? This fact cannot be excluded.

So it is not possible to date precisely and simply the fire on citadel Kuiruktobe, because, for the first turn, the set of ceramics from the layer of fire is dated by the VII – early IX c.²⁶

The coins do not give the precise date, which were in use till the X c.²⁷ So the date of fire offered by E.A. Smagulov, like the middle of the VIII c. cannot be adopted like the unconditional one. But probability of trips of the Arabs to Otrar and Central Asia in the first half of the VIII c. is not excluded. Moreover, al-Azraki himself told about the tribute paid by the tsar Otrarbend, what means that he was subdued to the Arabs for before the punitive trip of al-Fadle ibn Sahl.

V.V.Bartold writes also, marking reference to at-Tabari, that in the years of governing of Nasr b. Sayar (738-748 yy.) in Khorosan, who was at his time the associate of Kuteiba of Kuteiba, there was restored the Arab dominion in Syrdaria River basin²⁸. What is concerning the point of view of M.Kozha that in the VIII c. Sairam became the center of fight for belief, “it is doubtful, the same as conquest of by the Arabs of Barchikend and Djend, which did not exist at that time under that names”. Of course, it is incredibly, that the Arabs built channels and long walls around the conquered in the VIII c. towns.

It is necessary to note also, that the evidences of “Nasib-Name” contradict often to the data of other sources on history of islamization of Central Asia and demand the critical analyses, what was noted by V.V.Bartold²⁹.

And if the trips of the Arabs took place in the VIII c., they did not bring to the conquest of middle Syrdaria, Semirechee and Fergana, as it is noted above. Those regions were not included in to the contest of Khalifat and only after the suppression on the revolt of Mukanna in Central Asia. Those regions were involved into the economical and cultural life of the Arab Khalifat. By the point of view of O.G. Bolshakov through the VIII c. passed the border, dividing two big periods of history of Central Asia. He writes: “Invasion of the Arabs, who brought with them the new religion and language, including of small principalities into the system of single state, establishment of the new cultural economical links brought to the essential change of all view of the spiritual and material culture”³⁰.

Only in the late VIII c. mostly was finished the process of Islamization of Central Asia, and the local nobility flushed with the Arab nobility. In Bagdad appeared the whole quarters, settled by warriors from Khoesem, Sogd, Fergana, the Turkic possessions in Semirechiee and Syrdaria: “Starting in the narrow circle of culture of the feudal top, the process of unification conquered more and more wide sphere... The numerous trade trips, trips of scientists in “search of knowledge” widened the mental outlook of people and promoted the transference of handicraft, science and art. The mean of communication for intimacy was the Arab language, but already like the factor of culture, science and religion”³¹.

B.G.Gafurov noted, that the “Moslem is the result synthesis of the creative achievements of many people, including the centralization ones... So from the point of view of historical perspective, inclusion of Central Asia into Khalifat promoted, finally, the wide development of contacts between different people, on the base of which happened all-embracing cultural synthesis in Central Asia and in all near East in the IX–X cc.”³².

This process got the name “Moslem Renaissance”³³.

By the point of view of academician N.I.Konrad, “Revival is the process characteristic not only for Europe, but presenting itself “expression of general appropriateness of the historical process”, which appears obligatory in the definite moment of the historical development of people “with long, continuously developing and which is being continued in current times the historical life and culture”³⁴.

It is doubtless, that the processes, connected with innovations of the Moslem period, took place in Kazakhstan too, the same as there took place also the Moslem Renaissance. The South of Kazakhstan and Jetysu, will not been conquered by the Arabs³⁵, but that economical and cultural development in the one way was defined by the historical situation in Central-Asian-Kazakhstan region.

That event had the important meaning, as the victory of the Arabs defined the Moslem vector in development of Central Asia and Kazakhstan.

In 751 y. Ziyad b. Salih broke the Chinese trip under leadership of Gao Syan Chzhi in Atlakh battle not far from Taraz³⁶.

The sources, telling about the events of the late VIII–IX c., are the evidences of islamization of population of the South Kazakhstan and Semirechie. In 840 y. the Samanidian Nuh ibn Asad conquered³⁷. In 859 y., as it is noted above, his brother Akhmed ibn Asad made the trip to Shavgar³⁸.

Karluks, who conquered since 766 y. the political rule in Semirechie and in the South of Kazakhstan, were mostly influenced by the Moslem culture. There the view, that they adopted Islam under Khalif Makhdi (775-785 yy.). But apparently, it refers only to same part of them, as in 893 y. Ismail ibn Akhmad conquered Taraz and “transferred the main church of that town in to the mosque”³⁹.

V.V.Bartold noted in his work the chronology of involving of the Turks into the sphere of a new religion. In accordance to it, acquaintance of the Turks with Islam was started in the VII–VIII cc. and in the epoch of Samanidians took place the real successful conversion of Turks to Islam.

But the mass islamization of Turks the scientists connected with 960 y., when by information of ibn al-Asir, took place the fact of mass adoption of Islam by Turkic nomads in amount defined like 200 thousand tents, but the precise placement of that tribes and ethic attribution are not know exactly. Analyzing this fact, V.V.Bartold supposed, that event happened move obviously in Karakhanid Khaganate in Semirechie (Jetysu). In the early X c. Islam was adopted by the ancestor of Satuk dynasty of Karakhanidians, and his son Bogra-khan Kharun b. Musa in 960 y. announced Islam, like the State religion⁴⁰.

For the first turn Moslem religion was spread in towns. In written sources there are evidences of process of islamization of citizens. So, ibn Khordadbekh informs on the troops of Moslems in the main town of region Farab Keder⁴¹. Ibn Khaukal writes about Syutkent town situated on the left bank of Syrdaria, on the border with Shash: “there is mosque where meet together the Turks from different tribes of Guses and Karluks, who already adopted Islam”⁴². The main town of the South Kazakhstan was “the place of war for belief”⁴³. Makhdisi, enumerating big town of Ispidjab region as the obligatory component of construction, calls the mosque⁴⁴.

Gradually, the new religion was being spread among then nomads; the same Ibn Khaukal informs on the Turks – Moslems, who migrated between Farab, Kendjida and Shash⁴⁵.

What concerning personalities, names it is probably there was participation on to the events of some scientist – Iranian from Bukhara Abu-l-Khasan Muhammed b. Sufian ad-Kelimati; who served to Karakhanidians khan and who died under his yard in 960 y. Among other representatives of Islam, acting among Turks was Abu-l-Khasan Sa'id b Khatim al-Usbanikat, who “went to the country of Turks earlier than 990 y.”. Also V.V.Bartold pays attention to the Samanidian tsar Nasr b. Nukh who the first half of the X c. went to the Turks of Kashgar and who took part in islamization of Turks of Karakhanidian Khanate. He evaluated islamization of Karakhanidian Turks as the progressive fact for their history, who defined also the character of their conquest of Maverannahr like peaceful and not destructive⁴⁶.

At the same time scientist evaluated the period of rule of Karakhanidas in the history of Central Asia region between two rivers (after the great Samanidian epoch) in some places like the partial regress and another parts he supposed, that change of dynasties and Turkisation did not influence essentially to the cultural life of region and that “there was break in the cultural development”. V.V.Bartold was the first, who paid attention to the legends about Satuk Bogra khan and who put forward his version on islamization of Karakhanidian state. The interesting is his evaluation of the poem of Yusuf Balasaguni “Kutatgu Bilik”, which,

by his words, is completely “Filled by the spirit of Islam” and gives the evidences of Islam character of Karakhanidian culture.

His reports on preconditions of islamization are valuable today. This is recognition of the world and in general ethic religions, like the most high level of the religions and mental development of human mind, the source of valuable civilization establishment of the fact of spiritual decline of many religions, superiority of young Islam; on the trade routes and Moslem education, as the important factor of the spiritual propaganda; on the character and peculiarities of the world processes, islamization of Turks, role of Sufian Orders.

V.V.Bartold considered, that is the XIIIc., in after Mongol time were continued islamization and at the same time Turkization of Turkestan. The time of final establishment of Islam among the Turks of Central Asia V.V.Bartold considered the epoch of the Golden Horde – XIVc. “So, we can say, that thanks to the Mongol Empire the victory of Islam was solved finally, and already in the XIV century Islam was the stale religion on all space, conquered by Mongols, from the South Russia up to the borders of Mongolia and China”⁴⁷.

There are many wonderful stories on the victory of Islam. So, in the story about adoption of Islam by Uzbek-khan it is noted, that only one presence of Moslem near him condemned to failure the wonder-working, strength of pagan magicians close to him. To confirm the great invulnerability of Moslem it was offered to one of pagan magicians and holy Baba-Tuklas (Baba-Takty-Shashty Azis) to enter the burning – not oven (tanur). The faithless magician was taken up at the same time and Baba-Tuklas went out from tanur safe. When all people headed by khan had seen it, they clutched at the hems of sheikhs and “became [all] the Moslems”⁴⁸.

Spread of Islam in Kazakhstan is connected essentially with Sufism (Moslem mysticism). Closeness of some ideas and elements of Sufism traditions to the local pre Islam believes and cults let Sufism to conquer the popularity among the wide layers of population.

The most famous among the essential sufist Orders, appeared at the Central Asian soil were three ones, like iasavia, kubravia, nakshbandia. The wide know was Order iasavia (sultania) – on of the branches of nakshbandia congregation, connected with the name Khodja Akhmed Yassawi (XII c.), who is considered like the founder of the Turkis tradition of the Moslem mysticism. Kubravia area reached the Caspian region. One of the most influential was the powerful Order Khodjagoa – nalkshbandia, representative of which was Khodja Iskhak Wali (XVIc.), who became famous thanks to his missionary activity among Kazakh, Kirgizes and Kalmaks (Djungars). Dervishes of Nakshbandia Order with white bends crossing the high black papachas (white color is the Order’s color) visited the nomadic pastures of Kazakh, Kirgizes, Turkmens, reaching Mangystau, basin of Emba, Ural and Volga Rivers, Kyzyl-Kum desert.

“The Moslems ones were also all state formation of the following time, like Khanates Krymskoe, Kazanskoe and Astrakhanskoe in the South Russia, khanates Kazatskoe, Uzbekskoe and other in Central Asia. Islam had established so firmly, that it could be spread in current Kirgiz (or Kazakh) steppes not only from the South, but from the North too”⁴⁹.

By the red line through all works of V.V.Bartold is going the idea on the main role of early Islam, as the religion and civilization in the history of Central Asia, the same as in the other regions of the East.

Chapter II

Public Constructions of Islamic Architecture: Mosques, Minarets, Khanaka and Medrese

The change in the spiritual and material culture happened with the establishment of Islam.

The view of medieval town and surrounding territory had been changed. Dominants of construction became the mosques with minarets: estate, Cathedral, Fes (suburb) medrese, khanaka, mausoleums, Moslem necropolis with mausoleums.

Mosques and minarets

Islam, like the religious study, world outlook and way of life in the South Kazakhstan gained a victory in the second half of the VIII–IX c. the Mosques became the important detail of town construction. Building of the mosques was also the guarantee of posthumous felicity. It is written about the above in the XV c. with reference to the famous khadis by the Chronicle write of Timur’s trip Gyiasaddin Ali; “Who built the Mosque for Allah even like the nest for kata bird, Allah creates house on heaven for him”⁵⁰.

Central Asian Mosques are divided typologically from the point of functional view for several groups.

Friday (“djuma”) mosques are called also the Cathedral ones. There are town mosques for mass Friday public worships. One Friday mosque was supposed in town. Common but not obligatory detail of mosques is minaret-tower, which was built near outward fence or built into one of the corners of mosques. Quarter mosques were the religions and public centers of dwelling blocks in town and settlements. The festal mosques were called “namazga”, “mussala” (place of pray) “idgah ait” (place of fest). Worships took place during such fests, like Kurban and Fitr. Population of towns and surrounding settlements met in the mosque for worship in the days of the important Islam fest. The place for mosques-namazga was chosen out of town or in its border and the mosque itself looked like a small construction, fenced square with mikhrab, directed to kiblah. Sometimes mikhrab was situated in the wall of yard.

Funeral mosques were being built near the worshipped burials or at the cemeteries. And the fallowing tradition of Shari at was following strictly in Central Asia and Kazakhstan in accordance with which it was forbidden to pray on the burial or in the premise with burial.

“Greeting” was supposed for the humored gravestone, but not the pray and the important difference between these two actions was underlined, that those, who made greetings stood by his back to mikhrab of the funeral mosque and he prayed by his face to mikhrab.

Usually the funeral mosque was being built near the honored burial, which by Islam tradition and law was made under the open sky; sometimes everything was done in opposite way – the honored man was buried in the front of the mosque’s threshold, which played also the function of funeral one. In the XI–XII cc. above such worshipped burials were being built the monument premises, coming close, to the mosque and connected with it. That construction put the beginning to tomb mausoleums, which consist of mausoleum itself – “gurkhans” and the funeral mosque – “ziaratkhana”, premises for pray. Further the both premises were being built at one time. In the XI–XII cc. forming of this type of buildings was being started⁵¹.

Akyrtas Mosque. In not finished palace construction made of stone, situated in 40 km to the East of Taraz one of four blocks (North-West) has non finished section in sizes 27×27,75 m. The researches carried out on Akyrtas in 1996 led to consider not finished construction as the mosque. The above is proved by the presence of low part of mikhrab in the west wall, three tambour passes in the South wall and presence on time “floor” of several processed stone blocks – base for column for the roof of construction. So, the mosque was planned like “pillar” or “multi-column”. This is one of the types of mosques. The time of construction of Akyrtas palace is the second half of the VIII c.⁵²

Balasagun Mosque (Burana site)⁵³. In the complex of hills of the North-West Shakhristan of Burana site the mosque was discovered. This is on-chamber rectangular in plan construction made of burnt brick with the separated portal from the East side. Its side along outward perimeter of wall’s 16,3×14 m; brick walls remained on 2-meter height; they had trapeze shaped inner niches in axes.

It is established, that complex survived four building periods. The mosque was built on the eve of the X–XI cc. Portal was decorated by carved small bricks in combination with figurers layer of brick and carved ganch. In the second building period, on the eve of the XI–XII cc. it’s forming included the architectural terracotta, analogies to the monuments of Maverannahr of the same period.

The third and the fourth periods in life of building are connected with repairs, pebbling of the yard around, building of the burial vaults. As the result in Mongol time the Mosque became like depended into the cultural layer and it is transferred into mazar. In its North border was established the monuments under it was the burial, mostly children burials. Probably, some outward danger – the conquest of Balasagun by Mongols, made the Moslem Sufi’s Society of town to bring to the mosque – mausoleum the local “sanctuaries” – kairaks with Arabs texts of epitaphs laid on the burials of wide guristan, formed by that time around the minaret and mausoleums⁵⁴.

Balasagun minaret (Burana site). The Mosque of complex has not been remained. Underground part of minaret it the platform formed of stone and burnt bricks. Platform is situated in the pit in depth 5,6 m and sizes in 12,3×12,3 m. Cylindrical column which removed on height 22 m was put on to the octahedron cockle Its upper part has not been remained. Entrance to minaret is situated on height 5 m and it was done by the stairs from the roof of mosque.

Minaret was built of burnt bricks and it was decorated by the belts figures carved bricks.

Burana minaret was built in the X c.⁵⁵

Aktobe site minaret was discovered in 50 m to the West of central ruins.

During excavations of minaret were cleaned out the base of tower (stylobat) and the remains of cockle (upper) part. Construction was made of burnt bricks, accurately put close to each other; the seams are filled by early.

The square of the rectangular tower base is 8,65×8,5 m. The walls of minaret were formed of burnt bricks, and for inner part of tower were used the bricks of different sizes (22×11×4,5 cm; 31-32×13,5-14×5 cm). In upper part excavation among the ruins were discovered the pieces of special bricks and bricks with adornments.

Minaret itself, probably, was octahedron, diameter of its cockle is 7,85 m. The remained height of construction together with depended into the earth column is 3,6 m.

Minaret was built in the XI–XII cc.⁵⁶

Mosque in Taraz. It is situated near the mausoleum of Karakhan. Excavations established, that the mosque in plan is quadrangular with the sides, but outward sides 20×20 m and inner hall in sizes 14,6×14,15 m. Inside the mosque are 4 rows of the remained stone bases for columns, 4 for each row. The cross step between the axes is 2,75 m, in longitudinal direction it is 3,5 m. Between stone bases situated in front of the entrance, step of columns is 3,8 m. Stone bases different form and sizes, but by the height there are almost equal 0,4-0,45 m.

The Mosque is directed by the sides of Universe.

The hills of mosque are built of pasha blocks and raw bricks by techniques of the combined layers. Thickness of the remained walls is different: North (phased) – 3,1 m, East – 2,5 m West – 1,8 m and South wall – 2 m. Raw bricks are of two kinds: rectangular (45×22,5×9 cm) and quadrangular (26×26×10 cm). Inner vertical surfaces of walls were covered by the rectangular raw bricks. Such construction was revealed in the North South and East walls. What is concerning the West wall, it was reconstructed essentially. The base of walls remained on the height up to 0,5 m. The biggest part of wall was covered by plates in the West wall at the base was cleaned out the niche of mikhrab.

To the walls from inside were built brick protuberances in a form of corner double pylons, situated inside the premises equal distance from corners. In plan they are situated symmetrically to the opposite sides. The burnt bricks has the sizes has the sizes 6×132×4,5 cm.

Wall supports in a form of pylons, semi columns are intended to reduce not connected wall with stable framework. We can suppose that they played the function of the additional support for roof. The northern wall is phased. Entrance is situated not by the center, but it is declined to the North-West. Width of entrance is 1,77 m. Entrance is separated by two protuberance pylons from, the side of pebbled by stone plates street in width 2 m.

The traces of construction in a form of deepening for the base for door details were revealed in the entrance aperture on the both sides.

Taraz mosque is dated by the IX–XII c.⁵⁷

Ornek site Mosque (Kulshub town). This monument is situated in 40 km to the East of Taraz, on the route of the Great Silk Road. Excavation in central part of site revealed partially the rectangular in plan construction in sizes 40×20 m. The bases of walls were built of stone cobble-stones. The walls width 1 m and they were made of clay. Entrance to the mosque was situated in the north-eastern wall and it was formed by two protuberances of walls in length 3,5 m, forming the tambour. In front of the entrance was situated the mikhrab wall. On the separate cleaned sections of floor were discovered by carved ornament, the others were big, not processed boulders. The first bases in the sizes 0,5×0,5×1 m has slightly rounded low part and it is decorated on one side by carved ornament. The figure in a form of vase's

leg is shown by double line, were pictured the leaf with two tendrils, going from graft. The second base 1,1×1,25 m and 0,75×1 m on top, in height 1,2 m. In the upper part there was protuberance in height 10 cm. From two ribbons of block were taken of flat fascs. On two edges were cut the pictures of anthropomorphous creations. The third base was in a form of two step block with sizes of low step 1,3×1,2×1 m the upper step – 0,85×0,9×0,4 m. The rest bases were big stone, flattened on top, in sizes framed by 0,8×0,8 m Columns were installed by right rows of distance 3-3,5 m from each other. And 11 ones were installed by length and 5 or 6 by width. Judging by planning it was the rectangular construction with it was the rectangular construction with flat overlapping put on a big amount of columns. The mosque is dated by the X–XII cc.⁵⁸

Kuiruktobe site Mosque (Keder town). Keder town is identified with the site Kuiruktobe in Otrar region⁵⁹. It is one of the largest sites, on the territory of which since 1971 are being carried out excavations by the South Kazakhstan complex archaeological expedition. In the center of town on the territory of Shakhristan was opened the mosque, on which wrote al-Makhdisi: “Keder was the new town; establishment of minbar (Cathedral mosque) there was the reason of local wars⁶⁰.”

Safety of the Mosque is bad, its walls made of burnt bricks, after decline of town in after Mongol time were taken off by bricks for building of the numerous burials near the Mosque. It was the rectangular construction in sizes 36,5×20,5 m by outward circle of walls and it was prolonged by the line South-West-North-East.

Two periods are defined in functioning of the Mosque. The early construction referred to the late IX – early Xc. was rebuilt in the Xc. and it functioned till the XIIc., after what it was destroyed and it was transferred into the cemetery. The bricks for burial vaults were taken from the walls of Mosque, so its safety is bad, but the main parameters of mosque are deigned restored. The walls are put by the technic of combined lying of built and raw bricks.

Kuiruktobe mosque is referred to the type of pillar or column construction. The similar mosque was discovered on Sapol-tepa in Uzbekistan, which is dated by the XIIc. Among the last constructions of this type are close to it juma-mosques of the XVIIIc. in Khiva and Khazarasp the mosques of early XX c. in Urgench⁶¹.

Antonovskoe site (Kayalyk town) mosque. Kayalyk town, being in the XI–XIIc. the capital of Karluk possession in the content of the state of Karakhanides and the big town of Chagataid Ulus, is identified with Antonovka site, situated on the East border of Antonovka village (Antonovskoe) now Koilyk⁶².

Excavations on the site were stated in 1964, and in 1998 they were started again in wide scales and are being continued again in wide scales and were being continued till now. During excavation was discovered the construction of town, the Buddhist temple; constructions connected by the researches with Manichean temples; the mosques, khanaka, mausoleums and bath-house.

The mosque was situated in the center of site. Before excavations in its topography on that place was defined the rectangular in plan construction in a form of square in sizes 35×30 m, fenced by the walled bank in the height up to 2 m and width 6-8 m. After excavations was discovered the construction in sizes 32,6×26,7 m by inner contour prolonged from the South-West to the North-East. Entrance width 1,9 m is in the center, of the North-East wall, on the opposite is situated mikhrab.

The mosque is referred to “pillar” architectural constructions with plain overlapping, probably wooden-cane, what is proved by the remains of wooden constructions found in the

process of cleaning of floor of mosque the constructive support systems is combined and it is presented by the main columns and raw brick lying of outward walls.

The inner space is divided by eight rows of 52 stone bases of columns, amounting nine naves. The step of columns is the distance between the axes of columns bases 3,5-3,7 m. The bases of columns are formed of pebbles of different sizes and they are deepened on 10-12 m concerning floor level. The row of fragments of raw bricks is put on pebble base. It is seen, but the burnt bricks were put on the bases of not remained wooden columns. The floor of mosque is made of clay. Thickness of plastering of yellow color with disseminations on the general grey loess background is 10 cm. On the floor was plastering of white color in thickness 0,5-0,3 cm. Under the floor was fixed the ground with broken brick inclusions – stabilization pillow.

Mikhrab niche is formed of burnt brick in sizes 27×27×4 cm with use of wooden beams in diameter 15 cm. This is rectangular form construction in width 3,09 m and depth 0,9 m, the expressive architectural solution in a form of two rectangular side protuberances. The depth of the first protuberance is 0,16 m, the second one is 0,41 m. The central part of niche (the third protuberance) remained only in fragments, and so it is possible only to suppose presence of row of arches, forming the upper part of niche, or arch over lapping with geometrically correct wide protuberances. The fixed height of mikhrab base laying is 0,7 m.

In front of the mikhrab is situated the rectangular square in size 10×6 m framed by laying made of the pieces of burnt brick put in one layer. Lying is put on stone base. Probably, that not remained wooden balustrade was formed by the perimeter of square, separating the main space of mosque from mikhrab. In center of square are put two bases of columns, crowning the central fifth nave. The intention of this square is obvious. It is the sacral part of construction. So, in the interior of many mosques of different types is clearly seen the mikhrab hall.

Near the mikhrab was discovered the obstruction of burnt beams, which are probably the remains of minbar – pulpit of priest. There were also found the tracery bronze plates – probably, the piece of book-cover (Koran?).

The walls of mosque are formed of row bricks in sizes 34-36×14×8-9 cm on clay solution, thickness of walls is 1,3-2,6 m height up to 2 m. The seams between bricks are 0,8-4 cm. Brick laying is observed on all width of wall. In some places there are seen the traces of plaster of brown color and the traces of white-washing. The color plastering in some places got reddish – orange color. Thickness of plastering is 1,5 cm. In the thickness of walls were of discovered kans over at the entrance in the north-western parts.

Cleaning of the vertical surface part of South-West wall showed the height of lying in 13 rows brick (1,38 m) laid at base formed of broken stone of hard great of blue-grey color. The height of base is 18 cm. On the level of base, what was seen by shafts put from outward side is observed building obstruction made of raw bricks. On the level 30-40 cm from the beginning of horizontal lying of stone base in the body of wall were fixed two rows of burnt brick can be identified, like hydroizolation preventing capillary absorption of moisture by raw brick lying of wall.

The interesting peculiarity of mosque is the establishment inside its walls of kans-system of heating of premise, by connecting channels of which during cold month were circulating smoke and hot air.

Minaret was not discovered, but specific features of relies show its probable localization in the East part on not essential distance from outward walls of mosque.

From the southern part to the walls of mosque is coming close under rectangular lying formed of boulders. Their sizes differs average from 1,5 cm up 2 meters. They are Moslem burials.

Among the most interesting findings on the mosque it is necessary to note carved burnt board with fragment of inscription, made by geometric kufic. Text is not readable, because of the fragmentary character. The board consisted of two fragments with total length about 1 m and width 15-18 cm was found at the East wall in the north-eastern corner.

The mosque of Golden Horde time, excavated on Vodyanskoe site is the most close of the Kayalyk mosque⁶³.

The sizes of mosque prove, that it was the Cathedral one, it means, that it was the main in the capital town and it is not excluded, that it was the main in all the state of Karluk djabgy⁶⁴. The mosque is dated by the second half of the XIII–XIV c.

Cathedral mosque of Otrar of the late XIV – early XVI c. is situated in the south-eastern part of Central hill. Construction was discovered in the South section of excavation IV in the South-East part of site. The wall of house of the XVII c. had the comb of brick layer. The destroyed quadrangular column with the side 1,3 m formed of quadrangular burnt brick on ganch solution with grooves and the corners for fixing was discovered by shafts. Very soon were discovered the remains of other columns put in the special order. It's become clear, that in the thickness of cultural layer is situated the monumental construction of burnt brick.

In the result of several seasons of excavation were discovered the remains of Cathedral Mosque. Building square for it was leveled comprehensively. The floors had the marks 4,47-4,48 m in the southern part of construction; 4,39-4,44 m – in the West part; 4,43 – in the East part. The floor of mosque is presented by the dense plastering without the traces of humus. In some places were discovered the holes of obviously temporary fire places, which appeared after the construction stopped to function. The materials of overlapping layer are important to date the mosque.

They are dwelling construction, planning of which distorted the initial construction. The open space of mosque with columns was fenced by the walls and columns themselves were included into the construction of walls. It is characteristic, that on the floors there is no layer of obstruction, consequently, at the moment of re-planning the building was well remained. It is proved by the evidence, that there is no debris layers under the walls of dwelling premises, layer of walls is made mostly of raw bricks and sometimes they are made of burnt bricks, mostly broken ones. Filling of sufas in premises is friable, including brick crumb, pieces of alabaster, loess.

Dwelling premises functioned during the long time. Two levels of floors with walls were fixed everywhere. Sometimes old walls were cut off and changed for the new ones. Functional intention of premises was changed. At the southern edge the section on the place of dead-end siding appeared the thorough street, directed to the fortress wall. Sufas, tandyr and flue had been changed not one time and the interior had been changed. But in general character of construction of two building horizons is similar: dwelling region with common for the Medieval Otrar types of houses with obligatory room with wide sufa with the installed oven-tandyr with flue.

The houses were formed into dwelling blocks, center of which were inner block small streets.

In the laying of walls of houses was used the whole brick of the disassembling mosque. In the center of premises appear brick and stone supports of columns, what is the characteristic

feature of plain overlapping. Strong obstruction of burnt brick was discovered above the last floor of dwelling horizon. At that period construction of mosque was destroyed completely. The walls and broken overlapping of thrown dwelling were destroyed by bricks and only strong support columns of once covered galleries of mosque, cemented by ganch solution, were included into the laying of the latest walls.

Chronology of dwelling horizon was established more definitely in comparison with the time of construction of mosque, first of all thanks to the abundance of copper coins found in the treasure of premise and laid single.

Treasure of Sheibanid coins and single findings of the same coinage let to date the third horizon by the second half of the XVI c.

Ceramic complex from dwelling construction of the III horizon is analogous in general to the ceramic of Otrar of the XVI c. from other objects and finds the direct parallels in the synchronous Central Asian collections.

Construction of new walls on the floors of mosque for forming dwelling premises followed after the stop of functioning of the monumental construction. The presented ideas let to refer this event to early XV–XVIc., and date of construction of mosque is considered the late XIV – early XV c. what is proved by the coins from mosque's floors, dated by the late XIV – early XV c.

The mosque in sizes 60×22 m is prolonged by the line East-West. Entrance in the centre of the northern facade is formed in the form of protuberance portal with rectangular in plan pylons in sizes 2,7×1,35 m. The distance between supports of portal is about 6 m. The western pylons remained on height up to 1,7 m, the East one was taken off for bricks almost completely. On the corners of portal were put cylindrical in base minarets in diameter 2 m. Inside the minarets were spiral staircases for entrance from inner side through entrance aperture in width 1 m. Four stairs of ladder on the western side of portal remained.

Front composition of building includes four though galleries, formed by thirty square columns in sizes 1,35×1,35 m refers, put in three rows. Aperture between supports of overlapping is 3,7 m.

On the axes of entrance were situated two halls. Supports overlapping were disassembled almost completely. The column of rectangular cut in sizes 3,3×1,6 m on the west side of the first hall from the entrance remained. Two front columns of the main hall with mikhrab niche remained partially. We may suppose that the columns had the compound cut. Black side supports look like quadrangular pylons on both sides of mikhrab.

In the mikhrab wall of building there is door aperture with high threshold which was opened to the side of street and dwelling construction and the entrance wall of town from the South side. The walls of mosque in thickness 1,35 m, the corners of the main façade are formed in the form of pilasters. The yard of mosque in sizes 40×22 m in situated between the facade wall of mosque and the construction in the northern part of complex by inner contour of walls. The general sizes of mosque with the yard and northern construction amount 72×22 m.

The floor in the yard of mosque, judging by the remained sections and the presence of pieces of ganch mortar was formed by quadrangular burnt brick in sizes 25×25×5 cm. The walls of construction were made of the same bricks.

Construction in the northern part of complex presents the architectural passage formed of the central corridor in width 3,47 m with premises from the both sides. The premises of the South part are not essential by the sizes 3,41×1,42 m. Probably, they are aiwans, the inner space of which is separated from the corridor by the small wall (threshold) in one brick,

at the same time the width of the beam walls is and inner ones it is 0,78 m. Five premises are been excavated completely, the sixth one – partially.

The premises situated from the North side of corridor are mirror view of the South line of the premises – aiwans, established parallel. Five rooms are excavated completely. One is excavated partially. Premises of this line are divided for two parts constructively. The first one is going to the corridor tambour niche-aiwan in sizes 3,5×1,4 m with the entrance established in the north-western part, in width 1,1 meter, going to the second part of premise. Back northern wall of premise, which is probably, at the same time the outward wall of all complex is not been studied yet and it is not possible to define the length of premises. The width of premises is 3,7 meters, the walls formed of burnt and raw bricks. The second building period was fixed, during which some premises were built completely with construction of safas. The sixth room differs by its sizes in comparison with five previous ones. Details and additional peculiarities of construction is not possible to study thanks to the latest layers.

The main walls of aiwans of the South axes and tambour-aiwans of the North axes, probably had the final detail, like arch overlapping, which connecting with apertures of corridor formed the construction, called like cross-vaulting aperture.

During excavations on the territory of the yard of mosque was discovered the coin treasure. Copper treasure consists of 172 samples. And it is interesting that it is in the concrete chronological piece of time of the late XV – early XVI c. Usually the treasures discovered in Otrar and in the surroundings of Turkestan (Otrar and Sarachik treasures) halt the coins dated by early XVI up to the XVIII cc. and consist of the various types of towns Yassy – Turkestan, Sairam, Tashkent. The coins of the Central Asian towns are rather rare and single. Currently on the territory of Otrar oasis the investigating treasure is single, findings of similar treasures are widely known in Central Maverannahr.

As it was noted, square for the mosque was leveled comprehensively. The bases of columns are deepened for 15-20 cm into thorough pit, filled by plate pahsa with addition of coals, like isolator from soil salts. The general thickness of loess base is 1,1 m⁶⁵. This is traditional method of protection from shrinkage of monumental constructions, which was used widely in the medieval architecture of Central Asia and Kazakhstan⁶⁶.

The main constructions, like walls, columns, pylons of portal are formed of burnt quadrangular bricks of good quality with size 25-28 cm, whole or halves. The bricks are put strictly regular off on ganch mortar. Somewhere on the walls remained thin initial layer of ganch plaster.

The interesting was the architectural décor of mosque, where judging by the findings in dwelling premises of overlapping layer, the important role played ceramic coverings: colorful glazed bricks and tiles of blue and dark blue colors, polychromic majolica in a form of quadrangular and rectangular tiles. There are discovered tales with carved geometric ornament. The main mass of glazed covering was found in the premises on the place of hall and wall with mikhrab niche. There were found fragments of ceramic grating on windows, which is called panjara.

Otrar Cathedral mosque is referred to the constructions of column-cupola types, well known in the medieval architecture of Central Asia⁶⁷. Column constructions make close Otrar mosque With Kyiryktobe mosque, while the last one was built rather earlier, in the X c. and it presents the early stage in the development of typology of the column mosques⁶⁸.

It is very important to show the reason or the reasons of destroys of mosque, as reconstruction of section with mosque into dwelling block was not common event in the life of town. Spiritual institutions, “sacrificial places” (mosques, medrese, mazars) kept

during the centuries inviolability of property and profits from it, given by wakuf letters. For example, it is well known wakuf letters of Timur the mausoleum of Khodja Akhmed Yassawi and some other mazars in Turkestan. The following rulers of town confirmed, as it was accepted, wakufs of mazar.⁶⁹ It is doubtless, that in the life of Otrar there happened some important changes, connected with the change of power.

After the town fire the building was used, like the temporary cover, judging by the remains of fire-places and humus and then it was rebuilt into dwelling. Apparently, not only the change of the political power in town became the reason of quick reconstruction of mosque, as submission of town to Timurides was being continued till the middle of the XV century, while right after the death of Timur Otrar was conquered by Nur ad-Din, who kept it 4 years. And only to the middle of the XVI c. Syrdaria towns had been subordinated by Abulkhair khan⁷⁰.

The contents of citizens had not being changed, but the mosque was destroyed and the bricks from it were taken off. It is obviously, the main reason was not full construction of its building. The mosque remained only in the process of construction and nobody prayed there it was not sanctified and so it had the same fortune⁷¹.

Cathedral Mosque of Otrar of the XVI–XVII cc. Materials of excavations of Otrar give the bright imagination on the life of town in the XVI–XVIII cc.

In the XVI c. were built again thrown sections of shakhristan. To the same town is referred the construction of the monumental mosque of burnt bricks, situated in the South part of Central hill. Construction of column-cupola type was built on the base, deepened for 0,4 m. The general length of mosque is not known. The width of mosque is 15,5 m. Building of mosque consisted of central hall and two attached wings. Entrance to the mikhrab hall is defined by portal, which remained on height 1,5 m together with base. The sizes of central hall are 7×7 meters. In the center of hall remained fragments of the destroyed cupola. Destroy of cupola happened because of fall of the right portal. There were defined the traces of the repair, under which the walls had been thickened. The walls of mikhrab and pre-mikhrab niche are covered by thin ganch plastering.

The mosque of Otrar of the XVII c. was the Cathedral with the wide square in front of the mosque. Safety of mosque ruins is good. Construction was built of burnt bricks in sizes 25×25×5 cm. Plaster of walls of mikhrab and pre-mikhrab niche was destroyed by layers. Conservation of object was done not one time: in the year 2002-2004 – in frames of the project UNESCO – Kazakhstan – Japan “Preservation and Restoration of Ancient Otrar”, in the year 2005 – the additional conservational measures⁷².

Block mosque of Otrar. During excavations of the south-eastern section of Otrartobe site by level of the XVI–XVIII cc., on joint of the East and South parts of excavation IV there was cleaned out the big building in square 200 sq. m, consisted of six premises. It is obvious, that building is not dwelling, but they are the remains of mosque. It is opened by its façade to the square, where three streets are going out from South-West, North and West sides. The last street is going to the main street of town, connecting town gates.

The building was built of high quality raw bricks and it was plastered not one time. It is seen by fragments, that in decoration of building was used the figures carved brick, the floor was covered by burnt bricks. Location of mikhrab was not possible to define. Probably, it was situated in the South wall of premise 198, at the same place, where the pit of upper horizon cut the wall. The rooms of mosque had different intention: hall was for parishioners (premise 198), kitchen – for cooking ritual food (208) room for lavabo (210), rooms of cult servants (223 and 224)⁷³.

Despite of fact, that section was replanned under premises of upper building horizon, the burnt brick from construction was almost taken off, the walls and floors were destroyed by the late pits. From the West side to the complex was joint the robber's crater, planning of building is being restored completely. By the level of floors and some changes in planning there are defined two periods in the existence of building.

Initially complex consisted of hall (premise 198) in sizes 10,1×8,5 m, and joint to it from the East side two-row suite of three and two premises. The entrance to the premises was though the door aperture in central part of the West wall of hall. The opposite East wall is formed by not deep niche of height 0,9 m from floor. The remained sections of walls are plastered very well in several times, the floor had been plastered several times. And over lap were put on to four columns, symmetrically establish had in the central part of hall.

The door aperture in width 0,78 m close to the south-eastern corner in the eastern wall was going to the premise 210 in sizes 4,25×3,0 m. The floor there was covered by burnt bricks and in the corners there were established tashnau. Special vessels in form of cylinder diameter 20 cm, in height 1,3 cm with blown body (0,46 m) were used, like water sink wells. This premise is though: from the North side there is the pass to the adjacent premises 208 and 209, and from the East side – to the premises 223 and 224.

Premise 208 in size 2×1,5 m. In the North wall was installed fire place of chimney type in width 0,28 which is deepened into the wall for 0,45 m. The walls of fire-place are burnt strongly. Fire-chamber, situated on the height 0,4 m from the floor, filled by white ash and not burnt remains of brushwood. Water sink is situated under the floor. It is started in 0,45 m from the South wall and it is prolonged along the West wall and the under the right angle turns for the west, then it is going under the wall and the it is installed along the North wall of hall. It was not possible to observe where there was the end of water sink. It is observed on the length 6,75 m. Channel of water sink is formed of burnt bricks.

In the premise 209 (3,3×2,25 m) the floor is covered by raw bricks. At the eastern wall on the floor laid wooden blocks in length 1,1 m, supposedly, remains of over lap.

The floor of premises 223 and 224 were covered by burnt bricks in the last period of functioning of building. The sizes of premises are not been defined.

Two pits supposed to keep grain are related to the initial floor in the premise 224. In the pit at the northern wall of premise was found the treasure of copper coins (170 pieces), which was kept in the small bag. In the eastern wall close to the north-eastern corner on the level of upper floor was cut the new pass to the premise 209, there was renewed water sink, the floor were put up in the west premises

Cathedral Mosque on Registan of Sauran. Study of micro topography inside fortress walls of Sauran showed, that town square was situated, in 80 m, to the South from the northern gates, from where is started stone tile pebbled central street in width up to the 3 m. Investigational excavations confirmed presents on the square of ruins of fundamental public constructions made of burnt bricks, over lapped by the layer of obstructions⁷⁴. As excavations showed, the building of the Cathedral Mosque on the central square of Sauran was destroyed completely during the removal of quality brick for its secondary use.

It was established, that the construction has two main periods of existence. And in the second period the building stopped its functioning by its direct intention. On the floors of “mikhrab part of mosque” there were observed the traces of temporary fire-places, bon-fires.

As there was revealed only south-western one third part of all complex it was supposed, that the mosque had close-yard planning. The yard had the sizes 15,3×17,8 m and all premises situated by the perimeter looked to the yard.

The south-western side of yard formed the main building of mosque, or mikhrab part, which were referred to the yard by entrance arch portal. The construction had two row of five-nave composition with posed, that the mosque had close-yard planning. The yard had the sizes 15,3×17,8 m and all premises situated by the perimeter looking to the yard.

The south-western side of yard formed the main building of mosque, or mikhrab part, which were referred to the yard by entrance arch portal. The construction had two row of five-nave composition with arch-cupola over lapping⁷⁵.

The wide portal with defined peshtak is going to the closed yard. In the center of yard on the main axis is situated the will, and then there is situated aiwan in width 16 m and depth 6 m, opened to the yard.

This compositional axis of symmetry is perpendicular to the axis, going through the center of the main portal, which is established in the south-eastern facade wall with some displace from the axis of rectangular of yard. Entrance portal is asymmetrical in regard to all construction. Such unusual plan of complex was, obviously, proved by location of mosque: it closed the north-western side of rectangular square and it was necessary by tradition to direct mikhrab and it means one of the main axes of composition of plan to the South-West. The base of right pylon remained from portal Square. Its width is 1,8 m, it is going out of the line of façade wall for 2,2 m. There remained also part of entrance threshold-dandana in a form of part on ribbons bricks. The length of the remained section of dandana is 2,15 m. Behind that threshold on distance 4,05 m remained partially the section of dandana of inner of door threshold.

The left pylon appeared destroyed completely, but the width of entrance aiwan can be reconstructed. The separate bricks of the lowest layer of pylon are defined.

Outward of complex of mosque form the rectangular in size 31×33,5 m. The walls were destroyed essentially. By the remained somewhere of layer is defined the thickness of wall, which is 1,4 m. The biggest safety in 9-10 layers of lying has the section of south-eastern facade wall of to the right from entrance portal. This section of wall of a big corner premise (5,2×5,6 m), which functioned also in the second period. After functioning of mosque by its intention, on its essential part was established and functioned during the long time the ceramic workshop. Probably, some part of mosque's building was already destroyed. At that period in the corner premise was built a big round shaped two-layer oven for ceramics. There remained the part of the surface of pod with regular holes of camera for burring, which was supported on to the cupola of low fire camera. Mouth of oven is turned to the corner premise, which, obviously, served also like dwelling premise, or, probably, workshop.

At the outward corner of façade wall of mosque to the right side, in 5,25 m from the entrance portal there was revealed the base of Γ-shaped construction. Layer of its two walls remained on height of nine layers. The walls forming the right angle in thickness 0,85 m and formed by them construction are going out of the line of facade wall for 2,05 m. In the place of joint of construction's wall to the façade wall of mosque, it was taken off up to the base and it is seen, that the construction was done with lying of the facade wall. Apparently, that the construction occupied the corner of square, formed by the facade wall of mosque and its south-western wall of side facade of a big public construction, the entrance portal of which is going to the portal of medrese in the north-eastern part of square. This building is being reconstructed, like fundamental construction of closed – yard planning with portal entrance, directed to the piece of central street on one axis with medrese situated in front of it.

The northern corner of square occupied small, not clear by its intention construction, and at the other end of facade wall of mosque have been cleaned the remains of rather essential by its sizes taharathana. It was the separate construction with raw brick walls,

which joint to the facade wall of mosque by its western side. The level of floors covered by burnt bricks is 0,5 m and 0,7 m above the level of mosque's walls, what proves the latest time of construction of taharathana. Entrance to it was from the side of mosque's portal. The big (5×6,2 m) general premise with figures lying of floor it has been cleaned out get. In the center is established the well, mouth of which is reclosed by the special ceramic tiles in sizes 75×75 cm with cut by diagonals (average part of plate with sink hole is not remained). Small individual rooms in sizes 2,2×2,4 m with pebbled by bricks floors and wells in center were installed behind the general premise.

In the revealed by excavations Cathedral Mosque planning appeared rather original and safety of constructions let to reconstruct the architectural view of this interesting building.

Despite of the essential destroys and losses, planning of mosque complex is been restored completely. The received materials and observations let in future to realize conservation with elements of reconstruction of the revealed architectural details or all architectural view of building⁷⁶.

Sauran Ait Mosque is situated in 50 m to the South-East of the northern side to Sauran site behind the town wall. The mosque consists of small building, opened to the side of yard, surrounded by pahsa wall. The sizes of yard are 50×50 m. Square of building with cupola overlapping is 11,5×12,5 m. In kiblah western side is situated the mikhrab. Portal of building is referred to the North-West. The width of all portals is 12,5 m with joint aiwan in depth 2,75 m. From the bath sides of aiwan are situated pylon with screw ladders which led to the roof of mosque. The rest two aiwans are situated from the both sides of cupola hall. The sizes of aiwans are similar: width is 3,8 m, the depth is 2 m. Thresholds of all three aiwans are covered by dandana – the bricks put of ribbon. The floors of all premises and aiwan were initially covered by burnt bricks, which had been destroyed by the time. The wall mosque is built of raw bricks with cover made of burnt bricks. The sizes of bricks are 26×26×5, 25×25×5, 24,5×24,5×4,5 cm. Mikhrab is situated in the middle of kiblah wall of cupola hall. The width of five side mikhrab is 1,4 m, the depth is 0,7 m, and the height of the remained part of lying is 0,6 m. To the right side from mikhrab is situated minbar in sizes 1×4 m, in height 0,5 m. The lowest row of minbar step remained. After stop of existence of mosque, the cupola hall was overlapped from all sides by raw walls in thickness in one brick and it was used like dwelling premise situated from the outward side behind the wall with mikhrab.

The finding, like ceramics, metal items are dated by the XV–XVI cc. The mosque was built in the XVI c⁷⁷. The results of excavations showed, that investigating objects is the Holiday Mosque, where prayed during such holidays, like Aits and other cult measures. On the territory of Kazakhstan the mosque of such type had been investigated for the first time for the first time.

Djankent Mosque. Town “Djankent”, “Yangikent”, “Al-Kariyai al Hadisa al-Medina al-Djazida” “Dih i-nau”, what means “New Town” is situated in Aral region, in 15 km to the West from Kazalinsk town. It corresponds to the site Djankent⁷⁸. The remains of Mosque are situated on the territory of Myn-tobe site, which is the remains of re-dislocated in the XVIII c. Djankent site, existed on that place in the XIII–XV cc. It is situated approximately in 2 km to the North-West from the site Djankent and it is presented by the separate earth hills.

The approximate square of site is 300×400 m. On its territory are fixed the separate small ground hills in diameter up to 12 m, in height up to 1 m. To the South-West of site are situated several hills, which are probably, the remains of separate farmsteads.

Surface material is presented by the collection of fragments of ceramic vessels, blue tiles, bones of animals, copper coins of the XIV–XVII cc.

Necropolis of site is situated in 700 m to the South-West of site and at present time its constructions are situated under dwelling houses.

The remains of mosque were discovered during dig of channel. In the north-eastern part of excavation there were revealed the north and the western walls of mosque. The corner between walls is in a good safety. Constructions of rectangular in plan and it are directed by its corners to the sides of Universe. The sizes of construction are 13×16,9 m.

Well remained northern part of construction is formed of horizontally put burnt bricks. And only the eastern part of northern wall was destroyed.

The outward edge of wall is formed of one row rectangular bricks in sizes 26×2×6 cm. The middle part of wall and its inner edge is formed of quadrangular bricks in sizes 24×24×5 cm. Thickness of wall is 1,4 m, the height of the remained part is 0,72 m.

The eastern wall was revealed partially and only inner edge of wall in one row of bricks was remained in fragments. On distance 4 m from the northern wall on the depth 0,78 m were cleaned out the remains of construction in a form of part together with burnt bricks of round shaped form with beveled edges.

The south-eastern corner of mausoleum is fixed in a form of brick's obstruction. In the central part of construction was cleaned out the eastern part of construction in a form of densely put together quadrangular bricks under decline downward.

Pieces of burnt bricks, glazed tiles, fragments of ceramics, and bones of animals were found along all square of excavation on different levels. Ceramics was easel and it was made of fine granular sand. Broken of ceramics were of red and grey colors. The main ornamental zone of potter is ceramics are nimbus and shoulders of vessels. Ornament is in a form straight carved and wave shaped lines on the shoulders of vessels and nimbus with rollers and tweaks. There are also fragments with blue and green glaze.

Facing tiles were covered by blue glaze and they were of rectangular, trapeze and quadrangular form with the relief herbal, epigraphic and carved geometrical ornament.

The previous dating of construction is the XIV–XV cc.

At the beginning the construction was defined like mausoleum⁷⁹, but most likely it was the mosque. It is proved by a big quantity of facing tiles with inscriptions, covered by blue glaze.

The Mosque of Hyzyr Paigambar in Sairam village. Sairam-Ispidjab is the largest town of the medieval South Kazakhstan is identified with the site in Sairam village, on the territory of which had been saved the remains of the medieval site.

Ispidjab was one of the centers of spread of Islam, what is proved by written sources, which call this town, like “glorious bordering fortress and the place of war for the belief”⁸⁰.

Even the first explorers of Sairam noted, that for this town was characteristic the abundance of sacrificial places, like mazars, forming the pride of citizens and the described special risolya.

M.E.Masson called the most sacrificial places of Sairam, like Mausoleum of Ibrahim-Ata, Karashash-Ana, Abdel-Azizi-Bab, Mirali-bab, Khadji-Taliga and also the place of prophet Hyzyr, which lay in ruins in 1866 y. At the beginning of the XX c. on that place was built the new building. From the old mosque remained chilly-khana and stone column which is dated by M.E.Masson by the X–XI cc.⁸¹ At present time disappeared also the new building and so the archaeological excavations were carried out for study of mosque, which can be the earliest in base.

The field works of 2007 y. revealed planning structure of construction, possibility of reconstruction of monument and getting of the ceramic complexes, defining the period of its existence⁸².

In the northern part was revealed almost quadrangular in plan construction, the walls of which were made of burnt bricks in sizes $23 \times 23 \times 4,5$ and $25 \times 25 \times 4,5$ cm.

Premise #1 is the most southern in complex. It was, apparently, quadrangular in plan – $9,6 \times 9,45$ m. The bases of walls are safe. The southern wall is formed of small tiles of shale. Inside the premise there were cleaned out two levels of floor. The both of them are relatively plain, having a small decline into the southern side. Inside the premise there were cleaned out 8 bases of columns. Two of them are made of stone monoliths; the rest ones are made of thin shale tiles and burnt bricks. The first row from the southern forms three bases of columns. The second row lay on the distance almost 2 m. The third row is also prolonged by the line east-western and is on the equal distance from the northern wall from the middle row.

In the north-eastern part of the premise was established the entrance-lowering into underground chilly-khana, prolonged by the line East-West.

In accordance to the description on of A.K.Geins, who visited it, “for the first turn are going the straight steps, then is going screw ladder, doing to the narrow hole in clay soil, into which you can go, patting your legs ahead. By such manner you can reach the cave is width several steps. On the floor are thrown the mats for prays of the devout pilgrims. There Hyzyr rescued in observation of Allah, who did not go out during sixty years, and then after living many years, he was taken alive to the sky”⁸³.

Premise #2, joint with premise #1, eastern and northern walls. The West wall was destroyed and practically it is not safe. Nevertheless, it is rather obvious, that the western wall was general for the premises #1 and 2 and it was the outward wall of mosque. Inside the premise there were revealed several levels of floors. Four columns in the center of premise are connected with two upper ones.

Probably, the mikhrab niche was situated in the western wall. Supposedly, the entrance to the premise was situated in the center of the eastern wall.

In the south-western corner, almost on 0,3 m lower, than floor level with columns there was discovered the piece of the wooden beam in length 0,55 m and with 0,12 m. Probably, they are remains of the one beams of plain overlapping of the earliest period of the existence of mosque.

From the North-East to the premise #2 joint the rectangular in plan two step hilling, in the center of which was situated the small hill of clay and brick obstruction. The traces of burials were revealed in the process of cleaning out.

So it is very clear, that this is dahma, at present case it is two-step platform-hilling raised for burials of honored sufian sheiks are prior of mosque. It was built close to the main building of mosque later. On the second stage the square of excavation was widened in the southern direction and to the East and it amounted 24×31 m. During the works there were revealed the traces of two building horizons. Along the southern wall of the premise #1, on the depth 0,85-0,9 m from the day surface there was cleaned out one more line of wall and more precisely, its stone base. Apparently, they are the remains of base of the earliest outward wall of mosque, about the destroying of which informs M.E.Masson⁸⁴.

Widening of excavation to the East revealed that the space in center did not have any constructions and it was the yard. In that part was cleaned out the pebbled by burnt bricks and pieces the road, going to the underground room chilly-khana in the center of the eastern facade of the mosque.

In the southern part of yard there were cleaned out the remains of two small premises #4 and #5, joining to the south-eastern corner of summer mosque.

Excavations in the eastern corner let to follow the southern wall of mosque's yard on the length 20,5 m. Far wall is not saved, but most likely, it turned to the North, where in

the middle of the eastern wall was situated the central entrance. At the south-eastern corner in 3 m from the wall on one of the latest stages of the existence of mosque was built the minaret.

Minaret of mosque was situated on the left side of not saved portal. Minaret was formed of bricks on clay solution and it present one of types of tower constructions. Its initial height reached 10,5 m. The height of the remained part is about 5 m, diameter at the base is 2,9 m. Round shaped tower of minaret, which was narrowed upward, was crowned by lost currently lantern rotunda. The upper part of tower was divided by the horizontal belts of the figures lying. There were seen the faces of low, 3 belt, which was filed earlier by Arab inscription. The inner screw ladder was made of brick and it is supported on to the wooden beams and brick column in the center of minaret⁸⁵.

The discovered archaeological material was coming mostly from upper building horizon from the premises of mosque itself. They are glazed vessels like kese, piala, dishes, plates, which could be referred to the late XIX and XX c. In collection of ceramics there are separate fragments, dated by the XVII–XVIII cc.

So, the works in the mosque Hyzyr in Sairam revealed planning of the construction. Despite of strong destroy of mosque, is established, that it consisted of a big rectangular yard with entrance from the eastern side. On the longitudinal axis with situated entrance to the mosque – quadrangular building with aiwan joint to it.

Evidently, in Sairam Hyzyr mosque the premise #2 with four column hall was the mosque-khanakawith plain over lapping. Aiwan-premise #1 joint from the South was used like summer mosque. In the center of western wall was established the mikhrab, decorated by paintings. From the same place is coming semi-column, covered by glaze of blue color, in upper part of which there are the remains of carves grating. Over lapping of aiwan was plain and it was supported on to the wooden and one stone column on stone or brick bases.

The Mosque of Djankala site was discovered in 2009y. during the field route of expedition of scientific organization “Archaeological Expert”, headed by D.A.Voyakin.

The remains of mosque are situated outward the walls of Shakhristan in the eastern part of site. The sizes of construction made of row bricks are 9,7×9,7 m. In the south-western wall of it was situated the mikhrab. The mosque is dated by the XIV c⁸⁶.

Khanaka

Khanaka had been built like monumental buildings. Except the main intentions khanaka had other intentions too: they were hotels, not only for dervishes, but for pilgrims and travelers; they served like the temporary residences for travelling rulers; the place for reading pray studies. In case some important person, like the founder of Order or honored member of Sufian brotherhood or famous noble person was buried there, that house got the functions of mazar – the place of worship and pilgrimage.

All khanaka are compact buildings with more or less centric establishment, sometimes equal facade, more often – with the main facade, which is defined by the largest portal-peshtak. Center and obligatory main part of khanaka is a big hall for dervish actions⁸⁷.

Kayalyk Khanaka. From the construction are safe only the bases of walls with the fixed row of burnt bricks in sizes 27×27×4 cm. The western wall of construction was destroyed by the village road and river.

Investigations established presence of eleven premises. General size of construction is 19,7×19,7 m.

Well remained in plan eastern part of construction and also two premises of the western part give the possibility to make graphical reconstruction of the main volume the building had centric organization of inner space, were cross-shaped hall from four sides was surrounded by open premises in sizes 5×6 m. In four corners of rectangular of inner space there were situated by three premises in each: quadrangular corner (5×5,5 m) and two rectangular (3,5×5,5 m), joint to the quadrangular from both sides.

The yard was over lapped by roof, what is proved by four massive cubic form stones – bases of columns, on which was supported over lapping.

Under the floor of some premises were fixed the burials. This fact tells that building of khanaka was after building of mausoleums and appearance on the place of space near mausoleums of the cemetery. So initially was built the big western mausoleum, to which from the eastern site was built one more mausoleum. The space to the West was used for burials. In the third period of that place was built khanaka, and the territory to the North from mausoleums was used for building of complex of dwelling and household constructions, probably, connected with complex of mausoleums and khanaka.

They are several premises, among which is defined dwelling premise with tandyr and enclosure for cattle to the West from it. Premise of enclosure was over lapped from it by the layer of broken bricks in thickness 0,5 m, referred to the building of burnt bricks outside the limits of excavations from the north-western side. It was not possible reveal the intention of other premises because of a bad safety of constructions.

Section of present construction had clear borders with the remains of mausoleum, joining closely to the obstruction of bricks. Under the obstructions were cleaned the remains of back wall of mausoleum, remained in length for 3,7 m, thickness 0,82 m⁸⁸.

Sauran Khanaka is situated to the North of central ruins. The remains of the destroyed by time raw brick construction are still safe. It consisted of seven premises plan of construction is well “readable”. Outward walls of all premises constructions are destroyed, except premises #2 and #7. Their initial thickness was 1,2 m. And outward wall of the premises #3 and #5 was going out of the line of façade for 1,2-1,3 m.

Construction is directed by the sides of universe. The main entrance to the complex is situated in center of the southern wall in depth (arch?) aiwan, which has the width 4,3 m and depth 2,8 m (premise #1). It was going to the central quadrangular premise (#8) in sizes 6,1×6,1 m. It served like the connecting one, through which it was possible to reach all premises of complex. Square of premises is being increased at the expense of four wide (4 m) niches of different depth. In the center of niches were established door apertures through which it was going to the premises of the eastern (##6, 7) and western (##2, 3, 4) parts and also to the northern premises #5. Not deep niche in height 0,6 m was built in the side wall of the western, the deepest niche on height 1,30 m from floor level.

In the south-western corner of construction is situated the premise #2. It has quadrangular in plan with sizes 3,1×3,1 m. It was possible to reach it through the door aperture going straight from the entrance aiwan. The north-western corner of construction occupies the analogous quadrangular premise #4, in eastern part of which are being observed three niches in width 0,8 and height 0,6 m. From that corner premise was also the separate exit in width 1,1 m to the yard, surrounded the architectural complex. Premise #3 (2,5×4,2 m) is situated between corner quadrangular premises #2 and #4. All three western premises (##2, 3, 4) are connected between each other by the passes, and corner ones have also the separate exits outward: premise #2 – to the entrance aiwan, premise #4 – to the yard.

The northern premise is connected by door aperture only with central corridor-premise #8 (3,8×4,3 m).

In the eastern part are situated two joint premises #6 and #7. From the central corridor the door was going to the premise #7 in sizes 3,5×9,7 m. To the right from the entrance (the southern one third part of premise) was situated wide (about 3,5 m) sufa with tandyr. It's month in diameter 0,55 m is going to the level of sufa surface with height 0,45 m. Two niches in height 0,6 m are above the sufa on height 1,1 m in the southern wall.

In the northern wall of the premise #7 was the pass going to the corner quadrangular premise #6 (3,5×2,2 m).

Two corner premises (##2, 4) and corridor (#8), apparently were overlapped by cupolas. Somewhere in the corners of these premises on height about 2 m are seen the traces of arch sails. They are seen very clearly in the premise #4. Rectangular in plan premises (##3, 5, 6, 7), apparently, had plain beam over laps.

In the obstruction of the destroyed walls in the height about 2,5 m are seen round shaped longitudinal spaces of burnt beams, installed somewhere into the laying of walls. Obviously, this is seismic belt – ant seismic measure, used very often in building techniques of Central Asia and in the South of Kazakhstan.

Planning of farmstead, not characteristic for dwelling complexes of a region, and at the same time presence of a big kitchen premise with tandyr (#7) tell about unusual functional intention of present construction. The monumental outward view, high arch entrance aiwan, cupola above which was raised a big cupola above the central hall, give the basic to see khanaka in present construction⁸⁹.

Medrese

Medrese of Sauran. There is information in written sources about building of medrese in the towns of the southern Kazakhstan. So, it is written about khan Erzen – son of Sasy-Buka, and this is first tens of years of the XIV c., in “Anonyme of Iskander”: “he was a very clever tsar, religions, magnificent, God-fearing. He built the biggest part of medrese, khanaka, mosques and other charity establishments, which are situated in Otrar, Sauran, Djend and Barchikend”⁹⁰.

The interesting information about Sauran medrese is left by the author of the XVIc. Zainaddin Wasifi “During his stay in Sauran in 1514-1515 yy. he made interesting notes about Sauran medrese with two rocking minarets.” He writes: “On the shoulders (keif) of his aiwan there are put two high minarets of a big height and extreme generosity so, that one of the poets of this medrese identified that aiwan with Zahaka with snakes. There was the chain joint to guldasta of that minarets, and under the cupola of cube of each minaret was built and beam (chub) so, when somebody, who brought that chain into motion, the chain began to move and those who were standing on the opposite side it seemed that minaret would fall, and this one of miracles of the world.” There is also said, that on occasion of appointment of the chief of medrese (mudaris). There were invited than fifty students among those, who lived in medrese constantly⁹¹.

It is necessary to note, that the remains of two high minarets had been kept in the second half of the XIX c. They were described and drawn by P.I.Pashino and A.K.Chains. There is also the photo of minaret made by the photographer M.K.Priorov in 1866y.⁹²

Archaeological searches revealed visually concentrations of pieces of burnt bricks from medrese around the center of Sauran site. Excavations let to reconstruct planning of building,

remains of two minarets at the entrance, constructions, which are doubtless the remains of medrese, described by Wasifi.

Medrese is situated on the central square of registan and it was built in front of the other monumental construction, supposedly, also medrese and they together with excavated on the square's western side of mosque form the architectural complex. Dwelling block, the remains of which were discovered in shafts, was destroyed for construction of medrese⁹³.

Medrese is the building of symmetrical yard composition, presenting in plan the rectangular in size 31,5×28 m. The main entrance, defined by two minarets, is directed to the north-western. Cleaning of obstructions at the entrance to medrese revealed the base of the first minaret. There were cleaned four upper rows of minarets base under the cockle. Cockle is formed by 11 rows of brick lying. Its height is 1 meter, diameter of base is 3,3 m. The low part of minarets is going out the facade wall. The other part is integrated with the facade wall and portal by the compact laying. Seemingly, the body of minaret was the whole up to the roof, and then it was empty with screw ladder. In the north-eastern vestibule on the northern edge in the wall remained the steps, going to the roof, and from that place it was going inside minaret.

On the place of the second minaret was cleaned the rectangular construction of compact lying made of burnt bricks in sizes 23-25×23-25×5-6 cm on clay solution with admixture of ash (kyr). This massive of brick lying has the rectangular plan in sizes 3,5×2,75 m. Its base is going to the depth almost 2 m from the level of the threshold and the depth 3 m from the level of floors of construction and it is remained on the height 1,75 m.

For the establishment of foundation the pit had been dig up, which cut the low laid cultural layer. The low row was made of bricks, put on ribbon and grouped by four each of them and put in chess order. There was no fixing solution between bricks, but there was used only mixture of water and ash. Then there was going lying of six rows of burnt bricks made on solution with admixture of ash and it was used, seemingly, like hydro isolation materials. We can suppose that two rows of bricks put on ribbon without solution played the function of seismic belt.

The squares contoured by the wall made of two rows of burnt bricks were located in front of the façade wall of medrese from both sides from the entrance ladder. The squares in sizes 12×7 m had been raised on height 1 m and they were filled by debris and surface was covered by whole or broken bricks.

The square in front of the entrance was covered by stone plates. Triple step ladder in width 3,3 m and length 4,5 m was going to the entrance. The surface of wide steps was covered by big size (4,5×45×7 cm) burnt plates. The edges of steps were formed by the row of put on ribbon bricks. The width of entrance niche (aiwan) was 2,5 m, depth was 2,25 m. Above the niche was the arch, laid on put forward pylons, widened at the expense of closely built to each other minarets. Then the way was going to the entrance vestibule through the door aperture in width 1,9 m. The entrance door was established in the niche in depth 0,25-0,30 m and width 3,3 m. In the corners at the entrance were established wide sufas in sizes 1,3×1,7 m. Vestibule was with two eight sided premises. The way to darshana and to the yard was going though the left side premise. On the northern border was cleaned the base of inner wall ladder, going to the roof, where was the entrance to minaret. The right premise had the passes to the yard, where was the entrance to minaret. The right premise had the passes to the yard and, most likely, to the mosque, which is, regrettably, destroyed completely.

The rectangular yard in sizes 18×15 m was made of bricks, well remained between two rows of dandana (row of bricks put on ribbon) in line 2 m. Laying of the central part of yard was destroyed and remained only in local sections. The first row of dandana is rounded

by the yard by the line of pylons sides, the second one is established on a distance 2,5 m and borders the square in sizes 11,7×8,5 m. In the yard were revealed two aiwans situated opposite to each other and opened to the side of yard. The square of back south-eastern aiwan is 5,4×5,4 m. probably, it was overlapped by arrow shaped arch. Fragment of fallen arch remained. Thickness of the main walls amounted 1,55-1,56 m. Laying of walls and arch is combined. Raw bricks were used mostly in the body of wall and broken arch. Three rows of raw bricks were combined with one row of burnt bricks. From the north-western walls remained only the side part in length 2,18 m, height 0,55 m (8 rows of lying). The floor covered by burnt bricks was destroyed. Pieces of floor remained along the north-eastern wall by one row, and in its backside remained two bricks, which let to reconstruct the picture by rhombus. Dandana in front of aiwan was destroyed strongly. In front of the south-western wall of aiwan were cleaned the remains of sufa in sizes 2,5×2,4 m established later during construction, as wall other aiwan sufas.

The north-western part of yard was occupied by the obstruction formed under the destroy of front north-western aiwan. The initial size of aiwan was equal to 5,4×2,3 m and the sides were increased then up to 3,5 m. The arch of aiwan had been also fallen.

During cleaning of premises it was established that desolation was before the destroying, when thin surface layer was formed, after what they had grown roots again. Deepened squares with tashnau comparatively with floor were established in all premises in front of the entrance. In some premises which remained more or less satisfactory, there were revealed niches in the walls. The floors in the premises were covered as by whole and by pieces of burnt bricks. The premises had grown roots during functioning of medrese. Particularly, it is defined, that in the premises were established ovens for heating with kans in sufas, going to the corner of the premises, in the result of which the initial level of sufas had been increased. Fire-chamber in the premises is situated in the corners of square so in these places the boards of squares had been taken off. Kans was installed by bricks put on ribbon and overlapped by whole bricks. Kans has the width 22 cm, inner surface is 12 cm. Later also appeared incense-burners for burning of adraspan grass “suppressing the evil souls”, in a form of deep holes in the floor, made of four vertically put quadrangular burnt bricks in sizes 25×25 cm in depth 20 cm. Such incense burners were also discovered in three premises. During growing roots in aiwans front of the premises appeared sufas having the approximate sizes 1,4×0,9 m. Over lappings in the premises, seemingly, were arch shaped. Mostly obstructions are situated in the center of premises and in four of them were discovered arch shaped fragments of arch lying and trapeze shaped in cut ganch plates, by which were formed over lapwings. The walls were covered by ganch solution, the numerous fragments of which were discovered in obstructions. Glazed plates with herbal and epigraphic ornament and polished plates, which were used for covering of facades were found.

Premise # 18 is corner shaped and the biggest one. Its location and size let to interpret it like darshana (hygienic premise). In front of the entrance was established tashnau in size 1,6×1,95 m. The brick in center with sink was deepened for 5 cm comparatively the level of tashnau. Initially the premise was through and had the exit to the yard in the north-eastern wall. The pass in width 1,2 m, situated in 2 m from the eastern corner of premise had been built further. The floor of premise was covered by burnt bricks. The premise had been destroyed one of the first because of going down of outward wall, close to the northern corner. Over lapping felt directed on to the floor.

Premise # 17 has the sizes 3,35×3,05 m. The north-western remained on height 0,88 m (13 rows) from the floor level, the north-eastern wall had size 0,9 m (14 rows). In front of

the entrance was established tashnau in sizes 1,05×1,05 m. To the left from the entrance was established the niche in width 0,66 m in depth 0,4 m. The floor in the premise was made of whole bricks. The threshold in front of the entrance had the height of one brick from the floor of aiwan. On the floor was situated the flown layer of ground in thickness 0,4 m. Sufas on the sides of pass were established later on aiwan in front of the premise.

In the premise # 16 in sizes 3,35×2,80 m remained the western corner and the walls of the rest part had been destroyed. In front of the entrance was established the square with tashnau in sizes 1,05×0,8 m. In the middle of premise on the floor was situated the incense-burner in sizes 25×25 cm in depth 20 cm. In front of entrance from the right side remained the boards of aiwan sufa. Among the findings, discovered in the premise, it is necessary to note the support for feather and cover of ink-pot made of bronze.

Premise# 15 is situated to the North-West from the premise 14. The walls of premise are destroyed. The eastern corner and the left (southern) side of door aperture remained. Directions of walls can be defined by floor covering in the premises. In the obstruction was discovered fragment of arch shaped laying of over lapping of premise made of four bricks. Under the obstruction was cleaned out the blush layer of loess in thickness 0,3 m in front of the entrance was established the square of tashnau (0,9×1,03 m), covered by burnt bricks, bordered by the board and threshold. The boards of tashnau in height 0,14 m were formed of the halves of quadrangular brick, put on ribbon. The eastern corner of board had been destroyed under the growing roots of the oven, and then it was reconstructed by broken bricks. Oven-chamber was situated at the eastern corner of square.

Premise# 14 is rectangular in plan (3,6×2,85 m). Parameters of premise have been reconstructed by the separate fragments of walls. In the center of premise was cleaned the fragment of arch and ganch coverings. The square with tashnau was discovered in front of the entrance. At the northern-burner made of four bricks put on ribbon. Its sizes are 30×35 cm, depth 28 cm. At the eastern corner of tashnau square in the south-eastern border was cleaned the fire-chamber (20×12 cm) of oven.

Premise# 13 is neighboring with the corridor and it is situated to the North-East from it. The premise is of a bad safety, but by the remains of walls was reconstructed its size – 3,75×2,9 m. The entrance part was destroyed completely. The square with tashnau in front of the entrance remained later the part of the left (North-East) board of tashnau was destroyed and in the northern corner of square was established fire-chamber of oven. The mouth of fire-chamber in sizes 18×16 cm was closed by bricks. The kan to the western part of premise was installed under the floor from fire-chamber.

Premise# 11 is the narrow corridor (3,85×1,35 m), through which there was the way from the yard to the premises 6, 7 and to the toilet premise 12. The north-western wall is dense and its middle part is destroyed completely. The floor of corridor is covered by bricks.

Premise# 6 is corner one. The entrance to the premise is declined from the center to the western corner. In front of the entrance was situated tashnau with bricks, with sink in a form of eight side star. The boards of tashnau are made of bricks, put plain. On the north-eastern side of board was situated fire-chamber of oven. In the eastern corner of premise was cleaned the khumcha, its bottom part was cut off.

Premise# 7 is neighboring with premise 6. Entrance to the premise is situated in the north-western wall. In front of the entrance was the square with tashnau. The floor was covered by burnt bricks and their brokenness, which remained on the sides of tashnau and in its back part.

Premise# 9 joints to aiwan from the South-West. In the center of premise was cleaned the obstruction of burnt bricks and plastering. In the obstruction were found fragments of arch laying. The wall with entrance was destroyed completely, but it was marked by the turn of wall. In front of the entrance was the tashnau square with boards. On the floor were found two copper coins. The treasure was situated under floor layer.

Premise# 19 joints to the back aiwan from the South-West. The walls of premise were destroyed from three sides up to the base. The part of north-western wall with the pass remained. On that wall at the western-corner of premise was established the niche in width 0,7 m, depth 0,4 m. Laying of floor was made of burnt brick fragments and it remained along the back wall and at tashnau.

Premise# 20 has sizes 2,9×1,9 m. The entrance to the premise and floor were covered by burnt bricks.

Premise# 2 is situated in the southern corner of premise. The sizes of premise are 2,8×3,6m. Safety of premise is bad. The pass to the premise is established in the north-western wall. The square with tashnau is situated in front of the pass to the premise. In the southern corner was established the corn-bin with round-shaped wall, also referred to the period of the second growing roofs, as it is formed on the surface layer in thickness 20 cm. Round shaped burnt spot was on the remained laying of floor at the south-western wall on the peace of tandyr.

Premise# 22 played the function of corridor with the pass from the yard to the premises 20,23 and through the pass in outward wall of medrese it was going to the side street. In the corridor at the entrance from the side of yard was established the sufa in sizes 0,57×1,10m.

Premise# 24 joint to the corridor from the North-West the sizes of premise are 2,9×2,9 m. The pass in width 1 meter was established in the north-eastern wall. One row of bricks remained in front of the sufa in sizes 1,1×0,25 m. In front of the pass to the premise was established tashnau square in sizes 0,8×0,75 m. From the north-western side of tashnau square in sufa remained pieces of tandyr in diameter 0,55, height 0,25 m. During cleaning in tandyr, was found the glazed bowl. At the western corner of square was situated fire-place sandal, plastered into sufa.

Premise # 25 joints from the North-West to the premise 24 (2,65×2,86 m). There were observed three levels of floor in the premise. In front of the entrance was situated tashnau square. At the north-western corner of square with tashnau was semi-destroyed fire-place sandal with ash and wooden coals.

Premise# 26 has sizes 3×2,83 m. south-eastern and the part of south-western wall of it remained. In front of the entrance was situated the traditional tashnau. At the western corner was established fire-place of burnt bricks.

Premise# 27 is neighboring with the premise 26 and it joints to it from the North-West. The walls of premise were destroyed completely. The entrance part was also destroyed and remained only the square with tashnau located some deeper. In the western corner of square was situated fire-chamber of oven. By the level of that floor was cleaned of fire-place sandal of fire-side form in sizes 0,31×0,36 m, depth 0,33 m. The bottom of fire-place was covered by clay. The ash was presented in fire-place.

Premise #28 is of a bad safety in sizes 3,15×2,87 m. The walls were destroyed completely. There were also revealed the remains of square with tashnau, fire-place sandal and kan from the oven.

Findings In the premise 1 on the floor of square with tashnau were found fragments of glazed and non glazed ceramics. Glazed dish is presented by three samples of dishes

on disk-shaped pedestal, some fragments of bowls and plates. Painting of inner surface of dishes was done on white color background. On the nimbus there were stylized ornaments of herbal character and spiral shaped borders and stretches. Bowls and plates are covered by glaze and painting from the both sides. Unglazed ceramics is presented by the fragments of khums, jags, and pots. Among the findings of upper building horizon it is necessary to note some coins inside the piece of fabric, found on the floor together with ceramics. The coins in diameter 0,5 cm were oxidized. One more copper coin was found separately from them.

During excavations of medrese premises were found fragments of arches and over lapwing, plastering them the walls without traces of painting. Surface of plastering from some premise was covered by ash. In the obstructions were found the numerous decorative bricks without glaze of different forms (six-sided, rhombus shaped, rectangular), which were discovered as separately and in combination with solution. The glazed plates are presented by six-sided, trapeze form shaped, rectangular forms. Paintings are ornamented by decorations of herbal, geometrical and epigraphic character. There was found fragment of decoration, where the ornament was done by relief shaped method, and it was covered by blue glaze. In the premise 9 in obstruction in the center were found fragments of kubba of the spherical form, one of which covered by blue glaze and another one – without glaze.

In the premises were discovered ink-pots, supports for feather. Support was four-sided and narrowed upward. The height was 7,5 cm, the base was 4×4 cm, the upper part was 2,3×2,3 cm. It was empty inside; diameter of mouth was 1,3 cm. And it was covered outside by blue glaze which rhombus ornament done by brown color lines. Ink pot was on top at the mouth. The low part is broken.

Cover of ink-pot is four-sided, with round shaped corners. There was a hole in diameter 1,8 cm on top in the center. Triangle shaped hole was done from one side, probably, it was intended for feather. On the surface there were two rows of relief slanting lines, divided by the line, forming fur-tree. The surface is covered by brown glaze.

In the premise # 17 were found fragments of ink-pot in a form of vessel with round shaped body and narrow neck. On the neck there was round shaped hole for feather. In the yard, in front of the premise 17 was found one more ink-pot of the cylindrical form in height 5 cm, diameter 3,5 cm. Thickness of walls is 0,3 cm with curved outward nimbus and covered by light-blue glaze. Cylinder was established on to full support, but at the present time there is no bottom of ink-pot because of the lost of support.

The interesting is fragment of bottom part of kese with inscriptions made by ink. It is written there: “Mulla Kd ...”, from which it seems that the name of owner of kese was “Kudrat” or “Kadyr”.

Numismatic material is presented by two tens of coins, found in the fillings of premises. We can define six coins, one of which is silver, discovered in one small pit under the layer of floor of the premise 9. Mostly the coins are copper, of a bad safety. The forms of coins are round shaped, ellipse shaped with cut edges. Silver coin is dated by the XVI c.⁹⁴

Ceramic material, referred to the time of decline of medrese, was found in filling of depended squares in front of the entrances to the premises. Ceramics is presented mostly by glazed dish – bowls and dishes. There were found several fragments of tagora. The interesting is imported bowl from the premise 12, supposedly, of Bukhara production. The dish from the layer is painted by stylize herbal and geometrical ornament. There was combination of two types of ornaments. Painting was done on the white and blue background from the both sides. Only bottoms are not covered by glaze. Bottoms are disk shaped, slightly turned inward, with ring shaped edge. Ceramics of this type is dated by the XVI–XVII cc.⁹⁵

Chapter III

Moslem Bath-houses

As it is known, in the eastern town the bath-house played the important place in the row of public constructions. It was the most visit able place after the mosque. "Bath-house in the Caucasus, as well as in all East, is the subject of special care as town ruler, and of workshop organizations, and the separate rich man, who arranges the bath-house for himself and for his friends. Because the bath-house serves not only for ablution, but for increasing strength, raise of mood, for rest, for meeting and friendly talk with friends, for meeting and talk about purchase and sale, about trade deal and for showing skill in playing chess or nards"⁹⁶. Bath-house was also the specific medical establishments. The doctor of the IX–Xcc. Zakaria ar-Razi, describing the influence of bath-house for human body, recommended decorating bath-houses by good painting, which recover from melancholy, makes easier the difficulties⁹⁷.

The numerous characteristics of bath-houses, descriptions of bath episodes, lists of the specific rules of visiting bath-houses are the evidences of popularity of bath-houses in the life of population⁹⁸.

Bath-houses were used also often for medical purposes. Such bath-houses are, for example, bath-houses of Erzurum, Brussa and Tbilisi, built above the therapeutic water sources⁹⁹. Treatise of the XIc., belonging to the hand of ibn Sina, contains the wide information about therapeutic drinks for use in the bath-house¹⁰⁰.

Popularity of these establishments among town population was really huge. Djelal Essad wrote "Bath-houses are necessary as for all Moslems and for the Mosque"¹⁰¹. It is known for example, that is Bagdad in the first half of the Xc. there were 10 thousands bath-houses¹⁰². During excavations in Afrasiab on a small territory under the place of citadel there were opened five bath-houses, what let for its turn to account supposedly the general number of bath-house complexes. The amount of them was, probably, not less than sixty bath-houses¹⁰³. Quick spread of bath-houses in the medieval towns is defined by two factors: cult and household legalization of Islam (buildings of "taharathana" near the big mosques with heated floors, cupola and arch over lapwings, used for the ritual lavabo "taharat"), and also by wide use of burnt bricks.

The problem on the time of forming of Christ shaped types of bath-houses is not solved having one meaning. V.L.Voronina supposes, that bath-houses built of burnt-bricks with

cross-shaped planning, with strictly consequent system of connection of premises and gradation of their temperature regime appeared also in Central Asia, in the XIV c. after the region started to recover after the destroy during Mongol invasion¹⁰⁴. But archaeological materials prove their earliest appearance – at the end of the XI–XII c. In the second half of the XIII c. and later, till the XIX c. bath-house were being built, continuing architectural-planning traditions, which were formed in the previous time¹⁰⁵. Bath-houses of Kazakhstan town are known by the materials of excavations and one of them has been remained in Turkestan till current times and it functioned till the middle of the XX century.

Bath-houses were of two types – public and private. The first ones were being built by rulers and rich men and they were given for use to the citizens, as god sacrificial, or for getting profits. Private bath-houses were built under big houses and palaces; they were intended for rulers or owners of rich houses, their families, quests, servants. They were small.

Bath-houses were built of burnt brick; their premises were over lapped by cupola. There were established bath for washing; the walls were decorated sometimes by waterproof paintings. Temperature in the bath-houses was supported by the system of heating, which is called hypocaust. It foresees the presence of under floor space, where was circulated hot air. It heated the floor, which was supported on to the brick columns or walls.

Temperature was regulated by the help of vertical channels in walls. The water was heated in the cauldrons plastered into the fire-chamber and it was taken from there by scoops or it was distributed by special people. Sewage was going out by the system of kuburs.

Bath-houses were deepened into the earth, and they were put to the special reservoirs, and cupolas were built above the surface. So, the warmth was kept in the bath-houses¹⁰⁶.

The first bath-house of Taraz was investigated by Semirechenskaya archaeological expedition headed by A.N.Bernshtam in 1938 y.

The bath-house in plan is close to the quadrangular (14×13,3 m) and it is directed almost exactly to the sides of Universe. Oven-chamber with the source of not water was placed in the south-eastern corner, and the entrance group of premises was located in the opposite, north-western part of building and it consisted of the quadrangular vestibule and flanking it symmetrical corridors. There is base to consider, that vestibule was over lapped not by cupola, but by the arch of four meter pass and that the side massifs of walls with corridors played the role of counterforce's, accepting the strength of arch.

Three small rooms along the southern sides – two quadrangular and vestibule with wide entrance on the western side formed the isolated “section” of bath-house, – may be, for honorable visitors.

Another group of premises was organized by two perpendicular axes. On the axis north-south there was situated the big vestibule and following after it the quadrangular (probably, cupola) room in sizes 3,2×3,2 m with niches directed to all sides. Behind the vestibule was situated cupola room, to the east from it was the room of the same sizes and also cupola shaped, but without niches and connected with the previous room by the axis pass.

This chains of premises is closed in the east by small in sizes 2,1×2,1 m cupola room, joining to the oven-chamber from the North. Fudging by its location, it is not washing room. A big premise in the north-eastern corner locating on the general (longitudinal) axis with the northern vestibule and side corridors served, seemingly, like massage or warm washing-room.

In one premise remained brick laying of floor, and in another premise was found brick “bath” – reservoir in sizes 175×47 cm.

Entrance to the bath-house is made in the northern wall. It was going to a small room with sits. Its walls were decorated by painting. This room is connected with premises, where

situated the baths. In the walls of premises with baths there were situated the niches also filled by painting. It was put on the surface of plastering, water resistant one.

Ornament of painting on the walls is geometrical and consists of octagonal yellow stars, contoured by black line and connected between each other by red crosses.

Other elements of paintings are octagonal made of combinations of rectangular of grey color, contoured by red and yellow hexagons. In the numerous fragments of plastering felt from ceiling, there were discovered paintings and colors of some other character. Here you can see herbal subjects in a form of prolonged leaves and stems, light blue and oranges tones of colors predominate.

In the obstruction of debris there were found the traces of plaster decorations in a form of graved terracotta colors, probably, tulips with petals, going downward.

Bath-house was heated by heated air, circulating in channels, established under the floor and shelves.

Near one of the bath archaeologists found the coins (dirhems) made of low grade silver, which let to date precisely the construction and existence of the bath-house of the XI c.¹⁰⁷

The second bath-house of Taraz was discovered during dig of foundation pit for construction on bazaar square of Taraz, located on the place of citadel of site.

Bath-house was dig up partially, oven-chamber and four premises were revealed, and two of them were dig up completely. There remained oven-chamber, cisterns for exit of smoke and heat, established in the walls two wells and two lines of kuburs for exit of sewage waters. Ceramics let to date this bath-house by the XI–XII cc.

Bath-house of Aktobe remained partially. Its sizes are 10×7 m. The walls of bath-house were built of burnt bricks in sizes 37×25×4,5-5 cm and 25×25×4,5 cm. Their remained height is 0,7-1,25 m.

At the northern wall was situated two oven, where remained the place, where stood the cauldron. There remained fragments of subfloor heating system – columns made of burnt bricks, between which circulated the hot air.

Along the eastern wall was established the sewer-pipe, by which were going out sewage waters. The bath-house is dated by the X–XIII cc.¹⁰⁸

Bath-house of Ekpendy is situated near the site at the village Ekpendy in 25 km to the South of Shymkent in the place of joint of Mountain Rivers Burguluk and Dongistau. Regrettably, bath-house has not been excavated completely yet.

Its eastern part was revealed, where was situated the premise for washing and the part of central hall with the remains of hypocaust – subfloor system of heating. Judging by the ceramics, it functioned in the XI-XII cc.¹⁰⁹

Otrar bath-house (northern) of the XI–XII cc. was situated in the north-western side of site, not far from the gates Darwas i-Sufi¹¹⁰.

Before excavations it was prolonged oval form hill in height about 4m. There was situated from the late XV c. the cemetery: burial vaults were situated in several stages and the latest ones were situated under the turf layer, the earliest were on the depth up to 2,5 m. The vaults were formed of grey and yellow raw bricks and also built of burnt bricks and its broken taken from the construction of bath-house. The walls of bath-house, floor were being destroyed and in latest time, when bricks were used under constructions of houses of the XVI–XVIII cc.

Entrance to the bath-house was situated in the south-western façade wall with the entrance to the premise 1 in square 6,8m² from which remained layer in the northern corner and fragments of the northern wall. From the central hall in square 12,6 m², which played the

role of heat and massage room there are remains of walls revealed only in the north-eastern corner the rest walls were reconstructed by the stamps of bricks. Two premises of central hall in square each by $7,8 \text{ m}^2$, seemingly played the role massage and steam rooms. In the premise 4 brick lying remained in the western wall by sections (then up to the corner it is observed by the remains of bricks) and at the north-eastern corner. Contour of premise #7 were defined by the prints of bricks and lying, remained on the narrow section of the northern wall.

The premises ## 5, 8 and 6 having the equal square, intended, more likely, for washing, and they were connected with neighboring premises by the relatively narrow passes, what helped to keep the definite temperature regime. In the premise 5 in square $7,1 \text{ m}^2$ the laying remained on the section of western wall, joining to the south-western corner and in the eastern wall, connected by the corner with section of the southern wall. The rest sections of walls were reconstructed by the prints of bricks. In the premise 8 in square $6,7 \text{ m}^2$ remained the laying of the narrow ($0,35 \text{ m}$) entrance in the south-western corner of premise. The premise 6, wall-remained in square 5 m^2 had only sections of completely destroyed walls, joining to the north-eastern corner. The pass in the northern wall at the north-western corner connected the premises 6 and 7.

Premise #2 has square 14 m^2 and seemingly it was intended for rest and it was reconstructed by laying of the southern wall remained for length about $2,5 \text{ m}$. Laying of the eastern wall remained on the same length and then it was successful to observe it by prints. The western wall was also reconstructed by prints.

Premise ##8a and 9 in that complex were the subsidiary ones and there were placed reservoirs with water for washing which are not remained. It was successful to reconstruct plan by the separate sections of wall lying: at the inner wall between premises ##8 and 8a, in the corners and in the region of fire-chamber in the eastern wall, in the south-eastern corner of premise #9. There was observed only meter section with prints of bricks from the wall, separating premises ## 8a and 8.

Premises joint to the building of bath-house from the northern side. Their walls are also burnt of burnt bricks, but it is difficult to find out the intention of these premises by the available fragments of constructions. We not only, that from the northern wall of bath-house under the straight angle are going out two part of laying: one in length $2,4 \text{ m}$ in the region of north-eastern corner of premise 1, another one – in length $0,2 \text{ m}$ from the north-eastern corner. Direction of remained 11-meter part of wall is almost the same as the northern wall of bath-house.

Bath-house complex included also the row of construction. There was included premise 13 ($2,3 \times 6,9 \text{ m}$), situated at the south-eastern corner. The long wall followed the direction of the eastern wall of bath-house. Right there in the northern half was discovered the well in diameter $0,85 \text{ m}$.

The construction made of row bricks, joining to it from the south, directed from West to East (with some decline to the North) is also connected with bath-house. The long wall of construction under the acute angle was close to the southern wall of bath-house, and in the region of premise #9 they joint each other. Safety of the main part of construction is relatively good and the most destroyed are corner parts of laying (at the exclusion of the south-eastern corner).

To the premise #10 (in plan it is trapeze shaped, length of walls – $4,3; 9,8; 8,7 \text{ m}$) were going two entrances – in the southern and western walls, which were situated in south-western corner. The space from the western entrance up to the north-western corner was occupied by the sufa. To the right side from the southern entrance up to the corner it was

also situated sufa, its upper part was done of burnt quadrangular and rectangular bricks, the western part was destroyed. In the north-eastern corner of room 10 was 0,92 deep pool, with the bottom and walls, paved with pieces of slay taken from firing pottery kiln. West of the basin in the area bounded by sufas, swimming pool and the northern wall, there is (circular in plan) stand in diameter 14,5 m.

Preservation of the room's walls with an area of 25,1 m², is good and the southern walls rises to 0,9 m, the northern – 0,8 m. The interior was destroyed – the eastern wall – preserved to a height 0,07-0,1, western – 0,27 m.

The entrances to the eastern wall of the room connect it to the placement area of 16,7 m². The southern and northern walls rise to 0,65-0,66 m, the height of the eastern – to 0,41 m. At the eastern corner stood two khums, dug into the eastern wall, and the tandyr with diameter of 0,45 m, adjacent to the south. In the south-west corner of almost equal distance from the walls (0,85 and 0,9 m) was discovered tagora, located at an elevation of 0,13 m. At the northern wall was a well in diameter 0,75 m, whose walls lined with burnt bricks. Water from the well could be supplied to the premises 5 and 6, located from it at the same distance.

Finally, the third room 12 of the described structures (in plan rectangular area of 5,5 m²) and it had the entrance to the south-west corner. At the northern wall at a distance 0,85 m from the north-east corner there were discovered two dug into the floor khums. It is likely that this bath located next to the building is a rind of laundry.

It can be assumed, that water from the well in the room 13 to a trough was poured into the tank at the eastern wall of the room 8a and 9. Hence it was taken, apparently through the windows of building 6, 7 and 8. Perhaps into the room 5 and 6 water was supplied from the southern shaft.

Dirty water was taken out by the kuburs system, which site is opened in the room 9 and by the kuburs line water was deduced into the ditch.

The furnace bath was going outside the building and it was a round oven lined with burnt bricks. The same materials lined the bottom of the firing chamber with diameter of 1,5 m at the height of 0,55 m. The firing whole width was 0,36 m in the eastern part. It adjoins to the circular area in diameter 4 m, the level of which deepened for 1 m relatively to the level of heating chamber. In the western part of oven there was started the main channel of heat line, formed of burn bricks and it passed through all building from the East to the West. Going for from fire chamber it becomes narrower: at the beginning its width was equal to 0,6 m, through the section 1,9-0,4 m and edge western section – only 0,2 m. There remained the eastern section of channel in length 3,65 m, the rest ones 2,5 m were reconstructed by the prints of bricks.

Sections of heat channel branches are not saved, and it is doubtless, that the part of premises was heated with help of subfloor system of channels, and the others – by free circulation of air under the floor, which in that premises stood of “columns” made of burnt bricks. Only the separate “columns” and fragments of tranches under the premises 1, 8a, 9 remained from subfloor system of heating. The device for free circulation of hot air is seen in the premises 3 and 8 in location of columns.

During excavations there was found the ceramics, including glazed one (bowls, plates, chi ragas) referred to the XI–XII cc. The specific is found on the floor of premise 12 bronze pedestals for lamp, made in the form of hexagon, rectangular sides of which on top and down were fastened by rectangular plates. Side plates are decorated by carved ornament in a form of cross shaped gouge.

The coins, as well as ceramics, confirm dating of bath-house – XI–XII cc.

Bath-house of Otrar (southern) XI–XII cc. was situated on the territory of southern rabad. As it's appeared, it was situated under the bath-house of the XIII–XV cc. Since the main part of bath-house is going under the complex of latest construction, only its south-eastern part has been excavated, including fire-chamber and system of cisterns for hot water.

Heating device in sizes $2 \times 3 \times 0,8$ m is presented by a cistern, connected by a channel in diameter 0,5 cm with smaller cistern ($0,6 \times 0,6 \times 0,8$ m). Ceramic cap is preserved which closed connection of cisterns. Mouth of iron cauldron was plastered into the center of heating system cistern: its bottom and walls were plastered for its turn into the fire-chamber. So, the cauldron served the specific "heating element": hot water then was going to the bath and it was taken out from there and it was used for washing. Bottom and walls of cistern and bath were formed of quadrangular burnt bricks and they were plastered by several layer of waterproof infusion (kyr) in thickness up to 5 cm.

Among the collected ceramics predominate bath (tagora) with straight walls and modeled handles. There were found more than three tens of whole and fragments of spherical cones, served for transportation and preservation of therapeutic mercury medicines. The interesting is the bronze pedestal in a form of animal paws. Such pedestals are known in the materials of the X–XII cc. from Central Asia. During excavations there were found Karakhanidian coins of the XI–XII cc, which under comparison with other coins complexes can date the bath-house by the XI–XII cc.

Excavations showed that on the ruins of that bath-house in the latest times, in the XIII c. was built the new bath-house complex.

Bath-house of Otrar of the XIII–XIV cc. In the micro relief of suburb part were seen clearly the numerous hillocks. In direction of one of them was going the branch of underground channel with the installed their water pipes. Water pipe was situated in front of the southern decline of hill¹¹¹. At the same place were situated two pits, from where local people took burnt bricks. The upper layers of construction on to the depth up to 1,5 m had been destroyed by Moslem burials. The north-eastern direction, prolonged position of buried, absence of things, raw brick let to consider, that excavated part of rabid started to be used under the cemetery already in the XVI c. The burials destroyed the cultural layer, so it is not possible to date precisely the remains of building constructions and to get about them the whole imagination.

Close to the south-eastern corner of excavation on the depth 0,7 m there were cleaned out fire-chamber cameras of two pottery's ovens. Small amount of ceramics were found in their fillings. Among fragments of glazed ceramics dominate the bowls, covered by yellow, light-brown, dark-brown and green glaze. Unglazed ceramics is presented by narrow-necked jugs, basins, tagora, pots. It was also discovered some fragments of architectural decoration: tiles, covered, by light blue glaze and carved terracotta with blue glaze. Some copper coins of a bad safety were discovered.

In the same excavation on the depth 1,5 m from the day surface were revealed the remains of bath-house, consisted of several premises, fire-chambers, some reservoirs for water and system of subfloor heating. Unfortunately the bath-house was almost destroyed completely. It began to be destroyed, apparently, already in the XVI c. The burnt bricks taken from early it was used further in dwelling and household construction was used in all buildings on the central hill of site.

Despite the fact, that from the bath-house remained only system of heating, pieces of walls, fragments of floor paving, its total planning are revealed rather clearly by the level of low (second) building horizon.

This is monumental construction, cruciform in plan. Its size by outward edge is 17×15,5 m. The entrance was situated in the south-eastern wall from the side of southern gates of Otrar. On the distance 5 m from it in the eastern direction there was going the road made of rectangular burnt bricks (22×11×4 cm) made in pattern of weaving.

To the right side from the entrance was situated complex of bath house itself; to the left side were a yard and 10 premises¹¹².

Premise # 1 (13,1 m²) served like dressing-room. There people left their undershirt clothing and got a loincloth called lyuingi. In Central Asia such premises were called lyuingi-khana¹¹³.

Central octagonal hall of bath-house, as everywhere in the eastern bath-houses, served like steam and massage room, usually in its center, in the niches, at the walls were established sufas for massage. We can suppose presence of sufas in Otrar bath-house. Square of hall is about 22 m².

Premises #4 and #8 in square 7,2 m² each served like benjuares.

From the central hall are opened the entrances to the premises ##5, 6, 7 for washing. Temperature in washing rooms was different: the hottest ones were called issyk-khana (hot), less hot – sauk-khana (cold). Gradation of temperatures in the premises is peculiarity of the eastern bath-houses. Ibn Sina wrote about the bath-houses: “The first room cools and densest, the second one heat and dense, the third one heats and dries”¹¹⁴. The quality and placement of premises for washing is various: for example, one is hot and two cool premises, or on the contrary; sometimes one hot room is in the centre, and cool rooms are on the edges, or two hot rooms are close to each other and cool room is on the edge, but, as the rule, there were three washing rooms¹¹⁵. In the Otrar bath-house there were two hot premises 5 and 6 (square of each is 7,2 m²). They were situated close to each other: one was in the western corner, another one – in the centre, at the same time cool rooms was in the eastern corner.

It is proved by its location in regard to fire-chamber and then under the floors of other premises.

In the premise #7 in square 15 m² the part of floor in the northern corner was covered by glazed bricks in sizes 26×26×5 and 26×14×5 cm. Swastika shaped white pattern was done one blue background of paving by diagonal. Square of paving is 1,2 m².

Premises for washing were connected through the passed with premise 10 in square 20 m², where were situated cauldron for hot water, two tanks for cold water and four small tanks.

Fire-chamber was put out the premise and it was situated straight behind the wall at the eastern corner. It looks like the cone shaped pit in depth 1,17 m, with diameter on top 0,8 m, down – 1,3 m. The mouth in sizes 0,7×0,7 m is situated on the level of base. The top of chamber, apparently, was closed by clay cover.

From fire-chamber was going heat wire. At the beginning it heated iron cauldron, from which remained pieces of sides and nest in diameter 0,85 m made of burnt bricks. Cauldron was plastered into the base of tank, which is not remained. Two tanks for cold water were situated near hot water tank. They are situated along the center of premise and presents divided by the wall reservoir in size 2,7×2 m by outward circle.

The walls of tank and fence are made of burnt bricks (28×28×5 cm) put on ribbon, fixed and plastered by waterproof infusion – kyr. Thickness of wall is in for bricks, the remained height is 0,3 m. In case of supposition, that the height of tank walls was 0,9 m (under the biggest height it could be not convenient to take water from tank), the general volume of cold water in the bath-house could be 6 m³.

Four tanks for water were situated at the wall in the northern corner. Actually, it was one reservoir, divided for sections in length 0,5 m, width 0,4 m and height up to 0,3 m each. The walls of reservoir are formed of burnt bricks in sizes 28×28×5 cm and they are plastered from all sides by kyr. Their obvious similarity with reservoirs of Afrasiab bath-house of the IX c. and Nissian bath-house of the XII c. let to define the intention of reservoirs¹¹⁶. The analogous reservoirs are noted also in the medieval bath-houses of Khersones¹¹⁷. G.A.Pugachenkova supposes that similar reservoirs contained alkaline solution and aroma extracts. Its quiet likely if to take into account that Ibn Sina, describing the influence of bath to the human body, mentioned some infusions used for washing. Some of them were prepared by boiling of some plants, ash sulphur. Also were used iron, salt, quarts and vitriol solutions of rosehip teas, berries and laurel.

Premise #9 in square 20 m² was used for hygienic procedures. Their visitors made the procedures on depilation and the others.

In the eastern bath-houses, as the rule, were foreseen the places for namaz pray. Sometimes for this purpose was used one of the loggias of central hall, directed to the south-west. There was established usually the mikhrab¹¹⁸. In the Otrar bath-house the role of pray hall was played, most likely, by premise 2 in square 10,8 m², connected with central hall. Its floor is covered by blue color tiles of different sizes, on kyr. Tile paving remained only in the northern part of room. In its center was situated the circle in diameter 0,8 m, deepened for 5-6 cm. Their edges are covered by blue tiles. Ceramic pipe in diameter 10 cm, connected with subfloor system of heating was established to the hole in the middle of circle. Consequently, the room for namaz was heated by dry hot air.

System of heating, water supply and sewerage in the Otrar bath-house was following: water came to the bath-house by water pipes made of clay water pipes, established in underground of tunnel. The remains of some water pipe lines are fixed in tunnel itself and in the place of talking water on the bottom of water reservoir. Water pipe system existed in the X–XV cc. Water was heated by the help of cauldron, plastered into the bottom of tank. Cauldron, filled by water was the main “heating element” water did not come to the rooms by the system of pipes, but it was supplied through the special apertures in the wall, which separates washing rooms from the premises with tanks.

Sewerage water was going to the channels in wall and then to the absorbing wells. One of such channels was discovered in the wall of premise 9. It is covered by burnt bricks and it is connected with aryk, by which water was going to the absorbing well in diameter 1 m. The last one, cleaned out on the depth 2 m, is filled by friable, lump shaped ground of greenish color. Otrar bath-house was heated by one fire-chamber situated outside, closed by tent.

Under the floor of bath-house there was established system of heating channels. One channel from fire-chamber passed under the floor and brought the heat to the heating system of the premise 5 through the hole in diameter 20 cm. Heating system channel was going by three main directions, which were divided under the straight angle in the center of subfloor space. One was going to the premises #4 and #2, another one – to the premise #6 and #7.

The first channel has the width 0,5 m, and the second one – 0,4 m. Channels are rectangular in cut and they are formed of burnt brick, put plain in one line by several rows. So, the thickness of forwarding barriers depended on the shape of brick.

The main channels had double over lapping of two put under decline bricks. Section of such channel in length 0,5 m has been preserved.

Heating channel connected premise 5 with central hall. To the same place was supplied the main heat from subfloor of premise 4. And system of forwarding barriers was established so, that heat was directed to the center by six channels. In subfloor of premise 4 there stood 8 barriers, each 2 in four order. Brick barriers, situated at the outward edge, had the length 0,5 and 1,7 m.

From the subfloor of premise #4 the heat was supplied to the premise #2 by pipes, one of which was going to the center of premise. In subfloor of premise 6 the heat was supplied from channel, going from subfloor of premise 5. Six barriers, put by three in two orders, established the system of seven channels. Short barriers had the length 0,5 m, the long ones – 1,3 m.

Premise #7 was heated by the heat, which was going by the main channel through subfloor of premise #6. The heat was circulated freely between the columns. There were 24 columns and each of them was formed by bricks.

Central hall was also heated by help of free circulation of heat between the columns. There were also heating barriers in length 0,5 m. Two of six barriers are situated in the center of subfloor.

Premise #9, apparently, as well as premise #2, was heated by help of pipes.

Temperature in the bath-house was regulated by the way of opening of closing of vertical flues made in thickness of outward walls. In Otrar bath-house were discovered three flues in the middle parts of the north-western and south-eastern walls.

Architectural view of the Otrar bath-house can be reconstructed only by compare sow of plan and the remains of its constructions with other medieval eastern bath-house.

Most likely, that from outward was situated the group of 9 cupolas, including cupola of central hall, giving to all construction the characteristic view. Probably, they overlapped all premises, except one, where were situated cisterns for water. Central premises and middle hall were overlapped; apparently, by ring shaped cupolas, and corner ones – by “balhi” cupolas.

The floors were put by plates of burnt bricks in sizes 40×40×10 cm. In the central hall they, most likely, were glazed ones. By the remains of paving, the floors in the premises 2 and 7 were covered by blue and white – blue glazes.

Two building periods are distinguished clearly in the bath-house existence. At the beginning it had the sizes 13,5×16,5 m, and all premises, at the exception of central one, were equal by its square – 7,2 m².

The second period is characterized by some reconstructions. Outward south-eastern bath was put away for 2 m, and south-western – for 1,5 m. Consequently squares of premises ##1, 2, 7 and 9 had been increased – up to 13, 10, 8, 15 and 20 m². The floor of the premise 2 was covered by glazed bricks above simple brick paving of quadrangular plates in sizes 40×40×10 cm.

Subfloor of premise 7 was isolated from heating system. The main heating channel was closed densely by burnt bricks. Consequently, apparently, the intension of washing rooms had been changed. Initially premises 5 and 6 served like hot washing rooms, and 7 – “cold”. Now the premise 5 remained hot washing room, and 6 become “cold” washing room. The widened room 7, apparently, became the place for rest. Its floor was put by polychromic glazed plates, formic geometrical pattern. The changes happened also in the interior of premise 9: in its center were situated the opened swimming pool and square for leg washing and along the walls were established sufas.

Such planning, destroyed by talking of bricks and the latest burials, had been preserved to the moment of excavations.

Ceramic material of bath-house is mixed strongly and can not be divided for chronological complexes, connected with two building horizons. Unglazed ceramics is presented by the pieces of khums, tagora, jags, and mugs. Ceramics of easel work differs by standardization of the types of dish and ornamentation.

Glazed ceramics is presented by bowls of types, like kese, bowls, and chirags. There is dish, covered by transparent glaze above white angob and paintings of red and black colors. Red, yellow and green glazes are characteristic for a big group of ceramics. Ceramics with yellow glaze above light angob is painted by green and brown, dark brown and brown colors. Motives of ornament are geometrical; its locations are meridian shaped and ray shaped from the center of bowl.

Ceramics covered by dark-green glaze and sub glaze painting was spread. Outward up to the middle of body the bowls are painted by brown colors. There was dish covered from one side by green color and from another side by yellow glaze.

The big group of ceramics is covered by transparent glaze above dark red and brown angob. Ornament was herbal, geometrical or combining that or another elements. Such ceramics is characteristic for the XIII–XIV cc¹¹⁹.

Another group is characterized by blue or dark blue glaze, painting by blue black color. Paintings are of herbal or geometrical plan. Such ceramics was spread in the Otrar XIV – early XV c.

The attractive is the bowl, covered from the both sides by dark-blue glaze painting. It has plain walls and curved under straight angle edge, ring shaped bottom. Diameter of dish is 27 cm. On the inner side there is ornament, made by dark-violet painting. In the center was pictured eight – petal rosette with eight radial lines going out. Each of eight sectors is filled by fine herbal sprouts and big flowers, framed by triangles and stripes. All composition is closed into circle, formed by double line. Then there are going two stripes, in one of them was the inscription and other one contains ornament of stylized Arab letters in reserve.

The inscription is done by talik script of early variety. Influence of script suls is noted, widely spread in the second half of the XIV – early XV c. Production of bowl can be referred to that time by row of features of script.

Text on dish is translated as follows:

All you deals come true by your wish

The God is protector of your throne

.....
Evening comes. You are my lovely in the world...

More than half of bowl is lost and so it is difficult to say which of beits (couplets) the first was. By the style poems present folklore good inscription (I beit) and love lyrics (II beit), probably, in sufian plan, identifying the lovely with the Cod. The language is alive, colloquial, but archaic, what is characteristic for folklore. Small quantity of Arab adoptions tells, apparently, about more ancient origin of poems¹²⁰. During excavation of bath-house there were found 22 copper coins of bad preservation. It was not successful to define two coins the others are distributed, as follows: to the XIII–XIV cc. are referred 13 coins, two of them, probably, belong to the coinage of Sygnak of the XIV c., another ones were coin aged in Otrar in the second half of the XIII–XIV cc., in Bukhara, Almalyk in the XIII–XIV cc. Coinage of two coins can be referred to the XIV–XV cc., coinage of four ones – to the XVI–XVIII cc. One coin, supposedly, is dated by the XII c.

So, ceramic and numismatic material let to reefer the time of building and functioning of bath-house to the second half of XIII–XIV c. Apparently, at the beginning of the XV 151c. bath-house was destroyed, and its place appeared constructions and pottery ovens. In the XVI–XVIII cc. that part of town was occupied by the cemetery.

Kayalyk bath-house before excavations was rectangular in plan hill in square more than 900 m² up to 2-2,3 m. Wall layer of burnt bricks was discovered on the level 50 cm from the modern day surface of “hammam” type was revealed during future researches.

In plan bath-house is rectangular in sizes 11,36×8,9 m, consisted of eight premises, situated around the central hall, and also the entrance in a form of tambour in the eastern part. For premises are connected with central hall by wide passes, forming cross shaped planning. Three premises are connected with central hall by narrow passes, cut its corners. The northern outward part of premises, “Г”- shaped bordered from the southern and a western wall by the walls of construction was, apparently, occupied by aiwan. Findings on its territory of khums with holes in its low part, probably, could be the evidence of drinking wine, and the yard – aiwan itself is the place of rest after bath procedures. Three axes of construction create feeling of balance. In the middle axis are placed the central hall and two washing rooms. In the northern washing room was established the bath. The eastern axis consists of three premises: tambour shaped entrance, premise, for leg washing and washing rooms with gracious bath, separated by not high board and arch aperture. Three premises are built by the eastern axis: two soap bath and the technical premise with round shaped cistern for water heating. The western wall of north-eastern wall of the technical premise is destroyed strongly, what is indirect evidence, of premise of window – aperture for talking water.

The first premise of the bath-house is central entrance situated in the eastern part of construction. It is tambour shaped corridor in sizes 2,24×0,8 m, prolonged along the south-eastern wall of premise #1. The corridor is started from the ladder made of one row of bricks in sizes 26-26,5×26-26,5×4,5 cm put in three layers. The height of step is 15 cm. From the corridor through the pass with 0,9 m it was possible to enter premise #1 in sizes 2,8×2,1 m with the established in the northern part small, but rather deep (0,4 m) bath (1×0,5 m). It was the hygienic premise. Narrow pass from it in the western corner was going to the central hall #5 in sizes 3,3×3,7 m. Entrances from the central hall are opened to all premises of complex.

The northern corner remained the low part of arch – the constructive element for cupola in central hall. The bases of arch are supported by the body of wall section, making the entrances to the premises 5 and 7. Section of floor lying, situated under the arch, is formed by a step is height 5 cm is one brick. Usually the tromps like sub cupola construction were not used in the building of bath-houses, because they blocked construction in walls of high and big niches, where sufes were situated¹²¹.

To the massage premise #2 (2,19×2,13 m) was going the wide entrance (1,41 m); to the “technical” premise #3 (2,8×2,7 m) with cistern for water heating, was going the narrow pass in width 0,5 m; to the premise #6 was going the pass in width 1,44 m. In washing room #6 was situated the bath in sizes 2,06×0,5 m and depth 0,3×0,45 m. In washing room #4 (2,73×1,75 m) with pass in width 1,33 m was situated the bath in sizes 1,75×0,7 m and depth (0,3×0,45 m). Two soap room’s #7 and #8 with. Bath of big sizes was situated in the north-western side from the central hall. The sizes of room #7 are 3,5×2,2 m and #8 – 3,69×2,75 m.

Premises of bath-house were over lapped by two means usually – cupolas and arches of “balhi” type. Importance of premises was underlined by building above them of cupolas,

supported, as the rule, by “bagali” construction ones or the system of shield sail “gadjak”. Cupola of the main hall, hammam of Kayalyk, which had in plan the rectangular form, was supported, apparently, to the system of spherical sail “bagali”, which let to enter the cupola from any configuration of hall. The sails were put on to the arch apertures of entrances. Not high cupola was built for the maximum keeping of warmth. By more simple by its forms “balhi” arches from four corners to the middle, particularly were over lapped less important premises, particularly, technical. Narrow passes often were over lapped by semi circular arch or small arch.

The obligatory element of hammam bath-house, like dressing room, was not discovered.

The main function of narrow entrance corridor, most likely, was warmth isolation. Currently it is not known, is this part the heated part of bath-house or not.

Five premises have different size bath constructions, established in their northern part. Two premises are interpreted like “hot”, two “cool” and one “hygienic” One premise by its functional intention is “technical” one, two, not having bath constructions, – massage ones.

The first rooms of complex were, supposedly, for dressing and previous hygienic procedures. This premise with not high temperature had deep, but not big size bath, for the initial washings of legs and body. Similar premises were called “the first and second rooms for leg washing”¹²².

This room was established before the entrance to the central hall, including the functions of steam and massage rooms.

The analogous functions had also premise #2, joint to the central hall.

In the “technical” premise #3 was situated the cistern for water heating, from where people could take the heated water and bring to the required places. Two washing room’s #4 and #6 had average size baths, and washing room’s #7 and #8 – big ones: they were rooms for washing. In such premises the temperature was different: they were divided for cold rooms and hot rooms¹²³. In present case it is possible to interpret the premise #8, like hot premise, as fire-chamber is situated from outward (western) side of this premise, and the narrow pass to washing room is the evidence of the additional measure, the directed to support high temperature.

As it is noted above, in five premises of bath complex of eight existed ones, were situated the baths – cisterns of rectangular form for washing.

The walls of all baths outward were plastered by thin layer of waterproof kyr (up to 1,5 cm) of white color. Method of kyr production is rather simple. So, V.L.Voronina informs on the interesting receipt given by Tashkent master: “Selected lime and ash of morass cane kyiook mixed and the last one is 1/4 or 1/3 of volume.” Ash of kyiook is taken from leather hand craftsmen, which used it in their production. Mixture should be mixed very well and it should be put into cauldron, mixed with water and down of morass cane’s tuzgoh cones. Then should be added eggs: 20-30 pieces for cauldron. Then it is recommended to add into infusion the grades treacle shinni (half basket, basket). Process of plastering is being continued several days: kyr, becoming firm, is cut; then it should be sprayed by mixture of water with treacle (up to complete filling) and it should be polished by plain stone – the method identical to ironing of cemented surfaces¹²⁴.

We can suppose, that façade part of each bath had gracious arch aperture. This conclusion is based on the fact, that the bath constructions of the premises ##4, 7, 8 kept the bases and “feet’s” of arches, can be called surely, taking into account their form, like round shaped. Façade part of baths, situated in the premises ##1, 6 are destroyed and at present time we

can say only hypothetically about the existence of arch apertures in these places. The walls of baths are the main walls of construction.

The interesting fact is, that inner wall of bath in the premise #1 in low part is “strengthened” additionally by three big bricks in sizes 39-40×39-40×4,5-5 cm, put vertically with layer of kyr on top.

Each of the described cisterns had the “board” – the all, “formed in brick”, defining the border of bath. It is necessary to note, that these walls are not connected with the main walls, but they are only joint with them. Connecting seam was plastered by clay infusion, the same, which was used for buildings of all bath-house. The boards of baths in the premises ##1, 4, 6, 7 are made of several rows of bricks (preserved are constructions up to 7 rows). The bath in premise #8 was marked by the board put in one brick in thickness 26-26,5×26-26,5×4,5 cm. The boards of bath constructions in washing room’s ##4, 7, 8 were situated from the bath sides and they were ended by the bases of arches, presenting itself the layer in one row bricks put plain. So, the arch apertures had the width 26-26,5 cm. The feet’s of arch apertures are stated from 0,4 m from the level of bath’s floor. The constructive peculiarities of arch element of premise #1 and #6 are in their smaller width – 13-13,5 cm, as they are made of the brick analogous by sizes the board of bath.

Central inner part of all baths, covered by layer of kyr, is destroyed strongly, and the bath in the premise #6 preserved the traces of lap-robe of round shaped form. Supposedly, sink constructions existed in that constructions.

Bath cisterns can be divided for three groups by the volume of bath cisterns.

Baths of big sizes (2,1×2,25 m, depth 0,45 m) – 2 pieces, they were situated in the premises ##7 and 8. Two baths of overage sizes: 2,06×0,5 m depth 0,4 m were situated in a premise #6; 1,75×0,7 m, depth 0,45 m – in the premise #4. One small bath in sizes 1,0×0,5 m depth 0,45 m was cleared in the premise #1. It is necessary to note, that the level of bath’s bottom was situated lower for 0,2 m than the bath’s floor, floor paved by plates.

Massages were one of the bath procedures¹²⁵. “Method of washing is extremely strange: you lay in all height, you are rubbed by hair brush, scratched, beaded, broken and all these refresh your body very much”¹²⁶.

Sub floor system of heating hypocaust is the brightest feature both of Rome therms and eastern hammams. In the Rome bath-houses the hot air from fire-chamber circulated freely between the columns, where was built the floor, and the heat was supplied usually to hammams by heat channels. There were no heat channels in the walls of bath-house.

The rubber’s trench destroyed the wall and floor between the premises #7 and #8, in the result of which appeared the possibility to study the system of heating of the above mentioned constructions, not taking off the floor plates.

The base of all system of bath’s heating was the loess sterile layer of whitish shade, what was, apparently, the result of high temperature. The next level, which played the role of base in the places of building of base – columns, they are stones (boulders and pebbles), deepened into loess deposits. The columns of the rectangular form in height about 0,45 m formed of burnt bricks, were in their turn, the base for building of heat channels. Channels are made of three plates, two of them were put vertically, parallel to each other, and the third one was put on them horizontally. Channels are situated in two levels – in chess order. The width of bricks with layer of loam with lime and ashes (?) with capacity up to 7 cm under the floor plate. The layer played moisture isolation functions. Close location of heat channels in regard to the floor in the possible evidence of definition of this washing room, like the hot premise.

In the premise #8 the low level was also the loess level of whitish shade, what proves the high temperature. The second layer – base of not high base – columns were stones (boulders and pebbles). The third level are columns of sub rectangular form in height 0,23-0,25 m. There bases of three rows of bricks had different width. The layer in two bricks had the width 0,55-0,58 m, and layer in one brick had the width 0,26 m. System of heating channels laid on the base – columns. Channels had sub triangle form. They are made of two plates put under decline one to each other. System of horizontal brick laying raised above channels on height in one row (4-4,5 cm) was observed between channels. The next level is the dense layer of cast loam white color in capacity 0,15 m under the layer of grey loam with ash in thickness 0,06 m, apparently, which played the functions of warmth and moisture isolator. The layer of white kyr (3 cm) with plastered floor plates was protected by hypocaustic. Such compound system of device, and distance of heating channels (about 50 cm) from floor level, is the evidence of closeness of fire-chamber camera. These measures were intended for protection of feet's from burn. And the narrow pass going to this premise and closeness to the fire chamber is the doubtless fact, that this is hottest premise of the whole bath complex.

The excavated complex was researched not completely and so problem on location of fire-chamber is opened, while it can be supposed, that the discovered aperture in width 0,98 m in the outward wall of premise #8 is the destroyed heating orifice. The supposition is based on the fact, that aperture is situated lower, than the level of bath's floor, covered by plates. Construction of oven month for heating of sub floor is described, by Vitruvius: "Sub floors under the hot bath are done as follows: first of all the floors are put by one and half feet bricks in decline to sub floor oven so, that it could go down itself to the oven month and then the heat will be spread easily under floor"¹²⁷. Describing the baths of Armenia, O.Kh.Khalpahchian says, that the floor of heating premise became lower in comparison with general level of floor¹²⁸. This information confirms, that technically fire-chamber itself was established lower, than hypocaustic, what characteristic, for the describing situation. Secondly, near the aperture was discovered a big concentration of ash – the evidence of use of fuel for heating the bath. It is not clear the establishment of cistern for water heating in the opposite end complex (premise #3). Fire-chamber in bath-complexes in the other regions was situated directly under the cistern for water heating.

The baths were heated by local fuel: kizyak, brushwood, straw and wood. Cleaning of heating channels was the deal rather difficult: for removing ash and lightening of passes sometimes were taken off the plates of floor. Such procedure had been done two – three times a year.

For detailed clarification of the constructive peculiarities of walls, presence or absence of base, clarification of day surface level along outward S-W wall was put the investigational shaft level along outward S-W wall was put the investigational shaft #2 reaching the earth (sterile) layer.

Exactly that shaft showed that for construction of bath was dig up the foundation pit and the walls were built. So, on the surface of S-W wall from side is well – readable some levels of brick laying, starting from the low one, put without the base on to the loess deposits and ending by the last one (in height 1,42-1,43 m).

Seven rows of bricks (1-7) had bright brown color; three rows (8-10) with traces of strong corrosion; two rows (11-12) of bright brown color.

It is obvious, that twelve rows of bricks (bright – brown color) mark the level of bath construction. Before brick layer was "entered" into the dig up base hole. The brick preserved its natural color, because sun rays did not influence directly on its surface. At the same time,

when other eight rows of brick laying were situated above the level of day surface and their sides had faded. Three rows of plates (8-10) have the traces of strong corrosion – obvious evidence of moisture surface (outward side of walls) which is marked by two rows of bricks (11-12) of bright bourdon color.

There were not fixed any flues while the presence of last one in supposed.

Light and ventilation were realized through the holes in arches and cupolas. In rare cases the windows were established in the walls. Apertures in cupolas were protected by caps of burnt clay with cuts or glasses. Some fragments of transparent window glass were found of the floor of the sixth premise.

Premise #3 was “technical”, what is explained by location in it of a big cistern for water heating (diameter of cistern is 1,27 m, thickness of walls is 0,12-0,14 m). This is reservoir of round shaped form, formed of halves of pieces of bricks put in one row on to the claw infusion with thin with thin layer of “kyr” on top. Thickness of walls is 0,14 m, thickness of plastering is 1 cm. In the low part the reservoir is some wider (diameter is 1,45 m), than in the upper part (diameter is 1,25-1,27 cm), the height of southern well preserved wall of cistern is 0,84 m. The bottom of cistern did not have the hole so characteristic for similar kind of construction. Usually, into the bottom of cistern was plastered cast iron kazan, which promoted quick heating of water. In present case it was success to observe four layers amount the base of cistern. The low level is the layer of dark grey color with pieces of bricks with traces of tempering. The layer of big bricks (39-40×39-40×4,5-5 cm) was put on it. It was presented by white clay, thickness of plastering is 4,7 cm. Fragments of bricks were compared one to each other comprehensively and there were seen the traces of kyr.

So, heating of water in cistern is connected completely with temperature gradations in hypocaustic. Additional fire-chamber near the cistern from outward side was not revealed, while its presence together with another one, situated in the western part of construction, is possible.

Apparently, the system of supply of heated water is simple. In was taken and put into the cisterns and distributed to washing rooms.

The numerous findings in excavations were ceramic parts of water supply (kuburs).

Several ceramic water pipes were discovered in different parts of excavations in raw brick deposits and in house hold pits. The separate part of water pipes of 6 sections did not have any relation to the central construction. Most likely, this fragment of water pipes was referred to the latest in regard to the bath-house chronological horizon.

In the south-eastern outward wall of the main construction, in 1,76 m to the east from the southern corner, of the depth 0,43-0,45 m from upper level of walls there was discovered the ceramic pipe in diameter 9 cm, thickness of wall 1 cm, going to the outward wall by low part of socket. 10 cm of wide part of socket of this section was outside. It is necessary to note, that from inner side of premise #3 wall identified like the technical one, there is no exit of this pipe.

From another side in the premise #1, in the place of joint of outward and inner walls, dividing the premises #1 and #4 is seen the exit vertically put ceramic pipe in diameter 10 cm (thickness of walls is 0,9 cm) – by its wide part of socket going to the brick laying of wall. During cleaning of this space there was discovered the second section, joint with upper one, put also vertically. It can be supposed, that net of water pipe was situated inside brick walls. There were not fixed any traces of soot on inner surface of kuburs, so they were not defined like ventilating inner wall devices.

The source of water, situated of foothill section of closely situated forest was currently existing spring with slightly salt water. It is obvious, that it was enough pressure, created

by the natural difference of height, for water, going by the main line of town water pipe net, by private exit, cut into this line. This water reached the pipe, built into outward wall of bath house construction and then by the net inside walls, it reached vertically put pipes, by which water was going up and reached deep bath of premise #1 of bath house. The base of system of water sink from the premises was formed on lowering of floor levels in hammam premises. Visually there was seen the low level of floor of central hall #5 in regard to other rooms. So, it obviously seen, that from the premises ##1, 2, 3, 4, 6 and less probably, ##7, 8 water flowing to the floor reached the premise #5. During such system of sink there was not required a big quality of the additional constructions in a form of sinks, small channels, sink pipes. There were discovered only two additional channels for sink, cut in the plates of the premises #3 and #5.

In the premise #3 (technical), which was connected continuously with a big quantity of water, as the additional measures, directed against water stagnation, in some section of floor the sides along the southern wall in floor plate was established small channel for sink in direction of central hall. It is necessary to note, that plates of this floor are put into three levels: the first one (the highest) has the width 0,86 m the second one (the level lowering consequently for one row of plates – 4-4,5 cm) – 1,08 m and at least the last one let water to flow down to the central premise.

In the southern part of premise, perpendicular to the wall of cistern vertically is put the brick, plastered by kyr. Apparently, this is one more measure to remove sink water from the premise.

Along the south-eastern side of central hall, near the pass to the premise #2 was cut the small channel aryk with sink in the center by which water reached inside hypocaustic. Then water was going out the premise. The place of water sink depended on the topography of place.

Additionally in the pass between the premises #1 and #5 was established the sink hole of round shaped form in diameter 20 cm. It was cut in center of floor plate. The main function of hole is the pipe-bend of a big quantity of water through the system of hypocaustic outside the bath house. This measure is adopted, probably, because premise #1 is connected with supply of water by the net of kuburs for all bath complex and volume and sink, established in a deep bath.

As it was mentioned, each bath had sink, which sizes and establishment are not defined currently. All these tell about existence of strong single system of water pipe-bend, established inside or lower the level of hypocaustic.

The floors of washing rooms were done under decline with flow to the sink hole.

During excavations there were revealed several variants of burnt brick's sizes.

Table

Brick	Size of plate (in cm)		
	Length	Width	Height
Big size	39-40	39-40	4,5-5
Big size (A)	31	31	4
Average size	26-26,5	26-26,5	4,5
Small	24-24,5	24-24,5	3,5-4
Halves of brick	13,5-14	28-28,5	4-4,5
Figures bricks with soiled edges (round shaped) – rhombus			

All bricks have longitudinal lines (traces of fingers), made on raw clay – action, direct to strengthening of layer.

Under the previous study of layer: in two bricks, layer in “one and half brick”. Bricks of big sizes were used for paving of floors.

All inner walls were covered by the layer of kyr in thickness ~ 1 cm.

Outward sides of walls did not preserve the traces of plastering.

Central stratigraphy edge on all prolongation was taken into the base of research of stratigraphy situation. For the detailed examination of all layers and layers was used the shaft #1, in depth 3,1 m up to the earth. So, the possibility appeared to observe completely the levels from upper turf up to the earth one.

On the base of ceramics, and also the analogous by construction bath complexes researched on the huge territory of Eurasia, we can refer more or less surely the bath of Kayalyk to the XIII–XIV cc¹²⁹.

Bath house of Zhaiyk site was situated almost in the center of site. It is destroyed strongly by taking of bricks for secondary use. It was a success to reveal partially planning of its suckling part.

The building of bath house was semi underground construction, suckle part of which was situated on the earth on the depth 1,2-1,3 m. Apparently, for construction of bath house was previously dig up the foundation pit, where was built the base of bath house and heating system in a form of heating channels under the floor of the main premises. The floor was supported by brick columns, situated in chess order. Outward walls in thickness 1 m were built close to the walls of foundation pit.

The southern outward wall of bath house was destroyed completely. Only small fragment of laying in width in two rows of bricks has been preserved. The western wall was destroyed up to the base and on the floor was observed its traces. The northern outward wall where the entrance was situated, as all north-eastern part of complex, remained out of the borders of excavation.

Bath house has cross shaped planning. Its central premise had octagonal plan, placed into quadrangular with the side 4 m.

Benjuares – niches with sufas increased the square of central hall. The passes to the premises, intended for washing, were going from the hall. Apparently, they had different temperature of heating – “cold” and “hot”. Washing rooms were supplied by basins and cauldrons. Some of them were attached by alabaster infusion to the sufas (obvious traces of alabaster are presented on many fragments of ceramic vessels). Cold water was supplied to the premises by pipes, probably, installed in walls. A lot of pieces of ceramic pipes – kuburs with characteristic “cuff” on the edge of pipe, going to the premise, was closed by the special ceramic “Cover” was fastened at the edge of pipe by alabaster infusion. Supply of water to washing rooms was regulated by it¹³⁰. Three similar “covers” were discovered. In Volga River region of Golden Horde such findings are called “corks”¹³¹.

On the territory of Golden Horde archaeologists researched the remains of more than 20 town bath houses. It is noted, that in construction of bath house in Volga River region there are two building traditions in two types of planning: “Rome – Byzantium”, connected with line planning and the “eastern”, presented by cross-shaped planning¹³². The row of characteristic features, noted under excavation of bath house on the site Zhaiyk let to refer it to the bath houses hammam of the eastern type.

The square of the bath house Zhaiyk site is defined previously in 110-120 m². Central hall had octagonal planning. Premises for washing were joint to it from the east and west.

The bath house was heated by sub floor heating system. Heating channels were established under the floors and sufas of all inner premises. Suckle part of all construction was deepened as minimum for 1,4 m into ground. Water was supplied to washing premises (and to the bath house) by branch system of ceramic pipes. In the similar bath houses of Bulgar remained much better, the water was supplied practically too all premises, cold and hot by the way of ceramic pipes, installed inside the walls. Small stone cistern stood in the premises under exit of pipes from the wall.¹³³

It is necessary to note, that this type of bath houses exists in Central Asia currently without any changes. The analogous by planning bath house functioned in Shakhirizyabs (Uzbekistan) and on the territory of the cult complex of Khodja Akhmed Yasawi in Turkestan last century.

Bath house of Saraichik site. This big town is situated on the bank of Ural River. The part of site has been preserved and another one was washed out by river. The preserved south-eastern part of bath house was cleared during excavations. The materials received during excavations let to define functionally distinguished parts: washing section consisted of two premises and pre bath house section.

Saraichik bath house was prolonged rectangular in plan building consisted of three premises situated in row along long axis: pre bath house section with partial heating, soap rooms, consisted of two premises of heating with sub floor heating and fire-chamber section. Water could be supplied to the bath house from Zhaiyk River (Ural) or its branch Sorochinki by water lifting devices like chigir or from the nearest well. Hot water from heated cistern in fire-chamber section was supplied to the washing premises by water pipes installed, apparently, in the walls. Fudging by the analogues, premises of washing section had arch over lapwings, and pre bath house section had plain over lapping.

Washing section is presented by the remains of two premises: ## 1 and 2. In that premises preserved the system of sub floor heating, deepened for 0,6 m in regard to the level of wall basis. The wall of washing section remained in length for 5,9 m.

Premise #1. The south-eastern wall is well preserved and its biggest part is made of raw bricks. The part of wall, going inside the premise was done of burnt bricks put in two rows.

Small section of south-western wall of thickness 0,64 m put of burnt bricks in sizes 24×24×5-6 cm has been preserved. The laying was fixed to the south-eastern wall, what proves their one time building.

In the southern corner of premise 1 remained two columns of bricks from heating system of bath house. The column which was the nearest to the southern column remained on height in 3 layers of bricks, the second – in two layers of bricks on clay solution.

The bricks had sizes 24×24×4,5 cm. The height of columns is 17-20 cm; distance between them is 18-20 cm.

The premise #2. It joints to the premise #1 from the north-east. The south-eastern wall remained best of all: the length of the remained part is 2,8 m, the height is 1,34 m. It remained on height 1,34 m. The wall is formed of big size raw bricks in sizes 34×34×4 cm and of burnt bricks in sizes 24×24×5-6 cm.

Premise #3 is pre bath house premise. The north-eastern and the south-eastern wall in length 10 m have been preserved. The remains of sufas with heating system like kans are fixed in the premise. Sufa and heating channels are made of raw bricks in sizes 41-42×20-21×6-7 cm. Excavation showed that in sufa had been put three channels: the width of channels is 20-31 cm, the depth is 15 cm. The bottom of channels was going up slowly to the north-east.

The remained fragments of building constructions of bath house were revealed during cleaning of the premise. So, fragments of floor in sizes 38×56 cm were found. The bricks in this block are fastened by moisture proof solution, then the layer of kyr is going in thickness 2,5-3 cm; the following layer consisted of bricks of small sizes and pieces of bricks. The upper layer of floor was covered by the layer of kyr in thickness 5 cm, the general thickness of floor is 19-20 cm. Fragment of wall – partition on was revealed and cleaned, where was plastered vertically the ceramic pipe.

The details of architectural décor – the plate of cash in with blue glaze and sub glaze painting of blue color in a form a geometrical figure of triangles and rosette, decorated by gilding were revealed during excavation of bath house.

The tens of coins of the XIV c. were found in filling of the premise. It is necessary to note among all findings the fragment of glazed ceramics with sub glaze painting by cobalt color. Appearance of such ceramics is referred to the late XIV c.

Treasure of 84 coins was found behind pre bath house premise on the level higher than the surface of wall basis. The mass of coins had prints of fabric, probably, from the bag, where was kept the treasure. The upper date of treasure is defined by the latest coin of Abdallah-khan (1360-1370 y.). So, the time of building and functioning of bath house is referred to the first half of the XIV c.¹³⁴

Chapter IV

Memorial Architecture: Mausoleums and Necropolis

Mausoleums

The early Islam as it is known, prohibited building of monumental buildings, seeing in them sinful idolization of a man, but prohibition had been infringed already in the IX c. by building of mausoleum over the remains of Khalif al-Muntasir in Samara. Since that time dynastic family burial vaults – mausoleum for noble people, monumental buildings over the remains of dogma teachers were being built. Those monuments got the name "mazar" and status of objects of worship.

It is considered to call mausoleums – mazars. Like cult construction and the people buried there are called Islam sacred.

Mausoleums amount the essential part in the system of constructions of the X–XVIII cc. This is explained by popularity of Sufism in Kazakhstan with its cult of burials and traditions of respectful playful attitude to the burials of people, admitted wise and religious.

The majority of mausoleums of the X – early XIII c. are cupola shaped, more often quadrangular, multi – sided or cruciform in plan. Quadrangular space of building is widened usually by axis niches with cupola supported on tump. Upper cupola cover got sometimes the form of cut, cone or grooved tent in double cupola covers appeared in the XI c.

Dominating feature of mausoleum classification can be admitted quantity, location and establishment of entrances. In the case classification looks like follows.

Centric buildings of “chortak” type with four axis entrances, equal facades and space the variant of this type are cupola halls with two entrances on general axis.

Facade mausoleums are buildings with the main entrance facade, formed like portal, decorated richer than other facades and sometimes raising above them like portal-peshtak. Side entrances are possible. These mausoleums are considered for entrance and appeared from one main side. The main façade differs from another ones by one, but important feature, for example, frieze with inscription.

Portal mausoleums were with the main facade by portal-peshtak with pylons going out of facade’s space (difference from buildings of the previous type) and height bigger, than the

height of other facades. Mausoleums of two last types differ from the analogous mosque, by absence of mihrab and as the rule, by direction to the sides of universe.

Mausoleums with multi – sided plan usually with strongly developed portal can be included into the special group.

Some mausoleums do not correspond to any the above mentioned categories. Mostly they are multi-camera buildings or which got the “untypical” view because of the additional buildings and reconstructions, combinations of gurkhana with ziyoratkhana and other premises. The first experiences of such kind constructions are dated by the XI–XII cc.

The burials in the majority of mausoleums of that time were established in the ground under the floor. But in some burial – vaults of the XI or in the XIc. there are crypts – small and over lapped by arch, with dromos trapdoor from the side of entrance. Early crypts are not connected constructively with the walls of mausoleums but they are located precisely relatively the premise was above, what proves the same time of building¹³⁵.

Kayalyk mausoleums. Discovery of two mausoleums, situated near the eastern gates of town tells about the essential spread of Moslem culture in the town of the north-eastern Jetysu already in pre-Mongol period. The materials collected during the research of that construction gives the possibility to study introduction of Moslem culture into the life of citizens.

Kayalyk mausoleums are referred to cupola shaped ones with the distinguished entrance main facade, decorated richer than other facades and sometimes raising above them, like portal-peshtak. These mausoleums had entrance from one main side¹³⁶. Building of rich mausoleums in the traditions of Moslem architecture is the bright evidence of situation, when Islam could not to eradicate local traditions or laws and so there was the attempt to give them Islam tint, to sanctify them by Islam laws¹³⁷.

The size inner space of the western mausoleum is 9,3×8,9 m. Apparently, facade had the form of arch niche in the rectangular frame. Portal of the western mausoleum was wider than the southern facade. Cut triple-quarter columns remained from two sides of portal. The eastern mausoleum was built to the western one and the eastern wall of the western mausoleum became general, connecting these two premises. Portal of the eastern mausoleum is going out for 3,7 m in the northern direction. And inner surface of the eastern mausoleum was 5,8×5,8 m. Such deepening of facade, underlines brightly its subordination the western mausoleum. Portal of mausoleum is identical to the portal of the western mausoleum constructively.

Obstruction of bricks from the broken facade wall was fixed in front of the mausoleums. There were found fragments of plates, decorated by geometrical and herbal ornament. The numerous are fragments with Arab inscription Nash and kuphic with compound tangle of strict broken lines and herbal ornaments. There are also fragments of carving on ganch plaster.

On the plates in sizes 54×34-45×5,5 cm by deep (up to 2 cm) carving is shown the compound tangle of Arab script and background ornament – palmettos, flowers and stems. Wide four – centimeter stripe, transforming the combined plates into single stripe, decorating the entrance was cut in upper and low parts of plates. The second kind of plates in sizes 56×39-40×5 cm is decorated by geometrical ornament, where broken lines form the compound composition of cross shaped figures. The depth of carving reaches almost 2 cm. Geometrical herbal ornament is seen in low parts of plates. Fragments with not deep relief up to 1 cm carving on ganch with herbal and geometrical ornament have been preserved; most likely, they are the details of interior of mausoleum.

The richest of the façade part of mausoleums of Uzgen memorial complex of the XI–XII cc. can be called, like one of the closest analogues¹³⁸.

Two burials were revealed in the first mausoleum. They were established in the northern part of mausoleum by the center, perpendicular to the northern wall. The places of burial are marked by two parallel walls in thickness one brick, formed of burnt brick in size 27×27×5 cm.

The burials discovered in mausoleums were done of the depth 0,6–0,7 m in burial pits in sizes 0,92×2,1 m, covered by burnt bricks on the perimeter. Burials in wooden coffins are overlapped by beams. Skeletons were put by Moslem tradition – on the back, head is turned to the side of Kiblah.

The first burial was fixed on the depth 0,65 m between walls-fences. The burial pit was covered by burnt bricks on the perimeter. The north-western side is wider than the south-eastern one for 22 cm. The depth of pit is 0,62 m and the walls are formed of 9 rows of layer. The direction is by the line south-south-east to north-north-west. The floor of burial pit is covered by burnt bricks in size 25×25×5,5 cm.

The burial was overlapped by the beams felt into the pit. The burial was done in wooden coffin by Moslem tradition. Skeleton laid of the back, the facial part of head was turned to the side of kiblah. The skull is cut by felt beam. The hands lay on stomach. The right leg is straight; the left one is curved in kneel. Remains of shoulder are preserved in the upper part of skeleton. Iron fastenings remained from coffin and wooden beams are reduced to dust completely.

The second burial was done from the eastern side from the first one and it is separated from it by wall-fence by the level of day surface. The burial pit is marked by dark-green spot, rounded on the perimeter by yellow-brown ground with pebbles.

On the depth 40 cm from the wall-fence under the pebbles was discovered over lapping of 14 cm beams. Over lapping felt into the burial pit. At the northern edge, at the head was cleaned out the obstruction of broken burnt bricks. There was also found fragment of carved plastering with geometrical ornament, fragments of iron cauldron's nimbus and glazed bowl (green – outside and yellow glaze – inside).

The beams of over lapping are oval in cut in diameter from 10 to 20 cm and put across the pit. The edge beams were on the walls of burial pit and preserved the initial location.

Vault in sizes 2,05×0,67–0,92 m of burnt bricks (28×16×7 cm, 35×19×7 cm) was discovered after removal of over lapping. The vault was widened to the side of head of the bed. The depth of burial pit is 0,7 m (8 rows of laying). Double burials in wooden coffins were discovered in the burial. Skeleton of adult man laid to the right side to the east. Parts of coffin are destroyed and only upper parts of coffin's cover, iron fastenings and rings are preserved. Fastenings are plate cramps and corners with tracery edges.

During excavations of one of the burials of the eastern mausoleums were fixed the burial things: golden funder-rings with sub quadrangular square and herbal ornament; golden ear-ring, decorated by miniature, widening in a form of cube with cut tops, neck adornment with golden hole pendants in a form of prolonged sphere, formed in the places of solderings by the belt of double twisted flute, fine golden pendants, turquoise and pearl beads.

The numerous memorial constructions analogous to the excavated Kayalyk mausoleums have wide chronological and territorial area.

Mausoleums of Kayalyk as well as the numerous Golden Horde mausoleums have one general peculiarity. The burials were done with some deviations from Moslem tradition (placing of buried in the coffin) or they were accompanied by the various burial things¹³⁹. The burials in mausoleums belonged to the representatives of high ranks.

Mausoleum of Ornek site. Two constructions of different times were revealed out of the central fortification of Ornek site, in the south-western part under the reveal of hill in height 1,5 m and diameter 30 m. The upper construction is presented by the remains of mausoleum with the walls directed by the sides of universe. The walls are formed of burnt bricks in size 21×20×9 cm. The remained height of walls is 0,7-0,8 m, thickness is up to 0,8 m. The sizes of construction by outward circle of walls are 7,5×7,5 m. The floor of mausoleum is paved by rectangular burnt brick (24×12×4 cm).

Mausoleum was used under the collective burials, done in the vaults of burnt bricks. Remains of wooden over lapping were situated on its floor. Pieces of wooden burnt beams were found at the eastern wall. One of the pieces in sizes 55×12,5×2,5 cm is decorated by herbal ornament. The mausoleum is dated by the XI–XII cc.¹⁴⁰

Mausoleum of Otrar XIII–XIV cc. is situated to the west of the central ruins, where was situated the group of several hills.

One of them had the view of hill of oval form (18×20 m), prolonged from the east to the west, in height 1,5 m. The western part of hill was destroyed during building revealed the remains of the western walls, in length 7 m, thickness 0,8 m. Layer remained in the northern edge to the height 40 cm, in the southern – 5 cm.

The remains of wall and north-eastern corner of building had been excavated further. The walls did not have the base; their base was situated on the depth 1,5 m from the top of hill. They were made of bricks of quadrangular form of yellow and red burnt. The sizes of bricks are 25×25×5, 26×26×5, 27×27×5 cm and rarely 25×25×5 cm. The bricks were put flat wise and they were fixed by fluid of yellow color. The remained height of walls is from 5 (one brick) up to 96 cm, thickness is 80 cm (3 bricks). The north-eastern corner had the biggest height – 61-96 cm. Different height of walls is explained by the fact, that in ancient the bricks were taken off for secondary use.

Excavations showed that the walls were the remains of building of quadrangular form in plan (the length of the southern and northern walls is 10,7 m the western and eastern – 10,4 m directed to the sides of universe with small deviation (15°) to the East. The building carried the cult character. Household constructions (fire-places, tandyr) are absent; findings of ceramics are not essential, mostly glazed ceramics. There was situated mazar.

Excavations gave the interesting material about the Moslem burials in vaults. Vaults were built of raw bricks in sizes mostly 20×40×8 cm, sometimes 19×39×8 cm. Glue infusion was fluid clay. Thickness of vault's walls is one brick; the remained height is 25 cm. The bricks were put flat wise. Vaults had the rectangular form. Side walls of vaults were slightly turned out and narrowed to the side of head and leg parts. The length of vaults is from 1,5 up to 2,2 m in dependence of the height of buried. The width is from 0,8 up to 1 m. They are directed by the line south-north with not essential deviation to the West.

It was not a success to observe character of over lapping because of its destroying. But it was established, that the bricks in side walls were put strictly, vertically, without lap inside.

The vaults were situated by single order by rows, sometimes parallel, joining by short walls. They were built on the depth from 0,3 up to 1,7 m from the top of hill, some of them were built on the level of wall's base, along it.

Ceremony of burial was similar everywhere. Burials were done on pahsa square in thickness 20 cm. All burials are single, at the exclusion of one burial, where woman and child were buried. The dead laid in prolong position on the back. Hands were curved in

elbow, hands were situated on pubis. Hands of one buried were put on the breast, left hand of one buried laid on pubis, right hand laid on breast. Heads of all buried were directed to the North, some of buried was turned to the west. There were no things in the burials.

There were excavated totally 20 burials. They were situated around the building and in the quadrangular of walls. It is obvious that the cemetery was established on the place of the destroyed mazar, which was considered like sacred.

Fragments of glazed ceramics are characterized by red angob and glaze of green and red colors. There was also ceramics covered by dark blue glaze. The mausoleum is dated by the XIII–XIV cc.¹⁴¹

Mausoleum of Arystanbab was built above the burial of famous Turkic sheikh, who was the teacher of Khodja Akhmed Yasawi in young years. The name of Arystanbab was mentioned not one time in khikmets of Khodja Akhmed.

Arystanbab was buried not far from Otrar, near Kuiryktobe site, identified with capital town of suburb Otrar – Farab in the X–XI cc, Keder. It is necessary to underline, that in the Xc. in Keder was built the mosque, probably, one of the first in that region¹⁴². One of the earliest Moslem necropolises was discovered near Kyiryktobe¹⁴³.

The history of mausoleum is connected, probably, with its complete destroy. Then it was restored under Timur rule, at the end of the XIV– early XV c., destroy after the earth quake in 1860 year and building of a new mausoleum and then construction consisted of mausoleum and mosque in 1909 y.¹⁴⁴

Mausoleum is multi camera and it consists of mausoleum itself – burial-vault of Arystanbab, gurkhana with burials of its students, and followers, aiwan and mosque. Two cupolas were built above burial-vaults. Center of composition was portal, arrow shaped arch supported by the pylons in low part. The mosque had pillar configuration. Six wooden columns are supported by ledges. Two columns are dated by the late XIV–XV c.¹⁴⁵

During conservational works on mausoleum in 2004 y. in the premise of gurkhana was taken off the floor where was discovered the corner of premise made of burnt bricks on the depth 12 cm. The sizes of discovered bricks are analogous to the sizes of Keder mosque's bricks, their sizes are 18×9×3,5 cm and 19,5×15,5×5,5 cm. In the trench was established the remained height of the northern wall: 49 cm (10 rows of laying), in length 2,96 m.

The remains of other constructions of burnt bricks were revealed. The researches established, that in the history of mausoleum are distinguished the initial construction of the XII c. and construction of the late XIV c. including the construction of the XII c.¹⁴⁶

Khodja Akhmed Yasawi Mausoleum is situated in the center of Turkestan town.

The first construction of mausoleum above the burial of Khodja Akhmed Yasawi, as it was clarified, is referred to the earliest time.

Decorative image of this early construction is connected by the researches with several fragments of terracotta carved plates, found during restoration of a many years, and the building itself is considered like destroyed at the end of the XIV c. under construction of the great khanaka complex by order of Emir Timur.

Separate sections of early walls, covered by pair bricks with inclusions – “bows” and fragments of terracotta plates remained from it and discovered und restoration of walls of the XIV c. in the region of gurkhana. It could be supposed on the base of fragmentary data, that mausoleum over the sacred was built right after his burial in 1166 y. Its decorative forming

corresponded to the style of its time, and “comparatively small picture by ornaments told, that sizes of mausoleum were small”.

S.G.Khmelnitsky supposed that “mausoleum of the XII c. above the burial of Khodja Akhmed Yasawi” was the quadrangular premise with the sides in length 7,5 m and not deep axis niches on all sides, which were cut by the entrances, – the building had to be centrically, like “chortak”.

There are all the bases to consider, that the first mausoleum Khodja Akhmed Yasawi in Turkestan was not common modest construction, but it stood in one row with the most elite and great by decorative futures monuments of its epoch¹⁴⁷.

The researchers consider that mausoleum of Khodja Akhmed Yasawi is multifunctional complex, which it would be correct to call khanaka. There is djamaatkhana – hall for zikres and meetings, gurkhana – premise with the burial of Khodja Akhmed Yasawi-mosque; big and small aksaray – premises for meetings and theologian speeches, disputes, kitab-khana – premise of library and writing. Sizes of construction are 60×50 m, height – 15 m.

Cupola and arches of portal rise up to the mark 38 m.

Axial location of the main premises on facade was revealed by strong volumes of main portal’s arch, cupola of djamaatkhana and burial-vault. Architecture of facades is simple and does not have elements of plastic. Big plain surfaces of walls are cut rarely by window and door apertures.

Mausoleum is rounded by panel of yellow sandstone plates at the base from three sides, above which is one and half meter stripe of glazed tiles. All walls higher panels, drums and cupola are covered by blue, dark blue write tiles in a form of big patterns of yellow – blue background of bricks. Gracious portal did not have any decorations.

Doors with carving and traces of incrustation of bone open the entrance to the central and the biggest premise in sizes 18,5×18,5 m. The huge bronze cauldron, which was melted not far from Karnack village, in 25 km to the North-West from Turkestan stands in the center of hall. Sweet water was poured into cauldron and it was distributed after the end of Friday pray.

Burial vault of Khodja Akhmed is situated behind the central hall – kazanlyk. Burial stone is put of plain plates of light green stone. Premise itself is also very modest: white walls down ward are covered by blue tile panel with dark blue corner semi columns.

There are many other premises in mausoleum – mosque and khudjras for pilgrims. Some of them were transferred into burial-vaults soon after building. Grave stones of the XV–XIX cc. call the names of buried.

Medieval handicraftsmen used all kinds of applied art in architectural – artistic decoration of monument – carving on mood, alabaster, bone stone and metal; glazed tiles of dark blue, blue, white colors; brick laying, forming the compound ornamental pattern.

Texts from Koran are placed on sub cupola friezes, in facing of mikhrab and they are done by canonized script. Carpet fillings of walls with stylization of letters contain repeatedly frequent technological sentences. Specially decorated is ribbed cupola of burial vault, decorated thoroughly by glazed polychromic plates.

Turkestan monument let to reveal technological peculiarities of medieval building in connection with not finished construction and, particularly, with not finished portal. There remained ancient wooden buildings for lifting. Burnt brick layers let to understand principle of rising of big aperture arches. The traces of temporary ladders of building period, nests in walls for fastening of cupolas, gypsum moulds of arches remained in the premises of portal part.

Contemporaries estimated the construction by true worth. Ruzbekhan wrote, that “mausoleum Khodja Akhmed is one of the most monumental constructions of the world. Staggering and ravishing human art is expressed in architecture of mausoleum”.

Mausoleum of Esim-khan. The main facade of mausoleum is turned to the east and it is formed by portal. The bases of walls are put of burnt bricks in sizes 25×12×5 cm. The remains of walls with niches are the evidences of cupola over lapping of mausoleum.

Mausoleum was covered by glazed plates of blue, dark – blue – yellow and green glaze.

Entrance to the burial-vault with cruciform planning was situated in the south-eastern wall. Arrow shaped arches supported flat arch in height 3 m. Floor was paved by burnt bricks. Construction of mausoleum, most likely, is referred to the XVII c.¹⁴⁸

Turkestan Underground Mausoleum. In 1951-1957yy. the special scientific–restoration production workshop of the State of Construction Department of Uzbek SSR carried out restoration of Khodja Akhmed Yasawi mausoleum. Head of this work T.Karumidze discovered base of mausoleum situated in 10 m from the north-western wall Bolshoi Aksar in 1954y.

In 1997y. Turkestan archaeological expedition continued the researches. Underground quadrangular in plan building was cleaned out during the works. Length of its walls is different: North-West – 3,97 m, South-East – 4,1 m South-West – 4,12 m, North-East – 4,09 m. Size of bricks is as follows: 28×28×5 cm; 26×26×5 cm; 29×29×6 cm. The entrance was in the south-western wall with joint corridor-dromos. Thickness of its walls is 0,4-0,5 m, height is 1,34 m – 15 rows of brick laying. Inner size of construction is 3,1×3,08×3,14×3,13 m width of pass is 1,2 m.

Construction is over lapped by cupola in height 2,54 m.

Kok-Kesene Mausoleum is destroyed completely, but there are photos and descriptions. Mausoleum is quadrangular in plan with burial vault under floor. Entrance is distinguished by portal with arch-shaped arch. The main volume is presented by the quadrangular, prism, pass octagonal figure, sixteen-side drum and cone shaped tent. Mausoleum was facade outside by colorful glazed bricks, forming geometrical pattern and by multicolored mosaic with Arab inscription inside under the cupola.

Composition of Kok-Kesene mausoleum proportions, tent shaped cupola are rising to the traditions of Khoresm architecture of the XIV c. The brightest sample of such architecture is so called mausoleum of Tyuryabek-Khanum in Kunya-Urgench. By its style and historical situation, Kok-Kesene mausoleum was buried near the middle of the XV c. and it is connected with the burial of one of the prominent Uzbek Khans, probably, Abulkhair Khan¹⁴⁹.

Kerderi I Mausoleum is situated on the bottom of dry part of the Aral Sea.

Before of excavations the monument looked like prolonged oval in plan hillock in sizes 42×30 m and height about 2,3 m directed by long axis the line North-South.

Its central part is formed by the ruins of rectangular contraction. Thickness of wall base is 1,45-1,65 m made of stone plates. Sizes of construction are 8×24 m. Construction of divided by two cross walls for three premises. Broken and whole burnt bricks (25×25×5 cm) laid around the base and on its surface. Some fragments of glazed and unglazed decorative plates with carved and stamped ornament were found among brick obstruction.

Portal was built of burnt bricks and it was decorated by the belts of glazed and unglazed plates with carved ornament. Two rectangular premises of small sizes (6,6×6,5 m and 7,4×7 m) joint from south and north to the central funeral premise – zyaratkhana.

The floor was paved by burnt bricks of quadrangular form in the southern direction. The northern premise was gurkhana – place of burial. Cupola part of underground burial vault was cleaned there under the floor. Central part of cupola had been broken. But cupola remained in the corners. Cupola is referred to the type “balhi”.

The most interesting among findings are fragments of glazed terracotta plates with carved ornament. Comparative analysis of fragments is decorative plate's shows, that this ornamental style and technology are characteristic to Central Asian (Khoresm) and Golden Horde monuments of the XIV c.

Mausoleum is dated by the middle of the XIV c.¹⁵⁰

Kerderi II Mausoleum. Settlement, called conditionally Aral-Asar, is situated in 65,2 km from modern village Karateren, situated in 370 km to the north-west from Kzylorda. The village stood on the bank of Aral Sea not long ago, but the sea is on distance 320 km from it currently.

The total square of Aral-Asar settlement is 6 hectares. Household subjects were found on the surface in a big quantity: millstones, ceramic vessels and their broken, fragments of iron and bronze items.

Building constructions are badly distinguished now on surface. They are washed out by the waters of Aral.

Citizens of the medieval settlement were engaged in farming. There were found 14 millstones and situated near by premises of flour – khumdana. Flour-grinding production was well developed.

Collected glazed ceramics turquoise, dark blue and black colors is the evidence of town's life in the late XIV c.

Surface, covered by broken pieces of burnt bricks was discovered in the exploring shaft in the depth 0,3 m. In the center of that laying was situated a big vessel-khum, dig up into the ground for more than one third and covered on top part by burnt bricks so, that shoulders of vessel were not seen.

The site is “one layer” and it existed for a short time, probably, some tens of years. Excavations on the site carried in autumn 2005 y. confirmed short life in that settlement. Two silver coins, produced in Golden Horde and dated middle of the XIV c. were found. The first coin – Djuchides XIV c., coinage of Dzhani-bek Khan (1341-1357) in Saray al-Djadid (?), the year is lost. The second coin – Djuchides XIV, coinage of Nauruz-bek. He ruled in 760-761 yy. h./1358-1361 yy., coinage of Saray al-Djadid, the year is lost. Settlement is rounded by necropolis in sizes 110×400 m from the southern and south-eastern sides. Its territory is defined by concentration of burnt brick.

Ruins of central mausoleum are localized on necropolis, situated near the settlement Aral-Asar. Before excavations it was swollen hill in height 1,6 m. Stone laying of outward northern wall's base of mausoleum is well preserved. It's made of plates in three rows in width 2,2 m.

Mazar, situated in the western sector of prolongation 130 m from central mausoleum, has clean borders, confirming its rectangular form. The size of hill is 14,7×11 m, the height is 0,2-0,3 m – by its form and location it is identical to the central construction of complex. Surface is covered by fragments and hole burnt bricks with deep line, cut through all space observed on many bricks in center.

The second mazar is situated in 25 meters to the East from central mausoleum; its size is 6×5 m.

It had been revealed during excavations, that central mausoleum was directed by its corners to the sides of universe and it has the form rectangular in plan. The walls of mausoleum were covered by burnt bricks in sizes 25×25×5 cm. South-western wall remained on height in six rows of bricks.

Inner space of mausoleum presented by the premise of gurkhana with sides 5,5×5,5 m. Entrance to the mausoleum is situated in the western part of construction and it is formed by portal niche in width 2 m. Its rectangular flaming and arch were decorated by glazed bricks with herbal and geometrical ornament and Arab inscriptions. Fragments of decorative round shaped bricks let to suppose, that the arch was supported on to three quarter columns, built into the corners of niche.

Obviously, inner walls of gurkhana were decorated by four axis niches in depth about 1 m with entrance in the south-eastern niche. Entrance was established in the south-eastern niche and the main burial of mausoleum was situated in the north-western, deeper part. Floor of premise was paved by rectangular burnt plates in sizes 44×27×6,5 cm.

Seven burials of sagana type were revealed in mausoleum. The exclusion is burial #1, situated in north-western axis niche. The burial had been robbed already in our days. Constructive solution of this burial is seen interesting and not typical for that time. It is paved by stones in a form of cista and it was overlapped by three massive plates. There were no remains of buried man in the burial.

The burial situated in the eastern corner of central hall was revealed and excavated there. Burial vault is presented by construction of eight horizontal rows of bricks with total height 0,46-0,5 m. The width of brick layer by outward line is 1,49. Length of upper layer by outward line is 2,95 m. It is prolonged by the line north-west – south-east. Coffin was situated inside the burial camera. On top it was overlapped by two beams. The dead was buried by the ceremony of body position on the back, with head directed to the north-west, hands are prolonged along the body.

During cleaning of burial at the left shoulder was found golden ear-ring edged by the figure of predator's head and small pedant with stone. The same ear-ring was fixed in the region of foot bones. Ear-rings are made of stylized head of dragon, biting his tail and added by stone.

Treasure of iron things was found in the southern corner of central hall of mausoleum.

Burials ## 18, 19 joint to the southern wall mausoleum.

Two burials #18 and #19 joint to the southern wall of mausoleum.

Burial #18 (child's). The sizes are done by the outward layer of brick: length is 104 cm; width is 105 cm. Layer in the form of "fur-tree" consists of 8 rows of bricks.

Cover of wooden coffin was under overlapping and it had sizes as follows: length – 72 cm, width is 21-25 cm, thickness of coffin's cover and its walls was 1,5-2 cm. Skull of a child was found during excavations of coffin. Excavation showed that skeleton was in prolonged position on the back and it was directed by head to the North.

Burial #19 (childish). Central layer of burial in length 1,55 m and width 1 m by vertically put brick in a form of "fur-tree" was done in three lines: two parallel ones joint by corners. The third top one was established in a form of rhombus shaped figure formed by the first two lines of bricks.

Cover of coffin in a region of head (northern side) felt under the weight of ground for 5-7 cm from the walls. The sizes of coffin are following – length is 1,16 m, width in "head" – 0,37 cm, height – 0,28 m, width in "legs" – 0,27 cm, height is 0,18 m. The length of skeleton

is 0,87 m. Skeleton was in prolonged position on back and it is directed by the line North-South. There was no turn of skull to the South-West.

Burial #20 is situated in the south-western part of central hall. Burial consists of outward rectangular, inner one and it is finished on top of sagana by one row of bricks with bricks equal to two whole bricks and one fourth part. The sizes of sagana are following: length is 2,3 m, width is 1,4 m. The deceased was buried in a coffin. Cover of coffin had two layers: of two beams fastened in center by wood. The northern side wall (in heads) consists of two layers and it is five-sided. The sizes of coffin are following: length is 1,84 m, the width of northern side (in head) is 0,6 m, the height is 0,3 m, the width of southern side (in legs) is 0,24 m and height by the sides at the eastern walls is 0,2 m.

Skeleton in length 1,4 m was in prolonged position on his back and the skull was turned slightly by facial part to the South-West. The left arm was across the body and hand laid to the right side of spinal. The right arm was across the body and the legs were in prolonged position. The skull had the traces of cuts.

Burial #21 was situated in the north-western part of mausoleum. Burial #22 was close from the northern part; burial #20 was close from the western part. Sagana consisted of outward and inner rectangular formed of standard size burnt bricks. Top part of sagana was made of bricks in one row in width for the length of two bricks. The sizes are following: length is 2 m, width is 1,38 m. Coffin was situated lower than low part of brick layer. The sizes of burial pit are following: by the line North-South is 2,05 m, West-East is 1,4 m. Coffin had following sizes: length by the line North-South is 2 m; width in "heads" is 0,67 m, in "legs" is 0,35 m. The bottom was formed of four beams in width 10-15 cm, thickness is 2 cm. The height of coffin in 'head' is 0,3 m. Skeleton in length 1,67 m was in prolonged position on his back and turned by head to the North, hands are slightly curved.

In the burial #21 on the depth 0,3 m from the layer were observed the traces of cane floor and overlapping under it (thickness 7-10 cm) laid across the burial. Excavation was carried out after the removal of overlap.

Burial #22. The construction above the burial is situated near the northern corner of mausoleum and it consists of outward and inner rectangular. It is covered by one row of burnt bricks. The sizes of sagana are following: length is 2,37 m; width is 1 m. The sizes of burial pit are 1,95×0,82 m. Burial was done in a coffin with following sizes: length is 1,87 m, width in "heads" is 62 cm, in length is 38 cm; the height is similar-24 cm. Cover of coffin was formed of four beams in width 12-15 cm, bottom-of three beams in width 17 cm, thickness of beams is 2 cm. Skeleton in length 1,74 m laid in prolonged position on his back. The skull was slightly turned by facial part to the South-West, the left arm was prolonged along the body, the right arm was curved and hand was on stomach (fingers laid in the area of pelvis). Dividing wall of burials 21 and 22 is one and the same for the both of them and the burials were done in one and the same time.

In the northern part of mausoleum's portal were done excavations on the square 2,5×5 m. During the works was revealed the destroyed in western direction portal arch conserved in such position by twenty-centimeter layer of brick fragments of façade and northern walls of mausoleum washed out by sea to the northern side. The arch shaped layer of standard size bricks (25×25×4,5 cm) in one row with layers of grey color infusion between the rows. Inner side of arch (southern) was decorated by pieces of small bricks (9,5×5×2,5 cm) covered by blue color glaze. There were fixed 41 bricks put in one row horizontally forming outward side of arch. Supposedly, the wooden block in size 18×7 cm was fixed under "sub hill" bricks. Ornamentation could be in a form of belt in "chess" order. On the present line of glazed

bricks observed above were seen after 23 rows of layer (account from “sub hill” brick and higher after two joint rows repeated twice. From inner side of layer were fixed two rows of bricks put vertically and thickness of infusion in that layer reached 2 cm and horizontal layer of several bricks joint to two vertical layers of bricks closely.

In the southern corner of central hall of mausoleum under the floor was discovered the treasure of iron things.

Construction of mausoleum is referred to the middle of the XIV c. and to the sometime could be referred the burials in them¹⁵¹.

Abat-Baitak Mausoleum is situated in 12 km to the south of Taldysay village of Khoblandisky region of Aktobe oblast on the top of water division section of rivers Bolshaya Khobda and its left branch river Karasu in Beskop canyon. Mausoleum was mentioned for the first time in famous work of P. Rychkov “Topogrphia Orenburgskaya”, where it is said, that in 1750 y. engineer Rigelman discovered and drew “small stone construction like pyramids wick Kirgizes called astana and it is said there, that noble people were buried there and they call Baitan and they announced him, Rigelman, that there in ancient times was town...”¹⁵². It is mentioned like the essential monument of architecture of the Late Middle Ages in the work of famous Orenburg scientist of pre revolution time A.I. Kastanier devoted to the memorial monuments of the Kazakh steppe¹⁵³. Apparently, the first measuring of mausoleum was done by engineer G. Gerasimov in the year 1947. He made measures of already destroyed mausoleum. By his data the low space of monument is presented like octagon¹⁵⁴. It was promoted by the destroy of the southern part of monument (‘portal’) what brought to not simple interpretation of its architectural planning view by following researches.¹⁵⁵ M. Mendikulov supposed that present mausoleum is referred to the “centric-tent” type of burial constructions and it has the quadrangular plan (8,13×8,25 m) by outward contour of walls¹⁵⁶. S.I. Adjigaliev reconstructed plan of mausoleum like one camera portal-tent construction (9,25×9,8 m). The most full historical-architectural research of mausoleum belongs to the above mentioned scientist.¹⁵⁷

At the beginning of the 60-es architect and specialist on restoration A. Itenov worked out plan of conservation (with elements of reconstruction) of mausoleum. As it is becoming clear now working out of mausoleum’s plan was done without proper account of the initial plan of construction: enough archaeological researches of the medieval wall’s base were not carried, but M. Mendikulov dated Abat-Baitak by the first quarter of the XIII c. and he supposed that it was built probably in the period of close contacts of Kipchaks with Khoresm. But S.I. Adjigaliev referred its building to the eve of the XIV–XV cc. by architectural-style features and also on the base of analysis of the legend accompanying the monument¹⁵⁸. We note that the same type mausoleum Kesene in South Ural region is dated surely by the XIV c.¹⁵⁹

Archaeological excavations in the year 2004 were carried out on two main sections: inside gurkhana premise (on all square) and on the section of ziaratkhana premise which was made somewhere¹⁶⁰. Layer of building debris and dust in thickness from 0,7 up to 1,1 m was collected on that sections during many centuries of the existence of monument.

The initial floor of premise paved by the burnt bricks was revealed on the section of ziaratkhana in the result of archaeological works. It was done on the depth 1,1 m from the level of modern day surface. Brick paving was fixed clearly in the western and the eastern parts of a premise. The width of ziaratkhana by the line North-South is equal to 2 m.

It was not possible to define the width of door aperture, because the part of a premise situated along central axis where the entrance to mausoleum was situated it was destroyed.

But there is the base to suppose that door aperture was established in the niche on the depth 0,5 m and the width not less than 5 m. The western corner of that niche was fixed clearly.

Also it is not possible to define the width of door aperture connecting ziaratkhana and gurkhana as the dividing wall was destroyed essentially.

The traces of the initial eastern and the part of southern wall of ziaratkhana were overlap by the latest “restored” layer by the modern brick on cement infusion. So it was a success to fix only the base (1-2 rows of bricks) of inner side of the southern wall in the eastern and western corners of premise. North-western and north-eastern corners by the level of the initial floor were revealed clearly.

Thin (0,7-0,9 m) layer of debris and building remains were located in gurkhana and on the place of ziaratkhana. Square of gurkhana was 5,2×5,2 m. Cleaning was carried out on all square of premise. On the depth 0,7-0,9 m there were revealed the remains of floor paved by the quadrangular burnt bricks after cleaning of all square. But in the result of the numerous re-excavations (construction of burial pits) that paving remained only on the separate sections.

After cleaning of all square of premise there were revealed burial pits of several burials. The pits were filled by ground and pieces of burnt bricks. It is become clear that burial constructions (sagana) were destroyed in all cases and the burials had been opened. Three burial pits were cleaned out.

Burial # 1 is situated in the center of northern half of gurkhana premise. The walls of burial pit were covered by burnt bricks of half size (24×12×5 cm) on alabaster infusion. The bottom of burial box was covered also by the quadrangular burnt bricks. The width of burial box is 0,8 m, the length is 2,25 m. The depth of bottom from the level of the initial floor is 1,5 m. The height of wall layer of burnt bricks was in 12 rows. Layer of the northern and southern wall was situated higher, forming the arch box overlap. Pieces of whole burnt bricks, bones of human skeleton, and fragments of burnt wood were found in the burial’s pit filling.

Skeleton of buried was cleaned out on the bottom of burial box. Upper part of breast and shoulder under the layer of wooden beams remained in situ. The buried man was adult judging by teeth enamel and sizes of bones tell about a big size of buried. On the bottom of pit among wooden remains were found iron details of coffin’s fasteners (plates, fasteners, corners). Among those details was found iron mace with ribbon shaped bush for handle. Its total height is 19,5 cm, diameter of bush is 2,6 cm. G.A.Fyodorov-Davydov considered that found type of weapon was not usual for nomads¹⁶¹. But later he mentioned that kind of “bushes” in the armament of warriors-citizens, noting that weapon was not different than armament of “steppe inhabitants”¹⁶². Probably, in present case that bush served like scepter.

Monumental character of burial construction, location of buried in the center of gurkhana, finding of bush tell about the high range of buried, for who, supposedly, was built such mausoleum.

Burial #2 is situated to the south from the burial #1. It was common burial pit (2,1×0,8 m depth 1,6 m) filled by ground, pieces of burnt bricks. Several burnt long facial bricks were found among them.

Burial #3 is situated to the south of burial #2. Burial pit was covered by the burnt bricks in ten rows on alabaster infusion. The length of formed box is 2,05 m, width is 0,8 m and the depth is 1,5 m. On the bottom of box was found not destroyed female skeleton in length 1,45 m. Skeleton was prolonged on its back and it was directed to the west, hand of the left

arm was situated in the area of pubis, the right arm was prolonged along the body. On the place of clothes were found pieces of golden thread from the clothes or burial saven of buried woman.

“Mausoleum of Abat Batyr” was the base of forming of the Kazakh necropolis of the XVII – early XX century consisted of raw mausoleum and ensemble of more than 200 burial stella-kupyltases¹⁶³.

Kesene mausoleum similar to Abat-Baitak is situated in the South of Chelyabinsk oblast near Varna village. It is known among local citizens like “Tamerlan Tower”¹⁶⁴. It attracted attention of such known researchers like P.I.Rychkov, P.S.Pallas, A.I.Kastanier. In the year 1889 E.A.Petri carried out excavations and discovered the remains of three burials. Remains of silk clothes were found with the buried people. Fragment of wooden cudgel (shokpar) was found there. It was of pink color and there were found also ear-ring and finger ring what let to refer Kesene town to the XIII–XIV cc.

Comparison of these two monuments- mausoleums of Abat Baitak and Kesene shows that they are analogous not only by outward architectural view and construction, but they have similar main parameters. The both mausoleums have the rectangular in their base.

Apparently, mausoleums were discovered and researched by Ural archaeological expedition of A.Kh.Margulan Institute of Archaeology on the necropolis of Zhaiyk site in suburbs of Uralsk town are close to Abat Baitak mausoleum by planning and architectural character. It is specially so called “small mausoleum”. They are dated by the time of life of site situated near, what means by the late XII-first half of the XIV c.¹⁶⁵

Mausoleums looked like the rectangular constructions from outward side (sizes 9×12 m of small one (the sizes are similar to the sizes and proportions of mausoleums Abat Baitak and Kesene) and 12,85×19,5 m of small mausoleum), each crowned, supposed, by two cupolas. The southern facades were formed in a form of portals.

Building of these mausoleums can be referred more or less surely to the time of short, but intensive development of Golden Horde town culture. This is the period of Khan Uzbek rule (1313-1339 yy.) when Islam became the state religion officially in Golden Horde. As it is known the big role in his raise to the crown was played by “Khoresm party” headed by powerful Kutlak-Timur. Exactly from that time everywhere on the territories of Golden Horde was seen the intensive influence of Islam what was going after the limitless propaganda of missionaries.

Mausoleum of Koblandy. The ruins of Koblandy Batyr mausoleum are situated in the northern border of aul Zhirenkop of Khobdinsky region, Aktobe oblast, on the left bank of Uly-Khobda River.

The place where the mausoleum is situated is the highest place of river bank. This is the single place not flowed in the period of spring flow.

In the result of archaeological excavations in the years 2004-2005 there were revealed contours of mausoleum: rectangular in plan with sizes 11,6×8,5 m.

The western corner is the most preserved part of the mausoleum’s remains. Layer in five rows of bricks has been preserved. There are distinguished two sizes of bricks: quadrangular 25×25×5 cm which served as the main building material and the rectangular ones with sizes 12×25×5 cm.

The southern corner is marked by the preserved brick layer in height two rows. Outward part of the southern corner is observed clearly. The preserved height is in four rows of bricks and solution – 25 cm.

Medieval burials were revealed inside the mausoleum.

Burial #1 is destroyed and it is prolonged by the line North-West-South-East (–37 degrees). The length of the burial pit is 2,67 m and the width is 1,35 m, the depth is 1,8 m. One whole brick and the broken bricks were discovered during excavations of burial pit. Among the findings there was fragment of iron thing in a form of hook.

Burial #2 is situated at the southern-eastern wall of mausoleum in 1,6 m from the first burial. It is directed by the line North-West-South-East. Pedestal for coffin of two raw bricks with sizes 26×26×5 cm was established on the bottom of burial pit at the place of head and low part across the burial pit. The burial was done in wooden coffin. Wooden part and beam's fragments and also iron nails for fastening of coffin's cover are being preserved.

The buried laid by his head to the North-West and turned by his face to the South-West. By the previous definition of anthropologist A.O. Ismagulova who took part in excavations, the skeleton from the burial #2 belonged to a young girl at the age of 16-18 years old. In the area of cervical part there were found beads, glass beads, things made of coral, pendant in a form of metal plate.

Burial #2A was situated over the burial #2. Its bottom was situated on the depth 40 cm from the level of mausoleum's floor. There were broken parts of child's tibia bone.

Burial #3 is robbed. The burial pit was trapeze form in plan: length 2 m, width at the head – 0,75 m, at legs – 0,45 m, and depth – 1,2 m. Bones of skull, fingers, and ribbon's pieces were found during excavations. The burial was done in a coffin made of thin boards. The skeleton of buried was in prolonged position on his back. There were absent following parts: skull, collar bones and some left side ribbons and bones of the left arm. There were no complete parts of pelvis bones and sacrum. There were not found also any nails for coffin's boards fastening.

Archaeological excavations defined that Koblandy mausoleum consisted of two parts: gurkhana with burials and ziaratkhana. Gurkhana occupied one third part of inner mausoleum's square. Burials were situated in the opposite side from the entrance. All four burials are referred to different times. Moreover the burials #2 and #3 were done in ground burial pit and the rest ones #2 and #2A were done in vaults made of raw bricks. The research of burials let to make following conclusions: mausoleum was built in Moslem style. But in the burial ceremony together with Islam ceremony took place pre Islam steppe ceremonies what is proved by the burials in wooden coffins and the things found in the burials.

The burials are dated by the XIII–XIV cc¹⁶⁶.

Small Mausoleum of Zhaiyk town. Necropolis is situated in 2 km to the North-West from Zhaiyk town. It is situated on Swistun Mountain which has in that place the view of wide plateau with hills. There were 5 such hills totally. Broken parts of burnt bricks were found on its surface.

Excavations of one of such hills revealed the remains of two camera mausoleum formed of burnt quadrangular bricks and faced by polychromic glazed plates.

The walls and floors were destroyed partially. The floors are preserved only on the half of each premise's square. It is seen obviously that like other mausoleums it was taken off for the repeated use of building materials: bricks and facial plates.

The construction was built without the base. Its role is played by three layers of bricks lower than the level of ancient day surface. Wall layer was done of bricks on the solution of 'black' ground clay. The size of brick is 25×26×25-26×5 cm and there was used also the brick of half size.

The mausoleum looked from outward like the rectangular in sizes 9×12 m crowned by two cupolas. The south-western wall was formed in a shape of portal. Its thickness is 2,25 m and the thickness of the rest walls of construction is 1,75 m.

The entrance in portal niche's center was going to the premise #1 (5,5×3,5 m) what was ziaratkhana. Sofas in width 1,25 m and height about 0,4 m were situated in the left and right sides from the entrance along the eastern and western walls. The edges of sofas were covered by the quadrangular bricks and inner space was filled by black earth ground. Probably its width and volume at the same time had been increased at the expense of niche situated behind the sofas in the eastern and western walls. The floor of the premise in sizes 2,75×3,5 m was covered by the quadrangular burnt bricks put on yellowish clay on lime solution.

The pass in center of the north-western wall (the traces are not observed) led to gurkhana (premise #2 in sizes 5,5×5,5 m) which was the burial vault itself. The middle part of bricks is 27 cm from corner to corner. That paving was covered by quadrangular bricks. Along the southern, western and eastern walls was put one row of quadrangular bricks and along the northern one-four rows. Probably, from one side there was sufa installed in width 1,25 m. On the floor of premise #2 the burnt bricks were put in two layers. In the cut it was seen that on the ground was the layer of yellow clay in thickness 5-7 cm on which was the layer of black earth ground in thickness 7-10 cm. One row of hexagonal bricks is put on it.

The single burial in gurkhana is situated almost in the center in front of the sufa at the northern wall. The burial pit in sizes 2,55×1,15 m, in depth 1,6 m is directed by its long axis to the East-West. The brick paving of floor is absent and in the filling of burial pit was found the majority of glazed plates and small bricks. The walls up to the bottom of burial pit are covered by bricks. In the layer there were also the bricks of half size. The bricks in the burial pit are different from the bricks in wall layer and floor paving. The burial camera has inner sizes 2,0×0,7 m.

The burial was robbed completely. The biggest part of bricks from the layer of burial vault has been taken off. Skeleton was destroyed and there were discovered only the skull, some long bones of edges and the part of pelvis bones. The skull and some bones lay in the north-western corner of burial pit, on the remains of box's walls. In the floor layer of burial vault there were discovered iron tool, nails (16 pcs.), bronze bells (2 pcs.), small iron knife, cone shaped thing, probably, bell.

The revealed details of plan let to interpret present architectural construction like faced-cupola two-camera mausoleum.

Similar type of mausoleums in Central Asia was formed to the second half of the XIV c., to the end of the XIV c. creative search of architects in that direction of architecture reached its culmination¹⁶⁷.

One camera mausoleums are more characteristic for Golden Horde memorial architecture. The ceremony of burial kike corps position by its head to the north-west, clothes, with personal things, in wooden coffin on the bottom of burial pit in brick burial vault corresponds to the burial ceremony of nomads, adopted Islam not long adv.¹⁶⁸

Big Mausoleum of Zhaiyk Site. The single hill on Swistun-mountain which was not ploughed is the highest hill where was established once the triple point.

Archaeological excavations under two-meter thickness of debris, forming the hill, revealed architectural remains of a "Big Mausoleum".

Before excavations the hill had oval in plan form, prolonged by direction north-south. The sizes of hill are 50×37 m, the height above the surrounding surface is 2,5 m. At the

northern end of hill to the east and the west were situated symmetrically two round shaped in plan holes in diameter 10-15 m and depth 1,2-1,8 m.

Wide, once fenced rectangular in plan yard in sizes approximately 50×25-27 m was not revealed, completely. It was situated from the southern side and well readable in micro relief.

Only the western part of yard in length 17,3 m, thickness 1, and 9 m was cleaned out. The base of wall was formed of quadrangular burnt bricks (22×22×6 cm) in height in two rows; the upper part of wall was covered by raw bricks in sizes 22×22×6 cm and 40×20×7 cm. The edges of walls were covered by burnt bricks and inner part was formed of raw bricks. The approximate distance between the eastern-western walls is 24 m.

After taking off the first layer there were discovered two massive raw brick walls-eastern and western. They are directed from the South to the North, it means along the long axis of hill, parallel and are on distance 7 m from each other. Their thickness is about 2,5 m. Only the edges of walls are covered by raw bricks (40×25×9-10 cm, 30×25×8 cm) in two rows and inner space is filled by debris (broken of raw and burnt bricks).

From the southern side on the depth 2,45 m under the dense filling of burnt bricks by the direction West-East there was revealed layer by the quadrangular burnt brick. The width of layer is 2,5 m, length from the east to the west is 16,5 m. Different quantities of brick layers – from 1 to 6 remained on the separate sections. Outward rows of layers are formed of accurately put whole and half broken pieces of bricks. From the level of the third layer of the laying, to the southern and south-western sides from that wall was cleaned paving of floor by the quadrangular burnt brick going under raw brick parallel walls (counterforce's) and the southern edge of excavation. Strong polishing of brick's surface broken ones proves, that it was paving of yard. The same paving was cleaned also from the western side of construction and to the west from the western raw brick wall.

Wooden boards in thickness 15-18 cm were installed along the southern outward wall, on the western and eastern sections on the level of 4-5 brick layers. They were installed in the laying to the right and to the left side from the pass, which is defined, most likely by strong polishing brick's surface. The pass had the width approximately 3,8-4 m probably, it was the width of not door aperture itself, but the niche in the middle of which was the door, leading to the first premise of mausoleum. Finally there was revealed the main (southern) façade of building with joint to it two parallel raw brick counterforce's, there was revealed and cleaned partially the level of joint from the south and west wide fenced yard.

Premise #1 (4,4×4,4 m) is situated behind the portal, from which was going door aperture to the premise. To the right and to the left side there were established two deep in all length of premise sufas (depth 2,2 m, height 0,45-0,5 m), increasing its volume two times. The edges of sufas were covered by the quadrangular burnt bricks. In the filling of sufa there was black and grey earth ground and debris. In case supposition that sufas were over lapped by arches, then the square of premise #1 is increasing two times and get the form of the prolonged rectangular in sizes 8,8×4,4 m, and above the quadrangular part of premise, probably, there was cupola over lapping. All middle part of premise #1 is occupied by central sufa in a form of sub burnt bricks rectangular platform (2,75×2,2 m). Its remained height is 0,34 (five layers of burnt bricks in the layers platform's edges). The edges of platform are put by 2-3 rows of quadrangular bricks; there was filling inside by the earth ground and brick broken pieces. The floor of premise from the both sides of platform was covered by blue glazed hexagonal plates. The width this laying from the north-eastern side is 0,8 m from the South-eastern it is 0,3 m. Blue plates of paving are

polished strongly, cut and lost in some places. The rest square of floor is paved by simple quadrangular burnt bricks in sizes 23-24×23-24×5 cm, which were used also in laying of walls of all premise. Outward, “facial” sides of walls were put by bricks of half size (11,5-12,5×24-25×5 cm), and in the laying of wall’s body there were bricks in sizes 20×25×5 cm, 21×25×5 cm.

Among peculiarities of construction it is necessary to note, that the eastern wall of building is thicker than the western one: 2-2,1 m and 1,95 m consequently.

The wall in thickness 2,05 m separates the premise #1 from the quadrangular #2¹⁶⁹. As it was defined it was the main premise of mausoleum – “gurkhana” (8,8×8,8 m). It was destroyed completely so, that oven the floor paving bricks were taken off. The remained of paving prove the existence of paving: preserved small sections of layer by quadrangular bricks and the line along the southern wall, made of broken pieces of blue glazed plates.

“The post” in sizes 0,65×0,65 m, in height 0,5 m made of burnt bricks was discovered in front of the door aperture to the premise #2 in 1 m inner line of southern wall. This “post” can be interpreted like the base of wooden column. More over it is situated exactly on the central axis of mausoleum. But its location exactly in front of the entrance and absence of the traces of the analogous to it pair post at the northern wall make us to refuse still from such interpretation.

In the premise there were cleaned six adult and five burials. All burials are directed by their heads to the west. There was. There was observed clear positioning in location of burials: four child’s burials were located to the left side from the entrance at the western wall, four adults’ at the eastern wall and two ones by the center of premise under the platform-mastaba. Only one child’s burial appeared at the eastern wall of gurkhana, in its north-eastern corner.

In the center of northern half of the premise #2, in 1,9-2 m from the northern wall remained the traces rectangular platform-mastaba in sizes 3,0×2,8 m. It is not possible to define now the height, but apparently, it was about 0,5 m, like the platform in the premise #1. Its edges were put by one row of burnt bricks on ganch (lime) solution. Mastaba was destroyed completely. The traces of south-eastern and south-western corners are preserved well comparatively. The traces of similar in such cases burial constructions not observed because of the complete destroy above other burials of gurkhana. Two burials (#1 and #5) under that platform are also destroyed and robbed. Most likely, they are central ones and, apparently, the earliest burials of all complexes.

Four adult’s burials – ## 2, 3, 6 and 7 are situated along the eastern wall of gurkhana.

As it was noted above, the children’s burials ##4, 8, 9 and 10 are situated in row along the western wall and only child’s burial #11 was in the north-eastern corner of gurkhana.

Burial #1 was done in the rectangular brick burial vault in sizes 2,1×0,76 m on the depth 0,86 m from the level of floor. The height of the remained laying of walls of burial vault is 0,66 m, The floor of burial vault was built of the quadrangular and rectangular burnt bricks. The burial vault was over lapped by quadrangular and rectangular bricks. The burial was robbed and destroyed. Skeleton was situated in the neighboring parallel situated burial #5. During cleaning in the filling of the burial pit there were found fragments of colored alabaster plastering, fragments of plates with gold painting. On the bottom of burial vault at the eastern and western walls there were discovered fragments of iron nails from wooden coffin, two fingers. The nails in sizes from 10 to 13 cm length are similar to the discovered in the burial of “Small mausoleum”¹⁷⁰.

Burial #2 is situated to the right side from the entrance to the premise close to the eastern wall. The size of burial pit is 2,35×1,2 m, depth is 1,15 m along the long (northern and

southern) walls were made the shoulders in width 20 cm, required, probably, for construction of wooden or brick (in a form of arch) over lapping. The traces of over lapping are not foxed. In the burial chink in width 0,8m there were discovered fragments of wooden coffin. Not destroyed skeleton of buried, put on black, to the west by his head was cleaned. In the filling of burial pit there were found fragments of paintings. Burial inventory is absent.

Burial #3 is situated near by parallel to the burial #2 During excavations on the depth 0,45m there was discovered the obstruction of the quadrangular burnt bricks, apparently, from the broken over lap of burial vault. The burial was done in the rectangular ground pit in sizes 2,4×1,34m on the depth 1,1m. The burial pit along the along sizes has the shoulders in height 35 cm, in width up to 24cm. On the shoulders remained the laying of the quadrangular burnt bricks: six rows in height on the southern wall and not full three rows on the northern wall. The burial was robbed, location of bones of buried is destroyed. The burial inventory is not preserved. During cleaning of the burial pit there were discovered the pieces of clothes' fabric, broken pieces of glazed paintings. Along the northern wall, near the skull was preserved the fragment of board from wooden coffin, broken pieces of iron nails and fragment of fastening in a form of plate.

Burial #4 is situated to the left side from the entrance to the premise, close to the western wall. The burial pit on top, on the level of floor of gurkhana is built by the quadrangular burnt bricks. After the removal of brick layers is seen clearly the burial spot in sizes 1,4×0,85m. in the northern wall of burial pit on. The depth 0,75m was built the side hole in sizes 1,28×0,5×0,35m. The burial was done is coffin. The skeleton was in a bad safety and it was directed by its head to the west. The hole was over lap by row bricks (15 pcs.) in sizes 40-42×24-26×7-9 cm, put on ribbon. The burial inventory is absent.

Burial #5 is situated parallel to the burial #1. The burial was done in the ground pit (2,35×1,2m) with shoulders on the depth 1 m, from the level of floor. The floor and low part of burial's wall are not covered by bricks. Higher by help of the quadrangular burnt bricks on shoulders, the walls of burials got the trapeze shaped form (by the form of coffin): length is 1,9m, width of western wale is 0,75m eastern wall – 0,56m, height is in four rows of bricks. Fudging by the remains, the burial was over lap by false arch of the quadrangular and rectangular bricks. The burial was destroyed and in the burial there were two skeletons (the second one, probably, appeared there from the neighboring burial #1). Among the burial inventory there were discovered fragments of iron plates, five nails, pieces of word. In filling of pit there were found trapeze form the shaped glazed plates, probably, from the felt over lap of burial vault.

Burial #6 is situated parallel to the burial #3. The burial was done in the burial pit with shoulders along all four sides. The walls of burial vault of trapeze shaped form were built on the shoulders made the plates with turquoise glaze of different forms. The size of burial vault is following: length is 2,27m, width of western wall is 1 m, the eastern wall is 80cm. The sides of burial hole are covered by put ribbon glazed blue plates. In the burial vault there was wooden coffin in length 1,8 m, height 0,3 m, and width at head is 0,54m in legs – 0,25m. The northern part of overlap construction was destroyed in the result of robbery. The construction was built by false arch by blue plates and covered by the quadrangular burnt bricks. The bones of ribbons, vertebrae, parts of pelvis were discovered the north-eastern corner of burial vault on the depth 0,2m from overlap. Among the burial inventory there were remained iron nails (2 pcs. length 8,5) from coffin, fragments of shoes leather of buried. During the building of burial vault there were used the plates of trapeze form (12×10×3 cm) and rectangular form (22-22,5×20-22,5×3-4cm).

Burial #7 There were no constructions inside the burial pit in sizes 2,25×1,1 m and depth 0,8 with shoulders. Wooden coffin in length 2 m and width 0,55-0,4 m was established right on the bottom of pit. Skeleton in length 1,7 was inside the coffin in prolonged position on its back; the skull was up word by its face. Two golden wire shaped ear-rings in a form of simple rings were discovered on skull.

Burial #8 is situated parallel to the burial #4. The burial was done in the ground pit in sizes 1,1×0,6 m. The low part of wall in three rows was built by burnt bricks, formed the burial vault. Overlap was destroyed during robbery. On the depth 0,53 m were discovered fragments of wooden coffin with child's skeleton of a bad safety. During excavations there were revealed fragments of plates with geometrical and herbal ornament. Burial inventory is absent.

Burial #9 is situated parallel to the burial #8. The burial was done in the ground pit in sizes 1,1×0,55 m on the depth 0,51 m. The bottom and walls of the burial pit on height 0,3 m are covered was put into the wooden coffin, from which is preserved only wooden remains. At the head of buried there was situated the burnt brick of locale form, put on ribbon. Most likely, the burial vault was overlap burnt bricks of quadrangular form. In the filling there were found fragments of ornamented plates in sizes 16,5×11,5×2 cm with painting by gold. The plates had trapeze shaped form with turquoise glaze. There was no burial inventory.

Burial #10 is situated near by parallel to the burial #9. The burial was done in the ground pit in sizes 1,4×0,8 m (outward sizes) on the depth 0,5 m. Bottom and walls of burial pit on height 0,25 m are covered by burnt bricks. The bones of skeleton are of a bad safety. In the filling of burial pit there were found fragments of glazed plates with geometrical and herbal ornament, mono chromic plates of trapeze form with turquoise glaze.

Burial #11 is situated in the north-eastern corner of gurkhana, near the burial #7. During excavation on the depth 0,2 m at the northern wall there were discovered two burnt bricks of triangle form. The burial was done in the ground pit in sizes 1,3×0,7 m on the depth 0,8 m, with shoulders, in width 0,1 m along the long sides. The buried was in wooden coffin. The bones of skeleton are of a bad safety. Pieces of board's fragments of iron nails were discovered nearby. In the filling of burial pit there were found the plate of trapeze form with turquoise glaze and fragments of painted plastering.

So, excavation of the remains of building construction under the "hill with trig point" showed that there in the XIV c. was built two-camera façade mausoleum of longitudinal – axis planning. Bad safety of building constructions because of intended destroy with the aim of the secondary use of building material¹⁷¹ does not to reconstruct completely of details the form architectural view of building. Data of archaeological excavations let to make reconstruction. The main volume of construction is presented by the rectangular parallelepiped in sizes 12,85×19,5 m. Two cupolas of different sizes were situated above them. Most likely, they were situated above them. Most likely, were tent shaped and they were installed on to the corresponding drums and transfer constructions. Cupolas were covered by glazed plates of blue color. The main (southern) façade of building was formed in a form of monumental portal with wide (about 4 m) central entrance arch niche. The portal probably, was built above the walls of other facades. The eastern and the western edges of portal are going out for 2 m behind the line of side facades, go increasing the general width of façade up to 17 m. The small towers, probably, were built above that protuberance at the edges of the main façade. The main façade and entrance niche were covered by glazed plates, forming the ornamental belts with herbal and geometrical motives, made in white and blue and dark-blue-turquoise color shades. Apparently, the main, decorative II-shaped belt, circling to entrance arch niche

contained the devoting special inscription by big white letters on dark-blue background. On the side facades, apparently, dominated warm ochre-red color of brick layer. In front of the main façade of mausoleum there was situated the rectangular paved by quadrangular burnt bricks and fenced by raw brick wall yard. The square of yard is not cleaned yet completely but we suppose that there also were the burials.

The attractive in the interior is high decorative panel of glazed dark blue plates with top border with gold painting on upper edges on cobalt- dark-blue background. Comprehensively plastered walls higher were painted by polychromic painting of white background.

The first premise played the function of “ziarat-khana” or “thilau-khana” in Khoresm¹⁷², was visitors read the sacrificial funeral suras of Koran and appeal of Allah. The premise, most likely, was overlap by cupola on high cylindrical (or sides) drum.

The main premise, of mausoleum for burials, “gurkhana” was situated behind “ziarat-khana”. On the main axis of gurkhana there was situated platform-mastaba (above the burial), under which were two main burials of mausoleum. It is obvious, that mausoleum served like family (clan) burial vault. The right eastern side of gurkhana was intended mostly for burials of adult representative of clan the left on was intended for child’s burial. Total 11 burials were discovered and excavated there. There is the base to suppose, that all burials were done in the period on functioning of mausoleum like family burial vault of representatives of the social-political elite of Zhaiyk part of the Golden Horde.

Mausoleum by its expressive architectural forms dominated of the necropolis, situated on the top of Swistun-mountains, which in its turn was above Zhaiyk River and that part of branch where were situated the passes in the region of current Melovaya mountains. Mausoleum functioned rather-long time in some places paving of floors was destroyed and polished. The corners of building left down and the walls began to be destroyed under pressure of heavy constructions, especially on the southern façade. The special measures were taken for strengthening of building constructions: to the bases of walls there were installed thick wooden beams: the southern façade wall, the most loaded, was supported by two strong raw brick controforces-bases.

By its architectural type presented mausoleum can be referred to the façade two camera mausoleums of longitudinal-axis planning, as the base behind the façade line of portal-peshtak is not fixed¹⁷³. That type of the memorial constructions was not noted earlier in Volga and North-Caucasian regions of Golden Horde.

Findings of gurkhana of a “Big Mausoleum” reflect completely the variety of the types of burial constructions of town necropolis of Golden Horde epoch in the Eurasian steppes¹⁷⁴. Classification and analyses of burials on the necropolis of Golden Horde towns (Volga region, North Caucasus, Crimea) were done by L.T.Yablonsky. Taking into account strong source base of the research (more than 500 burials) and that it was not widened during the following tens of years, what could be brought to reconsidering of the results of the classification, it can be considered actual currently¹⁷⁵. L.T.Yablonsky, using rather tried method of the statistic processing of mass material of G.A.Fyodorov-Davydov, revealed 18 stable types of burial ceremony. We consider it necessary to note, that the new materials of necropolis of Zhaiyk site can introduce corrections into some main conclusions, not touching the bases (features), by which was carried out classification and used terminology.

Regrettably, level of safety of burials inside the “Big Mausoleum” does not let to fix such essential elements of burial constructions, like presence or absence and the form of “over burials” (only the destroyed mastaba above the central burials #1 and #5 is fixed clearly) and in the majority of cases the form of burial overlap. Among clearly fixed

features except the general western direction of burials we can note presence of three main kinds of burial pit's form: 1) simple rectangular; 2) with shoulders; 3) with side hole. The variants inside the burial constructions are also various. On the bottom of simple pit usually there was formed burial vault of burnt bricks of trapeze shaped form in plan (burials ##1, 5, 3, 8, 9, 10).

Mausoleum Auliekol. Traditional winter pastures and winter camps of Kazakh kystau in the north-eastern Kazakhstan were situated in of Irtysh River and on the left bank in the mountains Kalmak-Kyrgan, Kyzyltau, Karakaraly and Byantau. The biggest summer pastures-zhailau was situated in valleys on Olenty and Shiderty Rivers.

Low parts of Shiderty and Olenty Rivers, were in summer period was concentrated the biggest part of the nomadic population were called by people, like Zhailma. The southern part of this region in the system of Akkol lakes is the richest by its pastures and water sources – Akkol Zhailma¹⁷⁶. In such context location of the researched monument near the lakes Auliekol, in the center of Akkol Zhailma is not occasional, but stipulated by the economical activity of the nomadic population, which lived under close to the modern natural-climatic conditions. It is necessary to note, that except Auliekol in the region of the traditional summer nomadic pastures there are also other monuments of the XIV–XV cc.: in the valleys of Selety River there were investigated the remains of mausoleums and town in canyons Mortyk, Bainiyaz, Kyzyloba, and also on the right bank of Shiderty River, in Zhantai Canyon¹⁷⁷.

The steppe aristocracy already adopted Islam, which as it is known got the status of the state religion in the XIV c. in Ulus Djuchi.

At the time was also widely spread the tradition to build mausoleums – kumbezoes of burnt bricks on the burials of the prominent and honored religions and state persons¹⁷⁸.

The state centers of medieval population of the steppe zone, differing from the southern regions of Kazakhstan did not have often strong fortress constructions and many other attributes of classic Central-Asian town. They were adapted to peculiarities of the economical activity, which was limited in the northern plain steppes mostly by summer period. We can note like of the steppe medieval headquarter – orda and mausoleums the medieval settlement, identified with the known by written sources town Orda-Bazar¹⁷⁹.

The researched object is situated to the south-east from the village Karazhar, in the canyon Karaoba, which is washed out from the west by Olenty River and Auliekol Lake from the south. On the top of the remains in the center of old cemetery of Kanzhigaly clan there are situated the remains of several brick constructions in a form of a hill, rich by broken burnt bricks, broken of glazed plates, pieces of time solvents. On the biggest objects there are seen the traces of old robbers and amateur excavations was in a form of trenches and pits, covered by grass. Excavation in square 750sq. m was established in one of the hills in diameter 30 m, height 1,48 m in central part of cemetery. There were revealed the remains of construction made of burnt bricks and raw bricks, which has in plan the rectangular form in sizes 19×12 m and it is directed to the southern side by its entrance pert. Preserved bases of walls in thickness 1 m were formed of 3 rows of the quadrangular raw bricks in size 25×25×6 cm on clay solution and they were covered outside in one row by burnt brick in sizes 25×25×5 cm.

During excavation of ruins there are found fragments of ceramics, facing, and also a big quantity of fragments and whole pieces of decorative plates, which decorated the walls of buildings, bones of animals and fish.

Entrance to the construction was situated from the southern side. Two rows of burnt bricks were excavated in central part in pass. Concentration of horse skulls, directed to the south was found during cleaning of south-western corner from the left side from the entrance, inside the building in the center of construction there was situated the premise of octagonal form in sizes 6,5×6,5 m. Its walls of burnt bricks are presented on height 0,8-1 m, thickness of walls is 1,25 m. Empty space between the premise and the main outward raw brick wall of building was filled by clay, pieces of broken raw bricks and by a big quantity of burnt bricks and glad's from ovens.

Premise 2 (2,75×2,75 m) made of burnt bricks joint from the north to the first premise. Brick wall, dividing both premises is on height 0,4 m but there was not observed door aperture. Burials, which were done on the level of floor and in ground pit, were found during cleaning of obstructions inside the premise.

Burial #1 Burial in wooden coffin made of wide boards was found on the time level of floor. Deceased was in prolonged position on back and directed by head to the west. Bones of skeleton were in anatomical order, at the exclusion of skull, which was, probably, replaced in the latest time during disassembling of construction, as the part of brick wall near the head was disassembled up to the base. Round shaped wooden subject through hole in the middle, which looked like a big bead, was found during cleaning to the left side from the right leg, lower than knee.

Burial #2 it is situated in central part of premise. Burial was done in coffin, made of boards, on the level of floor and is directed by the line west-east. The low part of premise was situated above the earliest ground grave and, probably, in the result of ground's going down it was situated a little lower, than the head of the bed.

Skeleton of the deceased was put on back, in prolonged position, to the west by its head. Bones of low part were destroyed and replaced to the side of pelvis. Part of ribbons and bones of arm were situated also not in anatomical order. Remains of clothes in a form of fragments of leather and fabric of red and green colors were found on the bones of skeleton during the process of cleaning. Small iron knife with the distinguished handle was found.

Burial #3. It was done in ground pit of sub oval form, directed to the west-east. South-western section of burial was overlap by the burial 2 to which was, apparently, the latest one in comparison with burial 3.

Remains of above burial overlap in a form of wooden boards in 10 cm put across. Inner burial overlap made of birch small put across, placed in their turn on longitudinal long birch boards were revealed on the depth 0,9 m. Directly under the overlap there were excavated the remains of wooden board coffin, where was placed the skeleton on back, to the north-west by his head.

In the process of cleaning of skeleton, to the left side from the skull there was found the bead of cornelian and under the skull. There were discovered the remains of fabric sewn by golden threads. Two eye-shaped beads were discovered lower, than the knee of right leg, from inner side and fragment of thin fabric of green color was found in the area of ankle.

Burials in the second premise were done by Moslem tradition with elements of pre Islam burial rituals, what is characteristic for the burials of the XIV–XVI cc.

Features of Islam are seen in the western orientation, presence of wooden orientation, presence of wooden coffin, almost complete absence of burial inventory, absence the sacrificial food and burial funeral feast, cult of fire and other features. Survivals of the traditional believe are fixed in position of head of the dead, presence of the cloth's remains, adornments, household subjects in a form of knife. Expressions of elements of pre Islam

believes are demonstrated by altar of horse's heads and picture of fish on the decorative brick. The exclusively important role of horse in the cult activity of local population is proved by the burials of the previous Kimak-Kipchak period.

At that period among the nomads of Irtysh River region there existed cult of fish, what is proved by findings of pictures of fish in the burials of the late I – early II millennium. Picture of fish on brick from Auliekol could be reminiscence of that ancient cult, as fishing was acted in the economical activity.

Ceramics, found on the surface and in excavations is widely found on the monuments of Golden Horde time and it is presented by fragments of red clay dish, made by hands on potter's wheel. Ornamentation of dish consists of horizontal wave shaped and straight lines made on raw clay. The interesting among ceramic findings are broken pieces of vessels – chirags, which were used in water raising devices, fragments of jag shaped vessels and khums.

Silver coin of Uzbek-khan, issued in 1323 y. in Bulgar-al-Makhrus was found in one of the burials near the mausoleum.

The remains of mausoleum and dwellings on it are not discovered yet, but judging by ceramics and remains of chigir water raising devices, but there were settlements and dwellings. What in concerning the mausoleum, it is dated by the XIV c., but the burials continued to be done in the XV–XVI c.

So, on the base of the available data, we can suppose that territory of Akkol Zhailma, which was one of the cultural-political centers of nomads in north-east of Sary-Arka in the epoch of Golden Horde, kept its meaning also in the Kazakh-Nogaily time¹⁸⁰.

Mausoleums of Bozok site.

Bozok site is situated on the southern border of Astana town among the morasses of the left flood lands of the Ishim River. The square of a monument is 30 hectares. Excavations of monument are being carried out since 1999 year.

Present time material dates the appearance of Bozok site by the Ancient Turkic Epoch. The monument existed during the long period from the VII–VIII cc., probably, till the XVI–XVII cc. Three periods can be defined in the history of site like follows: 1) VII–VIII (IX cc.); 2) X–XIII cc.; 3) XIV–XVI (XVII) cc.

Five mausoleums have been researched on the territory of Bozok site. Three of them are made of burnt bricks and two mausoleums are made of raw bricks.

Two mausoleums (#1, 2) were revealed in the central part of monument.

Mausoleum #1 is directed to the sides of Universe. The sizes are 6,6x6,6 m. The walls are formed by the quadrangular bricks in three rows. The width of walls is 0,88 m. The bricks have the sizes 25x26,5x5,5 cm, 26x26,5x6 cm. The floor of mausoleum is covered by quadrangular burnt bricks. Clay filling in thickness 5-7 cm was under the bricks of floor. Whole bricks and its fragments with carved ornament and fragments of the ceramic top of mausoleum-kubba were discovered along the southern and western parts of excavation of mausoleum.

Ornament on the rectangular facial bricks in sizes 30x30x15 cm is presented by two kinds of pictures made by deer carving. Carved brick has the “key” to assembling on the surface-half of eight-ray star forming the complete figure under the correct placing of bricks. Another motive of ornament is seen on fragments of the rectangular bricks in sizes: 21x16x5 cm and 16x15x5 cm. On one of them there are presented five rows of triangles directed to one side (in a form of garlands), on another one-three rows.

Two burial pits with the remains of three burials were cleaned inside the mausoleum. But the pits are directed by the line West-East. It is clear by the stratigraphy that mausoleum was intended for the burial pit #9 destroyed later by the burial #10. Burial pit #9 contained the burial of adult man. Three iron edges of arrows were found during cleaning of a pit. One iron ring, probably, from a bit was discovered there too.

The burial on top was overlapped by the bricks of floor. After some time the burial was opened in the south-western part. Bones of a skeleton are broken and some of them have the traces of fire and the part of bones was thrown away.

The burial in sizes 1,3×0,3 m was discovered near by. The body of the deceased was directed by head to the west and by face it was turned to the south (#10). Three sheep astragals laid at the head side. Fragments of ceramic top part of mausoleum-kubba covered by dark green and bright blue dense glaze and also the broken bones of the deceased were found in a filling.

But pit #11 is situated in 20 cm to the south of burial #10. This burial is the latest in mausoleum. For its building were revealed or cut the bricks of floor. The burial had trapeze form in sizes 2,5×0,7×0,8 m. The burial of old man with head turned to the west and face turned to the south was cleaned on the bottom. Overlapping was formed of two bricks put inclined and one brick put between them in horizontal position.

Concentration of carved bricks from the southern side of mausoleum let to suppose the entrance in the southern wall.

The date of mausoleum is defined by iron arrow edges. Two plain half edges have rhombus shaped form of feather. One edge it is four sided half shaped in a form of lance feather form. Such type of edges is dated by the XIII–XIV cc.

Mausoleum #2 is situated in 6 meters to the west of mausoleum #1 with part of walls preserved.

The width of walls is 0,8 m. At the western wall layer in one brick has been preserved, at the north-western corner were fixed four layers of bricks on clay base.

Mausoleum is quadrangular in sizes 5×5 m directed by its corner to the sides of Universe. In the center of mausoleum was situated the burial of sub triangle form and it was directed by the line East-West. Fragments of raw bricks and burnt bricks, remains of wooden constructions were found in the obstruction. Fragment of ceramic top part of mausoleum with green glaze was found in a filling. A woman was buried in a pit in sizes 2,25×0,8×1,0 m in prolonged position on her back with head turned to the North-West and face turned upward.

Mausoleum #3 is situated in 80 m to the south. Before excavations it had the form of a hill in sizes 21×16 m and height 1 meter. Outward sizes of mausoleum are 9×8,5 m, inner ones are 7×6,5 m. The walls of mausoleum are built of burnt bricks on black silt ground solution without the base. The width of the remained walls is from 1,02 to 1,06 m. They are formed of four bricks alternately. The brick is quadrangular with sizes 24×25×5 cm, 26×25×5,5 cm and 25,5×26×6 cm.

Entrance in width 0,8 m was fixed in the south-western wall. In the center of mausoleum was situated the burial pit (#5), at the southern corner-three burial pits (#6-8). Central burial was robbed.

Central pit had sub rectangular form and it was directed by the line South-East-North-West. Layers of bricks surrounded the burial pit. In the filling of a pit was mixture of ground and a big quantity of plaster fragments. On some of them were preserved the traces of herbal pattern made by dark blue, red, light green and yellow colors.

Burial chamber had a form of burial vault made of raw bricks. The floor of burial vault was covered by raw bricks in thickness 5 cm. Depth of burial pit is 1,3m. In the western corner were put the bones of not whole skeleton of a man: bones of shoulder, shoulder blades and several ribbons.

Three burial pits situated in one row were excavated at the southern corner of mausoleum. One of them (#6) contained the burial of a child. The burial #7 was cenotaph.

Burial #8 was established exactly at the entrance to mausoleum. The sizes of pit are 2,0×0,74×0,9m. In a filling were found fragments of bricks. On the bottom under long northern wall was a burial of a man with head turned to the North-West.

The interesting are fragments of alabaster plastering found in the filling and in obstruction of central burial #5. Near the pit were found small fragments of glazed piala decorated by herbal ornamentation made by brown and green glaze and fragments of ceramic top part of mausoleum with green glaze.

Mausoleum is situated on the western bank of a site. It was a hill of oval form in sizes 15×10m, height 0,5 m. The northern half of a hill, 4 burial pits were discovered and excavated.

Pit #1 is directed by the line West-East. The bottom of pit is situated in 1,4m from top part. The sizes of pit are 1,25×1,0 m and in depth 1,4m. The bottom was covered by longitudinal laid boards. Cover of walls was built on them of bricks of different sizes. Six layers of bricks were in layer in height 0,5m. Low row of longitudinal walls was formed of bricks in sizes 36×25×8cm. High row consisted of bricks in sizes 36×2,5×6 cm. Side walls of burial chamber are built of bricks in sizes 25×20×15 cm. The bricks were fixed by yellow clay solution. Brick layer on top had overlapping made of bricks put in a form of “fur-tree”. Part of them was destroyed and replaced. On the bottom of burial chamber was excavated the burial of a man prolonged on back with arms along the body with head turned to the west and face turned to the South.

Pit #4 is situated to the west and it is directed by long axis by the line North-South. The pit on the level of mausoleum’s floor on top was overlapped by horizontal layer of raw bricks. The part of them felt inside the filling. On the bottom (1,4m) the pit had the sizes 2,0×0,7 m. In its center on wooden bedding was excavated the skeleton of a man turned to the North with arms prolonged along the body. The burial was accompanied by the ritual food. At the north-eastern corner was put a skull of a horse with muzzle turned to the North. At the right shoulder was found a fragment of low jaw. So, the burial #4 is directed by head to the North and it was accompanied by two skulls of horses.

Mausoleum #5 is situated on the south-western corner of southern block’s bank. Before excavations it had the view of a burial mound in diameter 15 m and height 1m.

Mausoleum is quadrangular in plan and its “portal” wall is directed by the line North-West-South-East. The walls of mausoleum are formed of bricks on light clay solution. The sizes of bricks are 40-48×24-26 cm, 38-44×22-28 cm.

Length and thickness of walls are not similar: the northern one is 6, 65×1,2m; the western one is 6,2×1,2m; the eastern one is 6,1×1,1m; the southern one is 6,6×0,9m. Inner sizes of mausoleum are 4,5×4,3 m. The floor of mausoleum is covered by thick lime layer. Entrance in width 0,8 m is situated in the middle of southern wall.

Mausoleums of Bozok site are referred to the type of one camera quadrangular in plan mausoleums. The walls are built without the base, thickness of walls is 0,8-1,2m. Mausoleums are built of burnt and raw bricks. It is possible to establish that overlapping of mausoleums is made of burnt bricks and crowned by the ceramic tops-kubbas covered

by dark green and bright dark blue glaze. Kubbas by their form are two step and sphere shaped.

Judging by the findings of carved bricks the smartest was the mausoleum #1. Its date (late XIII – first half of the XIV cc.) is established by the findings of plain iron arrow edges. It is distinguished by comprehensive building and decorative carved bricks. Probably, this mausoleum had initially the portal with two semi-columns. It is proved by findings of mould bricks with round shaped side.

Mausoleum #3 can be referred to the XIII–XIV cc. We can suppose that the site became the place of a cemetery under the cult-memorial complex in the XIII century and burials were been continued there during all XIV c.¹⁸¹

Mausoleum Janybek-Shalkar is situated in Akmol region on a hill joining to the lake Janybek-Shalkar.

General sizes of construction by axis are 14,5×14 m. In the center was situated the base of mausoleum in sizes 12,2×7,5 m. Mausoleum is two camera and it is directed by the line North-East-South-West. Its main part has the rectangular form in sizes 9,2×7,5 m with joint small rectangular camera in sizes 4,5×3,0 m in the north-eastern side wall.

Entrance to mausoleum is situated from the south-western side. It is “deepened” inside the wings of portal which are the continuation of long longitudinal walls going out for two meters from the south-western wall of mausoleum. The width of portal walls is 2 m. From the both sides they round the square in sizes 3,5×2,0 m in front of the entrance. The floor of entrance square is covered by pentagonal bricks. In the center of portal square was the entrance to mausoleum. The width of entrance is 0,8 m and it is marked by step pass from figure shaped and quadrangular bricks of mausoleum’s floor.

Brick layer of mausoleum’s floor and the northern corner of walls in three layer bricks are preserved well comparatively. The rest walls are fixed by the prints of bricks.

Judging by them, the walls of mausoleum were in thickness 0,9-1,2 m and they are put of four bricks in sizes 24-26×24-27×5 cm. The traces of bricks are in a form of light stripe with width 0,9 m and they are prolonged along long northern wall. The prints of bricks in a form of small sections are seen also along the southern wall which felt outward and its remains in a form of broken plates and pieces of ganch are fixed in 3 meters from mausoleum. Fragments of glazed plates from mausoleum’s decoration combining elements of herbal ornament and Arab letters were excavated on the level 0,6 m along all length of its surface. Width of layer is not more than 0,5 m. Broken bricks close the outward fence and contours of burial pit #4 which appeared after full excavation till ground earth.

Small camera of mausoleum (4,5×3,0 m) has the walls in width 1,2 m. Inner surface is covered by the same pentagonal bricks as well as the square in front of the entrance. Figure shaped bricks remained in prints. Four burial pits under ##2-5 were discovered out of the borders of mausoleum from the eastern side. The burial pit #2 is situated at the south-eastern corner of mausoleum. It has the layer of burnt and glazed bricks from above. The pit is directed by the line North-West–South-East in sizes 1,75×0,5-0,75 m. The pit #3(1,75×0,5) is situated in the north-eastern section and joins to the western wall of outward fence. It is directed by the line North-North-West-South-South-East. Burial pits #4 and #5 are directed by the line North-West-South-East. They are filled by fragments of burnt bricks, whole glazed plates and mixed broken parts. Pit #4(1,15×0,6 m) appeared under the southern wall of mausoleum under the heap of broken bricks. Pit #5 in sizes 1,2×0,3 m was fixed in the north-eastern section out of the borders of outward fence.

Mausoleum is referred to the type of portal-cupola ones. Façade of mausoleum was decorated by glazed plates ornamented by combination of various herbal and geometrical patterns. Topography of concentration of some kinds of plates gives the base to suppose their location in the décor of mausoleum. The stripe of glazed green plate with epigraphic ornament could be situated over the portal niche. The plates with step geometrical ornamentation was situated higher the stripe. The wings of portal were covered by rectangular glazed plates decorated by a pair of eight-edged stars with rosettes and also glazed plates with simple geometrical pattern in a form of carved thin lines. The upper part of long walls of mausoleum is decorated by the plates having carved pattern in a form of rectangular. Inner part of wings of portal on the corners of construction is decorated by glazed plates with herbal ornament¹⁸².

Graphical reconstruction of mausoleum is presented.

Necropolis

Burials and necropolis are the most important archaeological source, used under the research of ancient and medieval history. Research of necropolis is very important during study of the religions imaginations. It is influenced by two important factors, like ethnic peculiarities and public relations. Forming of traditions of burial rituals, like the mean of burial, burial and above burial construction, accompanying inventory is going in into turn through the religion.

These phenomena's are characteristic for forming of burial practice and the society adopted Islam.

The bright changes in the burial practice are seen clearly in Kazakhstan in the IX–XII cc. and later, in connection with adoption of Islam by citizens, settled population, cattle-breeders and nomads.

Regrettably, the level of study of necropolis of Islam epoch in Kazakhstan is not enough. Special planning researches in that direction was almost not carried out, what, doubtless, were the white spot in Kazakhstan archaeology.

Necropolis of Baba-Ata site is the burial ground, which is situated in 0,8 km to the south from site's citadel and it contains 19 burial mounds with loess embankments, situated order less, near each other. Two burial mounds (#5, #12) were revealed.

Square in sizes 5,7×5,8 m, filled by 8-10 cm clay layer, directed to the sides of universe by corners was discovered in the burial mound #12 in diameter 14 m, in height 0,6 m directly under the turf. Under the layer of clay there was the fence with walls in thickness 0,8-1 m. Aperture in width 0,5 m was established in the north-eastern wall. Four rectangular burial vaults, situated parallel to the north-western wall were situated inside the fence of the depth 0,95 m on the layer thickness 0 and 2 m of broken clay. Two of them are formed of raw bricks and two of them are made of broken clay.

The first burial vault in length 1,25 m with 0,6 m was formed of raw bricks in sizes 40-44×20×9-10 cm in height 5 rows of bricks without fixing solution.

The second burial vault, which was situated on distance 0,35 m from the one, in length 1,25 m, was presented by the base with opened short sides in height 0,3 m overlap by put plain bricks in sizes 36×15×8-9 cm and 42×21×9 cm.

Two following clay boxes were situated on distance 0,3 m from the second burial vaults, the next-one – one distance 0,5 m from the third one. The boxes had sizes consequently: length 0,6 m width 0,63 m, height – 0,34; the second one – length and width – 0,37 m, height – 0,35 m.

Under the layer of pahsa in thickness 0,2m with boxes on top, on the depth ground, under it – in the opposite fence's sector there were situated two oval form fences, formed of raw brick and directed from the North-West to the South-East. The both fences were in height in height two bricks, the size of the first one: length 1,55 m width of south-east. The both fences were in height two bricks, the size of the first one: length 1,55 m, width 0,68 m; the second one – length 1,8 m, width of south-western wall – 0,63 m, north-eastern – 0,82 m. There were no remains of burials inside them.

In the turf layer of burial mound's embankment there were found two broken pieces of vessels, one is thin walled, covered by white angob and made on potter's wheel of dense paste without admixtures, the second one – from khum.

Presence of clay layer above boxes proves, that they were not robbed before the moment of building of fences and, obviously, tells about the absence of burials.

In the burial mound #5 in diameter 8 m, in height 0,2m exactly under the turf layer appeared contours of the rectangular fence, the northern wall of which was formed of broken clay and three others – of stones, fixed by clay. On the depth 1,2 m from the center there was situated laying from the west to the east, in the length 1,6 m, in width 0,45 m, in height 0,3 m made raw bricks in sizes 44-45×22×9-10 cm, put in three rows plain without any solution. Under the laying three was discovered the burial pit in depth 0,3 m with side hole in the southern wall. Dromos is narrow in width 0,45 m in length 1,8 m. In the side hole on the base of fine pebbles laid the skeleton in prolonged position, on back, width head to the west. There were not discovered any inventory during the burial.

Excavated burial mounds can be dated by the X–XIV cc.

In the burial mound #12 there is two layers of burials: low – two grounds pits, covered by bricks and upper – clay constructions being something average between Moslem and burial vaults.

Typical Moslem burial was discovered in the burial mound #5.

Its location has the big importance for definition of the time of burial like the majority of necropolis, left by citizens of towns it is situated not far from the walls of town which stopped its existence in the XIV – early XV c. Consequently, that date should be the upper boundary for the burial mound #5 and upper boundary of the burial mound #12. Low layer doubtless, was the earliest, and can be referred, judging by analogues, to the IX–X cc. The bricks in sizes 40×44×29×9-10 cm, used under building construction of upper layer of the burial mound #12, is characteristic for the constructions of all main horizons of site and so it can not be the orientation for dating. Burial pits of low horizon are covered by bricks in sizes 36×18×10 cm, found mostly in low layers of citadel. Probably, bricks of destroyed constructions were used for their building, what let to clarify their dating.

Burial mound embankments, and other kinds of above burial constructions, not containing burial, are well known by archaeological and ethnographical materials of Kazakhstan and Central Asia. Most likely it is necessary to refer them to the category of cenotaphs, built in honor of relatives dead far from native land. It is interesting to note, that survivals of this traditions, a little bit changed, are preserved among Uzbeks and Kazakh till current times. So, for example, during visit by believers of burials of so called “sacred” Akhmed Yasawi and Arslanbab, relatives of dead people far from native land, build small hills of ground and dust near the “sacrificial” place. Some Kazakh clans which live now in the region of Turkestan have the tradition to install in the head of dead people the wooden column, low part of which is on the bottom of burial pit and upper one is slightly going out the burial hill. Imitation

of such construction is small hill near the complex of Akhmed Yasawi, with part into them “small sticks”¹⁸³.

Necropolis of Keder town (site Kuiryktobe). The site Kuiryktobe situated in Otrar oasis is identified with Keder town. Citizens of Keder built the Cathedral Mosque in the Xc. Its remains were found and situated. Mausoleum Arslanbab built in the XIIc. was situated near the site. The huge cemetery where the burials were done till the late XXc, is situated near the above mentioned mausoleum. The early burials are under the burials of the epoch of the late Middle Ages and the Near Time. The early Moslem cemetery on the embankments of the main channel of the VIII–XII cc. was discovered to the south from town in 1,5 km from citadel.

Excavation I was established on the hill, where 7 burials had been revealed. The buried were prolonged position or on the right side by the head turned to the north-west, by face to the south-south-west. Their hands are curved in elbows or put on breast. There was no inventory. In burial #5, to the south of pelvis bones there was found bronze coin of Samanidian coinage¹⁸⁴.

Excavation II was established on plain top of one of the hill. Raw brick planning's and remains of buried were discovered during the surface investigation.

Cleaning with following widening of excavation square revealed 12 burials in burials-vaults. Their walls were built of row bricks Overlaps were made of several bricks, put across side walls of burial vaults, or of bricks, put in decline across the side walls of burial-vaults.

There were revealed completely 5 of 12 burial-vaults. The deeds were put in prolonged position, on the right side or on the back. Hands are curved in elbow and put on breast. Partial change from the general scheme was noted in the burial 4, where widely put away hip and tibia bones of dead were connected in bones of foot and form the straight angle in the knee joint. There was no burial inventory. Further deepening on the separate sections of excavation showed, that majority of the revealed burial-vaults are situated on similar burial constructions. One of four burial-vaults was cleared. The deceased was by the above described scheme. Two khumchas were found on the level of that burial horizon, lower than the floor of burial 5.

Excavation III was established along inner slope of the left bank of ancient irrigational channel. There were discovered 10 burial constructions and 7 of them were cleared. They are not different from the burial-vaults from excavation II by their construction, building material and ceremony of burial. On the western edge of excavation, on the level of base of construction there were found four khumchas. The fifth one was plastered by its side on the surface of burial-vault. Excavation was not completed till the earth¹⁸⁵.

So, the materials from the above mentioned necropolis and also the data got under study of burials in mausoleums, khanaka, give the possibility to consider, that Moslem ceremony of burial among citizens was spread in the IX–XII cc.

It is known, that those, who adopted Islam, there were established their own cemeteries, but the first burials done by Islam ceremony, were noted on the old town necropolis, for example, on the necropolis Djumakat, which functioned during the long time – in the VI–IX cc., there were situated Moslem burials of the Xc.¹⁸⁶

Chapter V

Artistic and Handicraft subjects

Goods of metal

Articles made of metal like bronze, silver, gold amount a big group of findings found during excavations of medieval towns. They are bracelets, finger rings, pendants, amulets, belt set and horse harness. Part of them has Arab inscriptions.

Such findings are objects of researches of archaeologists and specialists on epigraphy. The bright sample of such complex work in Kazakhstan science is article of V.Nastich devoted to the belt plate from Otrar¹⁸⁷, discovered in stratigraphy excavation, in layer of the XII–XIV cc.¹⁸⁸

The finding looks like a massive plate in sizes 3×4.4 cm in a form of rectangular shield with figurative edge in low part made of alloy of gold bronze, covered by black color patina.

Inscription in two lines by kuphic letters in Arab language was placed on the facial side of plate. The following was written there Range from Allah.

The word range has several meanings in Russian language, like range, rank. It can be interpreted like public position.

The word range is presented not one time in Koran and it was used in the same meaning in connection with Allah, who distributes people by the levels or ranks in honor or in punishment for their deals. It is doubtless, that inscription on the plate is connected with the noted poems from Koran¹⁸⁹.

Kuphic style of inscription is known by epigraphic monuments of Central Asia and many of them are dated clearly.

The following epigraphic and numismatic monuments of the late X–XI cc. are close to the discovered plate by style and peculiarities of inscription6 bronze fels [of modern Jambyl region],dated by the X–XI cc.

So, the plate is dated by the end of the XI–XII cc.¹⁹⁰

Belt sets of Moslem period are being found in rather big quantity, but there are known single samples of belts with epigraphic forming.

By the evidences of archaeological materials and written sources of the X–XI cc. composed belts were widely used in the ancient and medieval periods and in Early Moslem Central Asia and Kazakhstan.

The evidences given above tell that among Turkic warriors such plates were also the special sign of rank. It is proved also by the inscription on the plate, where it is written, like reminder to the warrior about his place and obligations in the Moslem society¹⁹¹.

Turkic military belts were widely spread in Eurasia. In the Moslem epoch, starting from the time of the State of Samanidians that attributes of military equipment were being developed adapted to the demands of a new ideology.

Needs of the Arab caliphate and later of other Moslem states, separated from it were covered in military forces and were covered essentially at the expense of coming Turkic slaves from Kazakhstan and Central Asia. After the defeat of Samanidians their possessions were divided between Karakhanid and Gaznevid rulers. Farab suburb where Otrar town was situated, and neighboring with it Ispidjab in 992-996 yy. were included into the content of one of East-Karakhanid regions by the middle of the XI c.

V.N.Nastich made very interesting observation, seeing anthropomorphic features in forming of buckle, made by Arab letters on the background of a buckle face in a head dress. And he is right, considering, that in stylization of picture on buckle with help of letters of Arab alphabet is seen pre-Moslem tradition. In present case it happened under the influence of Moslem dogma on culture and art of people of Central Asia¹⁹², where Sunnite Islam, by the words of A.N.Bernshtam “took out all painting of pre-Islam time, giving the will of painting to the master in the field of ornamental motives”¹⁹³.

It is difficult to define the place of production of these belts. But if to take into account information of Gardizi about their origin from Turkestan, it is possible to say, that the place of their production were some of handicraft centers of the East Karakhanid state. High technical and artistic qualities of production of belt sets, judging by Otrar plate suppose their production in big town centers. Such centers are called by al-Makdisi, like Fergana and Ispidjab¹⁹⁴.

At present time some of such centers can be called surely enough.

It is Semirechie town Nawaket (Newaket), which is identified surely with the site Krasnaya Rechka. During robbery searches with help of metal search devices there was found on the site collection of artistic metal mostly from upper layers (IX – early XIII cc.) The part of findings comes to the “markets of antique things”; other ones are in collections of scientific centers, in private collections. Articles from such collections (1100 samples) were studied in the monograph of K.M.Baipakov, G.A.Ternovaya, and V.D.Goryacheva¹⁹⁵. It is interesting to note that there was also found the plate identical to Otrar one.

The problem on the ethic side of work with such collections is not simple, but most likely V.I.Sarianidi is right, who says the following concerning analogues from Afghanistan: “It is difficult to value the harm brought by illegal excavations and the honor to the French archaeological mission in Afghanistan by order of which M.Potier (1984). He could in some measure to make photos from illegal excavations (for the first turn-stamps and amulets), not only in Kabul, but also in Balkh and Mazari Sherif (1998). I am happy and proud that I could introduce my share and to preserve for science the photos of things lost in private collections¹⁹⁶.”

Vessels, figures, mirrors, adornments and amulets are included into collection from the site Krasnaya Rechka. The most numerous are the details of belt set-compound belt and horse harness.

The analogous collections of things have been collected also on the other sites identified with capital towns Suyab and Balasagun.

The part of things has inscriptions in Arab language.

So, starting from the time of adoption of Islam military belts and other attributes of warriors were being taken to a new ideology keeping the traditions of other ideology at the same time.

Bronze mirrors, jags, bowls, plates, mortars and muffs for joining of wooden supports of tents are included into a big group from excavations of medieval sites of Kazakhstan and also occasional findings as it was mentioned above. Some of findings have inscriptions. Special group of things made of bronze, amounts lamps with functional, cult and ideological characteristics. They are short carved inscriptions on the body of chirag lamps. There are in a group chirags with one or several noses, zoomorphic in a form of animals made with high artistic taste¹⁹⁷.

There are lamps of compound forms consisted of several details. The interesting complex of such lamps is in the mausoleum of Khodja Akhmed Yasawi. In the mausoleum there is also bronze cauldron-toi Kazan and also door hammers and edges of banner staff.

Inscriptions on them have been read and translated¹⁹⁸.

Ceramics and glass

Collection of not glazed, stamped and glazed ceramics with Arab inscriptions has been collected during archaeological works.

Part of these materials has been published. The unique is finding of clay vessel broken with inscription in 10 lines from the excavated dwelling of the X–XII cc. on the site Kuiryktobe¹⁹⁹. Fragment of jag with relief inscription is from Otrar (block of potters) from the layer of the XIII–XIV cc.²⁰⁰

E.I.Ageeva published the broken of clay dish with inscription on its inner surface. Fragment of dish was found in stratigraphy excavation on Chilik site and it is dated by the XII – early XIV cc.²⁰¹

Inscriptions on ceramics, including the inscriptions made on burnt vessels, have been found on the broken parts discovered during excavation of Talgar site. They are dated by the XI–XIII cc.²⁰²

Ceramics with inscriptions dated by the XIII–XIV cc. has been found in Taraz²⁰³.

Big collection of ceramics with inscriptions has been collected during excavation of Saraichik site. This ceramics is unglazed, stamped and glazed. It is dated in the range of the second half of the XIV–XV cc.²⁰⁴

Arab inscriptions on glazed vessels of the X–XII cc. has been discovered during excavations of the sites in Jetysu and Southern Kazakhstan. The numerous groups of bowls of different sizes, dishes were found in Talgar, Taraz, Otrar sites and sites of Otrar oasis²⁰⁵.

Inscriptions on glass vessels from the medieval towns of Kazakhstan are very rare. One of inscriptions is rather full made by relief blowing into the form and it was observed on glass vessel from Otrar²⁰⁶.

A.N.Bernshtam paid attention at his time to the pottery with inscriptions, considering, that inscriptions on pottery, made by Kuphic writing contain as the rule, the word “Allah” and they are religious by their character. He referred inscriptions to the epoch of Karakhanidians²⁰⁷.

O.G.Bolshakov in his dissertation work about the glazed ceramics of Central Asia of the VIII–XII cc. devoted the special chapter to the analysis of Arab inscriptions on it. These themes are also in his other works²⁰⁸.

Appearance of glazed ceramics in Central Asia is doubtful. O.G.Bolshakov proves convincingly that production of pottery in Central Asia towns was not local achievement by view of some researchers, but it was adopted, most likely from Iraq in the second half of the VIII c. and it did not exist before Arab conquest²⁰⁹.

The second half of the VIII c. was the most favorable time for adopting of production of glazed pottery. At the same time in Bagdad a big quantity of Central Asians settled in Bagdad. At the same time in Central Asia there was not small quantity of officials and military officials from Iraq and other western regions.

The first developed glaze in Central Asia was copper – lead glaze²¹⁰.

“Revolution in production of glazed pottery was done by assimilation of transparent lead glaze which opened the widest possibilities of sub glaze painting with clear graphically bright picture. Use of white angob made the surface of clay dish like ideal background for artist. Impetus for the appearance of white angob pottery by our view was striving of potter’s handicraftsmen to create imitation of rich foreign porcelain. In any case one kind of white angob dish with spot shaped yellow-green glaze and graved sub-glazed ornamentation appeared like imitation of the concrete variety of Chinese pottery. But we can not say that namely that kind of white angob pottery was precursor of all other kinds. Together with manner of decoration there was adopted the new form of table dish-plate with wide almost horizontal reverse and smooth turn of back side, which was met at the beginning only together with spot shaped glazing of surface”²¹¹.

It is noted the essential similarity of its complexes coming from different regions. They are one and the same forms, ornamentation, color gamma.

Pottery of one style with Central-Asian was spread in the IX–XI cc. far out the borders of Central Asia; in Khorasan and over all territory of Afghanistan. So, the region of its spread coincides with the territory of Samanidian state. We can state surely, that such pottery appeared in the IX–X cc. in Kazakhstan (in the South and Semirechie)²¹². In the XII c. the unity of style of glazed pottery existed in Maverannahr (including Khoresm).

Similarity of glazed pottery on a wide territory is the evidence of close economical and cultural links and unity of tastes of consumers (for the first turn of citizens, main consumers of glazed pottery). At the same time there is a question about the centers, which set the fashion.

One of them is in production of artistic pottery in Samarkand.

Outward stylistic research of pottery outward the border of Samarkand region does not let to reveal Samarkand production. Only chemical analysis of broken, glaze and painting can help to solve this problem. But such kind of work on “Samarkand type” pottery in towns of Central Asia was not carried out. There is no comparative material on pottery of Afrasiab, Central Asian towns and towns of Kazakhstan (Ispidjab, Otrar, Taraz). But it is possible to separate the dish brought from Samarkand and the same pottery produced in Otrar, Keder, Taraz, and Talgar by their outward features, by the broken, quality of glaze and perfection of picture.

Pottery is not a convenient good for transportation because of its fragile character. Its transportation can be proved only under the terms of high prices. So, more expensive and better is pottery, the wider is zone of its spread. There is more similarity in pottery of one type produced in different regions.

Glazed pottery gives a rich material for the research of some essential phenomenon of culture. So, it illustrates clearly the history of presence of Arab language among citizens. In the IX-X cc. the most characteristic subject in painting of high quality pottery was Arab inscriptions. They are presented by different in time and style inscriptions from strict simple kufic of the IX c. adopted from Koran or other rich inscriptions up to the compound decorative forms of blossoming kufic²¹³.

Artists used decorative possibilities of Arab script in painting of pottery. Some inscriptions by blossoming kufic transferred, for the first view, into the line of herbal ornamentation did not lose their readability.

All inscriptions can be divided for three groups by their content. The first one consists of different good wills. The noted good wills are the reductions of more full initial form, which is not observed on pottery of Central Asia, but it is known on pottery of Near East. It is possible to make the conclusion, that they were adopted already in the reduced form. "Baraka" is often the compound element of long good will inscriptions with accounting of different wills for the owner. Sometimes there are wills connected directly with the intention of a dish, like "drink (or eat)" for your health".

Inscriptions of the second group have aphoristic character. For example, Arab sayings, like "tolerance" is the key to joy, "faithfulness is a treasure", "start of study is sour for taste and its end is sweeter than honey", "those who speak too much humble themselves".

There are inscriptions characteristic for Moslem ethics. Together with appeal to set hopes on to Allah there are sayings on the necessity to be glad by small things, to refuse from their wills.

There are also the religious inscriptions like "modesty is the branch of belief" (al-iman) is observed on some not written inscriptions where are seen the separate words, like al-djanna-"heaven", an-nar-"flame"; they doubtless, carry the religious character.

It makes to suppose that some sentences, which as they seemed carry the secular character, can be the hadises, not included into canon works. For the first turn such is the sentence "generosity is the quality of righteous men (inhabitants of heaven)". It is rather probable that sayings about knowledge foresee not a science in general not positive knowledge, but science about the religion, theology, which was the Science from a big letter-al-Ilm in the Middle Ages.

It is characteristic that all inscriptions to hadises are referred to the X–XI cc. as well as all other inscriptions with the word "belief". Apparently, it is reflected by strengthening of Moslem orthodox influence, by which was marked the beginning of the XI c.

In the XI c. there was going the process of slow disappearance of pottery with inscriptions in Arab language. They existed still, but in a form of copies of the earliest samples. Only short good wills preserved by the end of a century like "Baraka" and fashionable at that time in that century "al-iumn" (prosperity). It is explained by ousting of Arab language. The new consumers, as well as handicraftsmen, who made that pottery, did not know Arab language. Fashion for inscriptions was preserved, but they copied without understanding of the meaning of inscriptions²¹⁴.

Decoration of glazed pottery let to put forward one more question-on the influence of Islam to fine arts. From one side there is strong conviction that Islam prohibited to picture the living beings. From another side it is considered that pictures of alive beings was being punished strictly not in the X c. and following centuries, when Moslem ideology had been formed finally and there was the decisive attack on heterodox. Alive beings appeared again in fine arts in connection with disintegration of Caliphate, which imposed Islam to

conquered people and “strong anti caliphate and yafetic meetings, which shake the position of Islam”²¹⁵.

O.G.Bolshakov considers that similar imaginations are reflected by the general tendency to present religion in the “Middle Ages like something pressing, but not the natural form of medieval outlook. We would like to remind that Middle Ages joint to the theology and transferred them into their branches all other forms of theology: philosophy, politics and jurisprudence. Any public and political movement had to adopt theological form because of the above mentioned fact”²¹⁶. It is referred in the same measure to the Moslem East. “Religion served like a weapon of protection of the existed formation and ideology of fight with them. In the Middle Ages the fight was not against the religion in general but against its concrete forms, against one form for the sake of another one. Atheism was available only for the prominent minds of Middle Ages, single genius, and for common handicraftsmen and peasants the religion was only one available form of world outlook”²¹⁷.

Prohibition to picture living beings is not referred to the amount of the most important statements of Islam. It was formed only at the end of the VIII c. Canonic collections of works of hadises, which appeared in the IX c., contain sayings prohibiting pictures, but many theologians till the X c. considered them not against pictures in general, but against pictures intended for worship. Only in the XI c. there was established word for word understanding of that hadises in the situation of fight with different expressions of free mind-from Islamism to mutazilism.

At the end of the XI c. leading activists of orthodox Islam were definitely against pictures of living beings in public places. Al-Gazali (early XII c.) wrote: “Among blamed pictures are those pictures, which are on the doors of bath-houses or inside bath-houses; everybody who enters there must destroy it, if it is possible, but if the pictures are on high place, which is not possible to reach by hand, it is allowed to enter there only in case of the extreme necessity. It would be better to go to another bath-house, because it is not allowed to look at blameworthy. And it is enough to spoil faces on pictures to become not valid”. But he adopted use of some things with pictures. Al-Gazali wrote concerning the meeting of guest: “Among the above mentioned is hanging of curtains with pictures... what is concerning pictures on pillows and carpets for sitting there is nothing blamed; the same is concerning the pictures on plates and bowls, excluding vessels made in a form of body; so, the top part of incense-burners is in a form of a bird, what is prohibited (haram), and so it is necessary to break that part, which has the picture”²¹⁸.

So, by the view of strict orthodox, like al-Gazali during the last period of his life, use of pottery with picture was acceptable during visits of guests, when it was demanded the most strict observance of all rules of propriety.

By the point of view of O.G.Bolshakov appearance of pictures of living beings on the glazed pottery of Central Asia in the X–XI cc. is explained not by the revival of pre Moslem traditions, but some side influence. It is remarkable, that the biggest part of such pictures is connected with lustrum pottery, repeating the subjects of lustrum painting; on the other pottery zoomorphic pictures are rare enough and they are more schematic in a form of elements of ornamentation. Very common in Iran painting illustration of the literary subjects has not been observed still in Central Asia. The reasons of the above mentioned facts are not clear yet. In any case it is necessary to note, that in Central Asia prohibition to picture living animals, apparently was understood more word by word, than in other countries²¹⁹.

At the end of the XI–XIIcc. in painting of glazed pottery there was established more motley, carpet style of ornamentation, which can be connected with Turkization of Maverannahr.

Glazed pottery of the XIII – first half of the XV c. is characterized by the change of technological schemes of its production.

The middle of the XIII c. is the eve of different ceramic styles. Pottery with transparent lead glaze on white angob disappeared. Red, yellow and pink angob began to appear. Glaze is painted by yellow, green, pink, light blue and blue colors. Ornamentation was herbal, geometrical, and epigraphic. But there is also the group of pottery with inscriptions. So, in Otrar during excavations, there was found the bowl, covered by dark blue glaze and sub glaze inscription made by black color. On the borders was done ornamentation in a form of stylized Arab letters and the next line had the inscriptions made by talik script of early variation. This fact let to refer the bowl to the second half of the XIV – early XV c. Translation of text is the following: “all your wills come true by your will..... God is protector of your throne. Evening started. You are my lovely in the world...” By its style this good will inscription, apparently, in Sufian plan, identify lovely with God²²⁰.

The big quantity of inscriptions as it was mentioned above is observed on glazed pottery from the medieval town Saraichik identified with Golden horde and later Nogay and Kazakh town Saraichik.

In connection with characteristics of inscriptions on pottery from Saraichik it is necessary to know the part of a poem of Yusuf Balasagunsky on the wall of clay vessel which is translated as follows: “Speech is rich by words, and thoughts are rich by speeches. People are nice by face and face is nice by eyes”²²¹.

We can suppose the same processes in change of mentality of customer by the appearance of such sentences like in the South of Kazakhstan, but in difference 400 years, when in the Golden Horde and Saraichik of the XIV c. was going the process of active Islamization of rulers and elite of Golden Horde.

Numismatics

Changes in monetary circulation-transference to the coins of a new type happened in connection with submission of South Kazakhstan and Jetysu to Samanidians, which followed the trips there of Arab troops.

Arslanidian coins. Tuhuss coins of Jetysu degraded completely. Crisis of monetary deal was observed there in the middle of the IX c. The new type of coins was issued with legend of “Master Arslan Bilgekagan fan” in the late IX – early X c.”²²² O.I.Smironova described one of the varieties of Arslanidian coins found on Ak-Beshim site (unique for that time) under the name “coin of unknown kagan”. During the last years on the sites of Chu valley there were found 4 more samples of that type.

Two new types of Arslanidian coins found on Krasnorechenskaya site were published by V.N.Nastich. On the legend of one of them done in Sogdian script readable against watch hand there was written “Master Arslan Bilge-Kagan fan”. This group of coins is called “Arslanidians”.

V.N.Nastich supposed that dynasty of Arslanides could be the specific mediator between Turgeshes and Karakhanidians who changed them in Semirechie in the X c. So, the time of production of Arslanidian coins was defined by them in wide ranges from the middle of the VIII c. to the middle of the X c.²²³

It is known from genealogy of Karakhanidian rulers that the name of grandfather of Satuk Bogra-khan who was the ancestor of the established in the X c. the dynasty of Karakhanidians was ‘Bilga <...> Kadyr khan O.Pristak calls him Bilga Kul Kadyr khan and A.Z.Togan calls him Bilge-kagan. Djamal al-Kadyr khan. O.Pritsak considers that after Bilga Kadyr khan the both his sons ruled in one and the same time : Bazir ruled like the head (with title Arslan-khan) in Balasagun and Ogulchak ruled like co-ruler in Taraz and the last one had to be the contemporary of Samanidian Ismail b.Ahmad. Exactly under his rule, by view of O.Pritsak Ismail conquered Taraz in 893 y. taking into prisoner his khatun and 15 000 warriors afterward Ogulchak transferred his capital to Kashgar and made a trip to Samanidian territory in 904 y.²²⁴

Date of Arslanidian coins by the late IX – early X c. let to date by the same time the issues of degraded Turgesh and Tuhuss coins. Probably, there was in circulation big Turgesh coins issue of which were being continued at least 150 years²²⁵.

Pro Karakhanidian coins of Jetysu. The coin of that type found on the site Chigil (Taraz region) was published for the first time by T.N.Senigova²²⁶.

Later V.N.Nastich informed on five mystery coins origin from the sites Talgar (Kazakhstan) and Burany (Kirgizia) contained by sample of Chinese, but with kuphic Arab inscriptions, situated by “cross” on the sides of quadrangular hole. Upper part of inscription is read by him like (malik), the right one is read like (aram?), the low (inal?) and the left (chig?). Back side of coins is smooth with not wide edges bordering quadrangular hole and drove. V.N.Nastich referred those coins to “proto Karakhanidian” issued before establishment in coinage of Karakhanidian coins of the traditional Moslem shape. He dated the coins by the X c.²²⁷ comparing paleography of inscription with legends on Moslem coins.

During the last years there were collected 29 more coins of that type and 3 of them were found on Krasnorechenskaya site. All others were found on the site Burana.

And it is not of a sudden as Burana corresponds to the towns of Karakhanidians Balasagun, one of the capitals of the state of Karakhanidians.

“Moslem” coins of South Kazakhstan. The new types of coins appeared at that time in South Kazakhstan changing un epigraphic coins of Kangars with picture on one side of walking lion and on another side with picture of tamga and the most spread in a form of sign **X**²²⁸.

In 1975 y. during of excavation of Otrar there were discovered two bronze Samanidian coins issued in Barab in 310/922-23 yy. with the name of Nasr II ibn Ahmad (301-331/914-943 yy.). The third sample was of a bad safety and it was found in 1977 y.

In 1976 y. during excavations of town wall on its north-western edge in the pit cutting the wall dated by the XII c. there were found one more bronze Samanidian coins strongly acidized and broken. Despite on the defect it is defined rather precisely. It is Samarkand fels of Nasr I ibn Ahmad (250-279/864-892 yy.) issued in 272/885-86 or in 278/891-92 yy.

Description of coins is following:

1. Obverse side. In the field, in circle linear rim is symbol of trust in three lines. Around the circle-issue data: “In the name of Allah was issued this fels in Samarkand in the year two hundred seventy second (or eights)”.

Reverse side. In the field-the second part of symbol of trust and the name “Nasr” under it. Around the circle between inner dots and outward line rims: “About wills of amir Nasr b. Ahmad “Allah prolongs his <life>!”

2. Obverse side. In the field in a circle linear rim-symbol of trust as on the previous coin, above it-ornamental sign like tamga; downward-the word (name “Ali”?). Around the

circle-issue data: "In the name of Allah was issued this fels in Barab in the year three hundred and tenth". Outward rim is linear.

Reverse side. In a circle dot rim-the second part of symbol of trust and under it-the name "Nasr". Around the circle: "What amir Nasr b. Ahmad will, Allah glorify him!"

3. The same type with number 2, but there is another pair of stamps; circle form legends remained in fragments. On the obverse side (alif not missed) the name of mint with defects, data is polished almost. All preserved details of type coincide with analogous on the previous sample²²⁹.

Findings of Samanidian bronze coins on the territory of Otrar and Otrar oasis were already known by publications²³⁰ and prove that the region in the second half of the IX – early X c. was in the sphere of economical and political influence of Samanidians. But till the last times it was considered that at that period Otrar did not have its own coins. Thanks to the finding and publication of Samarkand treasure of 1967 y.²³¹ where were discovered the coins of Barab of the year 310 h. and two analogous felses from Otrar described above, we can suppose that by the year 310/922-923 Farab region (Otrar)²³² was included into the content of Samanidian state on the right of vassal possession. At that time its ruler was Ali (if the word marked on the coins in the field of obverse side to consider like the name of vassal), who issued his coin in Farab²³³.

Submission of Otrar to Samanidians, apparently, happened even earlier. It is known that rulers of Maverannahr seeing the Turks like their neighbors having the continuous military threat gave the big importance to the security of northern and eastern borders of the state. It served like one of the reasons of conquering Ispidjab by Nuh ibn Asad in 840 y. and its transference into strong fortress²³⁴, trip of Nasr I ibn Ahmad to Shawgar (modern Turkestan region) in the second half of the IX c.²³⁵ and other political measures which brought finally to inclusion into the content of Samanidian possessions of all territory of Ispidjab region where Farab suburb was included automatically²³⁶.

It is added also the fact of the local production of coins characterizing the economical condition of Farab in the second quarter of the X c.

Cultural-economical aspect of interrelations with the state of Samanidians is not less important in the research of problems of Kazakhstan town culture development. Establishment of close economical and cultural links between two regions promoted more active development of handicraft and trade, spread of the achievements of science and art of Central Asia and in the South of Kazakhstan. There was formed the specific culture "based on mixture of local traditions with achievements of other regions. Such giants like al-Farab i, ibn Sina and al-Biruni were born on that soil"²³⁷.

In the epoch of Karakhanidians there was formed finally such types of coins with Moslem forming. The demonstrative are coins of Budukhet, town near Ispidjab²³⁸. Description is following:

1. Budukhet, 411/1021-21 years.
Reverse side. Arslan-khan, Nazir ad-Daula Atim-tegin, Abd al-Malik.
2. Obverse side. Nazir ad-Daula; reverse side. %Arslan-khan, Abu-l- Hasan Atim-tegin, Ali.
3. [Buduhket?], 414/1023-24 years.

The name of mints on the first two dirhems is shown so that the absence of diacritical signs admits many variants of reading. But the acceptable is the following reading: "Buduhket is the town in Ispidjab region". Written sources name Buduhket situated in Ispidjab region

as the town (Persian version Istahri)²³⁹, or settlement (Sam'ani)²⁴⁰. It was situated on the way from Ispidjab to Taraz by Makdisi-in one day route from Ispidjab, by Ibn Hordadbeh and Kudama-in eight or nine farsakhes from it²⁴¹. Archaeologists identified Buduhket with the site Kazatlyk (IX–XI cc.)²⁴². Now it is given the most convincing localization of town-on the place of Tortkol Balykchi site²⁴³.

Two upper levels of hierarchic ladder shown in the legends of Buduhket dirhems are occupied by Arslan-khan Mansur b. Ali and his nephew Atim-tegin Ahmad (most likely, son of Muhammad). On the low level is located 'Abd al-Malik, the name seen in the inscriptions of Karakhanidian coins. But it is not clear its belonging to the number of Karakhanidians. It is doubtless that 'Abd al-Malik was the owner of Buduhket and, obviously, of its suburb. Direct suzerain of 'Abd al-Malik, Atim-tegin Ahmad, judging by Ispidjab dirhems of 410/1019-20, 411/1020-21 and 412/1021-22 y. possessed all region of Ispidjab, but in that years his Ispidjab deputy was Nasr.

Only the first letters of mint's name are preserved on dirhems 3, but it is possible to read surely the word Buduhket.

On the coin 3 is mentioned "Ali", as the owner of Buduhket and vassal of Atim-tegin and Arslan-khan. Among the rulers of early XI c. there are known several holders of this name, among which the most known is 'Ali-Tegin, but he possessed Bukhara from the year 411/1020-21.

Sample of Buduhket shows one more time the complicated Early Karakhanidian independent principality system.

Despite of the temporary character of Buduhket's mint its production is irreproachable by its outward look (skilled location of legends, grammar of inscriptions, nice, sure writing) and shows the master's hand having not small experience in production of monetary stamps.

The specific interest from the point of view of Moslem tradition forming in issue of monetary signs is presented by coins of Otrar-Farab, Parab-Barab-one of the centers of forming and development of Moslem culture.

The prominent researcher of medieval coins of Central Asia and Kazakhstan E.A. Davidovich wrote at his time that, probably, "Karakhanidian coins of Barab would be also discovered once"²⁴⁴. That was proved completely: B.D. Kochnev could reveal late Karakhanidian coinage of Parab²⁴⁵.

Type 1. Parab, the year is not marked (8 samples)²⁴⁶. Reverse side, field: Kutlug Bilgakhakan.

Type 2. Parab, 596/7 1199-1201, 609/1206=07 (?) year. (19 samples)²⁴⁷. Reverse side, field: al-Khakan al-'ADIL Shams ad Dunia va-d-Din Kutlug Bilga Khakan; circle legend: Hasan b. 'Abd al-Halik... Amir al-My'minin.

Type 3. Parab, 59, 60, 6003/1206-07. (25 samples)²⁴⁸. Reverse side, field: al-hakan al-'Adil Shams ad Dunia va-d-Din Kutlug Bilga Hakan.

Type 4. Parab, ..8(?) year. h. (1 sample)²⁴⁹. Reverse side, field: al-Hakan al-'Adil Shams ad-Dunia va-d-Din Kutlug (Bilg)a-khan; circle, legend: ... Hasan b. 'Abd al-Halik...

Among four described types the second and the third are presented by the biggest quantity of samples.

There are distinguished dirhems of the first type: writing of legends of all eight samples is careless, letters are not straight, thick, sometimes joining in not correct place.

The curious peculiarity of published coins is putting of final word (or words) of field's legend into the additional upper line. In one case the end of symbol of trust is going out, in another case-the end of throne case of Khalif Nazir, in the third-the end of ruler's title.

The specific detail is good will included into the circle legend of the reverse side of type 3 dirhems. In general good wills in similar position are rather often seen on Samanidian coins; some of them were adopted and used sometimes Karakhanidians on their early coins. But in the late Karakhanidian coinage good wills were not fixed and the sentence itself “Allah will prolong his rule” was not discovered as it is known either on Samanidian or on Karakhanidian coins and it is characteristic already after Mongol conquest (Chagataides, Timurides).

Inscriptions of dirhems of the first type do not contain any notes on the time of their issue. So, for dating it is necessary to take for the base the date of Kerminsky treasure where they were found. This treasure of 1992 samples includes only three coins dated by the second quarter of the XII c. and it consists mostly of dirhems issued in 560-es yy. h.

The earliest of the precisely dated coins of treasure is 560/1164-65 year; the latest is dated by 568/1172-73 or 569/1173-74 y. The date of Parab coins should be not later than the date of the last one. Parab dirhems are not older than the main content of treasure and they should be dated in the following limits from 560/1164-65 to 569/1173-47 y.

There is hopeful chronological orientation in a form of mentioning of Khalif Nasyr who ruled in 575-622/1180-1225 yy. For dirhems of the 2 type as it will be shown further Karakhanidian coins of Parab could not be issued after the year 607/1210-11. This date is upper temporary border also for the types 2, 3 and 4 and for Jambyl treasure too. Two dates are preserved partially among the concrete dates on dirhems of the second type. The date can be re-established, 569/1199-1200 or 597/1200-01 y. On dirhems of the same type, but another variety there was another date preserved worse, probably, it is 603/1206-07 yy.

On the coin of the 4 type only the first word is preserved “eight” in case of the correct reading the date can be re-established in general, like 588/1192 or 598/1201-02 yy.

The coins of the first three types can be called definitely like dirhems. Typological similarity of 3 and 4 types let to refer the last one to the same category. On many coins from Jambyl treasure there are preserved clearly the traces of silverfish and it means that all researched group of Parab coins belongs to the number of copper silverfish dirhems what is the most important peculiarity of monetary circulation of Central Asia of the XII – early XIII c.

How it is shown above the first type of Parab dirhems was issued not later than 569/1173-74 y. probably, it fixes in general the beginning of Late Karakhanidian coinage of Parab. The coins of Jambyl treasure reflect its further stages. While all of them are called dirhems in inscriptions there are doubtless the coins of two values: types 2 and 3 are different by forming, placing and contest of inscriptions, weight and sizes.

We did not have possibility to weight the coins of treasure, but the diameter of big dirhems (type 3) is 42-46 mm, small (type 2) – 26-28 mm. Apparently, they referred to each other as 2 to 1, what means that they are double or single dirhems or single and half ones.

Presence of dirhems of two facial values is the important index. It is rather apparent that issue of coins of the first type was called by the economical reasons, but it is acceptable with the same success the political and financial reasons. In case of two face values these reasons are less probable, more precisely could not be single: for the purposes of the political proclamation it is enough one face value, for the effective exploitation of monetary circulation in some Late Karakhanidian regions it was enough the mass issue of dirhems of one face value. By other words, while dirhems of the types 2 and 3 carried the “political meaning” and served for treasury the mean of getting profit from the right of monetary coinage, the important for us is something different: probably to the eve of the XII–XIII cc. the demands of inner trade of Otrar region raised so that they could not be satisfied by issue of dirhems of one face value. We speak exactly about inner demands and needs as in the international

trade, where Otrar played a very important place to the time of Mongol conquest, copper silverfish dirhems like the signs of cost with pressing course could not be issued and they were intended, first of all, for the region where they were issued. Narrow local character of circulation of copper silverfish dirhems is demonstrated by many treasures including Jambyl treasure consisting of 43 Parab coins. But more demonstrative are Kerminsky treasure where among 1992 coins only 27 are not from Samarkand. And Naryn treasure containing 5 856 dirhems and among them only 3 are not from Fergana definitely.

Dirhems of two values continued to be issued in Otrar also after fall of power of Karakhanidians under Khoreshmshakh Muhammad who inherited from the last ones not only Parab mint, but also the traditional set of two face values: Anushtegenidian dirhems of Parab-Otrar follows Karakhanidian samples also in correlation of size (40-44 and 26-27 mm)²⁵⁰, probably, the weight too.

The coin of the fourth type carries also the name of the same ruler like dirhems of the types 2 and 3; by the form and sizes (27 mm) it is close to the third type and so it must be referred to the same face value. Some typical differences of this dirhems is necessary, probably, to explain not by belonging to the special face value, but by some other reasons: in Jambyl treasure there are no coins of this type, consequently, it was issued not at the same time with dirhems of the types 2 and 3.

The place of issue of 2 and 3 type's dirhems is called Parab region. In the X century that region was small: by length and width it was less than a day of way²⁵¹. Was the Late Karakhanidian Parab region limited by the same borders of small oasis along the middle flow of Syrdaria River?

We try to find the answer on the above question in fact of the discovery of Parab dirhems treasure on the territory of medieval Taraz. As it was mentioned above the Late Karakhanidian copper silverfish dirhems had circulation first of all in the limits of the region of their production. In case of going out from the present appropriateness it is necessary to suppose that Taraz region was included into the content of Parab region. Taking into account also the single finding of Parab dirhems in Jambyl this hypothesis can be considered the truthful.

Appearance in Taraz of Farab coins is explained either by inclusion into its contest of Otrar region what seems more probable or by more close economical links with the region along the middle flow of Syrdaria River. Coinage of Parab let to reveal also some features of the political history of a region.

In the second half of the XII – early XIII c. Karakhanidian possessions in Central Asia were divided for several regions and each of them was ruled by their own khans from the house of Karakhanidians. The largest of regions was situated in Central Maverannahr with capital in Samarkand; moreover, by the coins are known Uzbend, Margian, Kasan and Benaket regions. To their amount can be added the Parab possession too. Mentioned on dirhems of 2, 3 and 4 types ruler of Parab Hasan b. 'Abd al-Halik, doubtless, is not identical to modern to him rulers of Central Maverannahr Ibragim b. Husein and 'Usman b. Ibragim and as it is not mentioned in monetary inscriptions their name then, consequently, it is shown in regard to them like the independent ruler.

Djuweini and Nasawi mention the last Otrar malik in connection with the events of the XIII c. The first one calls him anonymous²⁵², the second author calls him Tadj ad-Din Bilgahan²⁵³. Coincidence of Turkic titles is very obvious: Bilga-Hakan or Bilga-khan on the coins and the name of Bilga khan with Nisawi. Secondly, Nasawi tells about participation of Bilga-khan in fight under Andhud, which took place in 601 y. h., at the same time among

the dates on studied dirhems of Parab there are mentioned not only 590-es, but 600-es yy. h. Difference of lacabs (Tadj ad-Din and Shams ad-Din) should not mean at all that titles were carried by different persons. There is sample when one and the same Uzjend ruler of early XIII c. in one and the same year appeared under two different titles²⁵⁴. So, there is enough bases to identify Kutlu Bilga-Hakan on the coins and Bilga-khan, mentioned by Nasawi. Nisawi informs on some interesting detail: Tadj ad-Din Bilga-khan was the cousin by father of Samarkandian ‘Usman Sultan. Thanks to Parab coins it is becoming clear not only personal Moslem name of Bilga-khan-Hasan, but also the name of his father and, consequently, the native brother of Ibragim b. Husain-‘Abd al-Halik²⁵⁵.

The same author Nasawi tells about the break of a branch. By his words Bilga-khan was the first of khitays, vassals of Kidanians who accepted the side of Khoesm-shakh Muhammad and who came to serve him²⁵⁶. And at the same time Tadj ad-Din told about his former achievements that in the times difficult for Muhammad when coming to the throne he had to fight against strong Guridian sultan Shihab ad-Din, he together with his cousin “Usman came for help to Khoesm shakh and that he took part in the fight under Andhud where died “many of his brave friends and true warriors”. Muhammad remembering that achievements, firstly presented honor to Bilga-khan and then he raised him. But before the trip to Iraq (614/1217 y.) khoesmshakh sent to Nisa the Samarkandian sheikh al-Islam Djalal ad-Din, his son Shams ad-Din and his brother Auhad ad-Din and also Bilga-khan. Climate of Nisa was very unhealthy, especially for the Turks. Muhammad reckoned on the above fact. But Bilga-khan lived in that conditions rather successful more than one year and he was loved by citizens of Nisa. Seeing that his hopes were not proved, khoesmshakh sent to Nisa Djaghan Pahlawan Aiaz with order to kill Otrar’s malik. Head of Tadj ad-Din was sent to Muhammad in a sack and treasures of killed person were sent to sultan treasure. The year of death of Tadj ad-Din Bilga-khan is 609-1212 y. and the year of sending from Otrar-607/1210 y. and the correctness of date shown by Djuweini is confirmed completely by coins.

So, issue of copper silverfish dirhems of Parab was started, probably, in 560-es yy. h. (not later than 569/1173-74 y.) and it was continued at least till 603/1206-07 year, may be till 607/1210-11 y. when Karakhanidians lost their power “over Otrar region”. At that time there were issued the coins of not less than four types.

Coinage of that coins in general and the presence among them of dirhems of two face values are the evidences that inner regional trade of Parab in the second half of the XII – early XIII c. was rather developed and provided by own means of circulation.

Probably, at that time Taraz was included into the “region of Parab”.

In the political regard Parab region was the independent possession ruled by own khans from the house of Karakhanidians, representatives of Fergana family²⁵⁷.

Karakhanidian coins as well as the latest ones Djagataid, Djuchid, Timurid, Sheibanid and Kazakh coins give imagination on widely spread coins issued by the Moslem type.

Epigraphy

Kairaks. The huge volume of information on the social structure of a town, on localization of settled points contains epigraphy on the burial monuments. They are burial stones (kairaks) and the burial bricks.

Regrettably, the research of such valuable sources was not carried out in Kazakhstan in comparison with other countries of Central Asia. The importance of such works is proved by candidate dissertation and article of V.N.Nastich devoted to study of monuments of

Kyrgyzstan, from the medieval cemeteries of Uzgend, kairaks from Safed-Balon and Burana referred to the XII–XV cc.

So, analyzing class-professional terms and lacabs (honorable names), V.N.Nastich paid attention to high status in the Moslem society of erudition and literacy among priesthood and handicraftsmen.

Achievements of the deceased, merits for Islam, Hadji to Mekka and Medina are mentioned in epitaphs. There are evidences of language belonging of the deceased. So, in inscriptions of one kairak it is said about Turkish woman, literate Moslem woman having the whole generation of Turks-Moslems in her genealogy²⁵⁸.

One of the chapters of dissertation of V.N.Nastich is devoted to identification of Burana site with Balasagun town. The important prove of those identification become epigraphic monuments – kairaks from Burana site. Text of epigraphy on kairaks from the site Munara (Burana) was given. The first by Muhammad Haidar Dulati (the first half of the XVIc.). Epigraph is devoted to “Imam Muhammed fakih al-Balasaguni” with date on his death in 1311-1312y.). It was compound by “blacksmith Umar al-Balasaguni”.

It is necessary to note, that on the site there were found two more kairaks with epigraphs on the deceased citizens of Balasagun²⁵⁹.

These findings take off the problem on localization of town Balasagun, which is identified by some researches with the site Aktobe Stepninskoe despite of scientific facts²⁶⁰.

Burial bricks. It is necessary to characterize burial brick with epigraphy found during excavations of Karaspan necropoli’s in the South of Kazakhstan. It was read and analyzed by B.N.Nastich²⁶¹.

In one of the burials of Early Moslem epoch archaeologist B.N.Nurmukhanbetov discovered massive ceramic plate with Arab inscription. The plate stood in decline with inscription downward, closing the pass to lyahad.

Research of finding showed, that it was a brick of incorrect rectangular form in sizes 25-27×38-40 cm.

Inscription occupies upper half of brick’s surface and contains not full 5 lines, pressed on raw clay by sharp instrument. Inscription was done by rough primitive kuphic obviously seen influence of nash style.

Canon Moslem invocations – so called basmala and kalima (symbol of belief) in Arab language with distortions and mistakes have been rendered in the first three lines. The lines 4 and 5 contain mentioning of personality of buried person, written in Turks by Arab Script.

- 1) Translation of inscription:
- 2) In the name of Allah merciful;
- 3) charitable. There is no other God, except Allah;
- 4) Muhammad is his envoy;
- 5) Sairamka Ty3 ka;
- 6) tun.

Turks reading of word sairam/lug (lug ‘isairamskiy (-aya), [born] in Sairam.

There is no date on inscription, but many subject and paleographical analogies in the known burials epigraphic monuments of Central Asia give the base for rather precise dating of epigraph:

Firstly, it is necessary to note, that burial bricks (with inscriptions or without) are, big conclusion of M.E.Masson, the most ancient burial monuments of Central Asia in the Moslem epoch²⁶². The earliest of them are referred to the late VIII–IX c. and are being observed fill the first half of the XIV c.

Secondly, prevailing majority of known burial bricks comes from the western part of Central Asia – south of Turkmenia, Samarkand and surrounding regions. Center of their spread there in the XI–XII cc. was Merv²⁶³, and for the northern and north-eastern regions, including South Kazakhstan and Semirechie, there is no such evidence at all. On this territory the most characteristic are stone burial monuments – kairaks, and in the latest time – specially processed blocks of rectangular or trapeze shaped contours with inscriptions and decorations on them.

So, Karaspan brick was made for the burial of woman from Sairam by the name Tuzkatun, dead in the first half of the XII c.

In the work of Mahmud Kashgarsky “Divan Lishat at-turk” there is the first and single mentioning of pre Mongol time on the town Sairam, identified by author with Ispidjab²⁶⁴. Finding from Karaspan proves, that typo name existed really in the XI–XII cc.

Visitor’s inscriptions. Underground rock mosques of Mankystau, such like Shakpak-Ata, Shopan-Ata, Sultan-Espe, Karaman-Ata, Esen-Ata, Beken-Ata are special sanctuaries, sacrificial places and objects of visiting them by pilgrims. They left on the walls the numerous visitor’s inscriptions.

Researchers of those epigraphic monuments were started in the mosque Shakpak-Ata and gave extremely interesting materials on the history of Islam, about the society and people, who left them; about ethnic and cultural links, Moslem unions of West Kazakhstan with unions of Moslem of all Kazakhstan, Central Asia, Volga region, Crimea.

Inscriptions were done in Arab, Farsi and Turkis-Chagatai languages. By inscriptions are seen visitors from Khadji-Tarkhan (Astrakhan), Kazan, Azerbaijan, Khoresm, Bukhara and Andizhan. We can define special names, titles, honorable ranks. For example, khadji, batyr, tarkhan, iasauly. Among the persons left their inscriptions there are inscriptions of many high educated people – ahund, a’lam, maulana, mulla, khafiz.

Not rare visitors mentioned their clan – arabadji, zhary, taz, turkman-adai.

Some inscriptions are taken in quadrangular cartouches.

There are pictures of animals – horses, balls, and also of opened palm (palm with five fingers, what is connected with different semantic interpretation on and symbolic, for example, with palm of Fatima. There are many dated inscriptions. The earliest observed date inscriptions are 1119/1707-08 y. Some inscription is marked by the dates of their fixation. The other ones are referred to the XIX and early XX c.

Part of inscriptions is the evidence of Shakpak-Ata being the sufian dwelling-place (khanaka). There is such point of view that the place studies in medrese.

It would be important to compare the received data with other written sources. Regrettably, the existing manuscripts have not been published and so they are not available for the researches. In this situation epigraphic monuments are single of historical information, documents of epoch of their creation²⁶⁵.

Conclusion

Collected articles "Archaeology Abrahamic" (research in the field of archaeology and artistic tradition of Judaism, Christianity and Islam) were published in Moscow in 2009 year. Editor-author of this work is L.A.Belyaev.

This collection, doubtless, has remarkable importance in creation of general for study of antiquities of three genetically relative religions: (Judaism, Christianity and Islam). L.A.Belyaev writes that the demand in it is recognized by all and it should not be considered, like somebody's invention. It finds the place in the works on history of culture and art slowly, but persistently²⁶⁶.

He writes further, that "There are not less important circumstances, which prevent to see these three cultural spaces, like single whole. Firstly, these are ancient and strong borders between religions, which are being prolonged from far past times and divide not only confessions, not only even cultural and political (state) reality, but science itself. Secondly, irregularity of development of different fields of cultural history and, specially, archaeology prevents general comparative work"²⁶⁷.

Christian and church archaeology is worked out more completely and has the tradition of many centuries since the XVII c. Archaeology of Judaism is young comparatively (50-70 yy.) The times passed, when actuality of archaeology of Islam had to be proved²⁶⁸.

The beginning of Abrahamic archaeology is the second half of the XX c., when study of the religions antiquities won over the place for itself in the circle of humanities of the soviet science. That place "was formed" in the filled of practical researches, but in general it did not contradict to prerevolutionary tradition, but it developed it, put on more strong soil thanks to intensified care of the material world, what is so characteristic for archaeology.

"In the Soviet science the branches of the religious archaeology got masking names: church archaeology became Russian architectural archaeology; iconography and history of icon-painting – history of ancient Russian painting; archaeology of Islam – archaeology of Low and Middle Volga region of Central Asia and Kazakhstan of the epoch of feudalism"²⁶⁹.

Study of the monuments of medieval archaeology and architecture in Central Asia and Kazakhstan was connected in its essential part with study of monuments, referred to the Moslem culture which was established there in the VII–VIII cc., and got rapid development in the epoch of Moslem renaissance. As it is known, Islam defined character of culture of Kazakhstan in the epoch of the developed and late Middle Ages and New Time, till

the revolution of 1917 year and establishment of USSR in 1922 y. with its Marxist-Lenin ideology and militant atheism. And only after disintegration of the Soviet Union there was started the revival of religion, including Islam values.

It has become common to interpret many occurrences of the material and spiritual culture from the positions of Islam and its defining influence.

Kazakhstan archaeology began to pay big attention to study of Islamic architecture – mosques, mausoleums, medrese and khanaka – during study of medieval towns. The number of these monuments is being increased quickly.

Such definitions, like “cultural complex with general Moslem standards and models”, “Turkic – Moslem cultural heritage” had been spread²⁷⁰.

In 2005-2007 yy. it was sounded also and developed intensively the new direction in the archaeology of Kazakhstan – “Moslem archaeology”.

The first report of monuments of the medieval Islamic architecture of Kazakhstan appeared, which showed, that their number exceeds essentially many times the quantity of the preserved ground Islamic architectural constructions²⁷¹.

Religious building is the important element of any civilization. The man building house and temple for himself, finally, established his national character. Burial stones with epitaphs – kairaks and burial bricks also with epitaphs from South Kazakhstan and Jetysu are referred to the circle of monuments connected with Moslem culture. So it is so important to know, where are going the remains of architectural constructions, what can be taken from them to understand the spiritual culture of Kazakhs and “Kazakh Islam”, on character of which there are existing different points of view.

So, views of V.V.Bartold were far from the positions of Soviet historians and ethnographers, seeing in Kazakh “bad Moslems”, being, by their view, semi-Moslems and semi-Shamanists till the XIX c. He confirmed that in the XV–XVI cc. level of Islamization of Kazakhs was rather high²⁷². And this point of view scientist can be confirmed now by discovery of mosques, medrese, khanaka in town’s of Late Medieval Kazakhstan, towns of the Kazakh khanate’s period.

Study of Islamic archaeology, doubtless, can help to solve more thoroughly the problems on the time of Arab conquests, interrelations in the states of Karluks, Samanidians, Karakhanidians, Turks, Persians and Arabs, on islamization of Turks, their culture.

But in the process of study of monuments and cultural heritage of Kazakhstan, Islamic archaeology it is important to consider the history of Islam word in the context of global processes with phenomenon of Christian world, Judaism, Buddhism.

Not only Moslem architecture defines the essence of Moslem archaeology of Kazakhstan, but other categories of material culture. They are necropolises, burials, numismatics; kairaks and burial bricks; artistic metal with Arab inscriptions; pottery and glass.

This work is devoted to generalization and analysis of all above mentioned categories of the material culture.

Түйін

2009 жылы Мәскеуден «Archaeology abrahamica» атты мақалалар (иудаизм, христиан және ислам көркемдік дәстүрі мен археология төңірегіндегі зерттеулер) жинағы жарияланды, оның редактор-құрастырушысы Л.А.Беляев.

Бұл жинақ генетикалық жағынан туысқан ежелгі үш дінді: (иудаизмді, христиандықты, исламды) зерттеу үшін бірыңғай шепті құру үдерісінде таңбалы мағынаға ие екендігі сөзсіз деп Л.А.Беляев жинақтың алғысөзінде жазады. «Мұның қажеттілігі сол – деп жазады Л.А.Беляев, барлығына елеулі және біреудің өнертабысы ретінде қарастырмау керек. Ол мәдениет пен өнер тарихы бойынша жұмыстардан өз орнын біртіндеп, дегенмен орнықты табады».

Ары қарай ол былай деп жазады, «Осы үш мәдени кеңістікті бірыңғай тұтастық ретінде қарауға кедергі жасайтын біршама маңызды жағдайлар бар. Біріншіден, діндер арасындағы ежелгі және орнықты шекарасы бұрынғы заманға тереңдеп, тек конфессияны, сонымен қатар мәдени, саяси (мемлекеттілік) шындықты ғана емес, ғылымның өзін де бөліп жатыр. Екіншіден, жалпы салыстырмалы жұмыстар мәдени тарихтың жекелеген салаларының, әсіресе археологияның тең мөлшерде дамымауына кедергі болды».

Христиан археологиясының XVII ғ. бері көп ғасырлық дәстүрі бар және біршама дамыған. Иудаизм археологиясы салыстырмалы түрде жас (оған 50-70 жыл). Ал, ислам археологиясының өзектілігін дәлелдеуді талап ететін уақыт жетті.

Аврахамикалық археологияның басталуы – XX ғ. екінші жартысы, яғни діни көне ескерткіштерді зерттеу кеңестік ғылымның гуманитарлық пәндер ортасында дауласқан кезі. Дегенмен, практикалық зерттеулер төңірегінде «бұл орын «қалыптастырылды», жалпы алғанда қазан төңкерісіне дейінгі дәстүр тек қарсы болып қана қойған жоқ, оны дамытты, заттай әлемге, өзіне тән археологияға табанды қамқорлық көрсетудің арқасында тұрақты жолға қойылды.

«Кеңестік дәуірде діни көне ескерткіштерді археологиялық тұрғыдан зерттеу бірнеше бүркеме атаулармен аталды: шіркеу археологиясы ежелгі орыс сәулет археологиясы болды; иконография және икон жасау тарихы – ежелгі орыс сурет өнері тарихы; ислам археологиясы – Төменгі және Орта Еділ маңы немесе Орта Азия және Қазақстанның феодализм дәуіріндегі археологиясы».

Орта Азия мен Қазақстанның ортағасырлық археологиялық және сәулеттік, археологиялық сәулеттік ескерткіштерін зерттеудің айтарлықтай бір бөлігі осы жерде

VII–VIII ғғ. орнаған және Мұсылмандық ренессанс дәуірінде қарқынды дамуы болған мұсылмандық мәдениетке қатысты ескерткіштерді зерттеумен байланысты болды. Ислам дамыған және кейінгі орта ғасырлар мен жаңа кезеңдегі, 1917 жылғы революция мен 1922 жылы КСРО-ның құрылуындағы оның маркстік-лениндік идеология мен жауыққан атеизмге дейінгі дәуірдегі Қазақстан мәдениетіндегі сипатын анықтады. Тек Кеңес Одағы құлағаннан кейін діннің, оның ішінде ислам құндылықтарының дамуы басталды.

Ислам ұстанымындағы және оны анықтаушы әсердегі заттай және рухани мәдениеттің көптеген құбылыстарын түсіндіріп беру біртіндеп қалыпты жағдай болып қалды.

Ортағасырлық қалаларды зерттеу барысындағы қазақстандық археологияның аса маңыздылығы ислам сәулет өнерін – мешіт, кесене, медресе, ханакаларды қазуға көңіл бөлуі болды. Және бұл ескерткіштердің саны қарқынды өсуде.

«Жалпы мұсылмандық стандарт пен эталонды мәдени кешен», «түркі-мұсылмандық мәдени мұра» дефинициясы кең тарайды.

2005-2007 жылдардан бері Қазақстан археологиясының жаңа бағыты – «мұсылмандық археология» кеңінен аталып, қарқынды дами бастады.

Жер астында сақталған ислам сәулет құрылысының саны бірнеше рет өскенін көрсеткен Қазақстанның ортағасырлық исламдық сәулет ескерткіштерінің алғашқы мәліметі пайда болды.

Діни құрылыс – кез-келген өркениеттің маңызды элементі, өзіне үй мен храм тұрғызған адам, түбінде өзінің ұлттық сипатын қалыптастырады. Мұсылмандық мәдениетке байланысты ескерткіштер қатарына эпитафиялы қабір үсті тастар – қайрақтар мен Оңтүстік Қазақстан мен Жетісудағы эпитафиялы қабір үсті кірпіштер жатады. Сондықтан сәулеттік құрылыстардың қалдығы қайда алып келетіндігін білудің маңыздылығы сол, одан қазақтардың рухани мәдениеті және сипаты жағынан әртүрлі пікір бар «қазақтық ислам» түсінігін шығаруға болады.

В.В.Бартольдтың осындай көзқарасы қазақтарды «жаман мұсылман», бұрын олардың ойынша XIX ғ. дейінгі аралықта жартылай мұсылман және жартылай шаман деп көрген кеңестік тарихшылар мен этнографтардың ұстанымынан алыс болды. Ол XV–XVI ғғ. қазақтарда ислам деңгейі айтарлықтай жоғары болған деп бекітті. Және де ғалымның осы пікірі бүгінде Қазақстанның кейінгі ортағасырлық қалаларының, Қазақ хандығы кезеңіндегі қалалардан мешіт, медресе, ханакалардың ашылуы дәлелдей түсуі мүмкін.

Ислам археологиясын зерттеу араб шапқыншылығы, қарлұқтар, самандықтар, қарахандықтар, түркілер, ирандықтар және арабтар мемлекеттерінің өзара қарым-қатынасы уақыты, түркілердің исламдануы, оның мәдениеті туралы сұрақтарды шешуді біршама тиянақтауға көмектесетіні сөзсіз.

Бірақ, Қазақстанның ескерткіштері мен мәдени мұрасын, ислам археологиясын зерттеуде христиан әлемі, иудаизм, буддизм құбылыстарымен глобалды үдеріс контекстінде ислам әлемінің тарихын қарастыру маңызды.

Қазақстанның мұсылман археологиясының маңызын тек мұсылмандық сәулет өнері ғана емес, заттай мәдениеттің басқа да категориялары анықтайды. Олар зираттар, жерлеу орны, нумизматика; қайрақтар және қабір үсті кірпіштері; арабша жазуы бар көркемдік металдар; керамика мен шыны.

Заттай мәдениеттің жоғарыда аталған барлық категорияларын талдау мен қорытындылауға ұсынылып отырған еңбек арналады.

Литература

Literature

- 1 *Раппопорт П.А.* Архитектура Древней Руси и археология // КСИА. Москва, 1982. № 172. С.3-9.
- 2 *Пугаченкова Г.А.* К проблеме архитектурной археологии в изучении зодчества Средней Азии // КСИА. Москва, 1982. № 172. С.24-30.
- 3 *Байпаков К.М., Шарденова З.Ш., Перегудова С.Я.* Раннесредневековая архитектура Семиречья и Южного Казахстана. Алматы, 2001; *Байпаков К.М.* Великий Шелковый путь на территории Казахстана. Алматы, 2007. С.305-393.
- 4 *Мец А.* Мусульманский ренессанс. Москва, 1960.
- 5 *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Ленинград, 1976. С.110-112.
- 6 *Большаков О.Г.* История Халифата / Между двух гражданских войн (656-696). Москва, 1998. Т.III.
- 7 *Большаков О.Г.* К истории Таласской битвы (751 г.) // Страны и народы Востока. Москва, 1980. Вып.22. С.132-136; *Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. Ленинград, 1973. С.132-133.
- 8 *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана // Сочинения. Москва, 1963. Т.II. Ч.1. С.244; *Нуртазина Н.Д.* Вклад В.В.Бартольда в историю исламизации тюрков // Проблемы востоковедения. Уфа, 2010. № 1. С.58-64.
- 9 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Москва, 1963. Т.I. С.329.
- 10 *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана. С.238; *Камолиддинов Ш.К.* «Ктай ал-Канди» Абу Хафоса ан-Насафи и его сведения по истории распространения ислама в Бухаре // Древняя и средневековая культура Бухарского оазиса / Материалы конференции по результатам совместных Узбекско-итальянских исследований в археологии и востоковедении. Бухара 26-27 сентября 2003. Самарканд-Рим, 2006. С.55-59.
- 11 *Асадов Ф.М.* Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку, 1993. С.21-22.
- 12 *Большаков О.Г.* Город в конце VIII – начале XIII в. // *Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. Ленинград, 1973. С.132.
- 13 *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана. С.240.
- 14 *Филанович М.И.* Ташкент. Зарождение и развитие городской культуры. Ташкент, 1983. Т.4. С.187-188, 210.
- 15 *Филанович М.И.* Ташкент. Зарождение и развитие городской культуры. С.187.
- 16 *Буряков Ю.Ф.* Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982. С.180.
- 17 *Смагулов Е.А.* Арабское нашествие в Южном Казахстане. // Мобилизованный археологией. Алматы, 2004. С.105.
- 18 *Смагулов Е.А.* Арабское нашествие в Южном Казахстане. С.109.
- 19 *Смагулов Е.А., Туякбаев М.Х.* Археологические исследования на городище Сидак // Известия Министерства образования РК, Национальной Академии наук РК / Серия общественных наук. Алматы, 2003. № 1. С.83-98.
- 20 *Смагулов Е.А.* Арабское нашествие в Южном Казахстане. С.30.
- 21 Исламизация и сакральные родословные в Центральной Азии: наследие Исхак-Баба в нормативной и генеалогических традициях // Генеалогические грамоты и сакральные семейства

- XIX–XXI вв.: Насиб-Наме и группа ходжей, связанных с сакральным сказанием об Исхак-Бабе. Алматы-Берн-Ташкент-Блумингтон, 2008. Т. II.
- 22 *Кожжа М.* О начальном этапе исламизации юга Казахстана на основании данных родословных и археологии // Научный мир Казахстана. Шымкент, 2008. № 3. С. 164-169.
 - 23 *Михайлова А.И.* Новые эпиграфические данные для истории Средней Азии IX в. // Эпиграфика Востока (ЭВ). Москва, 1954. Т. V. С. 11-12.
 - 24 *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII в.). Алма-Ата, 1986. С. 48-59.
 - 25 Кандия Малая. Перевод В. Вяткина. Справочная книжка Самаркандской области. 1906. Вып. VIII. С. 242; А.Ю. Якубовский датирует поход концом IX в.: *Якубовский А.Ю.* Об одном ранне-саманидском фельсе // КСИА. Москва, 1946. Вып. XII. С. 111.
 - 26 *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. С. 58-59.
 - 27 *Бурнашева Р.З.* Монеты раннего средневековья с городища Отрартобе и Отрарского оазиса // Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975. С. 60-65; История Казахстана. Алматы, 1996. Т. I. С. 170.
 - 28 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 250.
 - 29 *Муминов А.К.* Казахские ходжи // Shygys. Восток. Orient. Алматы, 2004. № 1. С. 230.
 - 30 *Большаков О.Г.* Город в конце VIII – начале XIII в. // *Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. Ленинград, 1973. С. 132.
 - 31 *Большаков О.Г.* Город в конце VIII – начале XIII в. С. 132.
 - 32 *Гафуров Б.Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Москва, 1972. С. 322-324.
 - 33 *Мец Адам.* Мусульманский Ренессанс. Москва, 1966.
 - 34 *Конрад Н.И.* Предисловие к книге *В.К. Чалоян.* Армянский Ренессанс. Москва, 1963. С. 161.
 - 35 *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники. Москва, 1964. С. 154-155.
 - 36 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 253-254; История Казахстана. Алматы, 1996. Т. I. С. 338-341.
 - 37 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников о долине р. Талас и смежных районах // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана / Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Алма-Ата, 1960. Т. 8. С. 75.
 - 38 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 268.
 - 39 *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья // Сочинения. Москва, 1963. Т. II. Ч. 1. С. 268.
 - 40 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 315-316, 318.
 - 41 Материалы по истории туркмен и Туркмении / Арабские и персидские источники VII–XV вв. Под ред. *С.Л. Волина, А.А. Ромаскевича и А.Ю. Якубовского.* Москва-Ленинград, 1939. Т. I. С. 44.
 - 42 Материалы по истории туркмен и Туркмении. С. 184.
 - 43 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 234.
 - 44 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX–XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах. С. 81-82.
 - 45 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 235.
 - 46 *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана. С. 129, 256.
 - 47 *Бартольд В.В.* История турецко-монгольских народов // Сочинения. Москва, 1968. Т. 5. С. 213.
 - 48 *Vajrakov K.* Cultura e religioni in Kazakhstan Sciamani I dervisci dall steppe del Prete Gianni Religiosita del Kazakhstan e percezione del fantastico a Venezia. Venezia, 2000. P. 17-36.
 - 49 *Бартольд В.В.* История турецко-монгольских народов. С. 213.
 - 50 *Гийассаддин Али.* Дневник похода Тимура в Индию. Москва, 1958. С. 189.
 - 51 *Маньковская Л.Ю.* Типологические основы зодчества Средней Азии (IX – начало XX в.). Ташкент, 1980. С. 102-119; *Хмельницкий С.* Между Саманидами и Монголами. Архитектура Средней Азии XI–XIII вв. Берлин-Рига, 1996. С. 69-127.
 - 52 *Байпаков К.М., Нортхедж А.* Новые данные об Акыртасе // Известия министерства науки и Академии наук Республики Казахстан / Серия общественных наук. Алматы, 1997. № 1. С. 88-89; *Vajrakov Karl M., Northedge Alister* // Mission france-kazakh d' Akyrtyash // Etudes Karahanides. Carier d'Azia Centrale Tashkent – Aix-en Provennce. 2000. № 9. P. 344-345.
 - 53 Городище Баласагун находится на территории Кыргызской Республики/
 - 54 *Горячева В.Д.* Городская культура тюркских каганатов на Тянь-Шане (середина VI – начало XIII в.). Бишкек, 2010. С. 138-139.

- 55 *Горячева В.Д.* Городская культура тюркских каганатов на Тянь-Шане (середина VI – начало XIII). Бишкек, 2010. С.136-137.
- 56 *Шалекенов У.Х., Акымбек Е.Ш.* Ортағасырлық Ақтөбе қаласындағы мұнара. // Казахстан и Евразия сквозь века / История, археология, культурное наследие. Алматы, 2010. С.225-230.
- 57 *Байпаков К.М.* Великий Шелковый путь на территории Казахстана. Алматы, 2007. С.344-345.
- 58 *Байпаков К.М.* Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы, 1998. С.110-112; *Байпаков К.М., Нортхедж А.* От ставки к городу // Новости археологии / Международный казахско-турецкий университет им. Х.А. Яссави. Туркестан, 1997. Вып.1. С.54-55.
- 59 *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986. С.25-26; *Байпаков К.М.* Городище Куйрыктобе – город Кедер. Алматы, 2005. (на каз., рус., англ. яз.).
- 60 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Москва, 1963. Т.I. С.233-234.
- 61 *Байпаков К.М., Терновоя Г.А.* Религии и культы средневекового Казахстана. Алматы, 2005. С.168-169.
- 62 *Байпаков К. М., Воякин Д.А.* Средневековый город Каялык. Алматы, 2007.
- 63 *Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А.* Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые памятники Поволжья. Москва, 1976. С.108-167.
- 61 *Байпаков К.М., Воякин Д.А.* Средневековый город Каялык. С.71-79.
- 65 *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Позднесредневековый Отрар. Алма-Ата, 1972. С.164-165; *Байпаков К.М., Воякин Д.А.* Отрар // Свод памятников истории и культуры Южно-Казахстанской области. Отрарский оазис. Алматы, 2007. С.208-213.
- 66 *Пугаченкова Г. А.* Пути развития архитектуры Южного Туркестана поры рабовладения и феодализма // Труды ЮТАКЭ. Москва, 1958. Т.VI. С.317-318; *Она же.* Зодчество Центральной Азии XV века. Ташкент, 1976. С.16; *Кочнев Б.Д.* Средневековые загородные культовые сооружения Средней Азии. Ташкент, 1976. С.49-50.
- 67 *Маньковская Л.Ю.* Типологические основы зодчества Средней Азии (IX – начало XX в.). Ташкент, 1980. С.108-112.
- 68 *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII в.). Алма-Ата, 1986. С.139.
- 69 *Пищулина К.А.* Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV–XVII веках // Казахстан в XV–XVIII веках. Алма-Ата, 1969. С.8.
- 70 *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Древний Отрар. Алма-Ата, 1972. С.38-40.
- 71 *Байпаков К. М., Воякин Д.А.* Городище Отрар // Свод памятников истории и культуры Южно-Казахстанской области. Отрарский район. Алматы, 2007. С. 211.
- 72 Свод памятников истории и культуры Южно-Казахстанской области. Отрарский район. Алматы, 2007. С.213.
- 73 *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Позднесредневековый Отрар (XVI–XVIII вв.). Алма-Ата, 1981. С.107-109.
- 74 *Смагулов Е.* Город Сауран: перспективы исследования, консервации и музеефикации // «Отан тарихы». Алматы, 2000. №1,2. С.100-109; *Байпаков К.М., Смагулов Е.А.* Средневековый город Сауран. Алматы, 2005.
- 75 *Смагулов Е.А.* Архитектура Саурана // «Промышленность Казахстана». Алматы, 2006. № С.96-97.
- 76 *Смагулов Е.А., Туякбаев М.К., Ержигитова А.А.* Жума мечеть на регистане Саурана // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 г. Алматы, 2007. С.171-175 (на каз., рус. яз.).
- 77 *Талеев Д.* Результаты раскопок на Айт мечети // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 г. Алматы, 2007. С.178 (на каз., рус. яз.).
- 78 *Толстов С.П.* Города гузов // Советская этнография. Москва, 1947. №3. С.55-102; *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Москва-Ленинград, 1963. Т.I. С.235.
- 79 *Ахатов Г.А., Смагулов Т.Н., Ганиева А.С., Амиргалина Г.Т.* Археологические исследования древнего городища Жанкент // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 г. Алматы, 2007. С.144-145 (на каз., рус. яз.).
- 80 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников X–XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана / Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Алма-Ата, 1960. Т.VIII. С.80.

- 81 *Массон М.Е.* Старый Сайрам // Известия Средазкомстариса. Ташкент, 1928. Вып. III. С.27-31.
- 82 *Байтанаев Б.А., Богомолов Г.И., Ергешев А.* Мечеть Хазыр-Пайгамбар в селе Сайрам // Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан (НАН) / Серия общественных наук. Алматы, 2008. №1. С.129-140.
- 83 *Гейнс А.К.* Путешествие в Туркестан: Дневник 1866 года // Собрание сочинений в 3-х томах. Санкт-Петербург, 1898. Т.I. С.380
- 84 *Массон М.Е.* Старый Сайрам. С.27-28.
- 85 Свод памятников истории и культуры Южного Казахстана. Южно-Казахстанская область. Алматы, 1994. С.206.
- 86 *Байпаков К.М., Воякин Д.А.* Города Приаралья: Дженд, Асакас, Барчкент // Вестник Международного Института Центрально-азиатских исследований (МИЦАИ). Самарканд, 2009. № 10. С.30.
- 87 *Хмельницкий С.* Между саманидами и монголами // Архитектура Средней Азии XI–XIII вв. Берлин-Рига, 1996. С.69-127.
- 88 *Байпаков К. М., Воякин Д.А.* Средневековый город Каялык. С.80-87.
- 89 *Байпаков К.М., Смагулов Е.А.* Средневековый город Сауран. Алматы, 2005. С.93-95.
- 90 Сборник материалов по истории Золотой Орды. Москва-Ленинград, 1941. Т.II. С.129; *Кун А.Л.* Туркестанский Альбом. 1871-1872. Алматы, 2005. С.126.
- 91 *Болдырев А.Л. Зайнабдин Васифи.* Таджикский писатель XIV в. Сталинабад, 1957. С.160-161.
- 92 *Пугаченкова Г.А.* Сауранские башни // Труды Среднеазиатского государственного университета. Ташкент, 1954. Вып. LVII. С.163-167.
- 93 *Байпаков К.М., Акылбек С.Ш.* Медресе средневекового Саурана // Археология степной Евразии. Кемерово-Алматы, 2008. С.56-79.
- 94 *Байпаков К.М., Акылбек С.Ш.* Медресе средневекового Саурана. С.56-73.
- 95 *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Позднесредневековый Отрар (XVI–XVIII вв.). Алма-Ата, 1981. С.162-166.
- 96 *Орбели И.О.* Баня и скоморох. XII в. // Памятники эпохи Ш.Руставели. Ленинград, 1938. С.159-170.
- 97 *Большаков О.Г.* Ислам запрещает // Наука и религия. Москва, 1967. №7. С.41.
- 98 Кабус-намэ. Москва, 1958. С.113-114; *Болдырев А.М.* Очерки из жизни гератского общества на рубеже XV-XVI вв. // Труды Отд. Востока Гос. Эрмитажа. Ленинград, 1947. Т.IV. С.336; *Вамбери Г.* Очерки жизни и нравов Востока. Санкт-Петербург, 1887. С.120-130.
- 99 *Халпахчян О.Х.* Средневековые бани Армении // Советская археология. Москва, 1960. №1. С.215.
- 100 *Абу Али ибн Сина.* Канон врачебной науки. Ташкент, 1954. Кн.1. С.198.
- 101 *Эссад Дж.* Константинополь: от Византии до Стамбула. Москва, 1919. С.267.
- 102 *Мец А.* Мусульманский Ренессанс. Москва, 1973. С.311.
- 103 *Большаков О.Г.* Город в конце VIII – начале XIII в. // *Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековые города Средней Азии. Ленинград, 1973. С.309.
- 104 *Воронина В.Л.* Об узбекских банях // Советская этнография. Москва, 1951. №1. С.41.
- 105 *Байпаков К.М.* Средневековые города Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986. С.141-144.
- 106 *Хмельницкий С.Г.* Между саманидами и монголами. Берлин-Рига, 1997. Ч.II. С.188-200.
- 107 *Бернштам А.Н.* Баня древнего Тараза и ее датировка // Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Ленинград, 1940. Т.II. С.177-183; *Хмельницкий С.Г.* Между саманидами и монголами. С.190-191.
- 108 *Шалекенов У.Х.* (Баласагуни). Город Баласагун в V-VIII веках. Алматы, 2009. С.116-118.
- 109 *Байтанаев Б.А., Богомолов Г.И.* Средневековая баня из Екпенды // Материалы международной научной конференции «Кадырбаевские чтения». 2007 г. Актобе, 2007. С.287-293.
- 110 *Байпаков К.М.* По следам древних городов Казахстана. Отрарский оазис. Алма-Ата, 1990. С.83-87.
- 111 *Грошев В.А.* Водохранилище средневекового Отрара // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976. С.37.
- 112 Характеристика бани дается по плану второго строительного горизонта.
- 113 *Воронина В.Л.* Об узбекских банях. С.119.
- 114 *Абу Али Ибн Сина.* Канон врачебной науки. С.196, 198.

- 115 *Воронина В.Л.* Об узбекских банях. С.120.
- 116 *Шишкина Г.В.* Городской квартала VIII–IX вв. на северо-западе Афрасиаба // Афрасиаб. Ташкент, 1973. С.133; *Пугаченкова Г.А.* Архитектурные памятники Нисы // ТЮТАКЭ. Ашхабад, 1949. Т.1. С.243-244.
- 117 *Якобсон А.Л.* Средневековые бани Херсонеса // Советская археология. Москва, 1946. Вып. VIII. С.264, 296.
- 118 *Воронина В.Л.* Об узбекских банях. С.120.
- 119 *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Древний Отрар. Алма-Ата, 1972. С.104-110.
- 120 Чтение и перевод выполнены В. Шуховцовым.
- 121 *Воронина В.Л.* Бани-хамам у народов Советского Союза и стран зарубежного Востока // Архитектурное наследие. Москва, 1983. Вып.31. С.142.
- 122 *Воронина В.Л.* Об узбекских банях. С.119.
- 123 *Воронина В.Л.* Об узбекских банях. С.120.
- 124 *Воронина В.Л.* Об узбекских банях. С.123.
- 125 *Воронина В.Л.* Об узбекских банях. С.118.
- 126 *Воронина В.Л.* Об узбекских банях. С.118.
- 127 *Витрувий.* Десять книг об архитектуре. Москва, 1936. С.107.
- 128 *Халпахчян О.Х.* Средневековые бани Армении // Советская археология. Москва, 1960. №1. С.220.
- 129 *Байпаков К.М., Воякин Д.А.* Средневековый город Каялык. Алматы, 2007. С.71-79.
- 130 *Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А.* Средневековое городище Жайык. Алматы, 2005. С.87-89.
- 131 *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. Москва, 2001. С.194.
- 132 *Зиливинская Э.Д.* Средневековые бани Нижнего Поволжья // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. Москва, 1989. С.251.
- 133 *Смирнов А.П.* Волжские булгары. Москва, 1951. С.216.
- 134 *Кожя М., Самашев З.* Новые материалы изучения бань золотоордынского времени // Вестник Казахского государственного университета / Серия историческая. Алматы, 2006. №2. С.159-174.
- 135 *Хмельницкий С.Г.* Между саманидами и монголами. Берлин-Рига, 1996. Ч.1. С.152-153.
- 136 *Маньковская Л.Ю.* О типологии мемориального зодчества Средней Азии. Мавзолеи Фудины и Касби // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. Москва, 1975. С.97; *Маньковская Л.Ю.* Мемориальное зодчество Средней Азии // Художественная культура Средней Азии 9-13 вв. Ташкент, 1983. С.32-38. *Хмельницкий С.Г.* Архитектура Средней Азии XI–XIII вв. // Между Саманидами и монголами. Берлин-Рига, 1996. Ч.1. С.153-193.
- 137 *Васильев Д.В.* Мавзолеи Золотой Орды: географический обзор и опыт типологизации // Ученые записки Астраханского государственного университета. Астрахань, 2003. С.119.
- 138 *Бернштам А.Н.* Архитектурные памятники Киргизии. Москва-Ленинград, 1950. С.46-86.
- 139 *Васильев Д.В.* Мавзолеи Золотой Орды: географический обзор и опыт типологизации. С.110.
- 140 *Байпаков К.М., Терновоя Г.А.* Религия и культы средневекового Казахстана. Алматы, 2005. С.169-170.
- 141 *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Отрар в XIII–XV вв. Алма-Ата, 1987. С.124-126.
- 142 *Байпаков К.М.* Городище Куйрыктобе – город Кедеp. Алматы, 2005. С.74.
- 143 *Нурмуханбетов Б.Н.* Раннемусульманское кладбище близ городища Куйрыктобе // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1974. С.85-94.
- 144 *Кожя М.* Мавзолей Арыстанбаба. Шымкент, 2009. С.7-9.
- 145 Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-казахстанская область. Алматы, 1994. С.33-134; *Воронина В.Л.* Колонны из Отрара // Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975. С.70-74.
- 146 *Акылбек С.Ш.* Мавзолей Арыстанбаба в свете новых данных // Известия НАН РК / Серия общественных наук. Алматы, 2009. №1. С.87-92.
- 147 *Массон М.Е.* Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви. Ташкент, 1930; *Маньковская Л.Ю.* К изучению приемов среднеазиатского общества конца XIV в. // Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви – искусство зодчих Узбекистана. Ташкент, 1962. Т.1. С.93-142; *Хмельницкий С.* Между саманидами и монголами. С.258-259; *Смагулов Е.А.* Первый мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви // «Промыш-

- ленность Казахстана». Алматы, 2004. №2. С.94-98; *Проскурин А.Н.* Ханака Ахмеда Ясави // Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. Алматы, 1994. С.273-277.
- 148 *Проскурин А.Н.* Мавзолей Есим-хана // Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. Алматы, 1994. С.278.
- 149 *Герасимов П.Г.* Памятники архитектуры долины реки Кара-Кенгир в Центральном Казахстане. Алма-Ата, 1957. С.23-28.; *Хорош Е.Х.* К вопросу о строительной истории мавзолея Жоши-хана // Научные чтения памяти Н.Э.Масанова / Сборник материалов научно-практической конференции. Алматы, 25-26 апреля 2008 г. Алматы, 2009. С.101-108. Рис.1-4, А.
- 150 *Смагулов Е.А.* Под водами Аральского моря // «Промышленность Казахстана». Алматы, 2003. №5. С.94-98.
- 151 *Байпаков К., Воякин Д., Айdosов А., Мамиев Т.* Города на дне Арала // «Промышленность Казахстана». Алматы, 2004. №6. С.94-97; *Байпаков К., Воякин Д., Айdosов А., Нурзарин А., Баштанник С., Сорокин Д.* Археологические исследования памятников на дне Аральского моря // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» в 2007-2008 гг. Алматы, 2008. С.238-247.
- 152 Топография Оренбургская, т.е. обязательное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником Имп. Академии наук корреспондентом *П.Рычковым*. Санкт-Петербург, 1762. Ч.1. С.515.
- 153 *Кастанье И.А.* Древности киргизской степи и Оренбургского края. Алматы, 2007. С.149-153. Табл.2. Рис.1.
- 154 *Мендикулов М.* Памятники народного зодчества Западного Казахстана. Алма-Ата, 1987. С.46.
- 155 По нашим опросным данным южная часть мавзолея была разрушена в начале 40-х гг. прошлого века.
- 156 *Мендикулов М.* Памятники народного зодчества Западного Казахстана. С.46.
- 157 *Аджигалиев С.М., Турганбаева Л.Р.* Абат-Байтак – жемчужина Казахской степи. Алматы, 2004.
- 158 *Аджигалиев С.М.* Абат-Байтак – выдающийся комплекс памятников народного зодчества // Известия Академии наук КазССР / Серия археологическая. Алматы, 1983. №2. С.59.
- 159 *Боталов С.Г., Маламуд Г.Я.* Погребальный комплекс Кесене // Уфимский археологический сборник. Уфа, 2001. Вып.3. С.162.
- 160 *Смагулов Е.А.* Мавзолей Абат-Байтак: некоторые итоги археологических исследований // Известия НАН РК / Серия общественных наук. Алматы, 2006. №1. С.126-135.
- 161 *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Москва, 1966. С.32; *Степи Евразии в эпоху средневековья.* Москва, 1981.
- 162 *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. Керамика. Торговля. Москва, 2001. С.225.
- 163 *Аджигалиев С.И.* Генезис традиционной погребально-культовой архитектуры Западного Казахстана. Алматы, 1994. С.54-56.
- 164 *Боталов С.Г., Маламуд Г.Я.* Погребальный комплекс Кесене. С.162-167.
- 165 *Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А.* Некрополь Уральского городища // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск, 2002. С.168-184; *Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А.* Исследования «Большого мавзолея» на некрополе Уральского городища // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск, 2003. С.142-162; *Смагулов Е.А.* Мавзолеи на берегу Жайика // «Кумбез», Алматы, 2004. 4.03-1.04. С.49-51.
- 166 *Смалов Ж.Е., Ошанов О.Ж.* Мавзолей Кобланды батыра. Алматы, 2007. С.128-145.
- 167 *Маньковская Л.Ю.* О типологии мемориального зодчества Средней Азии мавзолея Фудины и Касби // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. Москва, 1979. С.102.
- 168 *Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А.* Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые памятники Поволжья. Москва, 1976. С.139-158.
- 169 Ширину дверного проема и здесь выявить не удалось по упоминавшейся выше причине.
- 170 *Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А.* Некрополь Уральского городища. С.179, рис. 11-13.
- 171 Как известно, в XVII–XIX вв. при колонизации Поволжья и Приуралья российское правительство рекомендовало при строительстве городов-укреплений «ломать ханские палаты» и использовать полученный таким путем строительный материал. На этот счет издавались специальные указы, а разрушение древних городищ и некрополей как весьма прибыльное дело было хорошо

- поставлено. «Поразительны варварство и ненависть, проявленные московским правительством в отношении татарских сооружений в области Нижнего Поволжья» – писал один из пионеров «золотоордынской археологии» (*Баллод Ф.* Поволжские Помпеи. Москва-Петроград, 1923. С.20-21). Не приходится сомневаться, что и на берегах р. Урал эта практика была широко развита. Естественно, что при разрушении мавзолеев вскрывались и находившиеся в них погребения. Отсюда, надо полагать, и те средневековые кирпичи и изразцы, иногда находящиеся под куренями г. Уральска, о которых упоминает Г.А.Кушаев (*Кушаев Г.А.* Этюды древней истории степного Приуралья. Уральск, 1993. С.134).
- 172 *Стеблюк Ю.В.* Погребальные сооружения Южного Хорезма XVII–XIX вв. // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1956-1961 гг. Москва, 1963. С.99.
- 173 *Хмельницкий С.Г.* Между саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI–начала XIII в. Берлин-Рига, 1996. Ч.1. С.152-153.
- 174 *Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А.* Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые памятники Поволжья. Москва, 1976. С.108-166.
- 175 *Яблонский Л.Т.* Типы погребального обряда на мусульманских городских некрополях Золотой Орды // Вестник МГУ / Серия IX. История. Москва, 1975. №2. С.75-84.
- 176 *Щербина Ф.* Объяснительная записка к данным об излишних землях, находившихся в пользовании киргиз Павлодарского уезда // Павлодарский уезд. Воронеж, 1903. С.37а.
- 177 *Букейханов А.* Список обам на реке Слеты Коржункульской волости Акмолинского уезда // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела ИРГО. Семипалатинск, 1907; *Маргулан А.Х.* Остатки оседлых поселений в Центральном Казахстане // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978. С.18-19. *Коншин Н.* О памятниках старины в Семипалатинской области // Записки Семипалатинского п/о Зап. Сиб отделения Русского географического общества. Семипалатинск, 1903. Вып.1. С.11; Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960. №1177. С.92.
- 178 *Юдин В.П.* Орды: Белая, Синяя, Золотая // Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С.22.
- 179 Хозяйство казахов на рубеже XIX-XX вв.: материалы к историко-географическому атласу. Алма-Ата, 1980. С.65-67.
- 180 *Смагулов Т.Н.* Археологические исследования на некрополе Аулиеколь // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2007 г. Алматы, 2009. С.223-229; *Смагулов Т.Н., Женисов А.Т., Казизов Е.С.* Исследования на археологическом комплексе Аулиеколь // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2008. Алматы, 2008. С.228-231.
- 181 *Хабдулина М.К.* Мавзолеи средневекового городища Бозок (река Ишим). Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски открытия. Материалы III Международной Поволжской археологической конференции (Астрахань, 18-21 октября 2010г.). Астрахань, 2010. С. 384-391.
- 182 *Хабдулина М.К., Кожамжаров Т.К., Ярыкин С.А., Калдыбаев М.С. Сакенов С.К., Свиридов А.Н.* Культовые памятники Тенгиз-Коргальджинской впадины. Астана, 2011. С. 693-699.
- 183 *Агеева Е.И.* Некрополь // Археологические исследования на северных склонах Каратау / Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР. Алма-Ата, 1962. Т.14. С.185-188.
- 184 Бронзовый фельс, чеканенный в Усрушане от имени Исмаила ибн-Ахмеда. Год обломан, но упоминание в поле оборотной стороны имени правителя характерно для усрушанского чекана 280 г.х. (843-844 г.г.). Определение *В.Н.Настича*.
- 185 *Нурмуханбетов Б.Н.* Раннемусульманское кладбище близ городища Куйрыктобе // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С.85-94.
- 186 *Байпаков К.М.* Исследование некрополя Джамуката в Таласской долине // Вестник Казахского Государственного университета, посвященный 75-летию У.Х.Шалекенова / Серия историческая. Алматы, 1999. №12. С.39.
- 187 *Настич В.Н.* Поясная накладка из Отрара // Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975. С.98-105.
- 188 *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Древний Отрар (Топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата, 1972. С.60-61.
- 189 *Настич В.Н.* Поясная накладка из Отрара. С.99
- 190 *Там же.* С.99-102.
- 191 *Там же.* С.103.
- 192 *Там же.* С.104.

- 193 *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // *Материалы и исследования по археологии СССР. Москва-Ленинград, 1952. №26. С.150.*
- 194 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX–XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах // *Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана / Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР. Алма-Ата, 1960. Т.8. С.82-83.*
- 195 *Байпаков К.М., Терновья Г.А., Горячева В.Д.* Художественный металл городища Красная Речка (VI – начало XIII в.). Алматы, 2007.
- 196 *Сарианиди В.И.* Мой ответ К.Ламберг-Карловскому (В.Сарианиди htm).
- 197 Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина» / Составлена под руководством А.Н.Бернштама // *Материалы и исследования по археологии СССР. Москва-Ленинград, 1950. №14. Табл.XCI; Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. С.168, рис. 69, 74, 75; *Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К.* Средневековые города и поселения Северо-восточного Жетысу. Алматы, 2005. С.106-112. Табл.XI–XII; *Байпаков К.М., Савельева Т.В.* Древние сокровища Алматы. Алматы, 2004. С.107-111, 115-119; *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII в.). Алма-Ата, 1986. С.175-177, рис.76-78; *Байпаков К.М., Алдабергенов Н.О.* Отрарский оазис. Алматы, 2005. С.76-90.
- 198 *Иванов А.А.* О бронзовых изделиях конца XIV в. из мавзолея Ходжа Ахмеда Ясеви // *Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье / История и культура. Москва, 1981. С.68-84, 179-181.*
- 199 *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Рис.106.
- 200 *Байпаков К.М., Алдабергенов Н.О.* Отрарский оазис. С.146.
- 201 *Агеева Е.И.* Новые эпиграфические находки // *Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана / Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР. Алма-Ата, 1960. Т.8. С.177, рис.1.*
- 202 *Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К.* Средневековые города и поселения Северо-восточного Жетысу. С.125, рис.131,132.
- 203 *Байпаков К., Байбосынов К.* Сокровища древнего Тараза. Алматы, 2008. С.113,154,155.
- 204 *Самашев З., Кузнецова О., Плахов В.* Керамика Сарайчика. Алматы, 2008. С.118,119,151,158, 159,188, 192-193, 219.
- 205 *Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К.* Средневековые города и поселения Северо-восточного Жетысу. С.82, рис.86; табл.IX; рис.150; *Сенигова Т.Н.* Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972. Табл.XI; Рис.105-115; *Байпаков К.М., Алдабергенов Н.О.* Отрарский оазис. С.156-157; *Байпаков К.М.* Городище Куйрыктобе – город Кедр. Алматы, 2005. С.118-119, 172-175.
- 206 *Байпаков К.М., Алдабергенов Н.О.* Отрарский оазис. С.104.
- 207 *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. С.162-164, рис.71.
- 208 *Большаков О.Г.* Поливная керамика Мавераннахра как историко-культурный памятник (исследование собрания «Государственный Эрмитаж») // *Автореферат дисс. канд. исторических наук. Ленинград, 1954. С.12-14.; Большаков О.Г.* Средневековый город VIII – начала XIII в. // *Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. Ленинград, 1973. С.274-285.
- 209 *Ахраров И.Е.* К истории появления поливной керамики в Средней Азии // *История материальной культуры Узбекистана (ИМКУ). Ташкент, 1965. №6. С.150.*
- 210 *Большаков О.Г.* Средневековый город VIII – начала XIII в. С.275.
- 211 *Там же.* С.276.
- 212 *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. С.106-107, рис.35; 118.
- 213 *Большаков О.Г.* Средневековый город VIII – начала XIII в. С.279.
- 214 *Там же.* С.279-280.
- 215 *Таиходжаев Ш.* Художественная поливная керамика Самарканда. Ташкент, 1967. С.75.
- 216 *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. Москва, 1961. Т.20. С.314.
- 217 *Большаков О.Г.* Средневековый город VIII – начала XIII в. С.281.
- 218 *Цит.: Большаков О.Г.* Средневековый город VIII – начала XIII в. С.276.
- 219 *Большаков О.Г.* Средневековый город VIII – начала XIII в. С.282.
- 220 *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Отрар в XIII-XV вв. Алма-Ата, 1987. С.121-122, рис. 43. Чтение, перевод и датировка надписи принадлежит *В.Шуховцову.*

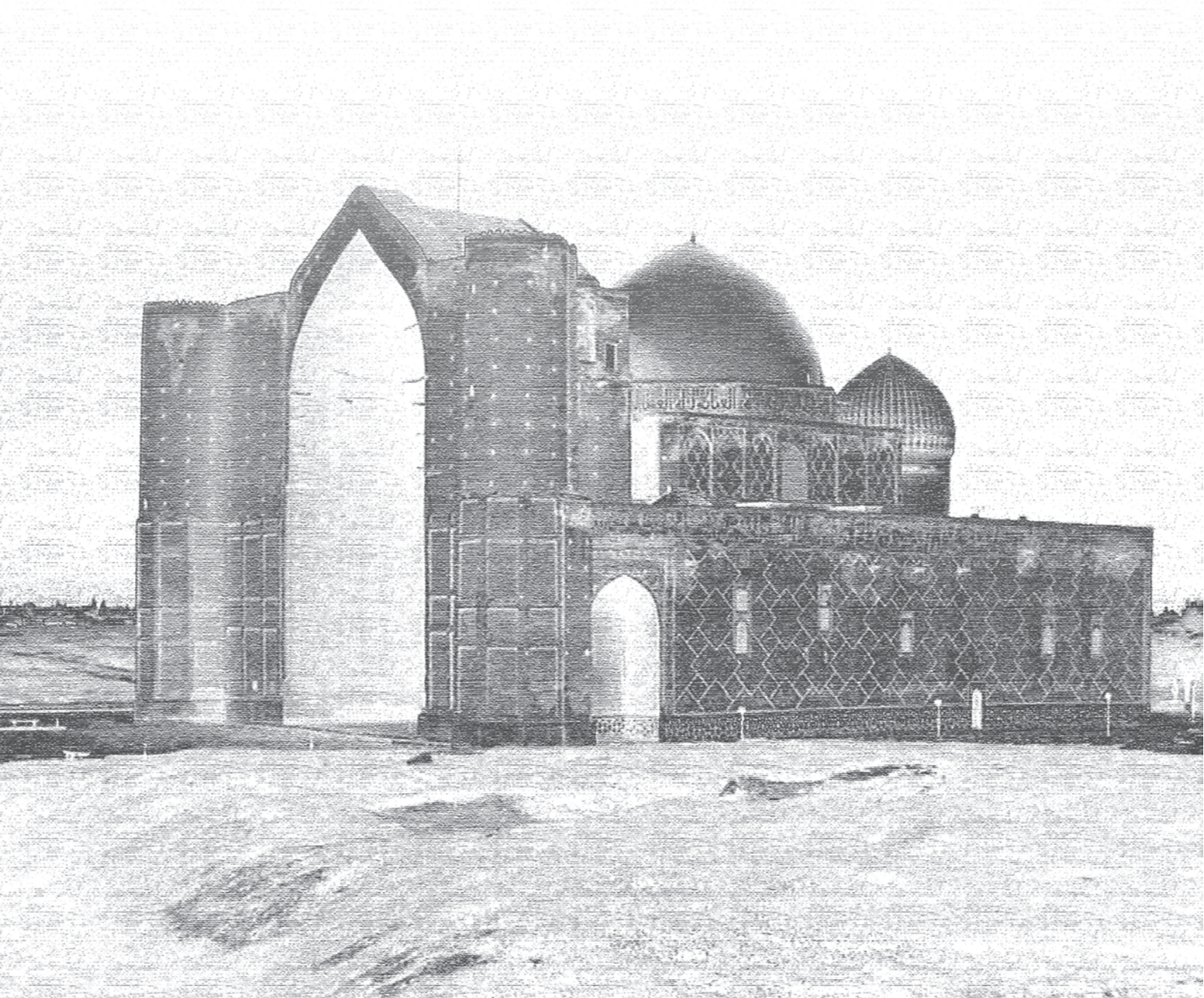
- 221 *Тасмагамбетов И.Н., Самашев З.С.* Сарайчик. Алматы, 2001. С.65, 243.
- 222 *Камышев А.* Раннесредневековый монетный комплекс Семиречья. Бишкек, 2002. С.132-134.
- 223 *Настич В.Н.* Монетные находки с городища Красная Речка (1978-1983 гг.) // Красная Речка и Бурана. Фрунзе, 1989. С.102-117.
- 224 *Караев О.* История Караханидского каганата (IX – начало XIII в.). Бишкек, 1983. С.100-101.
- 225 *Камышев А.* Раннесредневековый монетный комплекс Семиречья. С.65.
- 226 *Сенигова Т.Н.* Средневековый Тараз. С.104.
- 227 *Настич В.Н.* Монетные находки из Казахстана и Киргизии // Вторая Всесоюзная нумизматическая конференция / Тезисы докладов и сообщений. Москва, 1987. С.52-53.
- 228 *Бурнашева Р.З.* Монеты раннего средневековья с городища Отрартобе и Отрарского оазиса (1969-1972 гг.) // Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975. С.60-66.
- 229 *Байпаков К.М., Настич В.Н.* Новые данные по истории Отрара X–XIII вв. // Известия Академии наук КазССР / Серия общественных наук. Алма-Ата, 1978. №2. С.44-45.
- 230 *Нурмуханбетов Б.Н.* Раннемусульманское кладбище близ городища Куйрык-тобе // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С.87, примечание 10; *Бурнашева Р.З.* Монеты раннего средневековья с городища Отрар-тобе и Отрарского оазиса (1969-1972 гг.) // Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975. С.67-68.
- 231 *Давидович Е.А.* Новые данные по истории Саманидов (клад медных монет IX–X вв. из Самарканда) // Средняя Азия в древности и средневековье. Москва, 1977. С.112-115, 124.
- 232 Бараб и Фараб – две графические формы одного и того же топонима, отражающие арабскую передачу начального *n*, знак для которого отсутствует в арабском алфавите. Оригинальное произношение этого слова — Параб. См.: *Бартольд В.В.* Фараб // Сочинения. Москва, 1965. Т.III. С.525; *Волин С.* Сведения арабских источников IX–XIV вв. о долине реки Талас и смежных районах. С.78, прим.38.
- 233 *Давидович Е.А.* Бараб – новый среднеазиатский монетный двор саманидов и Ануштенизов // Письменные памятники Востока. Москва, 1977. С.124-126.
- 234 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Москва, 1963. Т.I. С.269-270.
- 235 *Бартольд В.В.* Очерк истории туркменского народа // Сочинения. Москва, 1963. Т.II. Ч.1. С.562-563.
- 236 *Волин С.* Сведения арабских источников IX–XIV вв. о долине реки Талас и смежных районах. С.80.
- 237 *Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. С.133.
- 238 *Кочнев Б.Д.* Будухкет – новый монетный двор (XI в.) // Известия Академии наук Казахской ССР / Серия обществ. наук. Алма-Ата, 1986. №1. С.49-54.
- 239 *Ал-Истахри.* «Китаб масалик» / Пер. с перс. З.Н.Ворожейкиной // Материалы по истории киргизов и Киргизии. Москва, 1973. Вып.1. С.29.
- 240 *Бартольд В.В.* Отчет о командировке в Среднюю Азию с научной целью 1893-1894 г. // Сочинения. Москва, 1966. Т.IV. С.28, примеч.8.
- 241 *Там же.* С.98.
- 242 *Агеева Е.И., Пацевич Г.И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР. Алма-Ата, 1958. Т.5. С.134-135.
- 243 *Байтанаев Б.А.* Древний Испиджаб. Шымкент-Алматы, 2003. С.41-61.
- 244 *Давидович Е.А.* Бараб – новый среднеазиатский монетный двор Саманидов и Ануштегинидов. С.124-129.
- 245 *Кочнев Б.Д.* Новые нумизматические данные к истории Караханидов второй половины XII – начала XIII в. // Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1983.
- 246 Все монеты происходят из обработанного и подготовленного к изданию клада, который найден в 1976 г. близ мавзолея Мир Сайид Бахрам в п. Кермине (Бухарская обл.).
- 247 Из описанных 19 монет 18 оказались в составе клада, найденного в 1958 г. при земляных работах в г. Джамбуле на территории средневекового Тараза. В настоящее время клад хранится в Жамбылском историко-краеведческом музее (инв. №886). Один дирхем того же типа осмотрен Б.Д.Кочневым в частной коллекции К.Амиркулова. Он тоже найден на территории Тараза.
- 248 Все монеты данного типа оказались в составе того же Жамбылского клада.

- 249 Хранится в отделе нумизматики Государственного Эрмитажа, инв. № 14138.
- 250 *Байпаков К.М., Настич В.Н.* Новые данные по истории Отрара X–XIII вв. // Известия АН КазССР / Серия общественных наук. Алма-Ата, 1978. № 2. С.48.
- 251 *Бартольд В.В.* Фараб. С.525.
- 252 *The History of the World-Conqueror by Ala-ad-Din Ata-Malik Juvaini.* Transl. from the text of Mirza Muhammad Qazvini by J.A. Boyle. Manchester, 1958. Vol.I. P.347-348.
- 253 *Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави.* Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Перевод с араб., предисловие, комментарии, примечания и указатели З.М.Буниятова. Баку, 1973. С.66-67.
- 254 *Давидович Е.А.* Вопросы хронологии и генеалогии Караханидов второй половины XII в. // *Средняя Азия в древности и средневековье.* Москва, 1977. С.185-186.
- 255 *Кочнев Б.Д.* Новые нумизматические данные к истории Караханидов второй половины XII – начала XIII в. // *Киргизия при Караханидах.* Фрунзе, 1983. С.97-102, рис.3.
- 256 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С.429.
- 257 *Кочнев Б.Д.* Караханидский чекан Параба (Отрара) // *Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии.* Алма-Ата, 1983. С.109-120.
- 258 *Настич В.Н.* Средневековая эпиграфика Ферганы и Семиречья: (исторический анализ арабографических эпиграфий XII-XV вв. с территории Киргизии) // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Фрунзе, 1989; *Настич В.Н.* Погребальная эпиграфика арабского письма как источник по средневековой истории Киргизии и Южного Казахстана // *Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока.* Москва, 1984. С.161-177; *Настич В.Н.* К эпиграфической истории Баласагуна (анализ изданных надписей и новые находки) // *Красная Речка и Бурана.* Фрунзе, 1989. С.158-176.
- 259 *Настич В.Н.* Арабские и персидские надписи на кайраках с городища Бурана // *Киргизия при караханидах.* Фрунзе, 1983. С.227-228; *Горячева В.Д.* Городская культура тюркских каганатов на Тянь-Шане (VI – начало XIII в.). Бишкек, 2010. С.175-177.
- 260 *Шалекенов У.Х. (Баласагуни).* Город Баласагун в VI-XIII вв. Алматы, 2009. С.230-238.
- 261 *Настич В.Н.* Намогильный кирпич из Караспана // *Известия Академии наук Казахской ССР / Серия обществ. наук.* Алма-Ата, 1981. № 5. С.47-52.
- 262 *Массон М.Е.* Средневековые намогильные кирпичи из Марыйского оазиса // *Эпиграфика Востока.* Москва-Ленинград, 1953. Вып.8. С.33-34.
- 263 *Там же.* С.25, 31.
- 264 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX–XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах. С.83-84.
- 265 *Муминов А.К., Нурманова А.Ш.* Шакпак-Ата: эпиграфика подземной мечети и некрополя. Алматы, 2009.
- 266 *Беляев Л.А.* Archeologia abrahamica // *Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама.* Москва, 2009. С.6.
- 267 *Беляев Л.А.* Archeologia abrahamica. С.6-7.
- 268 *Case Studies in Archaeology and World religion // BAR. International Sr.* Cambridge; Oxbow, 1999. № 755.
- 269 *Беляев Л.А.* Archeologia abrahamica. С.8.
- 270 *Байпаков К.М.* Археология и культурное наследие Казахстана: Государственная программа «Культурное наследие» // *Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие-2004».* Алматы, 2005. С.100; *Байпаков К.М.* Археология и культурное наследие Казахстана // *Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие-2005».* Алматы, 2005. С.166-167.
- 271 *Байпаков К.М.* Великий Шелковый путь на территории Казахстана. Алматы, 2007. С.343-393.
- 272 *История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней).* В пяти томах. Алма-Ата, 1979. Т.I. С.360-364; *Бартольд В.В.* Киргизы. Исторический очерк // *Сочинения.* Москва, 1963. Т. II. Ч.1. С.515.

Иллюстрации

Illustrations

Мечети, медресе, ханака, бани Mosques, medrese, khanaka, bath-houses

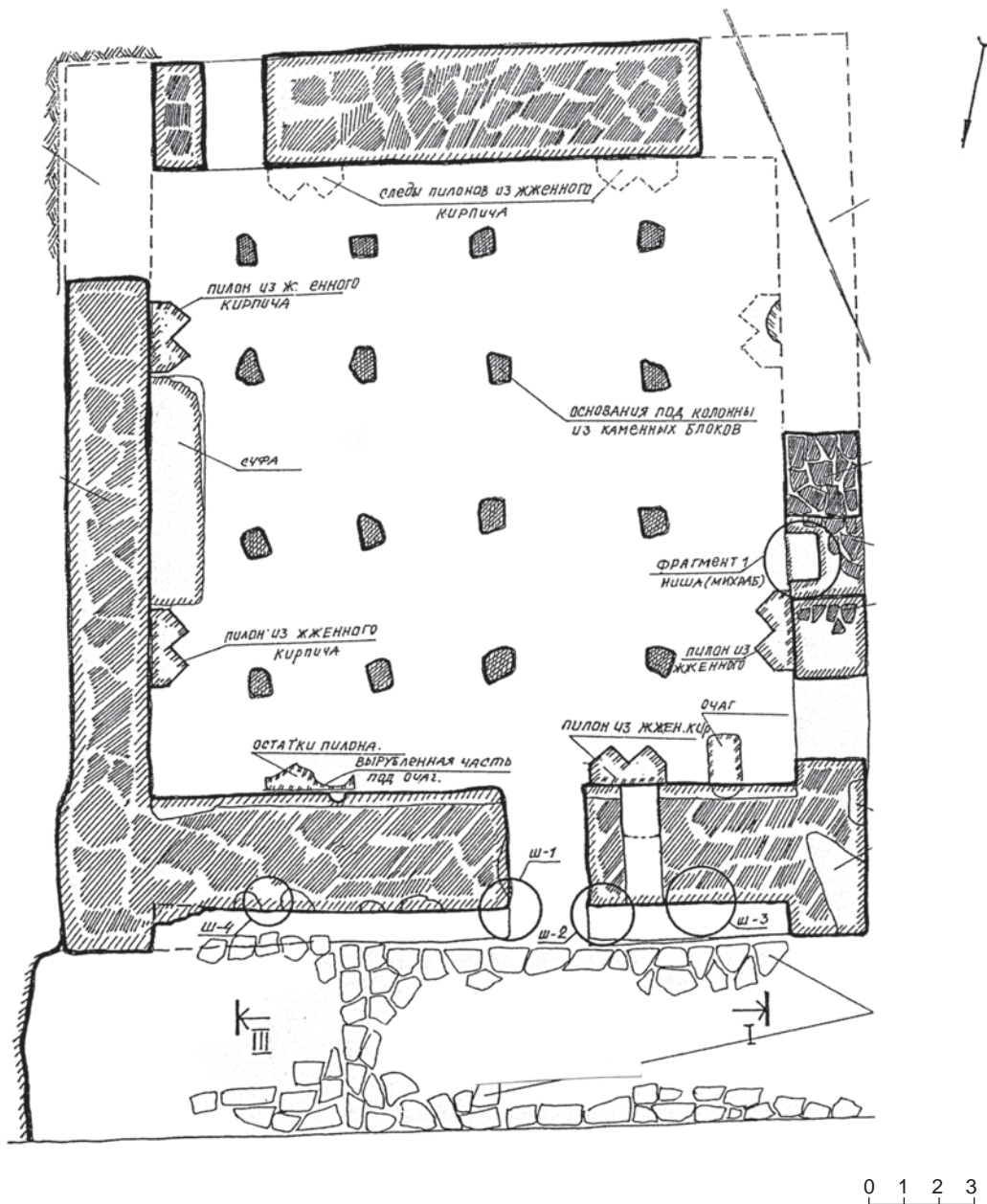

Рис. 1. Городище Тараз. План мечети Пайгамбара. X в.

Fig. 1. Taraz site. Plan of Paigambar mosque. X c.

Рис. 2. Городище Бурана. Мечеть.
X – XI вв.

Рис. 2. Burana site. Mosque. X – XI cc.

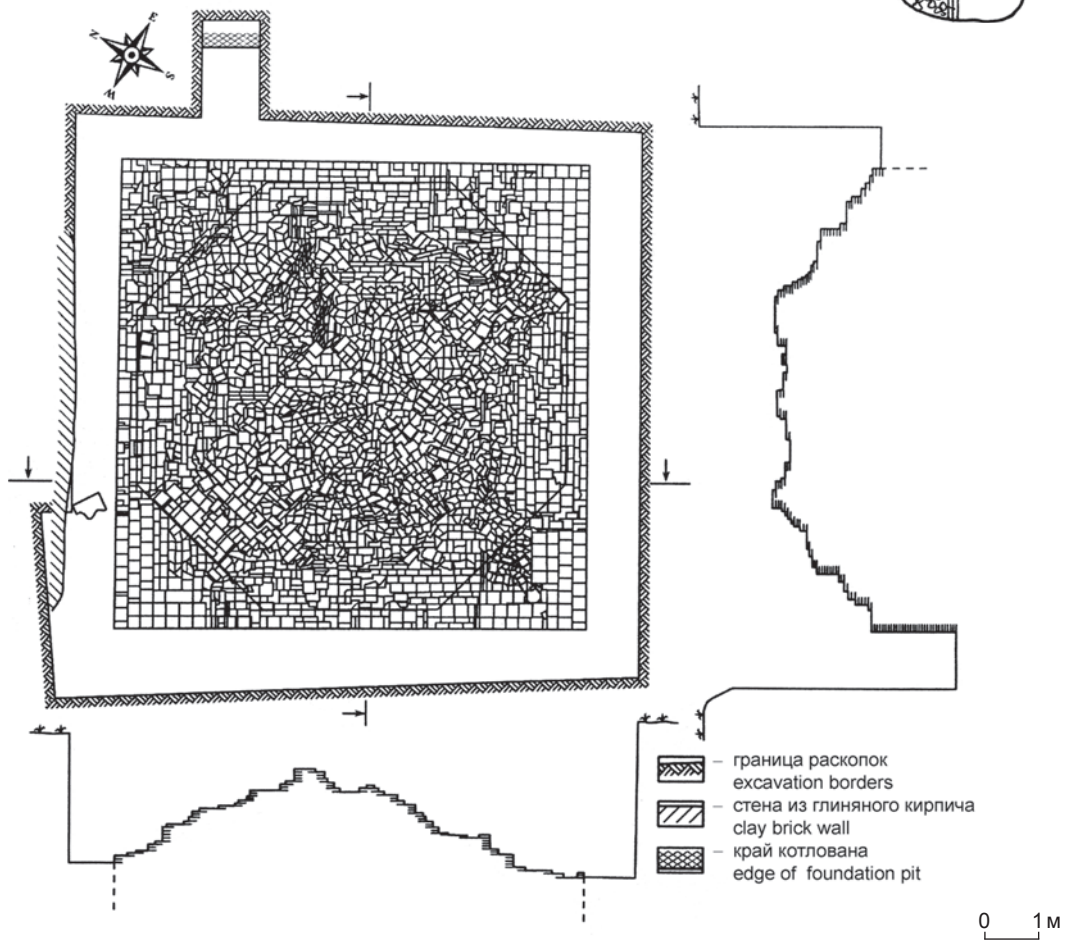
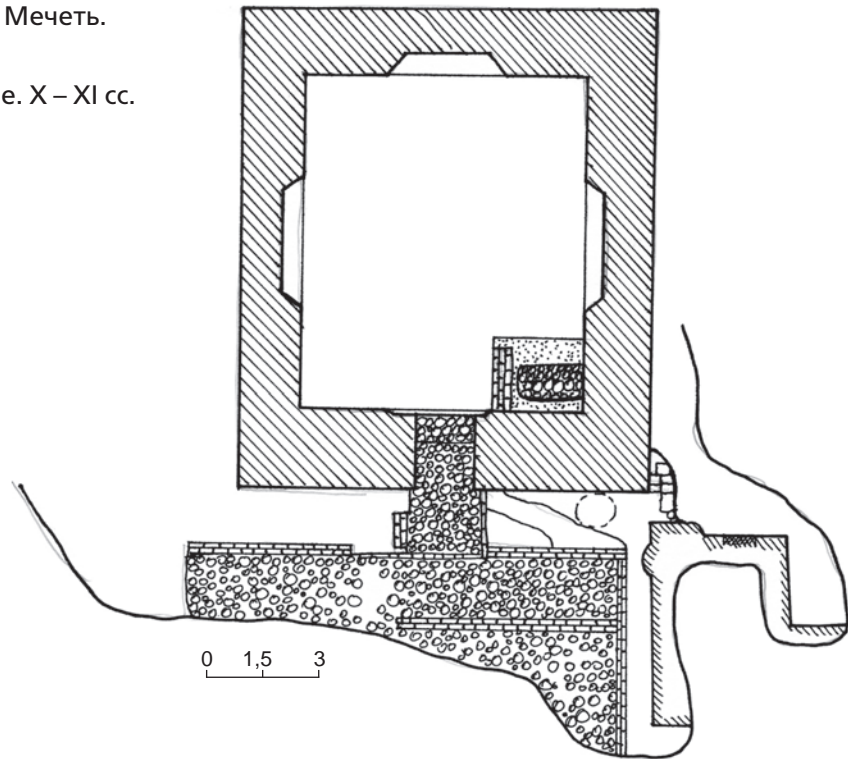

Рис. 3. Городище Актобе. План основания минарета. XI–XII вв.

Рис. 3. Aktope site. Plan of minaret's base. XI–XII cc.

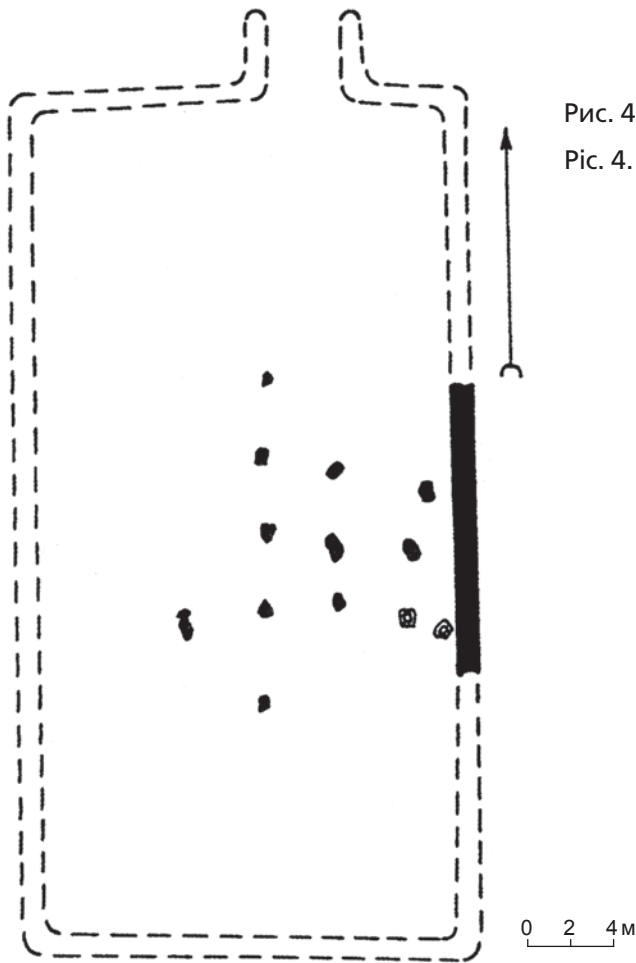

Рис. 4. Городище Орнек. Мечеть. XI–XII вв.
Pic. 4. Ornek site. Mosque. XI–XII cc.

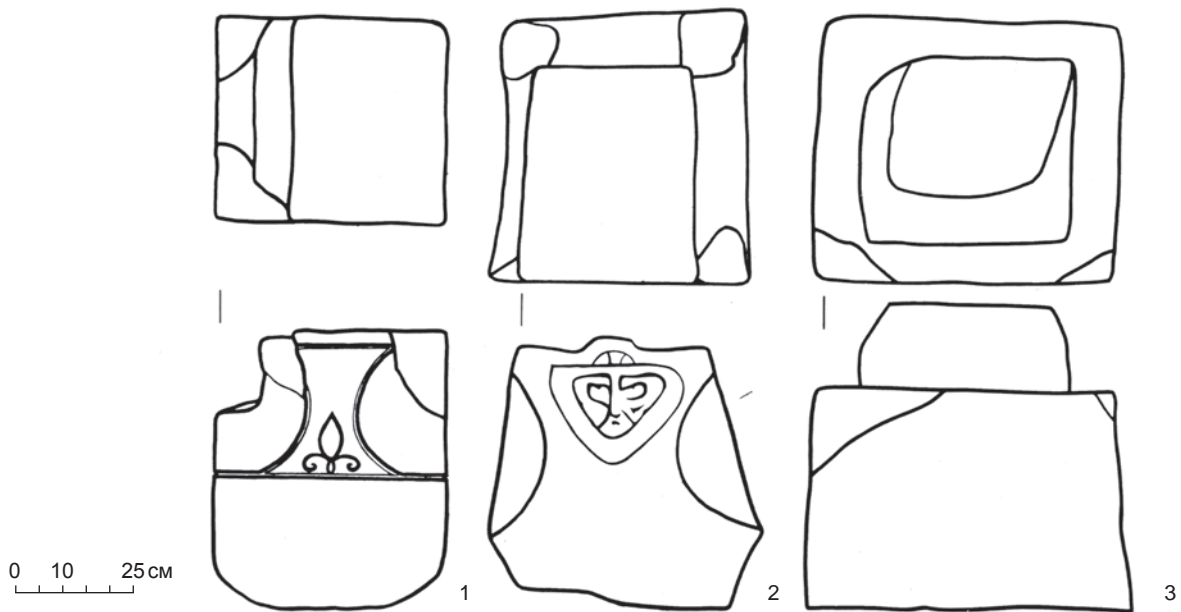

Рис. 5. Базы колонн мечети
Pic. 5. Mosque columns's bases

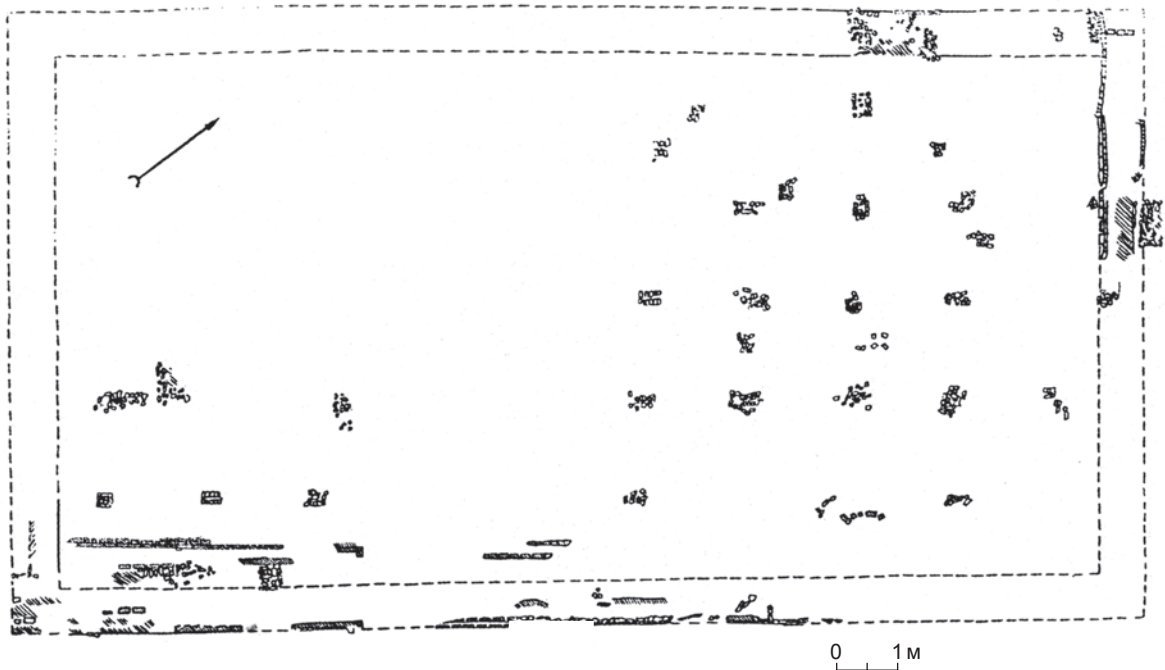

Рис. 6. Городище Куйрыктобе. План мечети. X–XII вв.

Рис. 6. Kuyryktobe site. Plan of mosque. X–XII cc.

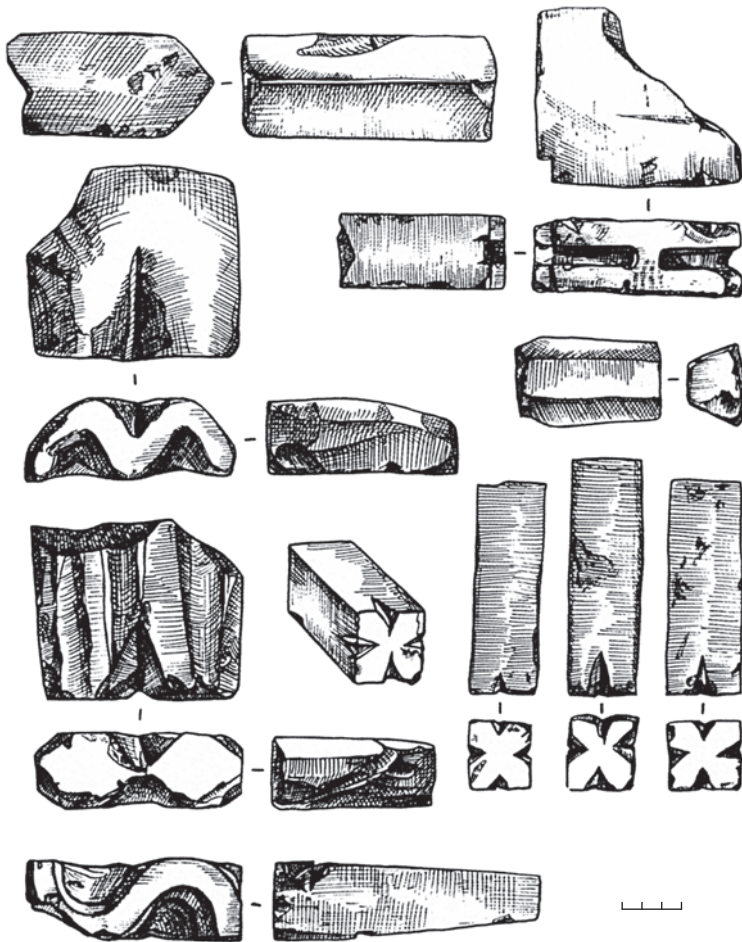

Рис. 7. Фигурные резные кирпичики от декора мечети. X–XII вв.

Рис. 7. The figured and carved bricks of the mosque decoration. X–XII cc.

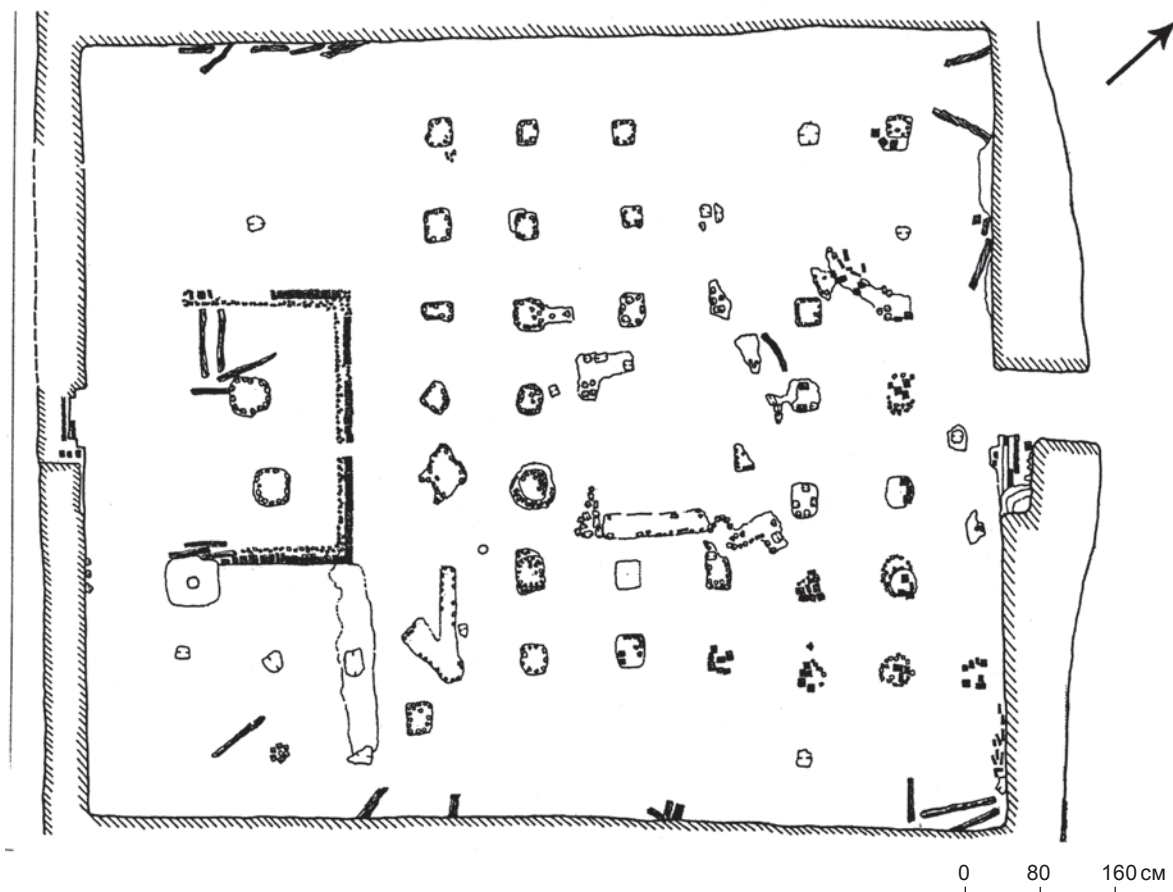

Рис. 8. Городище Антоновка. План мечети. XII–XIV вв.

Pic. 8. Antonovka site. Plan of mosque. XII–XIV cc.

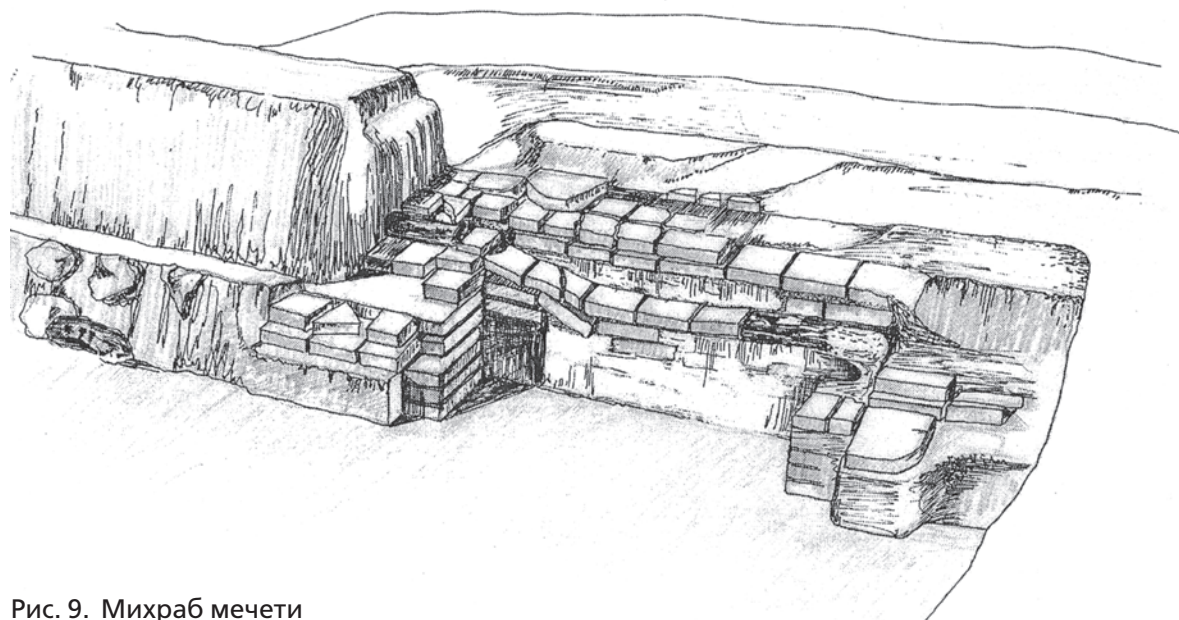

Рис. 9. Михраб мечети

Pic. 9. Mikhrab of mosque

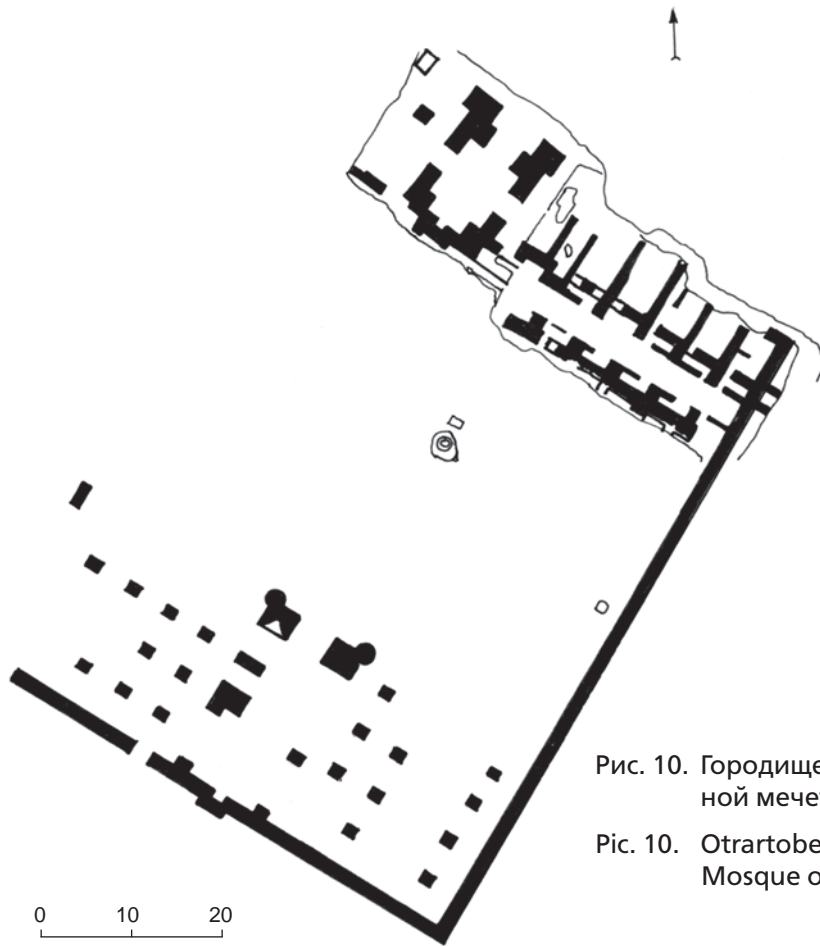

Рис. 10. Городище Отрартобе. План соборной мечети конца XIV – начала XV вв.

Pic. 10. Otrartobe site. Plan of Cathedral Mosque of the late XIV – early XV cc.

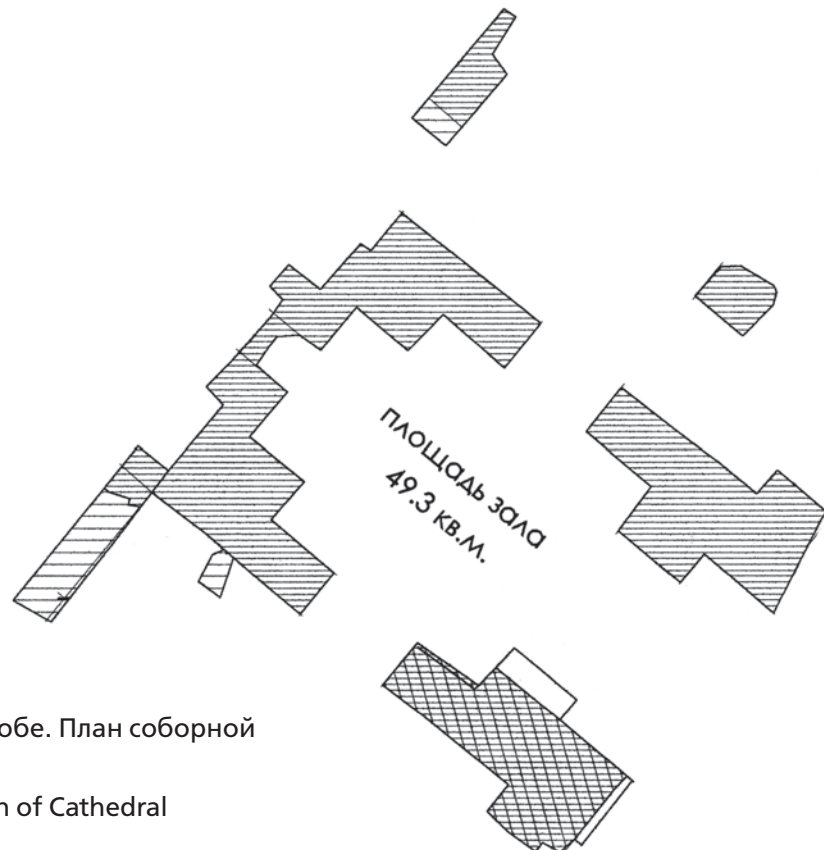

Рис. 11. Городище Отрартобе. План соборной мечети XVI в.

Pic. 11. Otrartobe site. Plan of Cathedral Mosque XVI c.

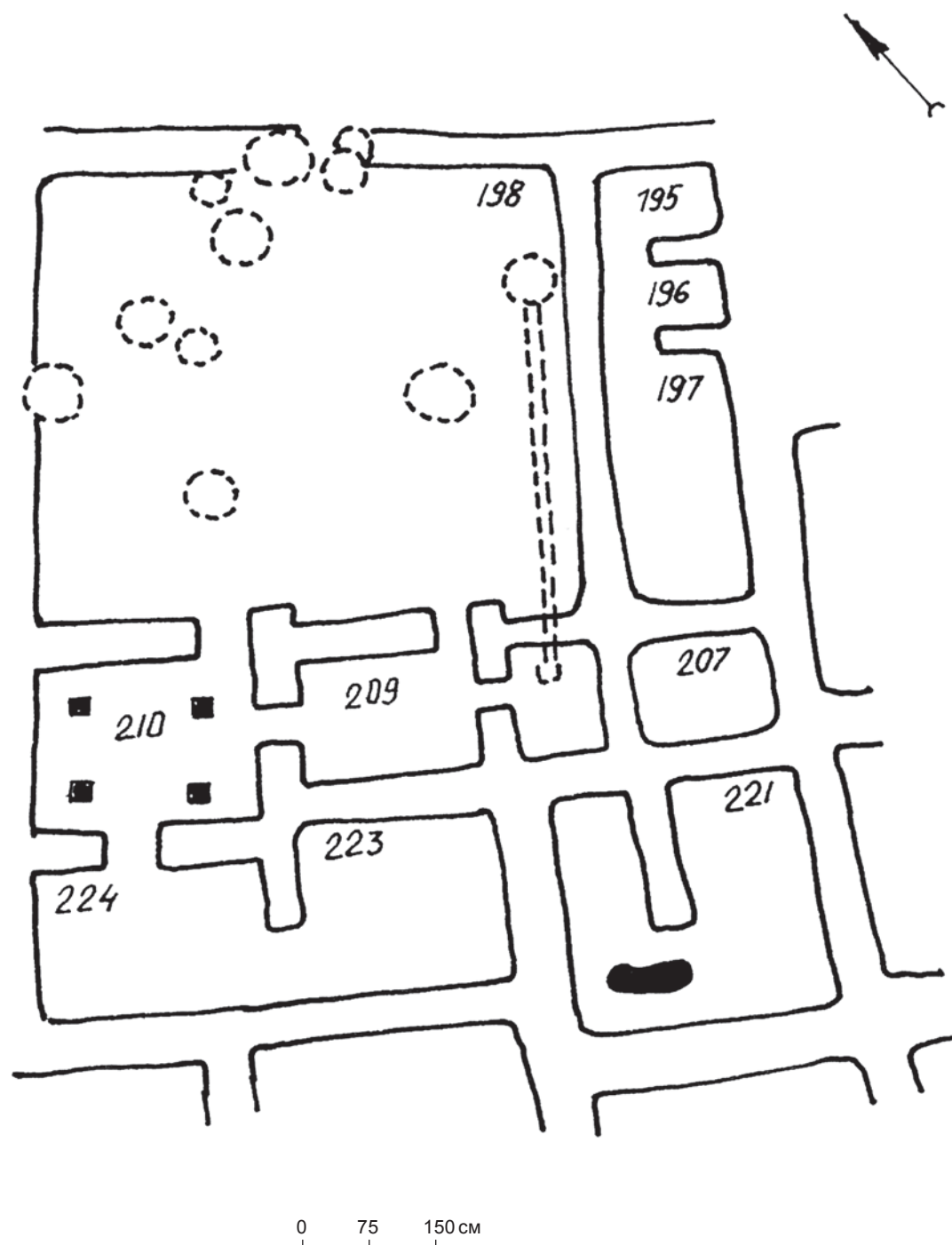

Рис. 12. Городище Отрартобе. План квартальной мечети XVI–XVII вв.

Pic. 12. Otrartobe site. Plan of estate mosque XVI–XII cc.

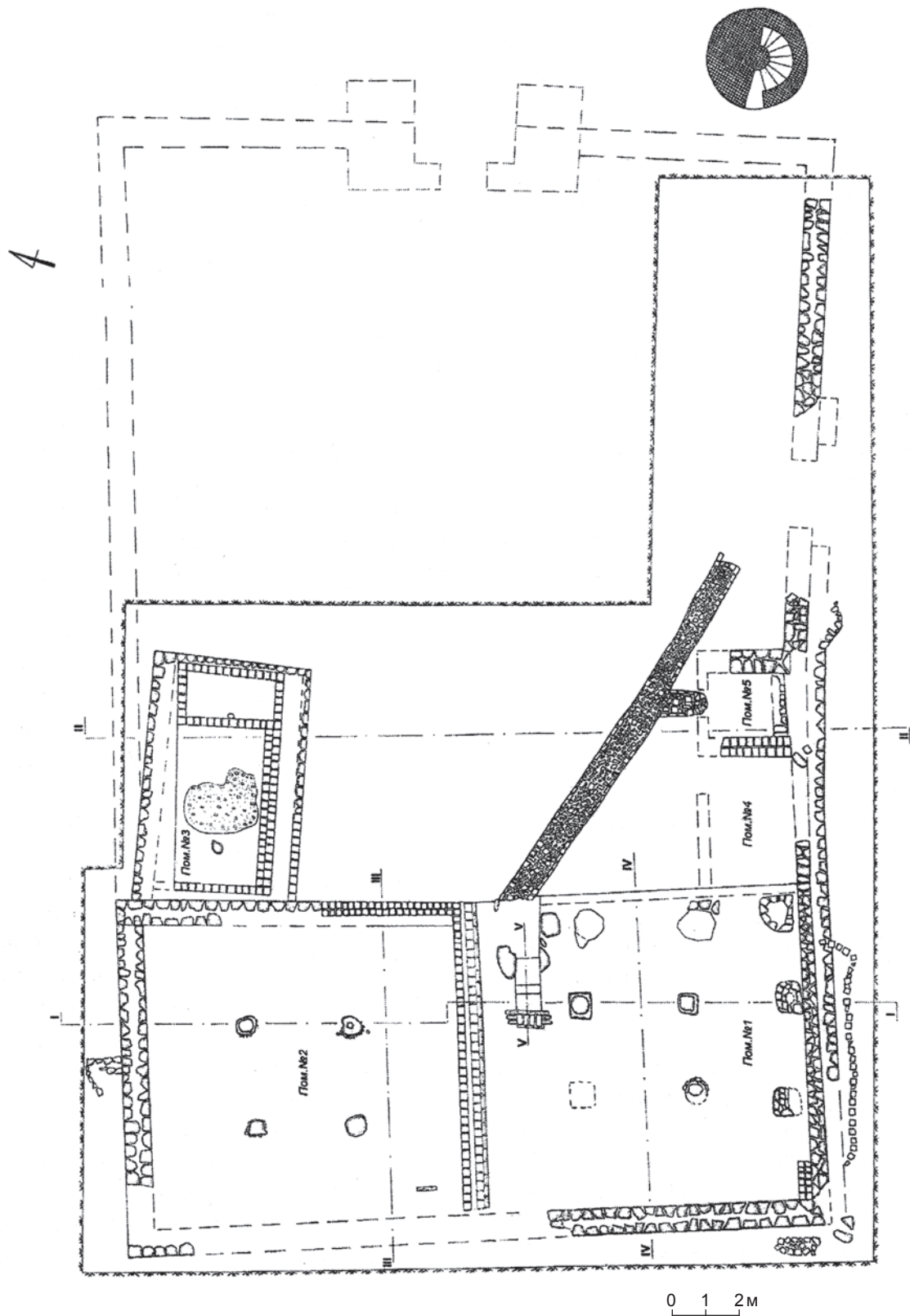

Рис. 13. Городище Сайрам. План мечети Пайгамбара

Fig. 13. Sairam site. Plan of Paigambar mosque

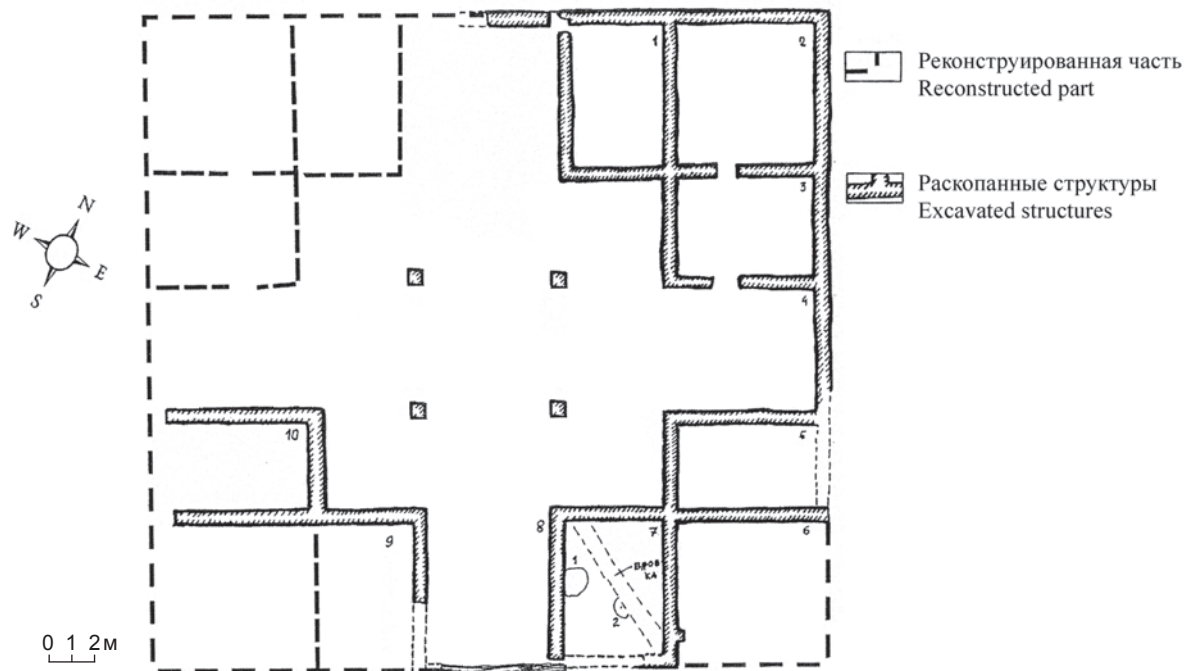

Рис. 14. Городище Антоновка. План ханаки. XII–XIV вв.

Pic. 14. Antonovka site. Plan of khanaka. XII–XIV cc.

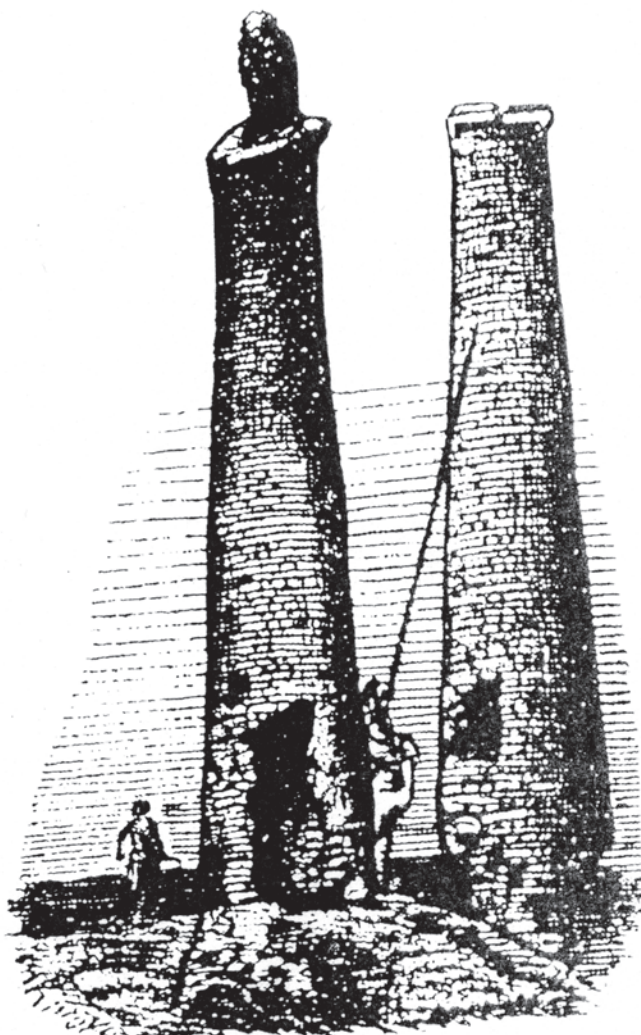

Рис. 15. Городище Сауран. Медресе, минареты. XVI в.

Pic. 15. Sauran site. Medrese, minarets. XVI c.

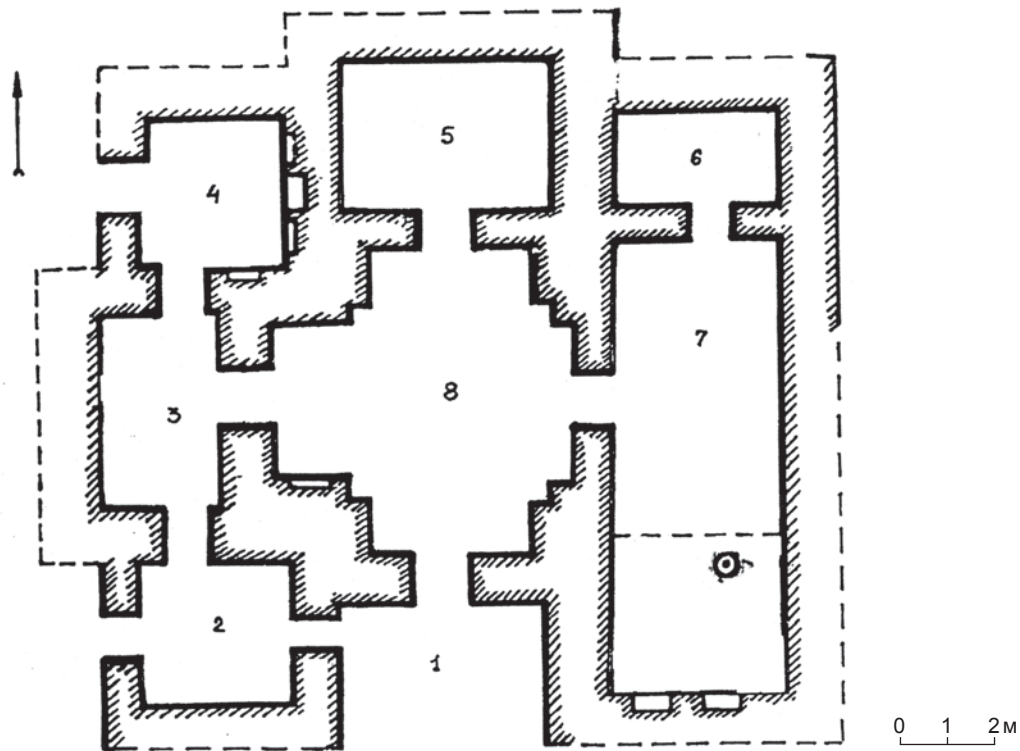

Рис. 16. Городище Сауран. План ханаки. XVI–XVII вв.

Pic. 16. Sauran site. Plan of khanaka. XVI–XVII cc.

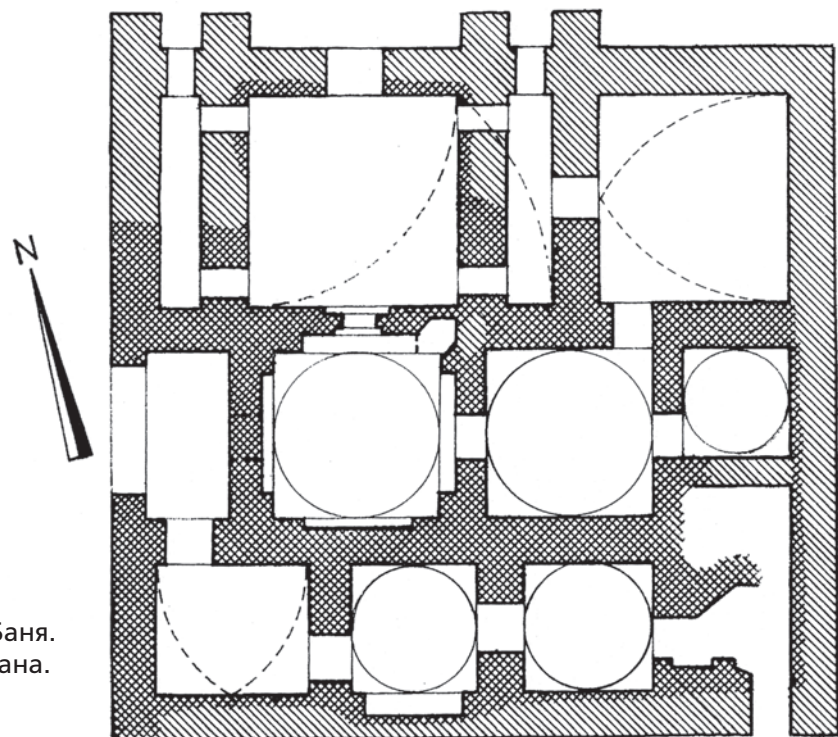

Рис. 17. Городище Тараз. Баня. Реконструкция плана. XI–XII вв.

Pic. 17. Taraz site. Bath-house. Reconstruction of plan. XI–XII cc.

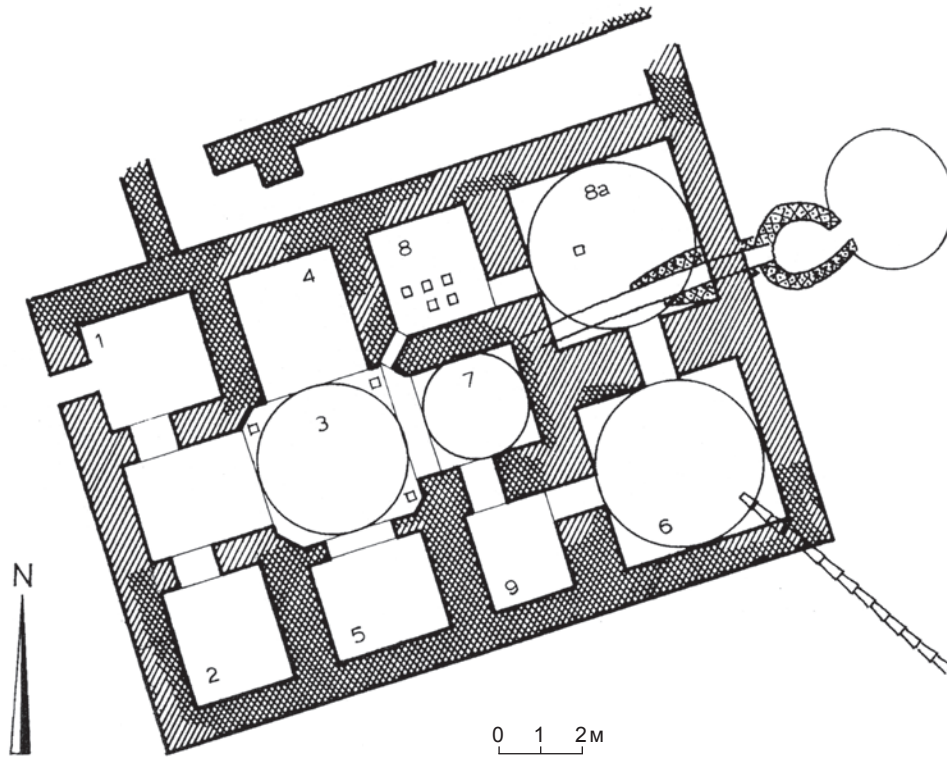

Рис. 18. Городище Отрартобе. План бани. XI–XII вв.

Pic. 18. Otrartobe site. Plan of Bath-house. XI–XII cc.

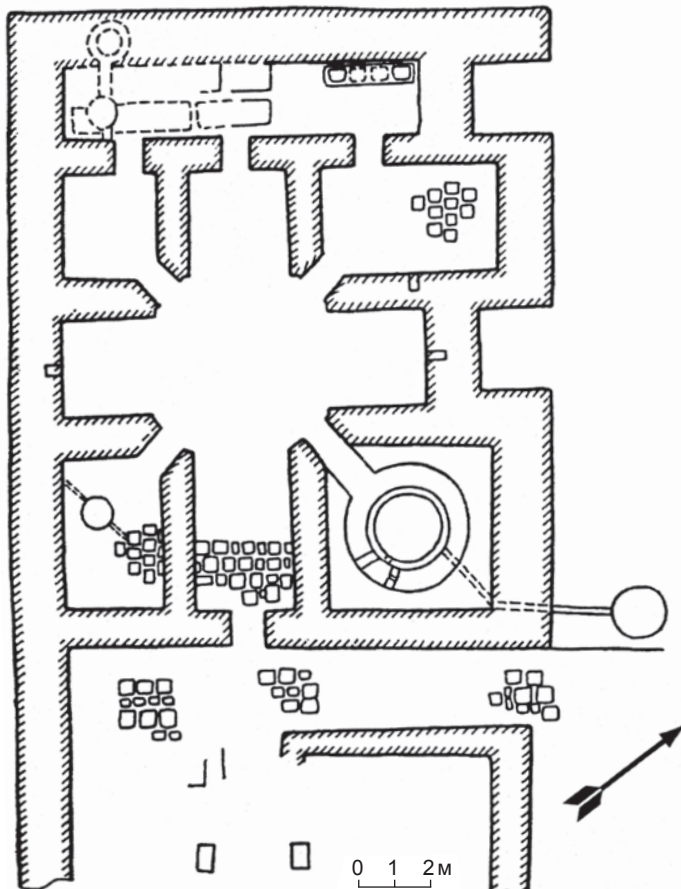

Рис. 19. Городище Отрартобе. План бани. XIII–XIV вв.

Pic. 19. Otrartobe site. Plan of Bath-house. XIII–XIV cc.

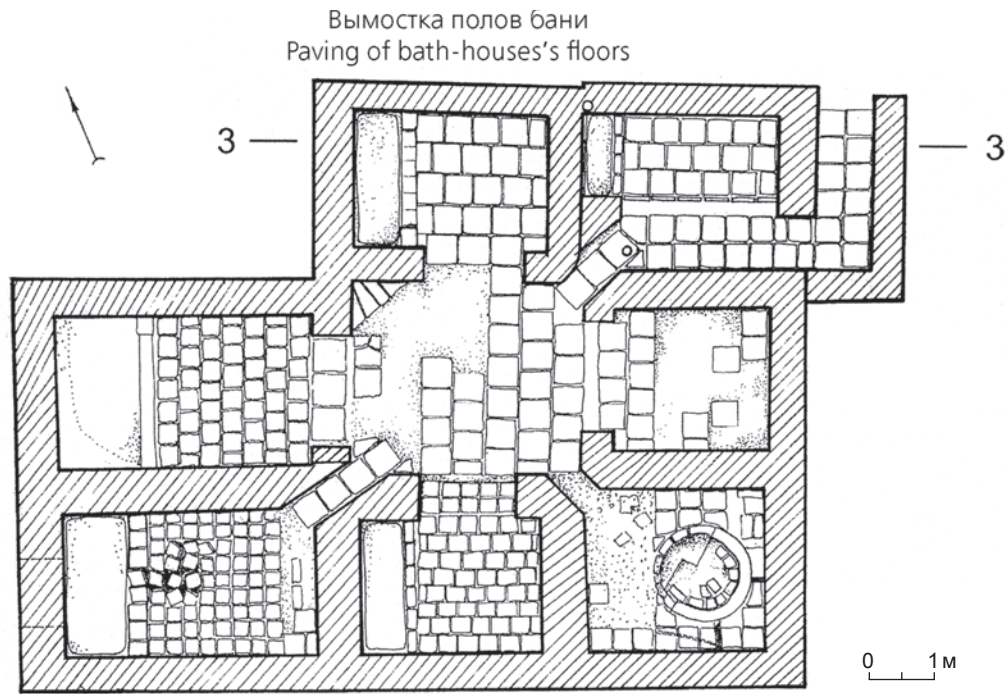

Рис. 20. Баня на городище Антоновка – город Каялык. XIII–XIV вв. План

Pic. 20. Bath-house on Antonovka site – Kayalyk town. XIII–XIV cc. Plan

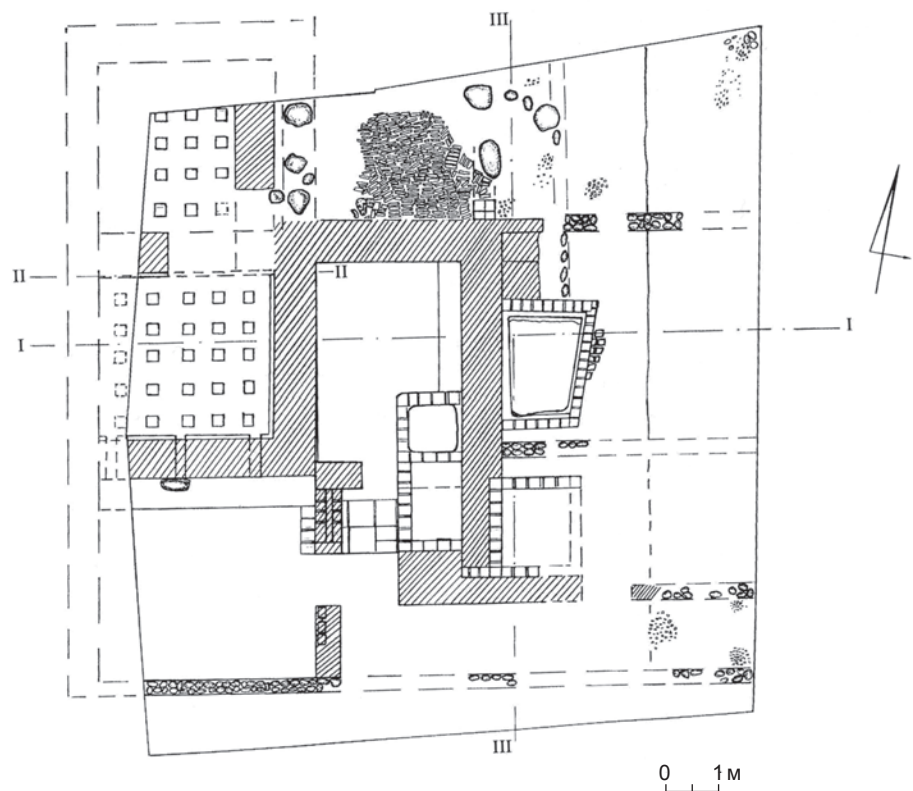
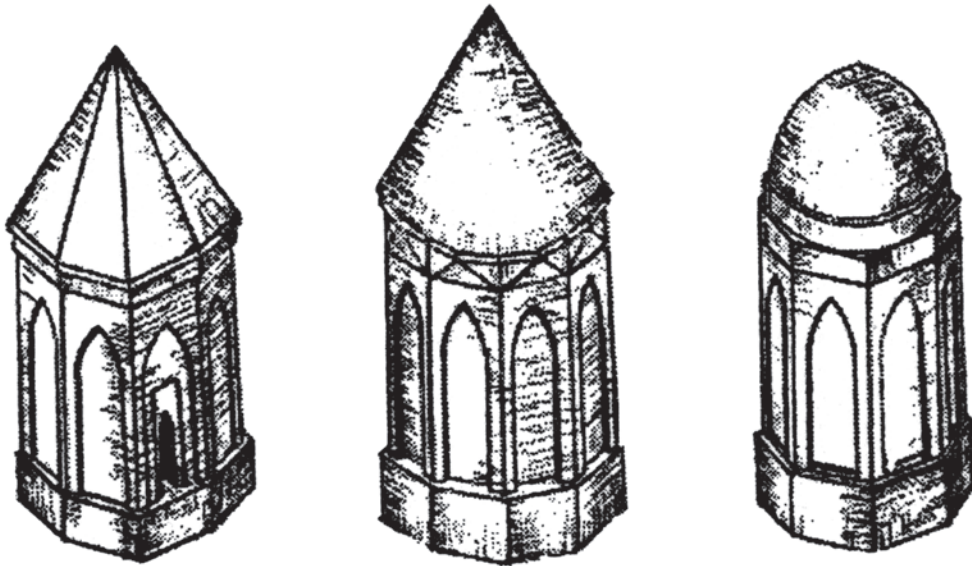
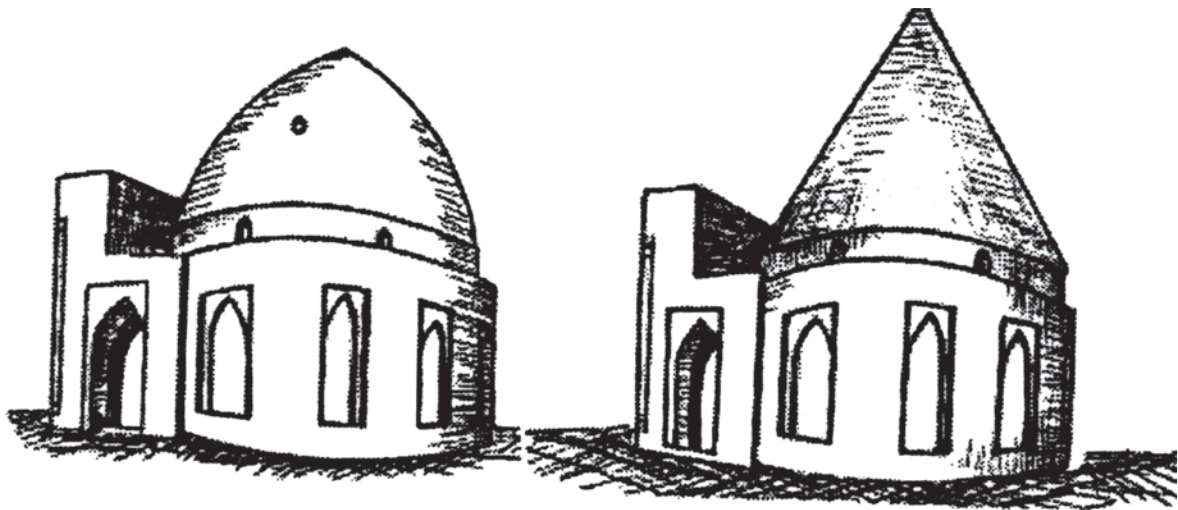

Рис. 21. Баня в с. Екпенды. XI–XIII вв. План

Pic. 21. Bath-house in Ekpendy village. XI–XIII cc. Plan

Мавзолеи Mausoleums

0 4 8 12м

Рис. 22. Варианты реконструкции буранинских мавзолеев. (По Г.А.Пугаченковой). XI–XII вв.

Pic. 22. Versions of Burana mausoleums's reconstruction. (By G.A.Pugachenkova). XI–XII cc.

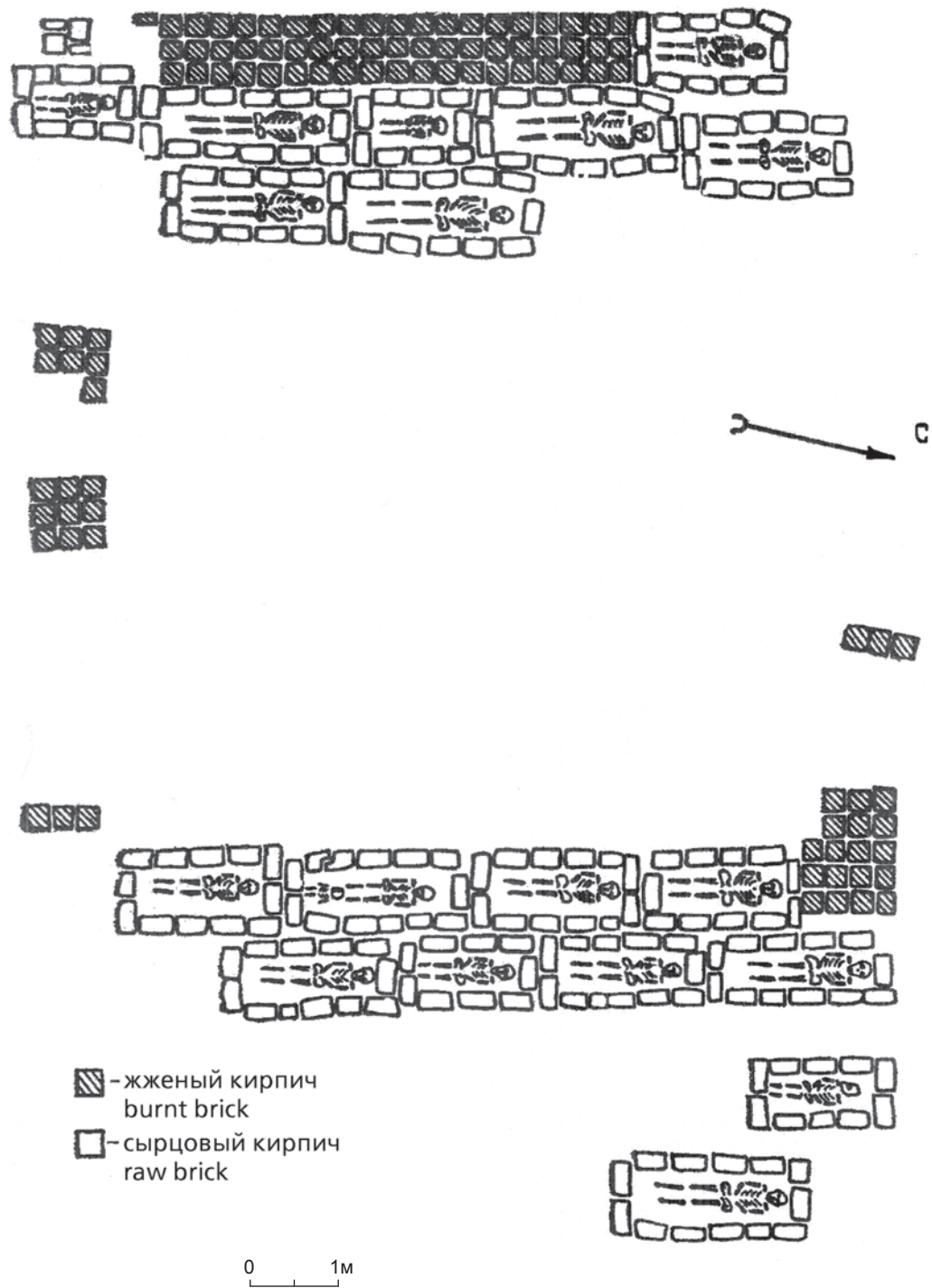

Рис. 23. Городище Отрактобе. План мавзолея. XIII–XIV вв.

Рис. 23. Otrartobe site. Plan of mausoleum. XIII–XIV cc.

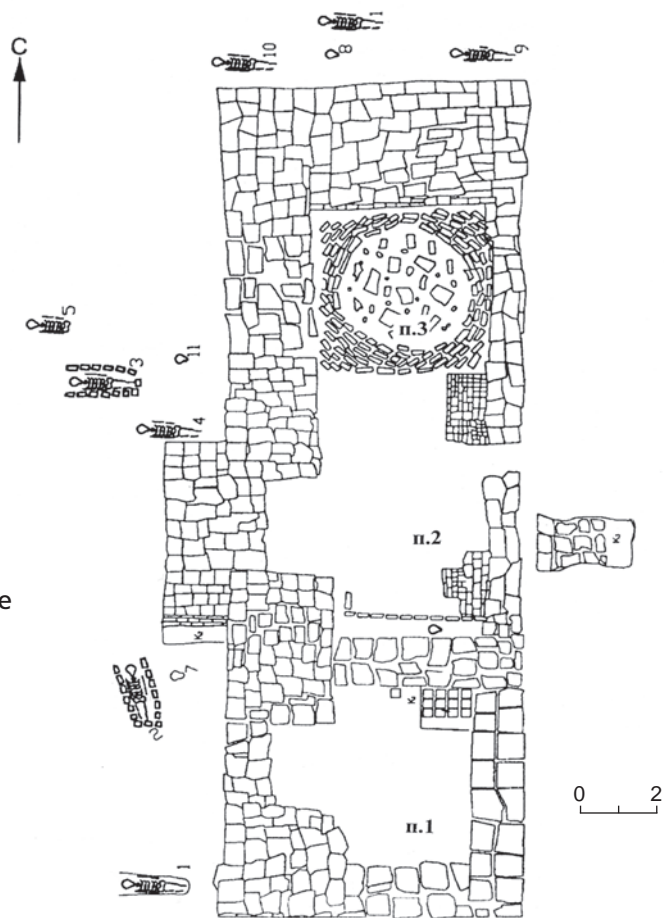

Рис. 24. План мавзолея Кердери I на дне Арала. XIV в.

Pic. 24. Plan of Kerdery I mausoleum on the bottom of Aral. XIV c.

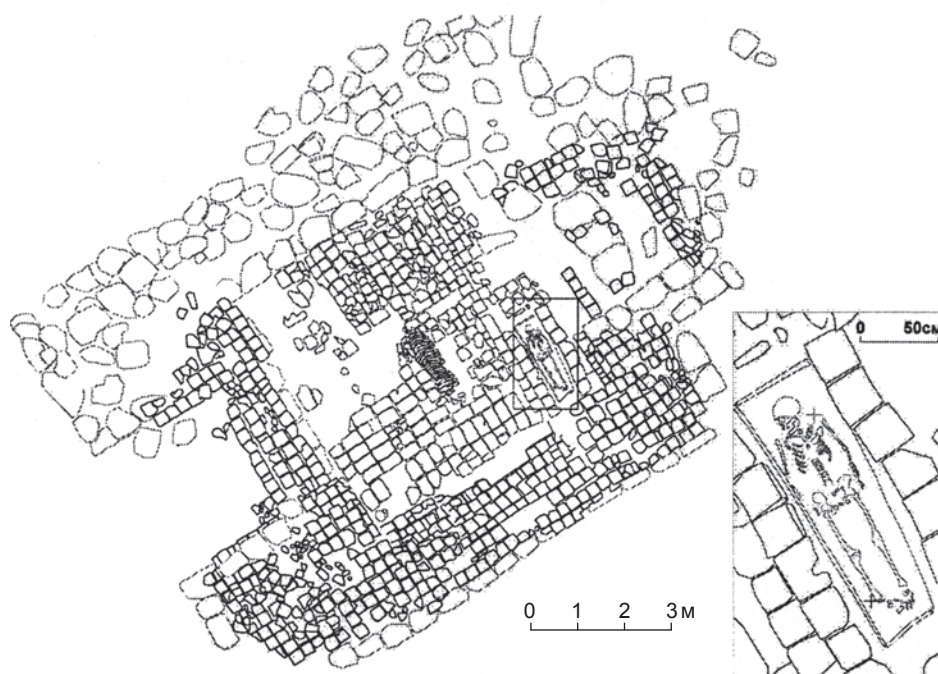

Рис. 25. Городище Арал-Асар. План мавзолея Кердери II

Pic. 25. Aral-Asar site. Plan of Kerdery II mausoleum

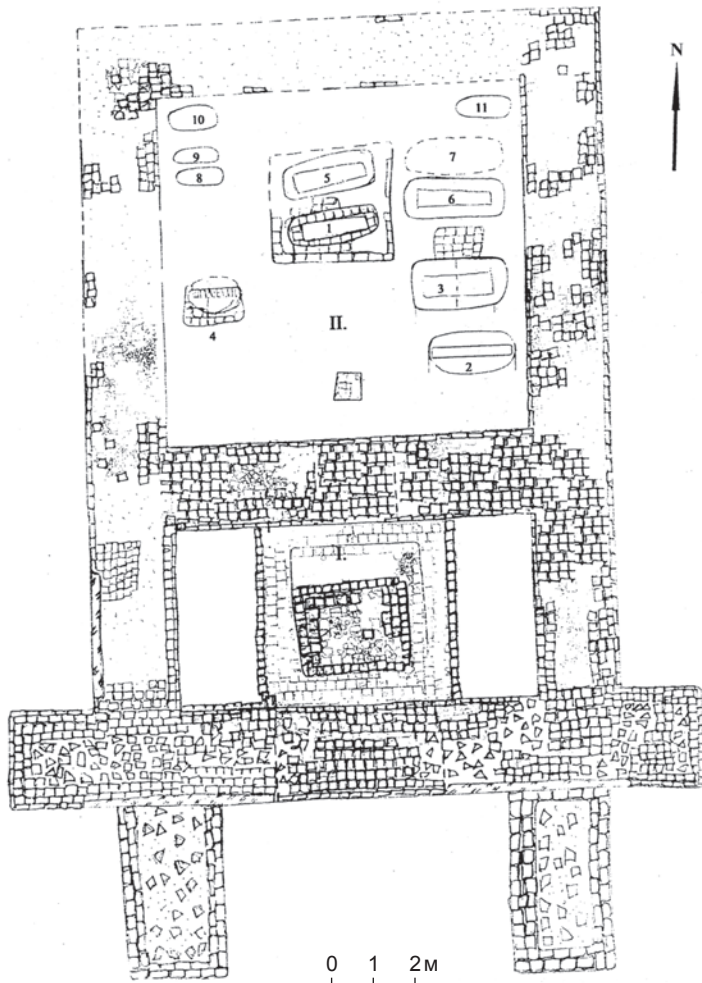

Рис. 26. Городище Жайык. План большого мавзолея. XIV в.

Pic. 26. Zhaiyk site. Plan of big mausoleum. XIV c.

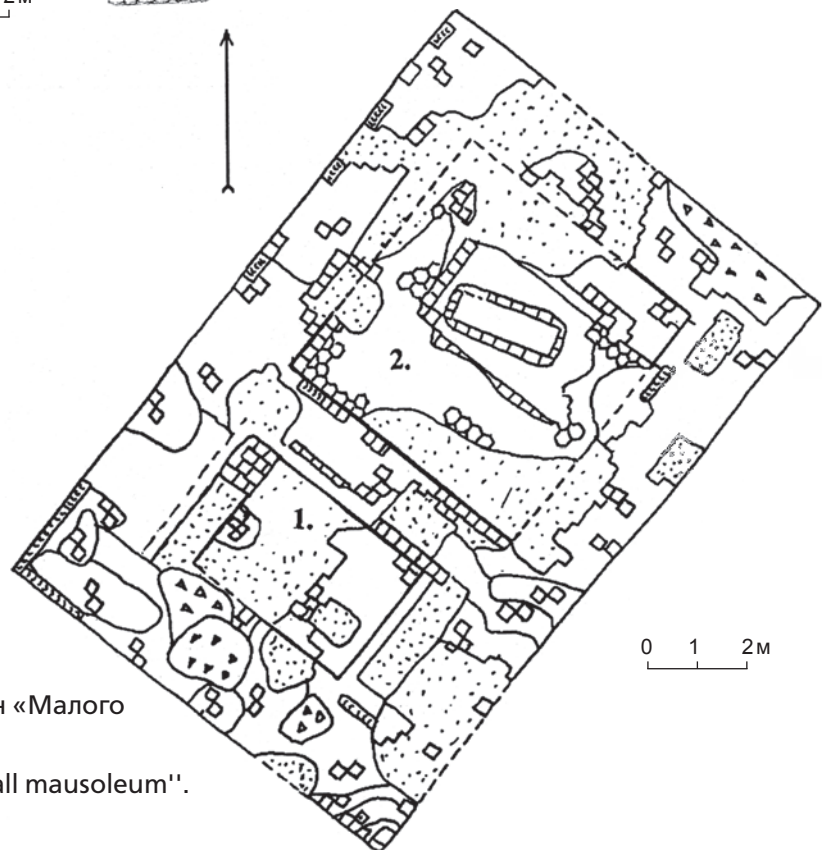

Рис. 27. Городище Жайык. План «Малого мавзолея». XIV в.

Pic. 27. Zhaiyk site. Plan of "Small mausoleum". XIV c.

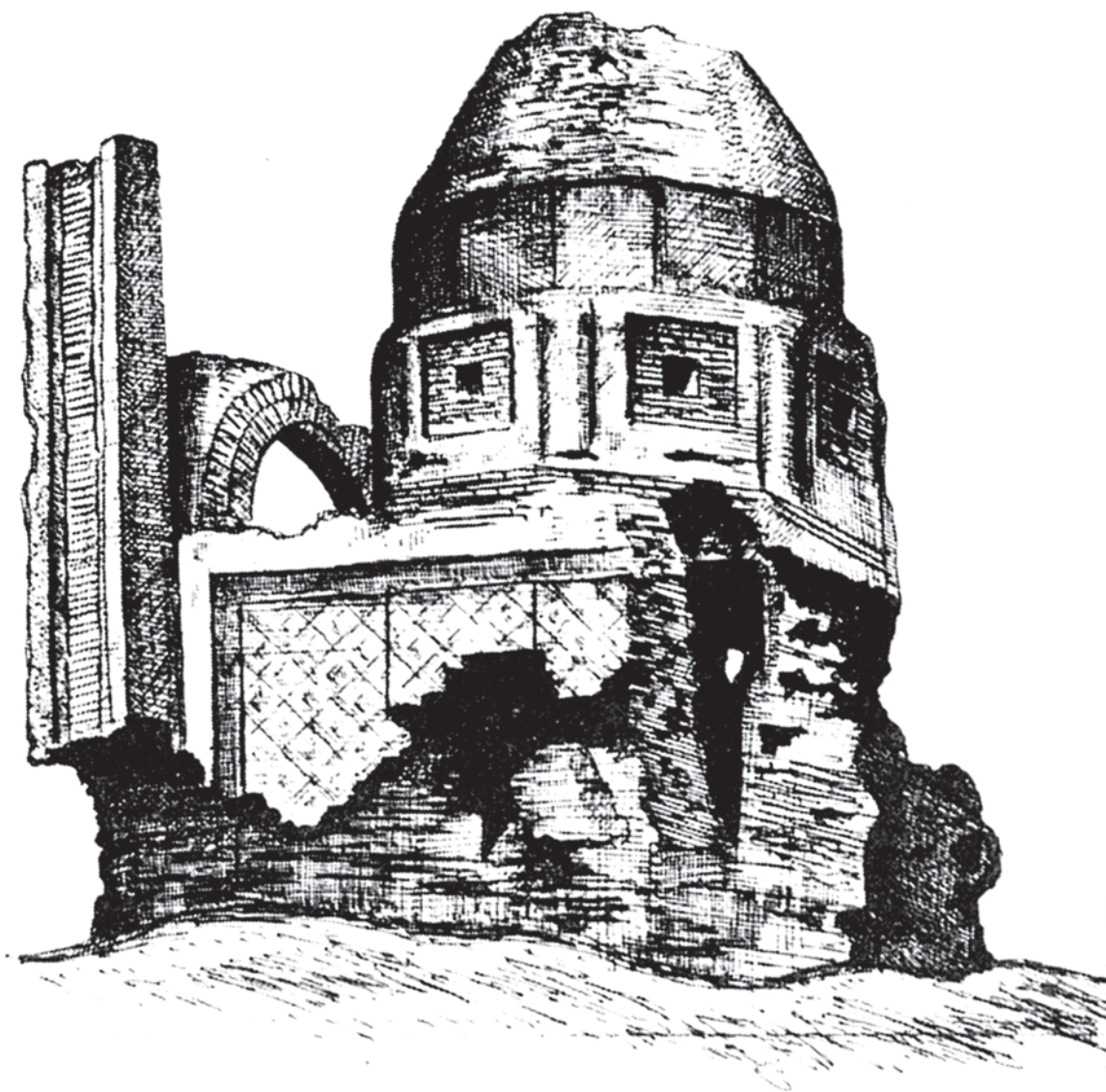

Рис. 28. Мавзолей Кок-кесене вблизи Сыгнака. XV в.

Рис. 28. Mausoleum Kok-kesene near Sygnak. XV c.

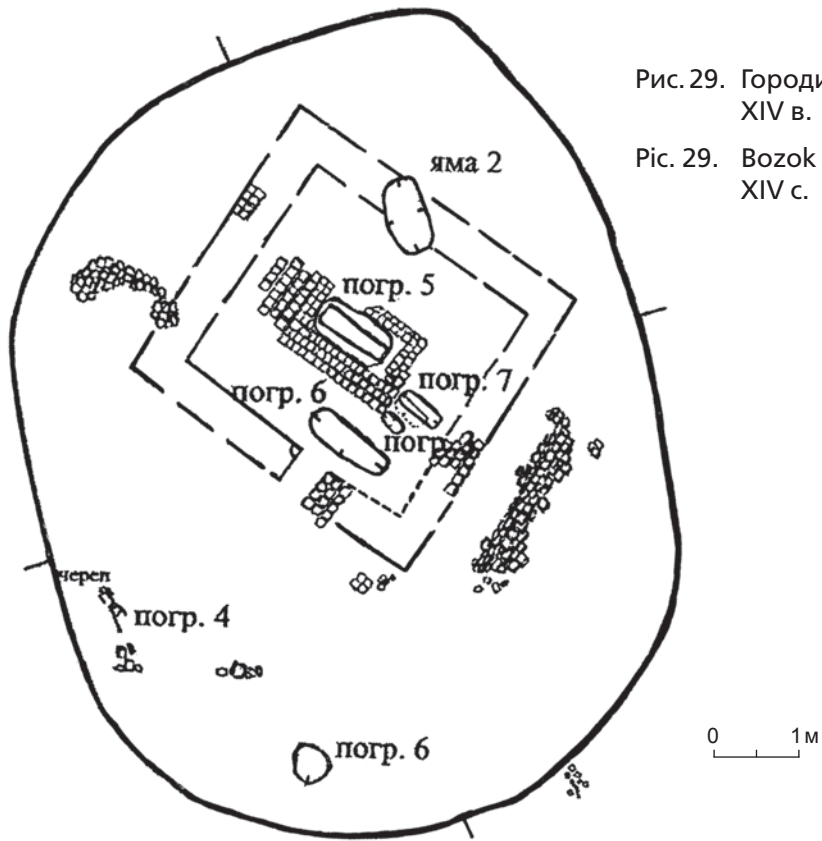

Рис. 29. Городище Бозок. План мавзолея. XIV в.

Pic. 29. Buzok site. Plan of mausoleum. XIV c.

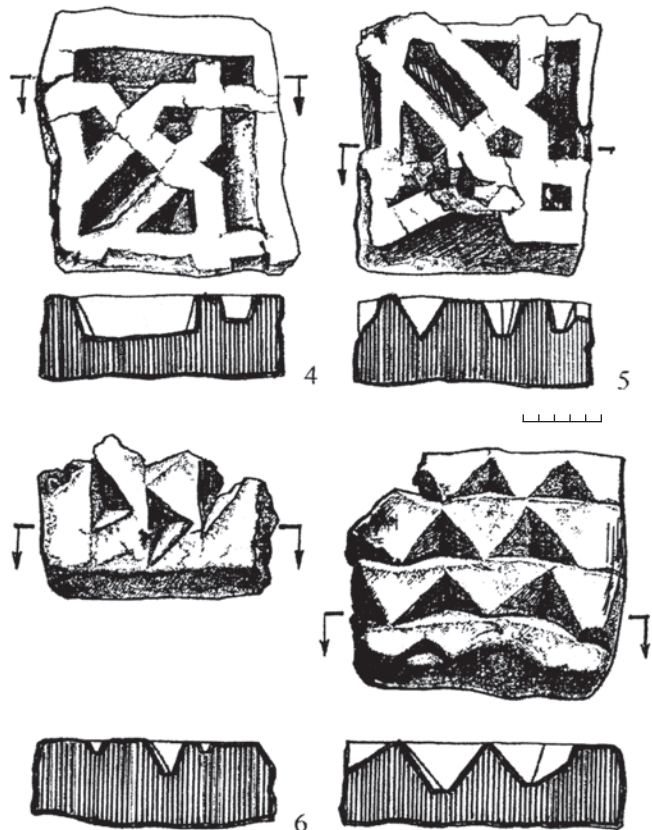

Рис. 30. Городище Бозок. Облицовочные плиты мавзолея. XIV в.

Pic. 30. Buzok site. Decorative tiles of mausoleum. XIV c.

Некрополи Necropolis

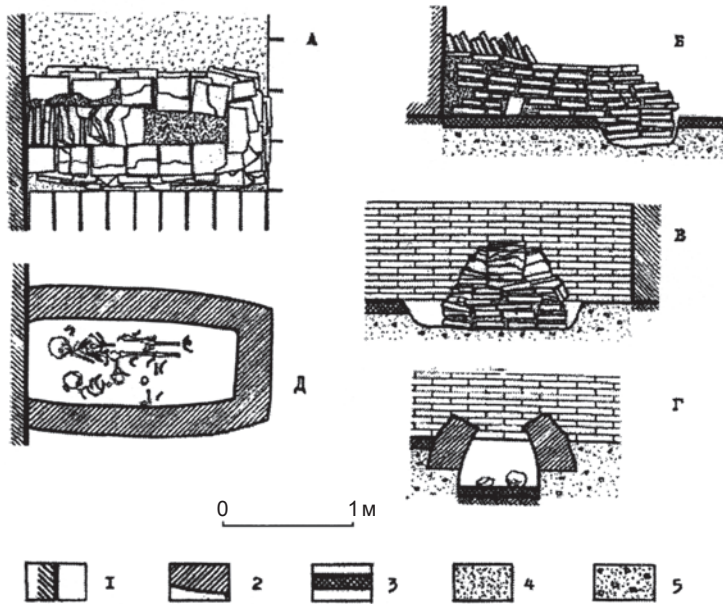

Рис. 31. Городище Бурана. Мусульманские захоронения. XI–XII вв.

Pic. 31. Burana site. Moslem burials. XI–XII cc.

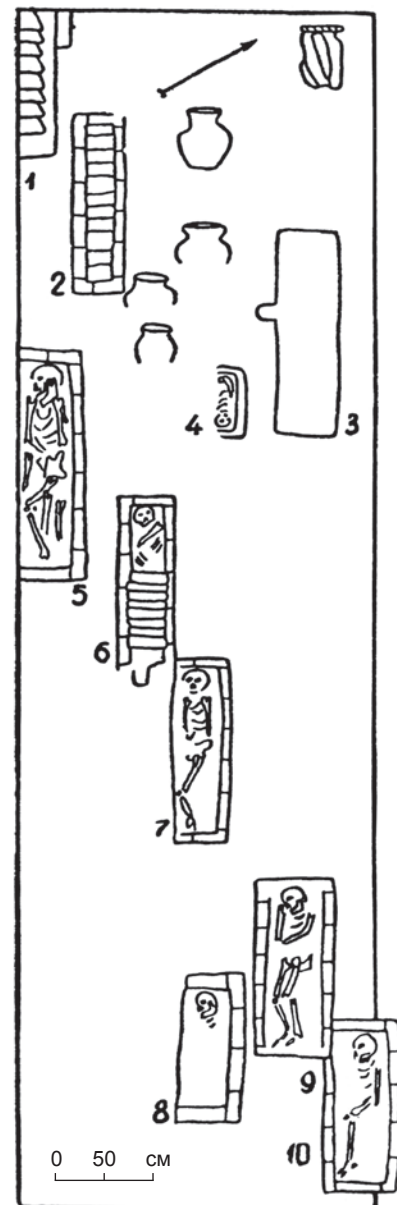

Рис. 32. Городище Куйрыктобе. Мусульманские захоронения. X–XI вв.

Pic. 32. Kuyryktobe site. Moslem burials. X–XI cc.

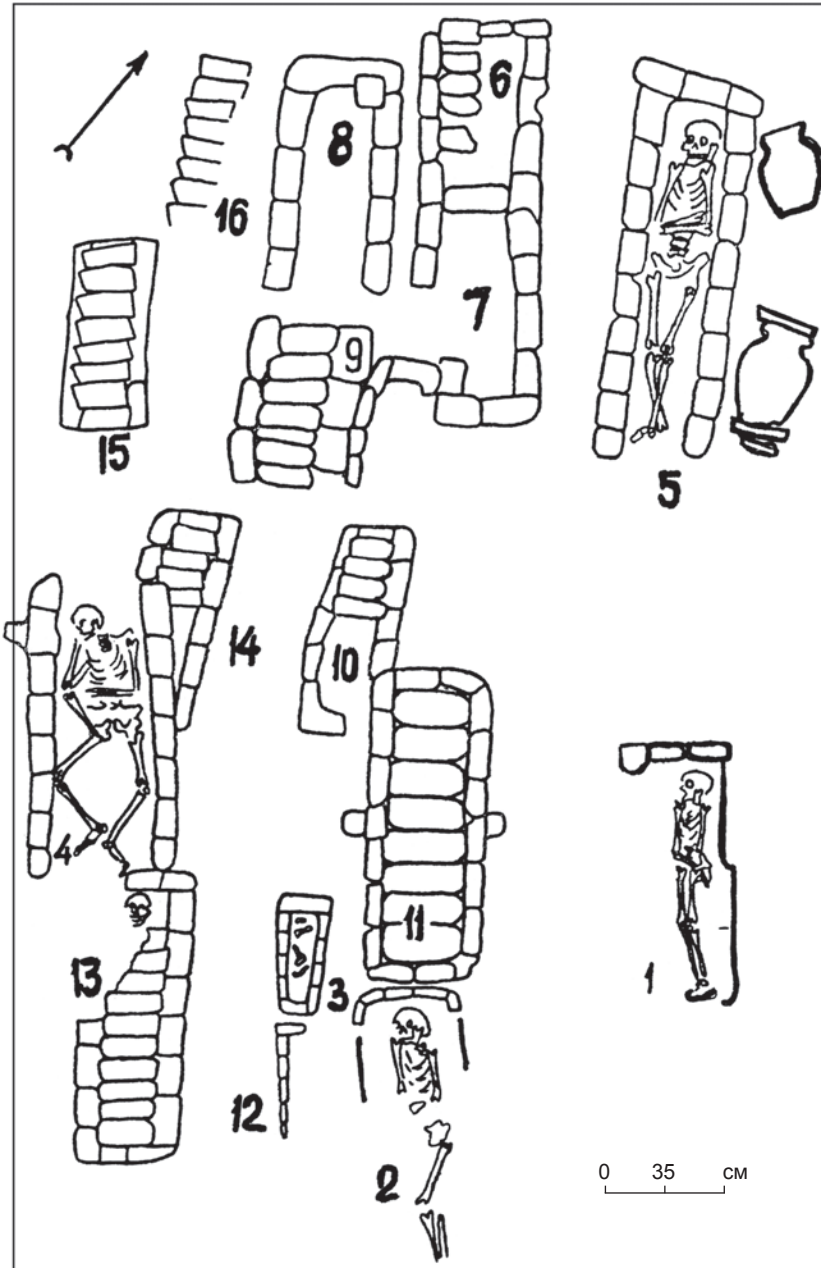

Рис. 33. Городище Куйрыктобе. Мусульманские захоронения

Pic. 33. Kuyryktobe site. Moslem burials

Находки Findings

Рис. 34. Бронзовая накладка на пояс

Pic. 34. Bronze cover plate of belt

Рис. 35. Некрополь Караспан. Намогильный кирпич. XII в.

Pic. 35. Karaspan nekropolis. Burial brick. XII c.

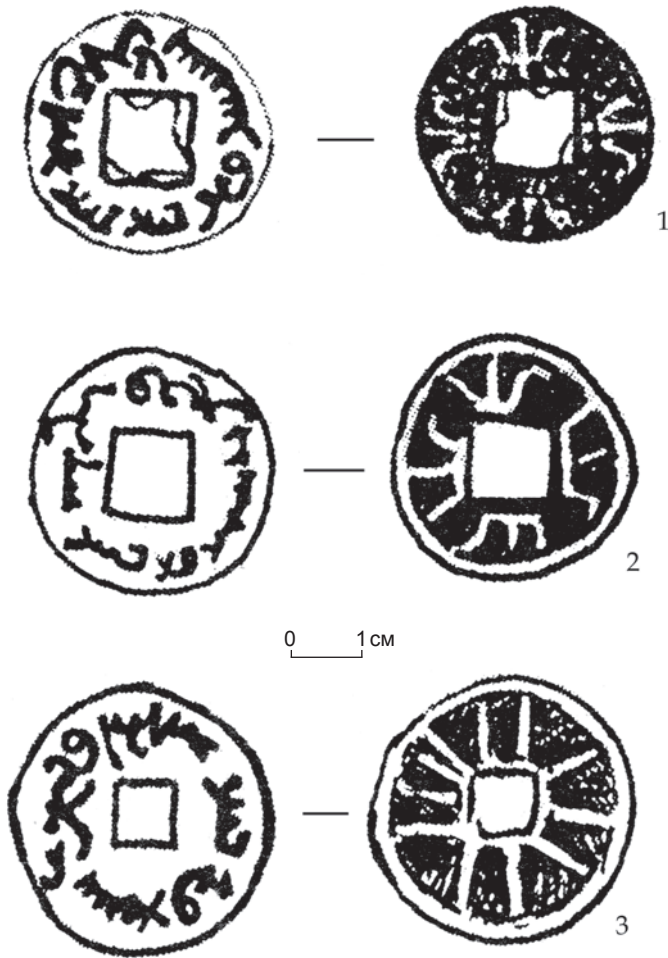

Рис. 36. Монеты Арсланидов. X в.

Pic. 36. Coins of Arslanidians. X c.

Рис. 37. Монеты города Будухкета. XI в.

Pic. 37. Coins of Budukhket town. XI c.

Мечети, медресе, ханака, бани Mosques, medrese, khanaka, bath-houses

1. Акыртас, дворец с помещением мечети. Середина XIII в. Аэрофото
Akyrtaş, palace with the premise of mosque. Middle of the XIII c. Air photo

2. Городище Бурана. Мечеть и мавзолей. Аэрофото
Burana site. Mosque and mausoleum. Air photo

3. Городище Тараз. Городская улица и фасад мечети. X в.
Taraz site. Town street and facade of mosque. X c.

4. Городище Орнек. Столпная мечеть. XI–XII вв.
Ornek site. Column mosque. XI–XII cc.

5. Городище Куйрыктобе – город Кедер и мечеть. X–XII вв. Аэрофото
Kuiryktobe site – Keder town and mosque. X–XII cc. Air photo

6. Городище Антоновка – город Каялык. Мечеть. XII–XIV вв. Аэрофото
Antonovka site – Kayalyk town. Mosque. XII–XIV cc. Air photo

7. Городище Антоновка. Мечеть. Обкладки книги Корана
Antonovka site. Mosque. Covering of Koran book

8. Городище Оtrarтобе. Соборная мечеть конца XIV – начала XV вв.
Otrartobe site. Cathedral Mosque of the late XIV – early XV cc.

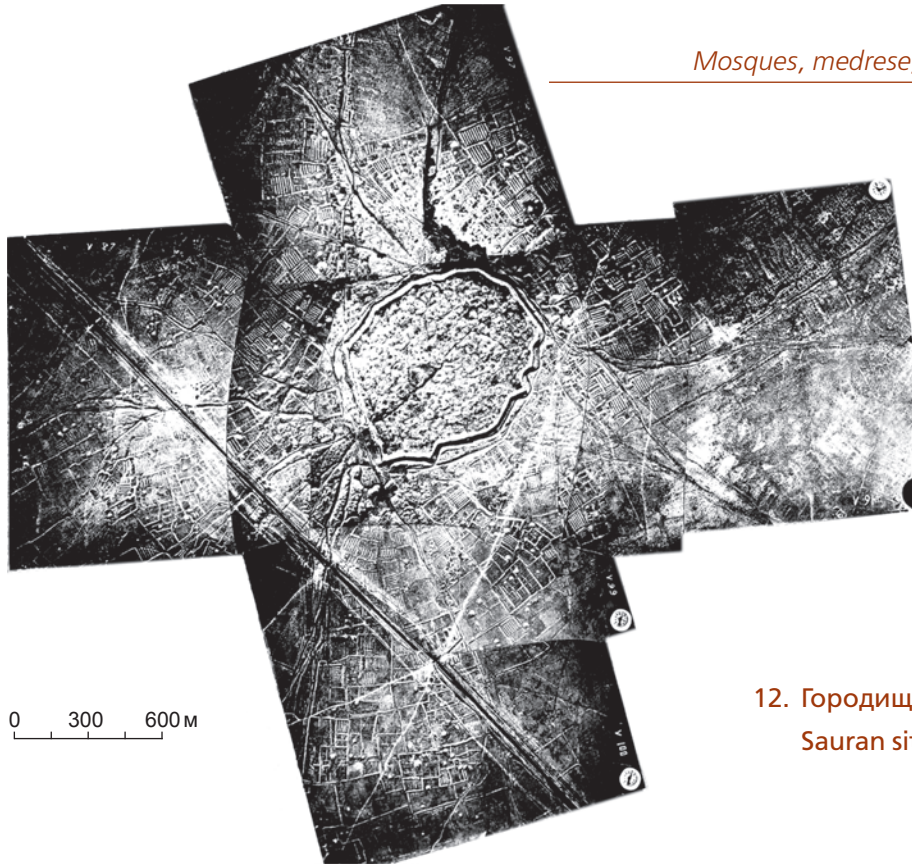
9. Городище Оtrarтобе. Соборная мечеть. Общий вид. Конец XIV – начало XV вв.
Otrartobe site. Cathedral Mosque. General view. Late XIV – early XV cc.

10. Городище Отрартобе. Соборная мечеть конца XIV – начала XV вв.
Otrartobe site. Cathedral Mosque of the late XIV – early XV cc.

11. Городище Отрартобе. Соборная мечеть конца XIV – начала XV вв.
Otrartobe site. Cathedral Mosque of the late XIV – early XV cc.

12. Городище Сауран. Аэрофото
Sauran site. Air photo

13. Городище Сауран. Площадь. Регистан. Аэрофото
Sauran site. Square. Registan. Air photo

14. Городище Сауран. Центральная часть. Аэрофото
Sauran site. Central part. Air photo

15. Городище Сауран. Остатки мечети. XVI в.
Sauran site. Remains of mosque. XVI c.

16. Городище Сауран. Мечеть. XVI в. Консервация
Sauran site. Mosque. XVI c. Conservation

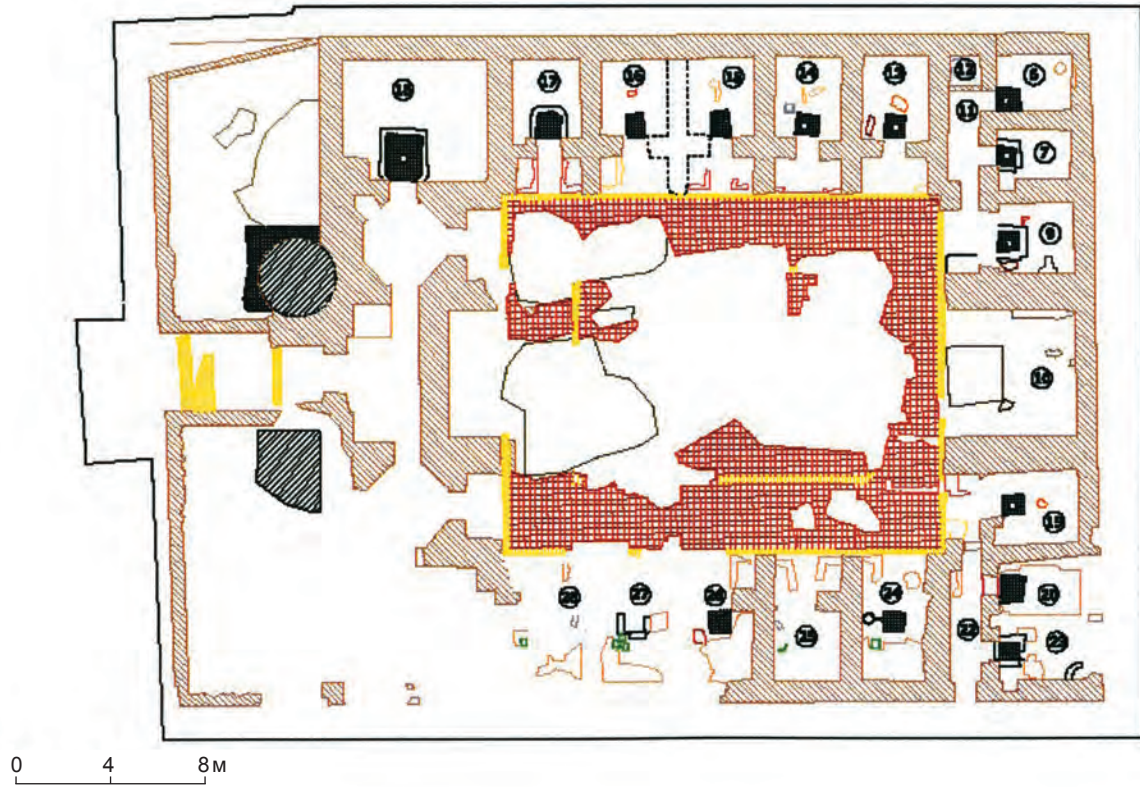
17. Городище Сауран. Айт мечеть. Михраб. XVI в.
Sauran site. Ait mosque. Mikhrab. XVI c.

18. Городище Сауран. Мечеть. XVI в.
Sauran site. Mosque. XVI c.

19. Городище Сауран. Мечеть. XVI в.
Sauran site. Mosque. XVI c.

20. Городище Сауран. Медресе. XVI в. План
Sauran site. Medrese. XVI c. Plan

21. Городище Сауран. Медресе. XVI в. Участок двора
Sauran site. Medrese. XVI c. Section of yard

22. Городище Сауран. Медресе. XVI в. Угловое помещение
Sauran site. Medrese. XVI c. Corner premise

23. Городище Сауран. Медресе. XVI в. Помещение
Sauran site. Medrese. XVI c. Corner premise. Premise

24. Городище Сауран. Медресе. XVI в. Ташпан в помещении
Sauran site. Medrese. XVI c. Tashpan in the premise

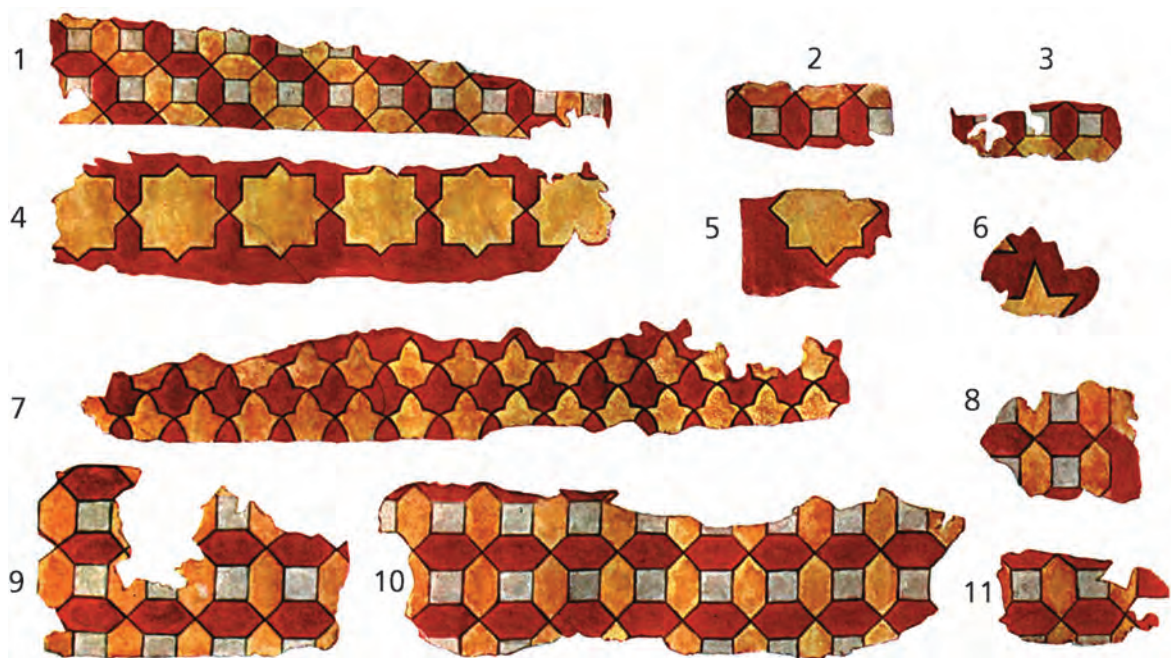
25. Городище Сауран. Медресе. XVI в. Общее санитарно-гигиеническое помещение
Sauran site. Medrese. XVI c. General sanitary-hygienical premise

26. Городище Сауран. Кирпич с надписью из медресе Саурана
Sauran site. Brick with inscription from Sauran medrese

27. Городище Сауран. Ханака. XVI–XVII вв.
Sauran site. Khanaka. XVI–XVII cc.

28. Городище Тараз. Фрески бани в Таразе. XI–XII вв.
Taraz site. Facial tiles of Taraz bath-house. XI–XII cc.

29. Баня в с. Екпенды. XI–XII вв. Остатки гипокауста
Bath-house in Ekpendy village. XI–XII cc. Remains of hypocaust

30. Городище Отрартобе. Баня XIII–XIV вв. Пол санитарно-гигиенической комнаты
Otrartobe site. Bath-house of the XIII–XIV cc. Floor of sanitary-hygienical premise

31. Городище Отрартобе. Баня XIII–XIV вв. Топка и каналы
Otrartobe site. Bath-house of the XIII–XIV cc. Fire-chamer and channels

32. Городище Антоновка. Баня. XIV в. Общий вид
Antonovka site. Bath-house. XIV c. General view

33. Городище Антоновка. Баня XIV в. Ванна
Antonovka site. Bath-house. XIV c. Bath

34. Городище Жанкент (Мынтобе). Мечеть. Облицовки. XIV–XV вв.

Zhankent site (Myntobe). Mosque. Facial parts. XIV–XV cc.

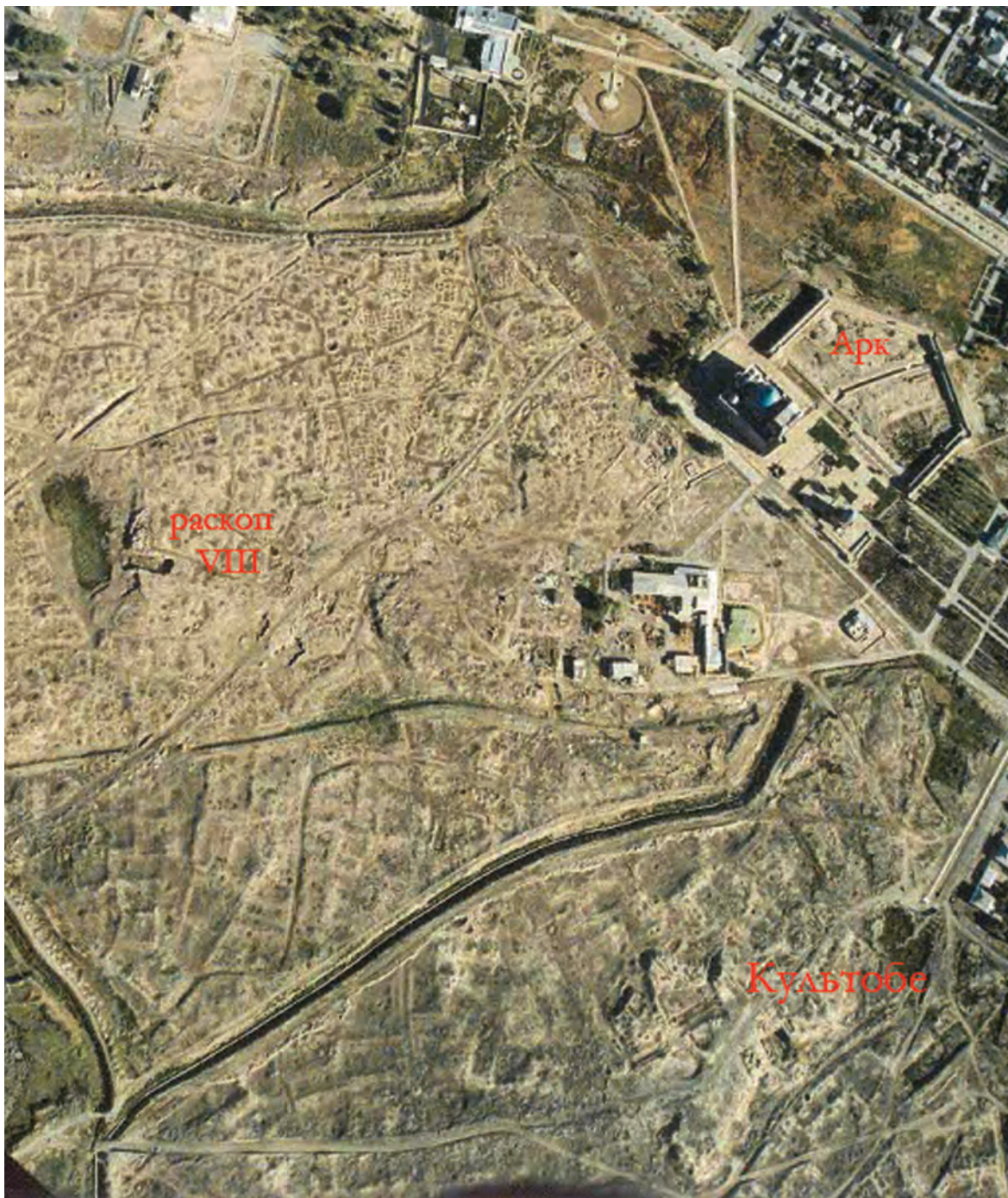
Мавзолеи Mausoleums

35. Городище Каялык. Остатки мавзолеев
Kayalyk site. Remains of mausoleum

36. Городище Каялык. Облицовка мавзолея
Kayalyk site. Facing of mausoleum

37. Городище Туркестан и мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Конец XIV – начало XV вв. Аэро-фото
Turkestan site and Mausoleum of Khodja Akhmed Yassawi. Late XIV – early XV cc. Air photo

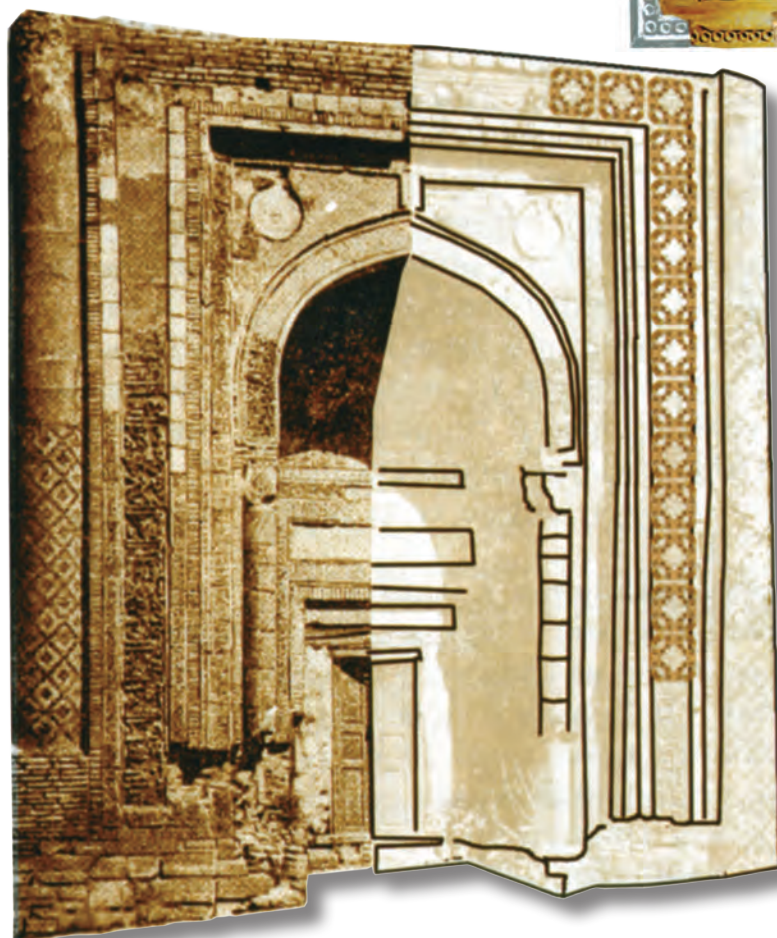
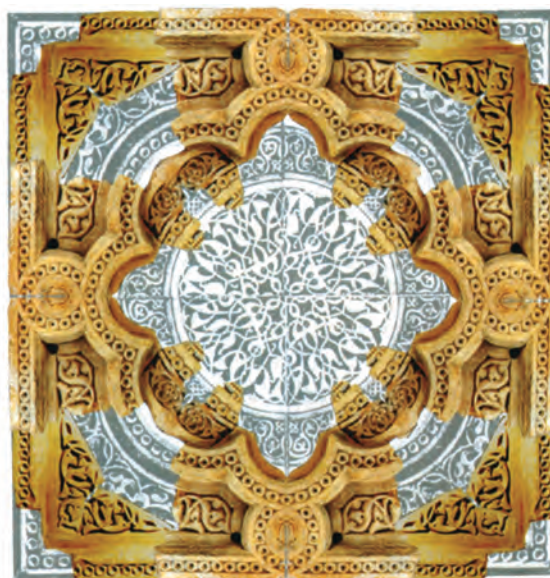

38. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. XII в.
Остатки облицовки

Mausoleum of Khodja Akhmed Yassawi.
XII c. Remains of facial parts

39. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. XII в.
Графическая реконструкция облицовки.
(Реконструкция Г.Камаловой)

Mausoleum of Khodja Akhmed Yassawi.
XII c. Graphic reconstruction of facing.
(Reconstruction of G.Kamalova)

40. Мавзолей Хаджи Ахмеда
Ясави. XII в. Графическая
реконструкция фасада
мавзолея. (Реконструк-
ция Г.Камаловой)

Mausoleum of Khodja
Akhmed Yassawi. XII c.
Graphic reconstruction
of mausoleum's facade.
(Reconstruction of
G.Kamalova)

41. Мавзолей Кердери I. Фрагмент облицовки мавзолея. XIV в.
Kerderi I mausoleum. Fragment of mausoleum's facial parts. XIV c.

42. Остатки мавзолея Кердери II
Remains of Kerderi II Mausoleum

43. Мавзолей Абат Байтак. XV в.
Abat Baitak Mausoleum. XV c.

44. Мавзолей Абае Байтак. Фрагменты мавзолея
Abat Baitak Mausoleum. Fragments of mausoleum

45. Мавзолей Абат Байтак. Расчистка пола
Abat Baitak Mausoleum. Cleaning of floor

46. Остатки мавзолея Кобланды. XV в.
Remains of Koblandy mausoleum. XV c.

47. Остатки мавзолея Кобланды. XV в. Угол помещения
Remains of Koblandy mausoleum. XV c. Corner of premise

48. Городище Жайык. Малый мавзолей. Середина XIV в. (Графическая реконструкция Т.Турекуловой и Е.Смагулова)

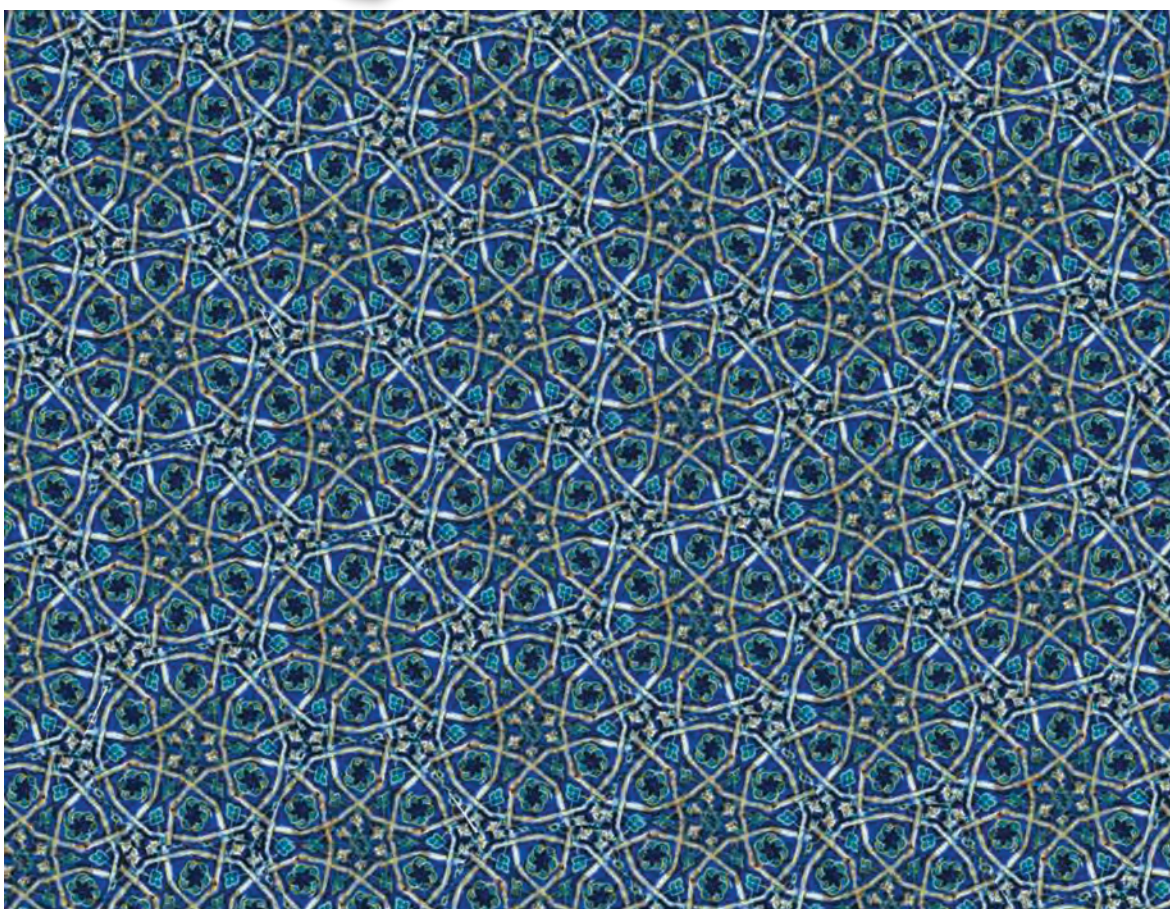
Zhaiyk site. Small Mausoleum. Middle of the XIV c. (Graphic reconstruction of T.Turekulova and E.Smagulov)

49. Городище Жайык. Малый мавзолей. Середина XIV в. Облицовочные плитки
Zhaiyk site. Small mausoleum. Middle of the XIVc. Facial tiles

50. Городище Жайык. Большой мавзолей. Середина XIV в. Облицовочные плитки
Zhaiyk site. Big mausoleum.
Middle of the XIV c. Facial tiles

51. Городище Жайык. Большой мавзолей. Реконструкция облицовки
Zhaiyk site. Big mausoleum. Reconstruction of facing

52. Остатки мавзолея Аулиеколь. XIV в.
Remains of Auliekol mausoleum. XIV c.

53. Мавзолей Жанибек-Шалкар. XV в. Облицовочные плитки
Zhanibek-Shalkar Mausoleum. XV c. Facial tiles

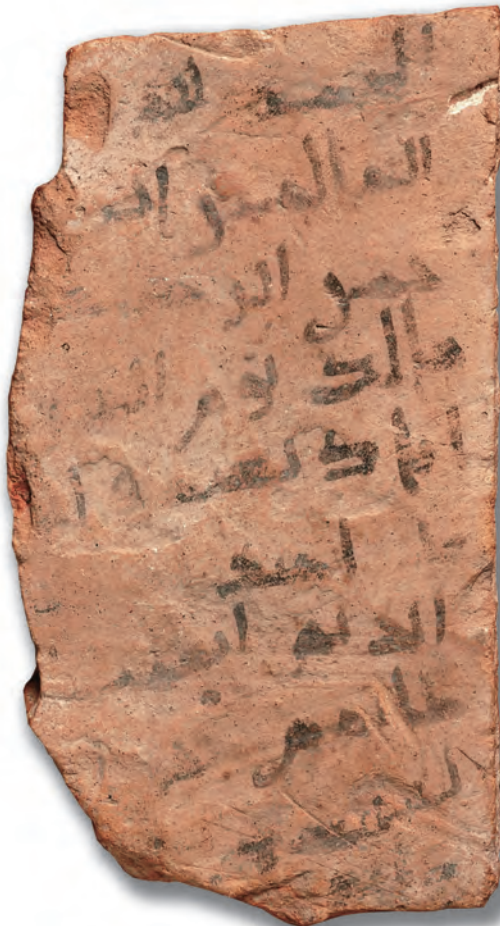
Археологические находки Archaeological findings

0 2 4

54. Городище Луговое – город Кулан.
Фрагмент штукатурки с арабской
надписью. IX–X вв.

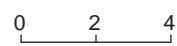
Lugovoe site – Kulan town.
Fragment of plaster with Arab
inscription. IX–X cc.

0 1 2

55. Городище Куйрыктобе – город Ке-
дер. Черепок с арабской надписью.
XI в.

Kuiryktobe site – Keder town. Crock
with Arab inscription. XI c.

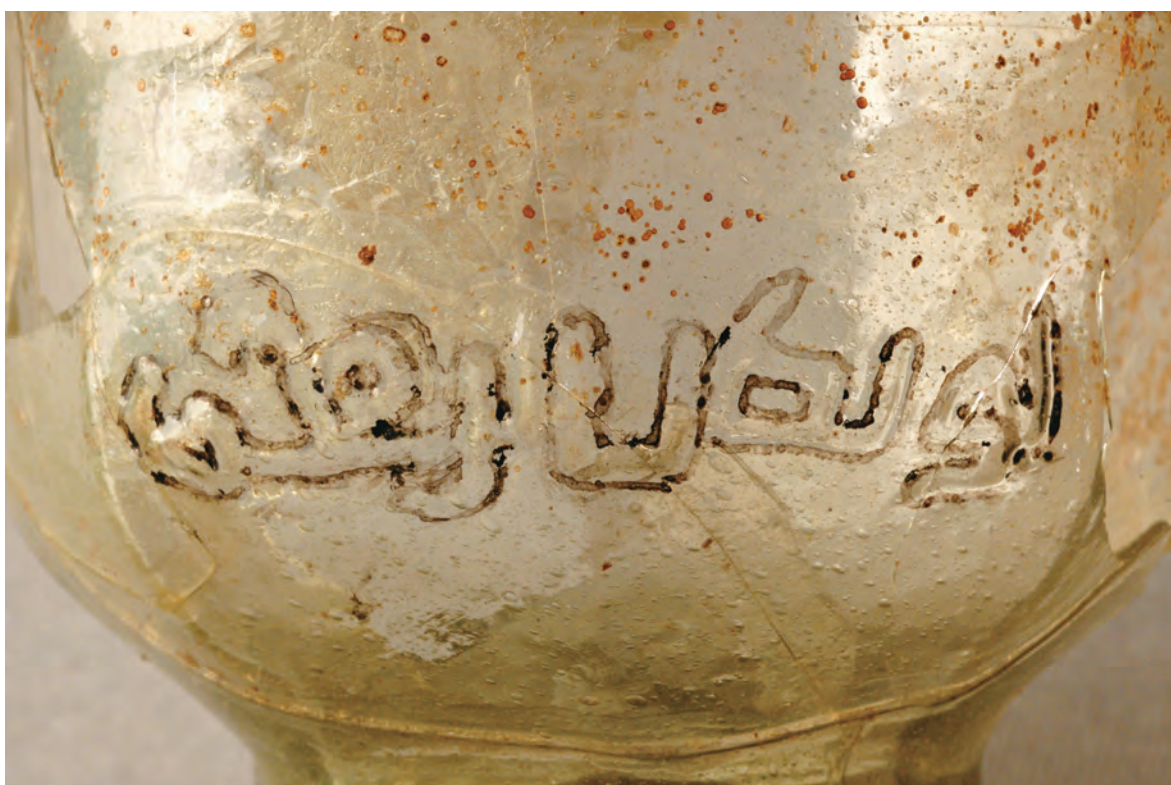

1

2

56. Городище Куйрыктобе. Керамика с арабскими надписями. X–XI вв.
Kuiryktobe site. Ceramics with Arab inscriptions. X–XI cc.

57. Городище Отрартобе. Стекланный кубок с арабской надписью. XI–XII вв.
Otrartobe site. Glass goblet with Arab inscription. XI–XII cc.

0 0,5 1,0 см

58. Бронзовые изделия с арабскими надписями. XI–XII вв.
Bronze articles with Arab inscriptions. XI–XII cc.

59. Бронзовые изделия с арабскими надписями. XI–XII вв.
Bronze articles with Arab inscriptions. XI–XII cc.

60. Бронзовые изделия с арабскими надписями. XI–XII вв.
Bronze articles with Arab inscriptions. XI–XII cc.

0 0,5 1,0

61. Бронзовые изделия с арабскими надписями
Bronze articles with Arab inscriptions

0 0,5 1,0

62. Бронзовые изделия с арабскими надписями
Bronze articles with Arab inscriptions

63. Бронзовые изделия с арабскими надписями
Bronze articles with Arab inscriptions

64. Городище Куйрыктобе. Саманиды. X в.
Kuiyrtobe site. Samanidians. X c.

65. Городище Отрар. Саманиды. X в.
Otrartobe site. Samanidians. X c.

1

65. Городище Отрар. Караханиды. XI в.
Otrar site. Karakhanidians. XI c.

2

66. Городище Куйрыктобе. Караханиды. XI в.
Kuiryktobe site. Karakhanidians. XI c.

3

67. Городище Костобе. Караханиды. XI в.
Kostobe site. Karakhanidians. XI c.

69. Городище Отрар. Хорезмшахи. XII в.
Otrar site. Khoresmshakhs. XII c.

70. Подземная мечеть Шакпак-Ата. Посетительская надпись. XIX в.
Underground Mosque Shakpak-Ata. Visitor's inscription. XIX c.

71. Подземная мечеть Шакпак-Ата. Посетительская надпись. XIX в.
Underground Mosque Shakpak-Ata. Visitor's inscription. XIX c.

К.М. Байпаков

**Исламская археологическая архитектура
и археология Казахстана**

Дизайн обложки
Асель Умарходжиева

Компьютерная вёрстка
Ольга Храмовская

K.M. Baipakov

**Islamic Archaeological Architecture
and Archaeology of Kazakhstan**

Cover design
Assel Umarkhojiyeva

Computer imposition
Olga Khramovskaya

Подписано в печать 08.06.2012
Формат издания А4. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии Mega Basim:
Baha Is Merkezi, Haramidere, Istanbul, Turkey,
www.mega.com.tr

БАЙПАКОВ КАРЛ МОЛДАХМЕТОВИЧ,
Президент Казахстанского Археологического общества,
Почетный директор Института археологии
им. А.Х.Маргулана Министерства образования и науки
Республики Казахстан,
Академик Национальной Академии наук РК,
Доктор исторических наук, профессор.
Специалист в области изучения древней и средневековой
урбанизации Казахстана и Средней Азии

BAIPAKOV KARL,
President of Kazakhstan Archaeological Society,
Honourary Director of A.Kh.Margulan
Institute of Archaeology of the Ministry of Education and Science
of the Republic of Kazakhstan,
Academician of the National Academy of Science of the RK,
Doctor of Historical Sciences, Professor.
Specialist in the field of study of the ancient and medieval
urbanization of Kazakhstan and Central Asia